

Владимир Софиенко

Ожидание в 2000 лет

Повесть, рассказы

Петрозаводск, 2008

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
С11

Художник
Олег Растатурин

*Выражаю искреннюю признательность
Тищенко Сергею Евгеньевичу и Богунову Андрею
Евгеньевичу за помощь в издании книги*

© В.Г. Софиенко, 2008
© О.Ю. Растатурин,
2008

Знакомьтесь, Владимир Софиенко! Жанр фантастики, который он избрал для своего творчества, – непростой, но очень увлекательный, захватывающий, снискавший немало любителей и почитателей.

Владимир родился в 1968 году на Украине, в году приехал в Карелию, и с тех пор его жизнь связана с этим удивительным краем.

Он человек упрямый и целеустремленный. У него большие планы и интересные творческие задумки, которые он надеется воплотить в жизнь.

ISBN

*Светлой памяти отца
Геннадия Николаевича Софиенко
посвящаю*

Ожидание в 2000 лет *Повесть*

Вся изложенная ниже история не имеет ко мне ни малейшего отношения. Моя единственная в ней роль заключается в том, что я отнес найденную рукопись своему другу, редактору одной из тех провинциальных газет, что три раза в неделю выходят небольшим тиражом в таких заштатных городках, где всего-то три-четыре школы, станция пожарной охраны да церквушка, расположенная, как правило, на невысоком холме за окраиной города. Тишина и покой здесь нарушаются только с наступлением предвыборной кампании. Тогда суетливые мальчишки в униформах расклеивают яркие плакаты с улыбающимися физиономиями и призывами голосовать только за того или иного кандидата, а по узким, глухим, мощеным улочкам, благоухающим цветочным ароматом, нарушая провинциальную размеренность, медленно проползает агитационный грузовичок с пропагандистскими транспарантами, плюя из установленного на кабине репродуктора многообещающие лозунги вновь испеченных или чудом удержавшихся на своих постах политиков.

спокойной неторопливой жизнью. Несмотря на то, что мне посчастливилось родиться и вырасти в провинции, большую часть моей сознательной жизни я провел в больших городах. Там я окончил колледж и встретил Мэри. Конечно же, я предлагал Мэри перебраться сюда, ритм крупных городов всегда угнетал меня. Задымленные улицы, ревушие машины, изрыгивающие тонны газа, а особенно люди, равнодушные, с выражением явного превосходства, пугали меня. Но у Мэри были свои планы на этот счет. Ее карьера в отличие от моей профессиональной деятельности (мне бы не хотелось уточнять – какой), шла в гору. Поклонников хоть отбавляй. Фотоагентства (она работает фотомodelью) наперебой заключали с ней контракты. И понятное дело, ей было неудобно за плетущегося за ней на бесконечные брифинги и презентации муженька в вечно помятом костюме, старых туфлях, с перепуганными глазами и довольно тупым выражением лица. Да и меня самого тяготили эти вечеринки с ее неизвестно откуда берущимися друзьями и сомнительными личностями. Чувствовал я себя в таких компаниях неловко и постоянно искал предлога «слинять» с них. Так у Мэри появились новые интересы, новые взгляды на жизнь. И однажды мы расстались. Тогда-то я и решил совсем перебраться в мой родной городок. Собрав свои пожитки, которые уместились в двух чемоданах, и получив расчет в конторе, я уже через семь дней наводил порядок в облюбованном мной домике. Правда, за этим домом закрепилась скверная репутация. Пять лет назад из него таинственным образом исчез хозяин, не оставив после себя ничего, кроме грандиозного погрома. С тех пор там никто не жил. Соседи побаивались этого места и обходили его стороной. Поговаривали, что еще совсем недавно там был замечен какой-то странный тип с толстенной папкой в

руках. Побродив немного вокруг дома, он ненадолго вошел внутрь, а потом незаметно исчез, и его больше никто не видел. Суеверные соседи были уверены, что дом этот проклят. Это же заявлял и мой теперешний сосед мистер Стинг, майор в отставке, ветеран мировой войны. Он был настолько древним, что даже не помнил, какой именно: Первой или Второй. По его словам, он являлся чуть ли не единственным свидетелем в деле по исчезновению Джона Мирроу, прежнего хозяина дома. И теперь, как вежливый сосед, я был обречен при каждой встрече со старым майором терпеливо выслушивать его историю. Каждый раз мистер Стинг делал паузу и с завидным постоянством рассказывал, что в ночь, когда это случилось, шел сильный дождь и он, одолеваемый бессонницей, сидел на веранде в своем любимом кресле, попыхивая трубкой. Неожиданно он увидел Мирроу, который заходил к себе домой, держа под руку молодого человека. Кстати сказать, Мирроу вообще был редким гостем, даже у себя дома. В этом месте своего рассказа майор многозначительно поднимал свой иссохшийся указательный палец. Мирроу вел уединенный образ жизни, и тем необычней было видеть в столь поздний час его напару с каким-то неизвестным типом. Находясь еще какое-то время на веранде, мистер Стинг услышал странные звуки, доносившиеся из дома напротив. Они были недолгими, к тому же шум дождя помешал ему определить их происхождение. Через мгновение раздался сильный хлопок и ослепительная вспышка озарила изнутри весь дом, и затем он погрузился в гробовую тишину. Майор был готов поклясться, что видел, как над домом взметнулся призрачный столб, рассеивая дождь. Через короткий промежуток времени все снова повторилось. Не на шутку перепуганный старый вояка сразу же сообщил в полицию. Но приехавшие на место происшествия полицейские кроме погрома ничего

не обнаружили (едкое хихиканье). Ни хозяина дома, ни его таинственного спутника – никого! Покрутившись еще с неделю, допросив соседей, полиция ничего не нашла, а свидетельствами мистера Стинга просто пренебрегла (здесь он резко вскакивал и негодуяще расхаживал по веранде, нервно выбивая табак из трубки). Дело об исчезновении Джона Мирроу было закрыто. Не сказать, что я любитель таких историй, но цена, предложенная маклером за дом, рассеяла все мои сомнения. И после оформления необходимых бумаг, получив причитающийся ему гонорар, маклер исчез, оставив меня наедине с невообразимым беспорядком. С присущим для меня энтузиазмом я стал старательно вычищать каждый уголок вновь обретенного дома. И чем чище и уютней становилось в моем жилище, тем больше я узнавал о бывшем хозяине дома. Разбросанные личные вещи Мирроу находились в самых неожиданных местах. Впрочем, вещи тоже были самыми разными, от теодолита и геологических инструментов до воинственных масок, копий и луков каких-то племен. Это меня заинтриговало, и я решил побольше узнать о Мирроу, благо бумаг с личными записями здесь валялось предостаточно. Но обилие документов свет на личность их таинственного хозяина так и не пролило. Затратив на изучение бумаг уйму времени, я решил оставить дальнейший экскурс по их содержимому до лучших времен и с охапкой всей этой макулатуры поднялся на чердак. Пробираясь через всякого рода завалы, я тщетно пытался найти место для бумаг Мирроу. Спотыкаясь на каждом шагу и ругаясь сквозь зубы, я медленно приближался к самому дальнему уголку этого чудовищного склада старых стульев, комодов, зеркал, мачете, тростниковых щитов и еще неведь чего. Отчаявшись найти что-либо подходящее, я заметил в углу под толстым слоем пыли старый сундук – идеальное место для хранения любого

рода макулатуры. Он оказался незапертым, и мне без особых усилий удалось открыть его крышку. Через минуту, чихая и отмахивая от себя затхлый воздух, пропитанный нафталином, я с интересом рассматривал содержимое сундука. На самом верху лежала аккуратно сложенная форма лейтенанта ВВС с колодками наград. Под ней перевязанными стопками лежали карты какой-то местности. Одни были начерчены на плотной прозрачной бумаге с пометками на неизвестном мне языке, сделанными, по всей видимости, рукой Мирроу и обозначающими названия особенностей ландшафта. Другие карты были типографскими. Взглянув на них, любой бойскаут сказал бы, что все эти карты – и начерченные вручную, и отпечатанные в типографии – обозначают одну и ту же местность, с неизменно присутствующим на ней озером, разница была лишь в масштабах. Я стал отыскивать карту с английскими названиями. Ею оказалась подробнейшая маломасштабная карта, вроде тех полевых, с которыми работают военные.

В рваной линии, образующей неправильный овал, вырисовывалась надпись: «Титикака». Перебрав в уме все свои более чем скромные познания в географии, мне удалось вспомнить лишь названия пяти материков. С водными пространствами было еще хуже. В голове вертелось только одно из них – Ямайка, и то я не был уверен, река это или водопад. Пообещав себе изучить атлас, я отложил карты в сторону и углубился в содержимое сундука. Из всевозможных справок, докладов, характеристик и рапортов мне удалось узнать, что Джон Мирроу до поступления в Военную академию жил в нашем городке. И по долгу службы длительное время не появлялся здесь. Однако неожиданно он прервал так удачно складывающуюся карьеру, оставил службу и на скопленные деньги снарядил археологическую

экспедицию куда-то в непроходимые джунгли. Надо заметить, что Мирроу имел самое отдаленное понятие об археологии. Все это казалось более чем странным, пока мне не попалась рукопись, лежавшая на самом дне сундука. Забегая вперед, скажу, что она и пролила свет на таинственное исчезновение Джона Мирроу. Там же, на дне сундука, я обнаружил и маленькую пирамидку. Сначала, не придав ей значения, я подумал, что это одна из детских игрушек-головоломок. Но при дальнейшем ознакомлении с ней я понял, что ошибался. Это была изящная вещица, сделанная из какого-то полупрозрачного материала. На каждую ее плоскость был нанесен ряд непонятных мне символов, отдаленно напоминающих иероглифы. Но самым странным в ней было ощущение, которое я испытал, держа ее в своих руках. Она, словно магнит, притягивалась к ладоням. С минуту покрутив пирамиду в руках, я решил приняться за рукопись, справедливо полагая, что именно в ней я найду ответы на вопросы, так распалившие мое любопытство.

Рукопись представляла собой стопку конторских листов, исписанных мелким аккуратным почерком. Она была подписана именем *Боб Дикинсон*.

Я открыл первую страницу...

Глава 1

Тяжелые дождевые капли громко стучали по стеклу и, разбиваясь, медленно, словно нехотя, сползали на карниз,

оставляя за собой извилистый след. За ними устремлялись следующие и, наливаясь тяжелой влагой, срывались с карниза и падали на мостовую, чтобы слиться в единую массу воды, запрудившую улицы. Дождь лил уже вторые сутки, то ослабевая, то с неистовостью набирая силу, и вторые сутки по улицам нашего городка неслись бурлящие потоки воды. Казалось, вот-вот они размоют промокшие насквозь здания и обломки их, как после кораблекрушения, будут нести в неистовых водах, выбивая булыжники с мостовой. В такую погоду мне всегда нравилось быть дома и, укрывшись пледом, наблюдать из окна, как редкие прохожие, заворачиваясь в плащи, пряча головы в поднятые воротники, пытаются перепрыгнуть с одного сухого островка на другой. Вот и сейчас, «грациозно» расставив руки в стороны, скакал какой-то прохожий, сильно смахивая на журавля во время брачного периода. Перепрыгнув в очередной раз через огромную лужу, он вдруг отчаянно замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Но это ему не удалось, и – бац! – он плюхнулся прямо в воду. Она с плеском разошлась под ним и окатила с головы до ног. Прохожий поднялся и обреченно, уже не обращая внимания на лужи, побрел дальше. Нет, ни за какие сокровища на свете я не покину своей комнатухи! Только в такую погоду в полной мере оцениваешь уют своего жилища. И даже тусклый свет одинокой лампы, сиротливо горящей над письменным столом, наполняет тебя уверенностью, вселяя надежду в завтрашний день. Ее мерцающий огонек, кажется, так и нашептывает под шум дождя: «Сдалась тебе эта контрольная! Вот увидишь: Лось заболеет завтра. А ты зря будешь, не смыкая глаз, зубрить всю ночь!». Лось – наш преподаватель по истории в колледже. Его так прозвали не потому, что он был похож на лося, а потому, что он был действительно Лось. Драл он с нас по три шкуры. Весь

колледж протирал штаны в библиотеке, исписывая сотни ручек на рефераты о давно умерших неандертальцах, египтянах, греках, римлянах и других ископаемых. Сидя за очередным таким рефератом, мне казалось, я достиг бы невообразимых литературных высот, описывая мертвое тело Лося. Так вот я знал, что Лось ни за что не заболит, тем более в канун контрольной за год! И вообще я где-то слышал, что лоси никогда не болеют. А так как и охотничий сезон был закрыт, я был обречен на «неуд» по истории. Судьба моя была предрешена, по крайней мере, на эту ночь – мне предстояла ненавистная зубрежка. Заварив себе крепкий кофе, я снова уселся перед окном. Солнце, убаюканное дождем, заходило за горизонт, сгущая над мостовой сумерки, и только одинокий фонарь, висевший напротив моего окна, раскачивался под порывами ветра. Сиротливое желтое пятно, отбрасываемое им на землю, кружило возле столба, выхватывая из темноты то часть тротуара, то часть мостовой. Когда в очередной раз лампа осветила тротуар, я вдруг заметил мужчину, быстро приближавшегося к моему дому. Казалось, он не замечал потоков воды, заливающих его одежду и обувь. Не разбирая дороги, все тем же быстрым шагом он пересек мостовую и направился к парадной моего дома. Из-за надвинутой на глаза шляпы и поднятого ворота плаща я не мог разглядеть его лица. Поздний визит гостя меня заинтриговал. Я стал гадать, к кому в столь поздний час, да еще в такой ливень, мог прийти этот человек. В первую очередь я подумал о молоденькой и симпатичной мисс Стоун. Немного уязвленный таинственным соперником (он наверняка обошел меня по баллам, в столь позднее время я не наносил ей визиты), подошел к письменному столу и одним глотком допил уже остывший кофе. Уже через минуту я отбросил фривольные фантазии мести над незнакомцем и был готов к бессонной ночи для

поглощения исторических дат, метафор, обрядов и цитат. Именно в этот момент и раздался звонок в прихожей. Еще не успев сообразить, что случилось, я открыл дверь. На пороге стоял мой давнишний друг Джон Мирроу. Не говоря ни слова, он отодвинул меня в сторону, быстро разделся и, повесив свою промокшую одежду на мой новый костюм, все так же молча прошел в гостиную. «Вот так, должно быть, и ходят в атаку», – подумал я, зная военное прошлое Джона.

–Ну что, долго еще тебя здесь ждать? – донесся из гостиной голос Мирроу.

Мне ничего не оставалось делать, как идти по следам, оставленным промокшими носками Джона. Он сидел на одном из двух имеющихся у меня в наличии стульев. Жестом Джон предложил мне присесть на другой.

–Мне нужна твоя помощь, – выпалил он, уставившись на меня своими бесцветными, почти прозрачными глазами.

События, происходящие в последние пять минут, обрушились на меня столь стремительно и неожиданно, что осознать их было просто невозможно, по крайней мере мне, что я и продемонстрировал идиотской улыбкой, хлопающими глазами и недоуменным молчанием. Не дожидаясь, пока я, наконец, что-нибудь скажу, Джон поднялся:

–Пошли ко мне. По дороге все объясню. Да, еще, возьми зонтик, кажется, идет дождь. –С этими словами он направился в прихожую. Струйки воды, стекавшие с его одежды, уже успели оставить небольшую лужицу на полу рядом с моей, до блеска начищенной, единственной парой туфель. Возмущенный этим фактом и реально надвинувшейся угрозой покинуть дом, я вновь обрел дар речи.

–Ты хочешь сказать, что явился сюда ночью, чтобы вытащить меня под проливной дождь?! – взревел я. – Ты в своем уме? Завтра Лось из меня чучело сделает, если раньше

я не окажусь в больнице с воспалением легких, – не унимался я. – Джон, пойми меня правильно. Я всегда рад тебе помочь, но в час ночи, под проливной дождь! Даже и не проси, – я решительно скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя отказ.

–Боб, мне действительно нужна твоя помощь, – почти отчаянно сказал Джон. – Когда я тебе обо всем расскажу, ты сам убедишься в этом. Ну же, Боб, не канючь, одевайся, у нас и без того мало времени.– Джон был в явном затруднении.

–Это у тебя мало времени. И еще неизвестно, кто из нас канючит, – пробубнил я, сраженный растерянностью Джона.

Он подошел ко мне и обнял за плечи.

–Дружище, я понимаю, что не вовремя, но без тебя мне не справиться. А больше мне не на кого положиться, – от его самоуверенности не осталось и следа, и передо мной стоял совсем другой, не похожий на Джона, человек. Только теперь я заметил, как сильно осунулось лицо Джона за эти семь дней, что я его не видел. А предательские синяки под глазами говорили не об одной бессонной ночи, проведенной им. Мирроу затравленно смотрел на меня. Нет, это был другой Джон. Тот, прежний, всегда делал то, что ему нужно, и брал, что ему нужно, чего бы это ему ни стоило. И странно, как это он не приделал ко мне чемоданную ручку и просто не вынес под этот несносный дождь, как это делал мой дядюшка с виолончелью, таская ее с собой в любое время на репетиции в оркестр ветеранов войны. По всей видимости, ситуация, действительно, была серьезной. И я, стараясь не думать о дожде и контрольной работе, стал медленно одеваться, подчеркивая этим всю важность моего решения.

–Ты чертов эгоист, Мирроу, – проворчал я. – Еще минуту назад я был уверен, что никакая сила, будь это хоть торнадо, не вытащит меня наружу. Правда, я не учел твоих

способностей. И еще, Джон, причина должна быть очень веской, – увесисто добавил я.

–Вот увидишь, тебе понравится то, что я покажу. Это покажется очень веской причиной даже для твоего Лося, – довольно улыбаясь, он подхватил меня за руку и буквально вытянул из квартиры.

Тугие струи дождя забарабанили по куполу моего зонта, и, подгоняемые резкими порывами ветра, мы почти бегом направились к небольшому домику Джона Мирроу, находившемуся в шести кварталах от моей комнатухи. Мирроу нагло мне солгал по поводу разъяснений. Всю дорогу он молчал, отделяваясь от моих вопросов ничего не значащей фразой: «Сейчас придем» и еще более зловещей «Сейчас увидишь». Он так крепко держал меня за руку, что она затекла: всю дорогу я пытался вырвать ее из этих железных тисков, но безуспешно. Джон, казалось, не замечал моего присутствия. Он был полностью погружен в свои размышления, только нервно посматривал на часы, когда бубнил себе под нос: «Надо успеть». И естественно, я уже был на «взводе», когда мы, наконец, подошли к его дому. Пройдя по вымощенной дорожке мимо аккуратно разбитого палисадника и подстриженных газонов –гордость Джона,– я, наконец, оказался в тепле. Только после того, когда мы, с чашечками дымящегося, свежесваренного кофе в руках, сели возле камина, в котором уютно потрескивали дрова, я немного пришел в себя. И тут Джон взял в руки это...

Так случилось, что я по-особому относился к жизни и меня мало что в ней удивляло. Пожалуй, самый первый раз это случилось со мной в десятом классе, когда я внимательно всмотрелся в зеркало. По правде сказать, отражение нанесло ощутимый удар по моему самолюбию. Второй, когда Дженни из параллельного класса пригласила меня на вечеринку. Ее

родители уехали на неделю в Европу. Утром из ее спальни я вышел с чувством того, что мое самолюбие было полностью реабилитировано. Из встречи с ней я уяснил одну вещь – уж если кто-то и должен переживать за свою внешность, так это женщины. С Дженни я больше не встречался.

Не знаю, какие сюрпризы мне еще уготованы в жизни, но то, что мне показал Джон, меня просто шокировало. Если он хотел пригвоздить меня к креслу, увидеть мою отвисшую челюсть и обмякшее тело или желал предупредить мой скептицизм в самом начале его рассказа, то это ему удалось. Но сейчас, спустя некоторое время, мне кажется, он просто не знал, с чего начать... И начал с самого главного.

Джон держал маленькую пирамидку сантиметров пяти-шести высотой из неизвестного мне прозрачного материала с еле заметными рисунками на ее гранях. Каждую ее верхушку можно было проворачивать вокруг своей оси. Все так же, соблюдая молчание, Джон осторожно стал вращать верхушки. Одни он проворачивал один раз, другие – два (позже я узнал почему). Когда он провернул последнюю из вершин, то в центре пирамиды вдруг появился голубой с серебристым отблеском огонек. Его холодный свет равномерно растекался во все стороны, наполняя собой пирамиду. Достигнув последнего ее уголка, свет стал ярче. Пирамида вдруг вспыхнула, будто рождественская елка, усыпанная искрящимися голубыми арабесками. Мирроу осторожно поставил ее перед нами на пол. Через мгновение, будто найдя выход, из каждой вершины заструились тонкие лучики света. Осторожно прокладывая себе путь, серебряные змейки устремились вверх, свиваясь между собой. Казалось, что это невидимый ткач, переплетая нити света, создает свое полотно. Все быстрее и быстрее они несутся по кругу. И вот уже, как взбесившееся веретено, вихрем кружатся над

пирамидой. Вспомнив свой рисунок и поднимаясь все выше и выше, пучок света метнулся вверх, а потом рассыпался в разные стороны искорками звездочек, и моим глазам предстала девушка, стоящая на полу в голубоватой дымке. Мои немигающие глаза вылезли из орбит настолько, что казалось, я бы смог увидеть свою отвисшую челюсть.

–Боб, это Икью, – вполголоса сказал Джон, явно довольный моим оторопелым видом.

Икью смотрела на меня большими чуть раскосыми глазами. В уголках ее красивого рта с полными губами, будто извиняясь за что-то, угадывалась еле заметная улыбка. Ее длинные, густые волосы свободно спадали на плечи, прикрывая тунику, облегающую удивительно идеальный стан.

–Расслабься, Боб. Это всего лишь голография, – все тем же голосом сказал Джон, видя, как я пытаюсь овладеть своим лишенным жизненной силы телом. –И закрой рот. Тебе это не идет, – с издевкой усмехнулся он.

Джон повернул верхушки пирамиды назад, и видение исчезло – так гаснет экран выключенного телевизора.

–Черт возьми, Мирроу, что это, – наконец я обрел дар речи. –Может быть, объяснишь это... – я лихорадочно подыскивал слова к увиденной картине.

–Фото, Боб, это у них такое фото, ну не только, конечно...

–Что ты мелешь, Джон, какое фото, я же ее за живую принял!

И тут меня осенило:

–Может, это ваши военные штучки? Во что ты вляпался, Джон? Мне не нужны неприятности от правительства, – скороговоркой выпалил я, решительно вставая.

–Боб, не валяй дурака! Выслушай меня сначала, – сказал Мирроу с железными нотками в голосе.

Я пытался еще что-то сказать.

– Да сядь ты! – рявкнул он и достал сигару.

Покосившись на пирамиду, я все же снова опустился в кресло. Свой рассказ Джон начал с того, что прошлым летом решил снарядить экспедицию. Я это отлично помню. Тогда я только окончил первый курс и в поисках подходящей работы на время каникул просматривал газетные объявления. Одно из них меня сильно заинтересовало. В нем сообщалось о готовящейся археологической экспедиции, куда-то в тропики Южной Америки, нуждающейся в рабочих. Не теряя времени, я отправился по указанному адресу, решив совместить приятное с полезным. Тем более что давно мечтал побывать в такого рода местах. Когда я переступил порог офиса, навстречу мне из-за стола поднялся невысокого роста, крепкого телосложения мужчина лет тридцати - тридцати трех. У него была короткая стрижка, чисто выбритое лицо, а из-под нахмуренных бровей на меня смотрели какие-то выцветшие глаза, пронизывающие, казалось, меня насквозь. Это был холодный, взвешенный взгляд человека решительного, знающего себе цену. В довершение портрета надо сказать, что у него был большой орлиный нос, тонкие, плотно сжатые губы и небольшая ямочка на подбородке. Всё это говорило о силе и упрямстве его характера. Так я познакомился с Джоном Мирроу. Он внимательно выслушал меня и ответил на все интересующие меня вопросы, потом мы стали обговаривать нюансы предстоящей сделки. Уладив все свои дела, мы подписали контракт. И уже через три дня экспедиция в составе семи человек отправилась в Южную Америку, в местечко, расположенное близ озера Титикака. К моему глубокому сожалению, я так и не смог в полной мере насладиться всеми красотами этого удивительного края. Зато «прелести» горной болезни я ощутил на себе сполна. Тащась

за индейцами – погонщиками лам, перевозившими наш груз, – я проклинал свою легкомысленность. Но уже на третий день нашего пути, спустившись на равнинную местность, я бодро шагал за Мирроу, не зная, кажется, как и наши погонщики, ни голода, ни жажды, ни усталости. Постепенно мне удалось восстановить некоторую хронологию событий минувших дней нашего пребывания в городке с очень необычным названием (по соображениям личного характера мне бы не хотелось его называть), куда из Лимы нас доставил вертолет, и расположенным недалеко от этого удивительного горного озера. В то время, когда мой организм отчаянно боролся с особенностями местного климата, все остальные члены нашей экспедиции занимались комплектацией недостающего оборудования, скупая в местных магазинах все самое необходимое для успешного завершения охоты за историческими ценностями. Наша экспедиция, кроме всего прочего, еще осложнялась и тем, что конечной её целью были граничащие с Перу джунгли Боливии. И лишь после того, как все тюки были собраны, а формальности с властями улажены, мы выступили в конечный пункт нашего дальнейшего пребывания. У Джона были отличные организаторские способности. Меня всегда удивляло, как он досконально всё просчитывает, придавая значение каждой мелочи. Даже людей он подобрал под стать себе – такая шайка угрюмых единомышленников. Каждый знал своё дело и выполнял его аккуратно, тщательно и без лишней суеты. Один я не вписывался в эту команду. Я то и дело докучал окружающих своими постоянными расспросами о том, что мне делать, и бесполезно крутился под ногами. Наверное, именно поэтому Мирроу и обратил на меня внимание. Моя несобранность, с самого начала раздражающая Джона, потом стала забавлять его. Каждый раз, когда я что-нибудь забывал, он говорил мне:

«Боб, у тебя никогда не будет детей, в самый ответственный момент ты забудешь, где находится твоё оружие». Джон многому научил меня, так я узнал, что он бывший кадровый военный, правда, особо он не любил рассказывать о своей службе в армии, но по тем обрывкам, которые я слышал, понял, что он воевал в этих местах. Я высчитал, что он старше меня на десять лет, холост и жениться не собирается. Нет, конечно, у него есть девушка, но она где-то очень далеко. Еще он сказал, что дед его был русским офицером, иммигрировавшим в США из революционной России. Я уже сказал, что у Джона я многому научился. Знаете, таким маленьким хитростям, без знания которых запросто можно сгинуть в безлюдных местах. Например, как добыть огонь, определить стороны света, раздобыть еды и многому другому. Ему нравилось возиться со мной, - так мы незаметно подружились. Тем временем экспедиция шла своим чередом. Добравшись до выбранного Мирроу места, мы, разбив лагерь, приступили к тяжелой, монотонной работе. И хотя ходило много кривотолков по поводу выбранной Джоном местности, я был уверен в успехе нашего предприятия. Все эти воспоминания пронесли у меня в голове, когда Мирроу после краткого сухого вступления спросил меня:

–Боб, ты не задумывался, почему мы так быстро нашли руины древнего города?

–Но ты же говорил, что прежде чем идти туда, ты «проглотил» тонны научных исследований и примерно знал, где находится эта культура, – ответил я.

–Да ладно, брось, Боб, какая там культура?!

–Это был всего один город, поселение с высокоразвитой технологией. Ты что, разве так и не понял? Это были не индейцы, не белые, не чёрные. Это была совсем другая раса, которую люди не знают. Никто на земле даже не догадывается

о значимости этого некогда существовавшего города. Разве кто-то думал, что мы найдём на этом месте хотя бы каменный наконечник. Но мы нашли целое захоронение когда-то могущественных вождей.

–Постой, Джон, о какой расе ты говоришь? – перебил его я.– Какое захоронение? Ты можешь толком все рассказать? Зачем ты меня сюда приволок? – Я был на грани бешенства.

–О какой расе? – переспросил Мирроу, в его глазах запрыгали бесовские огоньки. – Об этой! – он поднял с пола пирамидку. – Я был там, Боб. Был в этом городе! – нервно теребил он пальцами сигару.

–Когда!? – спросил я, неожиданно переходя на фальцет.

–Не знаю, что тебе и ответить, – задумчиво произнес он. – «Это было давно, это было недавно», – Джон посмотрел на меня. На его скуластом лице, в отблесках пламени, играла странная улыбка. Он смял в своей огромной ладони так и не прикуренную им сигару и яростно швырнул ее в камин. Языки пламени прыгали по дровам, старательно обглаживая каждое полено и оставляя после себя черные шрамы ожогов. Мирроу, после некоторого раздумья, подбросил еще дров, и огонь, на время подавившись, разгорелся с новой силой.

–У нас еще около часа времени, – сказал он, посмотрев на часы.

–Ну что ж, постараюсь успеть, – Джон достал еще одну сигару и, поудобней расположившись напротив меня в своем кресле, стал рассказывать о том, что предшествовало нашей экспедиции...

Глава 2

Сначала появилось маленькое пятнышко света. Оно стало расти, постоянно вздрагивая и меняя свои очертания, словно солнечный зайчик, суетливо прыгающий на одном

месте. Возле него показалось второе, третье, четвертое. И вот их уже неисчислимо количество кружит рядом друг с другом в каком-то неистовом танце, иногда сливаясь вместе лишь для того, чтобы тут же разойтись вновь. Затем пришла боль. Нарастая все сильнее, она вырывала Джона Мирроу из забытья. Вместе с вернувшимся сознанием на него обрушилась тишина тропического леса. Лишь редкие крики птиц да осторожный шорох живности в кустах нарушали ее. Джон огляделся. Он лежал на спине, под каким-то могучим деревом. Его мощный ствол уходил далеко ввысь и терялся среди лиан. Несмотря на то, что был полдень, Мирроу окутывал полумрак. Яркие солнечные лучи с трудом пробивали себе дорогу сквозь паутину лиан, нависших между кронами деревьев. Их побеги, словно щупальца огромного спрута, переплетаясь между собой, ползли от дерева к дереву, рассеивая свет, с жадностью пожирая его.

«На райские кущи не похоже, – подумал Джон после очередного приступа боли, судорожной волной прокатившейся по всему телу. – Значит, я еще жив». Он закрыл глаза, пытаясь мысленно воспроизвести все случившееся с ним. На память лейтенант ВВС, прослуживший уже чуть более пяти лет, не жаловался. Вот и сейчас он восстановил сегодняшний день по минутам.

Утром его вызвал к себе полковник Веберли Свинсон – старая хитрая лиса. Еще со времен Вьетнама он командовал вторым батальоном «Грифов», в котором служил Джон. Ходили слухи, что он мог давно стать маршалом, если бы не его строптивый характер. В Пентагоне не любили таких, как Свинсон. И понятное дело, не было такого захолустья, куда бы ни направили «Грифов» для исправления очередной тактической ошибки какого-нибудь пентагоновского генерала.

Веберли Свинсон принял Джона у себя в кабинете. Глядя

на него единственным прищуренным глазом, полковник сразу перешел к делу.

– Лейтенант, через тридцать минут Вам надлежит вылететь в квадрат сорок семь бета для обнаружения противника.

– Есть, сэр, – чеканя слова, ответил Джон.

– Подойди-ка сюда, Мирроу, – старый полковник склонился над своим столом. Перед ним лежала карта района, куда предстояло вылететь Джону для выполнения очередного боевого задания.

– Ты обнюхаешь всю эту зону. Особенно покрутись вот здесь, – полковник ткнул костяшками своих пальцев возле голубой змейки, пересекающей северо-западный угол интересующего их квадрата.

– Но, сэр, там же нет партизан. Это же...

– Знаю, Мирроу, – перебил его Свинсон.

– Но эти штабные крысы, – полковник кивнул головой в сторону окна, за которым виднелся новенький блестящий «Хаммер», а рядом с ним стоял не менее «блестящий» майор, поминутно отряхивающий мундир от невидимой пыли, – хотят, чтобы прочистили именно здесь. *НАСА* зарегистрировало в районе этой реки какое-то аномальное явление. Возмущения магнитные, что ли? Ну, в общем, я не специалист, – сморщил свое черное от загара лицо полковник. – Ну а разведке... разведке, как всегда, захотелось сунуть свой вездесущий нос в задницу матери-природы. Полученные снимки со спутника ничего не дали, так что разнохивать, как всегда, придется нам. И, в частности, тебе.

Полковник, заложив за спину руки, вышел из-за стола. Он был намного старше Джона, но, несмотря на свой возраст, пребывал в отличной физической форме. Подойдя к Мирроу, он «зацепил» его своим глазом.

–Задание повышенной секретности, поэтому полетишь один.– После короткой паузы он повернулся к карте.– Вот здесь, – полковник снова склонился над картой, тыча пальцем в район предстоящих действий, – будут отвлекающая группа «Чарли один» и группа прикрытия «Чарли два». «Чарли один», по необходимости, поднимет шум. Черт их знает, где эти повстанцы, – раздраженно бросил полковник. –Связь ни с кем поддерживать не будешь, – уже спокойно продолжил он, – тебя будет вести «Чарли два». Кроме того, нам передают взвод морской пехоты, на случай, если случится какая-нибудь заварушка и тебя придется вытаскивать из неприятностей. – Он прошелся по кабинету, и, уставившись в окно, о чем-то задумался. Джон никогда еще не видел его таким: что-то тревожило «старика» (так иногда между собой называли его пилоты).

–Мн-да-а, – протянул полковник, отвечая каким-то своим мыслям. – Не нравится мне вся эта затея.

–В ЦРУ считают, что повстанцы испытывают там какое-то новое оружие на радио-магнитных излучениях. Хотя, по мне, вся эта история выеденного яйца не стоит.

–Тогда что же там, по-вашему, сэр?

–По-моему? Хе, – крикнул полковник. – По-моему, ты столкнешься с чем-то другим, и это будет поопасней партизан. Будь осторожен, Мирроу, – добавил он.– Твоя задача только прочистить этот квадрат. Что бы там ни было, сразу возвращайся назад. Там умники из НАСА дополнительно шпигуют твой вертолет какими-то коробками. Говорят, для лучшего слежения за тобой со спутника и для характеристики этого чудо-оружия коммунистов. Так что если что-то и случится, то мы будем знать, из какой дыры тебя вытаскивать.

–И запомни, ты нужен мне только живым. Считай, что это приказ! – полковник хотел еще что-то добавить, но

передумал. Он протянул руку Джону:

–Удачи тебе, сынок.

–Спасибо, сэр, – ответил тот, пожимая сухую загорелую руку Свинсона.

Машина, действительно, была снабжена приборами, из-за чего места для двух пассажиров были демонтированы. После короткого инструктажа майором из ЦРУ, которое состояло из двух предложений: «Не трогать» и «В случае опасности уничтожить приборы», Мирроу поднял свой «Кайова» и, сопровождаемый двумя «Апачами» из группы прикрытия, лег на заданный курс. Вскоре «Чарли один» и «Чарли два» ушли в сторону, предоставив Джона самому себе.

Больше получаса его вертолет обшаривал джунгли, и, в последний раз обследовав берег речушки, Джон решил повернуть на базу. Внизу, сражаясь за каждый живительный луч солнца и протягивая к нему свои кроны, стояли деревья. Окутанные лианами, они, казалось, росли под огромной маскировочной сетью, и лишь многовековые гиганты, прорвав ее, величественно возвышались зелеными островками над этим бесконечным морем тропиков. Красота джунглей была привычна Джону. Он наблюдал за ней довольно часто, и не только с трехместного туристского самолета, а с борта боевой машины, ежеминутно ожидая смертоносного огня партизан из предательских зарослей. К этому просто невозможно привыкнуть, и, как ни готовься, нападения каждый раз бывают полной неожиданностью. Все случилось за считанные секунды. Сначала задребезжали на разные лады приборы, установленные специалистами НАСА. Вслед за ними взбесились стрелки приборов на доске панели, хаотично вращаясь то влево, то вправо. Кабину залили сполохи красного света, сопровождаемые резким, раскатистым зуммером тревоги. В последнее мгновение

Джон успел увидеть неотчётливое марево, плотным столбом поднявшееся из джунглей. Оно напоминало испарение земли от жаркого полуденного солнца. Машина сильно завибрировала, одновременно устремившись в поток испарений. Все усилия Мирроу заставить ее подчиниться себе были тщетны. Вертолет ворвался в этот поток, его опрокинуло навзничь и по спирали потащило вниз, словно по нарезной трубе гигантского пылесоса. «Неужели это все?!» – промелькнуло в голове у Джона. И в следующее мгновение яркая вспышка света вместе с сильным хлопком погрузили его в пустоту.

Да, именно так все и было. Но что, черт побери, с ним случилось? Голова разламывалась от боли, и, чтобы сосредоточиться, Джон сдавил ее руками. Облегчения, на которое он рассчитывал, не наступило, как, впрочем, ясности картины случившегося тоже. Сотни мыслей проносились в гудящей, словно майский улей, голове Джона – одна невообразимее другой, как вдруг через этот болезненный звон до Мирроу откуда-то сверху донесся странный устойчивый звук, явно не соответствующий месту, где он оказался. Военная выучка сработала безукоризненно. Пока глаза Джона искали раздражитель, правая рука его молниеносно выхватила пистолет из кобуры, привела боек в боевое положение и захватила на мушку цель. Это была дверца его «Кайовы». Она чуть поскрипывала, раскачиваясь из стороны в сторону. Джон криво усмехнулся и засунул оружие обратно в кобуру. Его вертолет, запутавшись в лианах, лежал на боку, метрах в пяти, повиснув над тем местом, где на земле лежал Мирроу. «Это то, что называется везением!» – подумал Джон, обшаривая себя руками. – «Свалиться с такой высоты и отделаться парой ушибов». На видимой части корпуса машины он тоже не заметил повреждений, только из кабины доносилось

характерное потрескивание замкнувшей электроцепи. «Ладно, потом разберемся», – сам себе вслух ответил Джон на вопрос о случившемся. Если верить Свинсону (а он человек слова), то морская пехота уже должна быть на полпути к нему. Черт, сколько же он пролежал без сознания? ЦРУ и НАСА по спутнику заполучили интересующую их информацию, так что эту часть задания он выполнил. На очереди была другая и, пожалуй, самая сложная – остаться в живых. Находиться на месте катастрофы было опасно, могли прийти повстанцы. Ему оставалось только одно – надежно укрыться в зарослях и при появлении «Чарли-два» обнаружить свое место нахождения. Джон попробовал встать, но тут же опустился на землю. Он был еще слишком слаб. Разноцветные радужные круги плыли у него перед глазами.

Отдышавшись и подавив тошноту, подступавшую к горлу, Мирроу, опираясь о ствол дерева, все-таки поднялся. Обернувшись, он невольно вздрогнул. За ним стояли индейцы, вооруженные копьями. «На съемки какого вестерна, интересно, я попал?» – подумал Джон, глядя на их разрисованные физиономии. Индейцы были одеты в искусно украшенные вышивкой одежды, состоящие из длинной юбки и какого-то подобия рубашки. Джон попятился, но путь к отступлению был уже отрезан. Его окружила дюжина молодцев. Один из индейцев – видимо, предводитель, – издавая гортанные звуки и при этом эмоционально жестикулируя руками, стал подходить к Мирроу. Другие же предусмотрительно наставили на него свои копья. Сопrotивление было бесполезным. Мирроу с тоской подумал о пистолете, приятной тяжестью висевшем на правом боку, но он понимал, что при первом неправильно истолкованном движении рисковал превратиться в игольную подушку. И поэтому Джон решил, прибегнув к дипломатии, попытаться

выиграть время. Это можно было сделать только молчанием. На расстоянии вытянутой руки индеец остановился. И что-то прогорланил, обдав лицо мило улыбающегося Джона брызгами слюны. Не услышав ответа, он прогорланил во второй раз. Поняв, что индеец на этом не остановится и боясь не утонуть в мокротах его эмоциональной речи, Джон решил взять инициативу в свои руки, справедливо полагая, что его карьера дипломата, не успев начаться, сейчас и закончится. Он что есть мочи прорычал индейцу в раскрашенное лицо, не забыв смочить свою дипломатическую речь слюной:

–Ну ты, раскрашенная обезьяна, хватит орать! Лучше валите отсюда, пока морская пехота не надрала вам задницу! Речь произвела должное впечатление на оппонента Мирроу и его подчиненных. Они замерли как вкопанные. «Молодец, Мирроу, молодец, – мысленно похвалил он себя. – Оратор что надо. Только вот со слюной перебор», – подумал он, разглядывая лицо ошалевшего индейца, которое все больше и больше багровело от злости. Ничего хорошего это не предвещало. Джон внутренне напрягся, как сжатая пружина, готовая выпрямиться в любое мгновение. Он собрал все свои силы для решительного броска в спасительные заросли, ожидая удобного случая. И он представился незамедлительно. Как раз в тот момент, когда вождь пришел в себя и был готов разразиться новой речью, раздался оглушительный треск. Большой сноп искр обдал индейцев, испуганно заметавшихся между кустов. Мысленно поблагодарив аппаратуру НАСА, Джон что есть силы и не без удовольствия врезал между глаз дипломатичной особе и, сбив кого-то еще на своем пути, не разбирая дороги рванул в джунгли. В этой суматохе он бы и скрылся, если б не вдруг выросший на его пути гигант, одетый во что-то белое. Он изумленно смотрел на Джона и, похоже, никак не ожидал здесь его появления. Мирроу мгновенно

оценил весовую категорию противника и, воспользовавшись замешательством верзилы, ударил его ногой в пах. Лицо гиганта позеленело от боли. «Против лома нет приема», – злорадно ухмыльнулся Джон и хотел было углубиться в чашу от преследователей, как вдруг сильный удар по голове, лишив беднягу сознания, свалил его на землю.

Когда Джон пришел в себя, он увидел, что лежит на грубо сколоченной деревянной кровати. Голова гудела, и он нащупал большую шишку на затылке. Он с трудом приподнялся, чтобы оглядеться. Джон находился в небольшой комнате, освещенной двумя узкими, похожими на бойницы окошками и факелом, висящим в противоположном углу от его кровати. Кое-где осыпавшаяся глиняная штукатурка обнажала каменную кладку. В голове у Джона по-прежнему шумело, но на этот раз это был не болезненный звон, – скорее что-то успокаивающее, убаюкивающее своим шепотом. Джон прислушался. Из окна доносился шум реки, протекающей, видимо, где-то совсем рядом. Он направился было к одному из окон, чтобы убедиться в правоте своей догадки, как вдруг услышал приближавшиеся шаги. Правая рука его автоматически легла на кобуру, но пистолета там не оказалось.

В комнату вошли два индейца. С ними была девушка. Буквально вбежав, девушка, озираясь по сторонам, легкой походкой приблизилась к кровати, быстро и аккуратно расставила на кровати глиняные миски и не менее проворно выпорхнула наружу. Один из солдат жестами пригласил Джона к импровизированному столу. Мирроу ничего не оставалось, как воспользоваться гостеприимством и приступить к трапезе. Съев без аппетита маисовую похлебку, Джон принялся рассматривать сомнительную густую массу песочного цвета во второй миске, держа ее в руках и осторожно втягивая воздух, пытаясь уловить ее запах. Все это время Мирроу

лихорадочно пытался сообразить, где он находится. Пока было очевидно одно – доставить его на каком-либо транспорте, в этих Богом забытых местах, было просто невозможно. Ни одной посадочной площадки, ни мало-мальски пригодных для передвижения дорог... Значит, его принесли в какой-то лагерь, находящийся в непосредственной близости от места его пленения. Следовательно, места для него знакомые, во всяком случае, по карте. Значит, он сможет сориентироваться. И уж совсем понятное дело, этого достаточно для группы быстрого реагирования, которая прикрывала его миссию. С их суперновыми технологиями слежения это был сущий пустяк. Тогда Джон вообще отказывался понимать, почему он, имея сведения, так интересующие разведку, до сих пор находится здесь, взирая на эту желтую кашу? Где эта хваленая морская пехота? Неужели эти раскрашенные дикари своими копьями напугали до зубов вооруженных профессионалов элитных частей США? И что вообще дикари здесь делают? Откуда они взялись? Может, это какое-то сочувствующее партизанам племя и ему еще предстоит встреча с коммунистами? В самом деле, не индейцы же его сбили!

Ни на один из этих вопросов, молнией пронесшихся в его голове, Мирроу ответа не знал, да и знать не мог. От содержимого миски несло болотной тиной, и он нервно смахнул ее на пол. Один из индейцев жестом приказал Мирроу следовать за ним. Второй, связав ему руки за спиной, конвоировал Джона сзади. Пройдя по длинному, узкому «г» – образному коридору, они очутились на улице. Обернувшись, Мирроу заметил еще двух охранников у выхода. Шедший позади индеец с силой подтолкнул его в спину дровком. Джон, споткнувшись, чуть было не упал и, выругавшись сквозь зубы, пошел дальше. Все, что происходило с ним, казалось Мирроу довольно странным,

если не сказать безумным. Словно в каком-то кошмарном сне он шел по узким, вымощенным булыжником улочкам, под охраной вооруженных копьями индейцев. Город был неплохо спланирован. Его низкие, одноэтажные здания были сложены из камней, плотно пригнанных друг к другу. Часть домов была украшена нишами, которые вносили некоторое архитектурное разнообразие. Мимо Джона проходили редкие индейцы, в основном женщины, с опаской и нескрываемым любопытством поглядывая на пленника. Ощущение нереальности не покинуло Мирроу даже после того, как он ущипнул себя, пытаясь поверить, что все происходящее не вымысел, а реальная действительность и его конвоируют реальные индейцы, и шагают они по реально существующему городу, только что это все? Включая себя самого, он не знал никого, кто бы хоть намеком слышал о расположенном в этой части джунглей хоть мало-мальском селении, не говоря уже о городе. Он, конечно, мог сослаться на одну из ошибок своих коллег-военных, но даже если о существовании этого племени разведке не было известно, то не знать о существовании целого города, расположенного в непосредственной близости к району, угрожающему, так называемой, национальной безопасности США, – это уж слишком. Но дело было не только в этом. Что-то смущало Джона в стенах этого города, усиливая чувство беспокойства. Тем временем, сопровождаемый тюремщиками, он стал подниматься по тщательно вырубленным ступеням на небольшой холм, расположенный за чертой города. Город оказался намного меньше, чем представлялся с самого начала. Теперь, находясь на возвышенности, Мирроу было видно, что город расположился на мысе, с севера, юга и запада омываемым рекой, шум которой, по-видимому, и доносился до него. Северный склон мыса был крутым и

каменистым. Скорее всего, именно там добывался камень для строительства. Западный и южный его берега были покатыми и даже неплохо просматривались места, где барахтались в воде местные ребяташки. На противоположном же берегу этой достаточно широкой и быстрой реки почти к самой кромке воды подступали джунгли. Джона охватило вполне явственное чувство, что он уже где-то это видел. Нет, не этот город, унылой каменной массой облепивший мыс и подкравшийся к склону холма, не этих беззаботно смеющихся детей, играющих на берегу. А то самое место: речку, причудливо изгибающуюся вокруг каменистого мыса, со всех сторон окруженного непроходимыми чащами девственных, тропических лесов. И даже этот холм, за которым он опять увидит все те же джунгли. Мирроу ошибался. На его вершине взору легчику открылась вторая часть города. Дома там, сложенные из кирпича, облицованного штукатуркой с причудливыми рельефами на ней, были больше и внушительней. Да и люди были одеты богаче. Это впечатление усиливали плащи с восхитительным по рисунку и красоте орнаментом, накинутые поверх юбок и рубаш, ставших уже привычными для его глаза. Вторая часть города состояла из четырех кварталов, расположенных строго по сторонам света. Все улицы тянулись от окраины к центру, создавая эффект исходящих солнечных лучей.

В центре города находился целый комплекс сооружений, из которых Джон успел разглядеть только пирамиду, возвышающуюся примерно на десять-пятнадцать метров. С юга город защищала солидного вида стена, с расположенными на ней пятью смотровыми башнями. Она тянулась на северо-восток, заканчиваясь на скалистом берегу именно там, где река, изменяя свое течение, огибала мыс. Таким образом, неприятель, если такой имелся, выйдя из джунглей, должен

был непременно наткнуться на стену, прежде пройдя по засеянным маисом полям. Единственный доступный путь в город был водный. Но даже если враг справится с беспокойным течением реки, он все равно столкнется с крепкими, похожими на бункеры домами, каждый из которых, при хорошо организованной защите, может превратиться в неприступные цитадели. Кроме этого, велись работы по воздвижению второй стены, проходящей по холму и разделяющей две и без того независимые части города. По всей видимости, горожанам было от кого защищаться, если они предпринимали такие меры безопасности.

Солнце уже клонилось на запад, и нестерпимый зной постепенно спадал. Однако удушливые тяжелые испарения джунглей висели над городом. Не подвластные свежим потокам ветра с реки, они обжигали легкие, все тело покрывалось липким потом. Спустившись вниз, Джона повели по одной из улиц по направлению к центру. Вблизи дома казались еще изящней. Украшенные всевозможными рельефами, нишами и арками, они создавали атмосферу праздника. Рельефы тянулись по центру вдоль здания пестрой лентой разукрашенных рыб, причудливых птиц или зверей, проходящих то волной, то зигзагами, то зубцами, переходя от дома к дому по всей улице. Все здесь Мирроу казалось необычным и чуждым. Смутная тревога опять вернулась к нему, неприятно посасывая под ложечкой. Несмотря на доскональное изучение всего окружающего, он чувствовал, что от него ускользала какая-то деталь. Что-то очень странное присутствовало в домах, это «что-то» ломало представление Джона об обычном жилье. Эта деталь постоянно маячила перед его взором, но он никак не мог выделить ее из массы других, ничего не значащих мелочей. Он лихорадочно пытался найти это ускользающее от него призрачное звено, затерянное

среди бесконечной пестроты украшений и форм построек и способное разрешить его противоречивые чувства. Наконец его взгляд задержался на индейце, стоявшем в дверном проеме одного из близлежащих зданий и наблюдающим за их шествием. Мирроу оцепенел. Изумление, которое испытал Джон, вызвал не сам индеец, а форма дверного проема, в котором он стоял. В чувство Джона привел новый удар охранника. Нет-нет, ему не показалось, дверной проем, который только что покинул смутившийся индеец, был трапециевидной формы! И была это не случайность, – Джон, озираясь по сторонам, видел одно и то же: входы в дома зияли черными дырами трапеций. Именно эта доминирующая часть архитектуры все время ускользала от его внимания. Скорее всего, тогда и пришла к нему в первый раз пока еще смутная догадка случившегося с ним, переросшая затем в безумное по своей сути предположение, но тем не менее хоть как-то объясняющее и логически увязывающее вместе и его падение, и город-невидимку со средневековыми укреплениями посреди необитаемых джунглей. Неприятный холодок пробежал по спине, в предчувствии неотвратимо надвигающейся беды. Если его предположение хоть частично верно, то, выражаясь словами полковника Свинсона, он «находится в такой заднице», масштабы которой Джон даже боялся себе представить. «Прав был старина Свинсон. Не видать мне здесь этих хреновых коммунистов, как, впрочем, и морских пехотинцев тоже», – пронеслось у него в голове.

Мозг его работал холодно и ясно, с невероятной скоростью отыскивая то, подчас единственное, звено в цепи событий, необходимое для спасения. С безошибочной точностью он анализировал ситуацию, выбирая крупницы важной и полезной информации, собирая ее в картинки и прокручивая их одну за другой снова и снова. Стоп! Вот

оно! Мирроу вспомнил, где он видел этот мыс. Именно вблизи от него он попал в катастрофу, когда в последний раз пересек реку. Сомнений быть не может. Это место и было указано на карте как наиболее вероятный центр аномальных проявлений. До мельчайших подробностей Джон вспомнил все, что он видел сверху накануне падения. Мыс, как кинжал, врезающийся своим скалистым острием в реку. Холм, поросший мелким кустарником, переходящим у подножия в заросли джунглей. Вот только русло реки, как и сама река, было не столь многоводно. Но ведь все это было. Не было только города! Теперь Джон был почти уверен в своей догадке о происшедшем. Всеми фибрами души, каждой клеточкой, словно на мгновение провалившись в бездну, он вдруг ощутил прикосновение к чему-то необъяснимому, безграничному, наполненному холодным безмолвием, – к тому, что можно назвать великой, всепоглощающей пустотой. К тому, чему подвластны мириады звезд, галактик, миров. Это заставляет чувствовать тебя лишь маленькой пылинкой в бездне ледяного мрака, беспомощно ожидающей только одного: когда тебя спрессуют с бесчисленным количеством других тебе подобных, отправляя в следующий этап мироздания, даже не объяснив, кому и зачем нужен весь этот хаос. Он ощутил прикосновение ко Времени. Вернее будет сказать, к той его форме, где оно практически отсутствует. Джону было трудно передать все то, что он почувствовал в эти мгновения. Это было похоже на то, будто его, вывернутого наизнанку, скинули с небоскреба. Усилием воли Мирроу удалось подавить в себе панический, почти животный страх, железным обручем стиснувший грудь. «В конце концов, – рассуждал он, – все предположения только таковыми и являются. Посмотрим, что будет дальше».

В сопровождении конвоя он уже подходил к величественно

возвышающейся пирамиде. Весь архитектурный комплекс, где пирамида занимала отведенное ей достойное место, поражал своим великолепием. Комплекс состоял из четырех площадок, прилегающих к главной, пятой центральной площади, которая находилась гораздо ниже, как бы в котловине, и соединялась с площадками каменными лестницами из четырех пролетов. В начале такой лестницы стояла внушительных размеров арка, с причудливым орнаментом. Каждая площадка соответствовала одной из сторон света, а каждая лестница, ведущая к ней, имела свой цвет. Так, восточная и северная стороны были выкрашены в красный и белый; соответственно, западная и южная – в черный и желтый цвета. На площадках стояли пирамиды, в точности повторяя черную западную пирамиду-сестру, где находился Джон. Единственным ее отличием был храм, вплотную подходящий к основанию пирамиды. Туда и направился конвой. Подведя Мирроу к лестнице, спускающейся внутрь храма, конвоиры встали у Джона по бокам и процессия двинулась под сводчатыми арками, каменными глыбами нависшими над ними. На их лицевой стороне Джон увидел барельефы. На некоторых из них изображались полулюди, полузвери, видимо, олицетворяющие местных богов. Пояс каждого такого божества “украшали” отсеченные человеческие головы. На других были показаны жестокие сцены экзекуции, которым подвергались пленники, опять-таки с неизменным ритуалом отсечения головы. «Да, – подумал Джон, – в паскудное местечко я попал». А глазам открывались новые и новые картины. По краям традиционного трапециевидного входа стояли две колонны метровой высоты. На каждой из них находилось крылатое изваяние, в оскале обнажающее огромные клыки. Вытянутая звериная лапа держала отсеченную голову. «А пантеон-то их не отличается

разнообразием, – мысленно съехидничал Джон. – И, судя по его тривиальности, бюста Карла Маркса я здесь не увижу. Хотя, по правде сказать, было бы спокойней, если бы эти бедолаги были рьяными сторонниками интернационала, а не этой летающей твари», – и Джон покосился на кровожадное чудовище. Его уже вели по освещенному факелами коридору. Внутри храма стоял полумрак. Каким-то образом помещение вентилировалось, и воздух был здесь неожиданно свежим и прохладным. Петляющий коридор, по которому вели Джона, поворачивал то влево, то вправо, ответвляясь рукавами-коридорами, пересекаясь с ними так, что скоро уже было непонятно, по какому именно из них они шли вначале. Было немного жутковато блуждать по узким, пропитанным теменью коридорам лабиринта, слушая преследующее по пятам гулкое эхо раздающихся шагов. Все это вносило некоторое беспокойство, и поэтому Джон даже с облегчением вздохнул, когда в очередной раз, свернув в какой-то переход, они оказались в большой, освещенной зале, украшенной коврами. Индейцы толкнули его вперед, а сами застыли у входа. По всему периметру зала стояли двухметровые каменные монолиты – воины с по-звериному оскаленными лицами. На противоположной стороне от Мирроу, почти во всю стену, был рельеф крылатого божества, как и при входе. Джон смог теперь лучше разобрать его обезображенную, клыкастую морду. Бог индейцев смотрел на него полными ненависти, налитыми кровью глазами. Казалось, еще немного и он, вырвавшись из каменных пут, растерзает чужака своими когтистыми лапами, разбив затем останки перепончатыми крыльями. Картина была не для слабонервных. Можно только догадываться, сколько унижения и страха чувствовал бы простой индеец, будь он здесь. Кроме всего, в стене находилось два выхода, расположенных по

краям и охраняемых воинами, настоящими, живыми: из крови и плоти. Почти у самой стены на большом троне, вырезанном из красного дерева и инкрустированном золотом и драгоценными камнями, рядом с чудовищем восседал седовласый индеец. На его голове была золотая корона в форме солнца, с расходящимися от него лучами. В правой руке он держал посох, на конце которого было то же божество, что и на стене за ним. А с его плеч спадал плащ, сотканный из разноцветных перьев птиц, поразивший своей красотой даже Джона. Полукругом, с обеих сторон трона, на полу сидели по три индейца, скрестив по-мусульмански ноги. Позади трона, в почетном карауле, застыли шесть воинов, двое из которых, как только зашел Джон, встали по бокам от него. В окружении вождя Мирроу узнал своего знакомого «крикуна», с аккуратной подвязанной челюстью. «Ну, слава Богу, этот точно будет молчать как рыба. Надеюсь, у других иная манера вести переговоры», – подумал Джон. В ответ на его гневный взгляд Джон добродушно подмигнул ему, подарив при этом полную обаяния улыбку. В зале воцарилась гробовая тишина. Было слышно лишь, как хлопает на сквозняках пламя факелов. Присутствующие, видимо, ждали появления еще кого-то. Иначе чем ещё объяснить то гнетущее состояние напряженности, угадываемое на лицах собравшихся.

А пока Джон стоял, окруженный охраной, в ожидании своей участи. Просто бред какой-то! Скажи ему менее суток назад, что судьба его будет решаться таким образом, он от души рассмеялся бы, посчитав это самым глупым и нелепым розыгрышем. Но теперь ему было не до смеха. Джон внимательно всматривался в немолодое, изборожденное морщинами и словно подкопченное солнцем лицо индейца, пытаясь прочесть его мысли, глубоко спрятанные за маской беспристрастия.

Мирроу потрянул головой, словно сбрасывая с себя оцепенение. Но уж нет! Он не собирался слепо подчиниться судьбе. И если ему и уготовано умереть здесь, то уж не смиренным ягненком у жертвенного алтаря. Он еще покажет этим самоуверенным кретинам пару своих излюбленных приемов. Он может постоять за себя. И даже если он растерялся в начале своего пленения, то теперь, когда Джон чувствовал приближение финала всей этой истории, он был самим собой – спокойным, решительным и до отчаяния смелым. Все сомнения и переживания отступили. Теперь он точно знал, что ему необходимо делать после вынесения смертного приговора, в резюме которого он не сомневался. Но судьбой был уготован совсем другой сценарий. В который раз она, лукаво смеясь, играла в орлянку, то подталкивая его к пропасти, будто желая выбить остатки мужества из брэнного тела, чтобы наблюдать за обезумевшей, полной отчаяния кричащей душой, то в последнее мгновение бросая ему спасательный круг.

Джон так и не понял, откуда появились эти двое. Одетые в белые туники, они разительно отличались от своих сателлитов не только одеждой, но и всем своим обликом. Можно даже сказать – что они резко контрастировали с ними. Это были исполины, хорошо сложенные люди с мраморно-белыми властными лицами и аккуратными окладистыми бородками. Каждый их взгляд, каждое движение выражало достоинство и благородство. И при этом ни тени надменности или цинизма на их открытых лицах, в больших, чуть раскосых глазах. Совсем сбитый с толку Мирроу с интересом наблюдал, как величественно они подходят к трону. Восторгаясь их горделивой осанкой, он даже на мгновение забыл о том, что он пленник. Все как один индейцы встали в почтительном поклоне. Ответив коротким

кивком на их приветствие, таинственная пара подошла к вождю. Перекинувшись с ним несколькими фразами, она направилась к Джону, жестом приказав охране развязать ему руки, а вождь, распутив, словно павлиний хвост, свой плащ, стал что-то сообщать своим соплеменникам, горляня, как старая, простуженная ворона. По-птичьи крутя головой, он сверлил собравшихся в зале черными пуговками своих глаз, недобро блеснувших из-под нахмуренных заросших бровей. Его резкие, прерывистые слова, смысл которых Мирроу не понимал, вызвал неодобрительный ропот среди собравшихся. «Крикун» неожиданно вскочил на ноги. Сжимая в кулаки побелевшие пальцы, он, бросая уничижительные взгляды на вождя, что-то гневно выкрикнул и, на прощание испепелив Джона глазами, полными ярости, удалился из зала, не дожидаясь окончания речи вождя. Ни один мускул не дрогнул на помятом, желтом, словно пергамент, лице старого воина, и, будто и не было никакого инцидента, он снова обратился к оставшимся индейцам. Само собой, Джон не мог знать, о чем сейчас говорит вождь, но одно заключительное слово, произнесенное им в конце своей речи, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Атлантида – так звучало это слово.

Глава 3

Вот уже больше трех месяцев Джон находился в храме, куда его привели в первый день пленения. Хотя, скорей всего, заточение его относилось к разряду домашнего ареста, если крохотную комнату с минимальным набором мебели можно назвать домом. Его же настоящий дом находился за многие

тысячи километров отсюда. А по истечении некоторого времени подтвердилось самое худшее, о чем догадывался Джон. От родного очага его теперь разделяли не только километры. Джону потребовался почти весь запас его душевных сил, чтобы справиться с грузом свалившейся на него действительности. Даже сейчас, по прошествии трех месяцев его пленения, Мирроу, несмотря на очевидность случившегося, было трудно свыкнуться с мыслью, что он, лейтенант ВВС США, находится на одной из баз атлантов, уцелевших после гибели Атлантиды. И что его реальной действительности, в которой он родился, вырос и жил, здесь не существует, так как волею судеб он заброшен назад во времени, за две тысячи лет до своего рождения. Следовательно, его тоже еще нет, да и быть не может, равно как и всего того, что его окружало в той, уже несуществующей жизни, того, к чему он стремился, что любил. И теперь он, Джон Мирроу, как бы это нелепо и смешно ни звучало, по парадоксу временного пространства, всего лишь архаизм не- зародившегося государства. Размышления на эти темы отбирали у Джона много сил, и поэтому он старался занять каждую свободную минуту, выпавшую ему, изучением подземных коммуникаций. Эта возможность у него появилась совсем недавно. Убедив в своей безопасности и намерении следовать и в дальнейшем установленной дисциплине, Джон получил разрешение свободно передвигаться по подземной базе атлантов, располагавшейся под центральной городской площадью. Это было очень на руку Джону. С особой тщательностью он продолжал выполнять свою, теперь уже явно не секретную миссию. С индифферентным видом Мирроу прогуливался по ее коммуникациям, стараясь до подробнейших мелочей запомнить все, что попадется на его пути, одновременно сличая в своей памяти уроки прошлого

дня. Он с точностью до дюйма знал расстояние от одной двери до другой. Джон запоминал, какие на ощупь стены, знал каждую выбоину, каждую трещинку на них. Он мог безошибочно по памяти установить фактурный рисунок каждой двери, находившейся на базе, с точностью определяя свое местонахождение. Мирроу злорадно улыбался, представляя выпученно-остекленелые взгляды ЦРУ-шников после его, доклада, и горделивую, по-отцовски теплую улыбку на одноглазой физиономии «старика» Свинсона. В глубине души Джон, конечно же, понимал, что эта его игра в разведчика граничит с безумием и что скорее всего он уже никогда не увидит ни ЦРУ-шников, ни старого полковника. Но Мирроу так же отчетливо осознавал, что без веры в лучший исход событий он перестанет быть самим собой и, опустошенный и надломленный, уже никогда не сможет встать на ноги. И каждый раз, снова и снова, Мирроу с индифферентным видом прогуливался по подземной базе атлантов... Почти все остальное время он проводил с Икью, девушкой, обучавшей его мертвому языку Атлантиды, в свою очередь беря уроки еще не родившегося языка, на котором разговаривал ее ученик.

В первый раз они встретились в тот день, когда Мирроу привели из тронного зала двое ее соотечественников. Тогда в зале Джон решил пока не принимать решительных действий. Появление двух бородачей (не говоря уже о речи вождя) в корне изменило его планы. Слишком был велик соблазн узнать о происходящем здесь. Он должен был найти ответы на подчас кажущиеся простыми вопросы, тревожившие его с момента падения. Что-то подсказывало Мирроу, что без ответов на них ему никогда не вернуться назад. Да и в жертву его пока никто не собирался приносить. Поэтому, как только бородачи пригласили его следовать за ними, он,

не раздумывая, направился к левому проему от трона, с твердым намерением во всем разобраться. Уже через минуту, пройдя мимо охраны по узкому переходу, они очутились в длинном и ровном, как прямая стрела, коридоре. На этот раз он был значительно шире и суше ведущего по лабиринту. Вдоль него с обеих сторон виднелись закрытые карманы дверей. Мирроу подвели к одному из них. Дверь, сделанная из материала, похожего на пластик, автоматически поползла вверх. И пленник переступил порог той самой комнаты, где ему предстояло провести еще долгие месяцы пребывания на базе. За столом сидела девушка в такой же белой тунике, что и сопровождающие Джона мужчины. Она встала, приветствуя вошедших мужчин поклоном головы и на мгновение бросив изучающий взгляд в сторону Мирроу. Не обмолвившись ни единым словом, двое атлантов удалились, оставив пленника и девушку наедине. Джон невольно залюбовался ее необычной красотой. На хрупкие плечи девушки ниспадали длинные пряди иссиня-черных волос, подчеркивая мраморную белизну нежной бархатистой кожи. У нее был небольшой, правильной формы нос, чувственный рот с полными, чуть припухлыми губами, нисколько не портивший ее несколько заостренное лицо с большими, выразительными, чуть раскосыми зелеными глазами. Туника плотно облегла девушку, подчеркивая ее гибкий стан и мягкие очертания небольшой девичьей груди. Ее юное лицо светилось чистотой и непорочностью, словом, именно тем светом, свойственным лишь ранней юности, поре искренних чувств и бесхитростных желаний. Зачарованный, Джон даже не сразу понял, что к нему обращаются. Девушка, положив ему на грудь тонкую кисть с длинными изящными пальцами, вопросительно смотрела на него. Затем, показав на себя, вновь произнесла густым, грудным голосом:

–Икью, – и опять прикоснулась ладонью к Джону.

Мирроу поспешно назвал свое имя. Так он приступил к изучению языка, лишь гипотетически существовавшего государства в его времени. С этого дня они постоянно были вместе, разлучаясь только на время сна. Когда Мирроу более или менее стал изъясняться на незнакомом ему языке, девушка познакомила его со сводом правил, которых он должен придерживаться, находясь здесь. Это был перечень дисциплинарных взысканий, по одному из которых Джон не должен без особого на то распоряжения покидать территорию базы. Правда, Икью тут же обмолвилась, что это временные меры к следующему шагу их взаимного доверия. Само собой, он принял установленные для него правила, понимая необходимость этого. Дни у Джона протекали с завидным постоянством. Набравшись терпения, Мирроу с утра до вечера заучивал неизвестные слова, составляя их затем в предложения, постепенно добиваясь правильного выражения своей мысли. Вместе с ним училась и Икью, но если Джон с трудом постигал фонетику чужого языка, то девушка с легкостью усваивала все премудрости и овладела языком за каких-то два месяца. Своего ученика и учителя, не привыкшего кому-то в чем-то уступать, она успокоила отсутствием у себя педагогического таланта. К тому времени они уже крепко подружились. Подолгу беседуя о своих таких разных и похожих мирах, они даже не заметили, как их дружеские чувства приобрели новое качество, и боялись признаться себе в этом. Как-то в одно утро, определяемых Джоном только сменой темноты светом, Икью забежала к нему в комнату, до недавнего времени служившую Мирроу и спальней и классом, бойко стуча по каменному полу изящными сандалиям. Джон, по обыкновению, уже не спал и с нетерпением ожидал ее прихода.

–Идем быстрее, – ворвавшись к нему, сказала она. – Я

покажу тебе, как рождается *Инти*, – и, тут же спохватившись, поправилась, переходя на английский язык, тщательно выговаривая слова.– Восход солнца, он сегодня очень красивый.

–Постой, ты же говорила, что мне пока нельзя выходить наружу? – удивленно спросил он.

– Но ты же не собираешься от меня убежать?– парировала девушка.

–От тебя? Конечно, нет. Да и куда я могу убежать? До моего дома две тысячи лет, – с грустью ухмыльнулся Джон.

–То же самое я сказала совету, и они со мной полностью согласны, – не обращая внимания на его печальный тон, продолжала она. – Пойдем быстрее, а то пропустим самое интересное, – Икью взяла Мирроу за руку и, буквально вытянув его из комнаты, заспешила по коридору, увлекая его за собой. Надо ли говорить, что подземные коммуникации к этому времени Джон знал с закрытыми глазами. Впрочем, это было не так и сложно. Они состояли из двух пересекающихся галерей, соединяющих, как правильно предполагал Джон, под землей все пирамиды. На месте их пересечения, как раз по центру городской площади, расположенной выше, находилась еще одна пирамида – пятая. Она была меньше своих «сестер», всего около трех метров высотой, и подпирала потолок галереи. Правда, состояла она совсем из другого, кристально-прозрачного материала и, казалось, висела в воздухе, растворяясь в нем еле заметным маревом. И только свет, освещающий подземелье, преломляясь, выдавал ее грани, обращенные к галереям. Каждый раз, когда Мирроу к ней подходил, он в буквальном смысле чувствовал воздух. Густой, однородной массой, словно нехотя, он вливался в его легкие, а затем также ленно покидал свое краткосрочное вместилище. Джон инстинктивно чувствовал, что перед ним

находится ступок энергии колоссальной мощности и лишь чья-то непреклонная воля придала ему очертания пирамиды. Прогуливаясь здесь и раньше, Мирроу частенько встречал озабоченных атлантов, деловито снующих из одной двери в другую. Казалось, его никто не замечал и все шло как обычно, своим чередом. Но он почти физически ощущал чье-то пристальное внимание, не оставляющее его ни на минуту. Икью уклонялась от ответов на его вопросы по этому поводу. Лишь однажды она намекнула, что каким-то боком пирамида виновата в его присутствии здесь. Атланты держались от него на расстоянии, и, кроме как вежливого приветствия, брошенного мимоходом, разговор дальше не шел. Так что единственным человеком, с которым он общался на базе, была эта очаровательная девушка, которая вела сейчас его за собой.

Дойдя до призрачно мерцающей пирамиды, они повернули налево и стали продвигаться в северном направлении. По пути им никто не встретился. Видимо, было еще слишком рано и люди, не успевшие отойти ото сна, не приступили к своим таинственным обязанностям. Галереи были пустынные, и потому мрачное подземелье казалось заброшенным и чужим. За все длительное время, проведенное Джоном здесь, он так и не смог привыкнуть к его холодным стенам, так же, как и к неожиданно вспыхивающему по утрам свету, льющемуся, казалось бы, отовсюду. Пройдя до конца северной галереи, они перешли на лестницу, ведущую в крошечной тьме куда-то вверх. Свет, волшебным образом распространяющийся вниз, там и оставался. Но он был и не нужен. Икью прекрасно ориентировалась в темноте. Она уверенно шла какими-то коридорами, по каким-то комнатам, поднимаясь все выше и выше. По ее четкой походке Мирроу догадался, что она проделывает это уже не в первый раз. Ему ничего не оставалось, как идти за

ней, не отставая и не упуская ее из виду. Наконец впереди показался дверной проем, выхватывающий трапецию серого, уже тронутого лучом солнца неба. Через минуту они вышли на нишу, расположенную у самой макушки пирамиды. Джон набрал полной грудью свежий, еще не наполненный зноем воздух, напоенный ароматом тропических цветов. Тихий шепот прохладного ветерка, ласково обнимающего их разгоряченные подъемом тела, вдруг стих, словно прислушиваясь к надвигающимся переменам.

–Смотри! – тихо шепнула, чтобы не нарушать торжественную тишину, Икью и указала рукой на восток.

Там розовели облака. Вот и первый робкий луч света, скользнув по макушкам деревьев, на мгновение пропал. Затем уже целый сноп их мягко осветил кроны деревьев, простираясь над бескрайними зелеными волнами девственных лесов. За горизонтом медленно поднималось светило, приветствуемое восхищенными криками тропиков. В безоблачном небе лучи его постепенно накаляли воздух, предвещая жаркий день.

–Не правда ли, оно прекрасно! – глаза девушки возбужденно блестели. – Мои далекие предки поклонялись этому светилу многие тысячи лет. Менялись правители, идеалы, религия, пересматривались ценности, и только оно одно оставалось неизменным, беспристрастным свидетелем истории человеческих рас. Свидетелем рождений, взлетов и гибели народов, цивилизаций.

–И одновременно равнодушное, – добавил Джон.

Икью улыбнулась.

–И все же согревающее нас, дарящее свои животворные лучи, – девушка подстраивалась под шуточный лад Мирроу.

–... иногда губительные для всего живого, – перехватил эстафету Джон.

–Джон, ты никогда не переубедишь меня. Я слишком

сильно люблю Инти, – рассмеялась девушка.

–Сегодня я на него тоже посмотрел по-другому, – уже всерьез сказал Джон.

–Я очень рада, что ты увидел его вместе со мной, – девушка открыто посмотрела ему в глаза. – И мне так же, как и тебе, жаль, что это не произошло раньше.

–Мне приходится только сожалеть о том, что совет лишь сейчас убедился в моем здравомыслии, – с легким раздражением ответил Мирроу, глядя куда-то в сторону.

–Совет давно убедился в этом, – потупив голову сказала девушка.

–Тогда по чьей прихоти я вот уже больше трех месяцев сижу в этой норе? – Джон раздраженно ткнул пальцем в трапецию проема на пирамиде.

–Не сердись, Джон. Пойми, эти меры были приняты для твоей же безопасности.

Мирроу изумленно посмотрел на девушку.

–Интересно, с какой же стороны мне угрожает опасность?

–Ты сломал челюсть *Уано Качи*. Он является верховным жрецом *Тамботоко* этого города. Ко всему прочему, он приходится ещё и родным братом вождя – *Манко Капака*.

–А-а-а, так его зовут Уано Качи, – улыбнулся Джон, вспоминая те памятные переговоры в джунглях, закончившиеся дипломатическим разрывом сторон. – Интересно, а почему этот Манко Капак вождь города? Разве не вы всем этим здесь управляете? – Мирроу развел руками, будтоохватывал город, раскинутый у величественно возвышающихся пирамид.

–Нет, наша миссия заключается только в наблюдении. И вмешиваться в жизнь города нас может вынудить лишь исключительные обстоятельства.

–Мн-да, исключительным обстоятельством меня еще

никто не называл, – еле слышно пробубнил Джон. – Только мне об этом можно было рассказать и раньше, – с укоризной заметил он.

–Извини, но совет опасался, что ты узнаешь истинную причину своего ограниченного передвижения и твое присутствие в городе может спровоцировать сторонников Уано Качи к бунту. Это очень самолюбивый и злопамятный человек. Он ни за что не простит тебе своего фиаско, свидетелями которого стали его подчиненные там, в лесу, и здесь, в храме. Качи сеял волнения среди народа, подбивая молодежь на вооруженный мятеж против своего брата. Он убеждал всех в том, что Манко Капак укрывает злого колдуна, то есть тебя, навлекая на весь народ проклятие богов. Хотя он прекрасно знал, что твоей выдаче препятствуем только мы.

–Тогда чего ради он затеял все это? – удивился Мирроу.

–Он до самозабвения властолюбив, и для него это просто еще один шанс взять власть в свои руки. Волнения, поднятые им, улеглись только после того, как мы, пользуясь своим авторитетом, убедили жителей в том, что Уано Качи лжет. А «зло», принесенное тобой, было лишь помутнением и без того слабого разума Уано Качи, не перенесшего твоего небесного появления, свидетелем которого он стал.

–Ну, а если меня сейчас кто-нибудь увидит. Что тогда? – резонно поинтересовался Джон.

–Мы считаем, что теперь никакого вреда это нанести не может. Всем известно, как неожиданно ты можешь появляться, а с нашей легкой руки тебе ничего не стоит также исчезнуть. А твое появление вместе с нами будет даже желательней, так как о нашем подземном пребывании знают только посвященные. Для остальных же мы появляемся и исчезаем тоже неожиданно. Уано Качи же сбежал из города два месяца назад со своими немногими сторонниками, –

ответила Икью, угадывая его мысли о «крикуне».

–Куда он мог уйти? – оглядывая джунгли, окружавшие город со всех сторон, недоумевал Мирроу.

–В тридцати-сорока днях пути на запад находятся индейцы племени *наска*. Это родное племя *Мама Гуако*, жены Качи. Я думаю, он сейчас там. Сначала мы опасались, что наска могут нарушить мирный договор из-за этого инцидента и развязать войну с Тамботоко. Это могло сильно затруднить нашу работу или вообще поставить на грань срыва. Но, кажется, мы волновались зря.

–О какой еще работе ты говоришь? – насторожился Джон.

За все время их разговора он впервые серьезно был заинтересован услышанным. Это был чуть ли не единственный случай, когда Джон, хоть и полупонамеком, слышал о какой-то работе атлантов. Но, как и в прошлые разы, девушка уклонилась от ответа, перейдя на другую тему.

–Я расскажу тебе об этом позже, мой рассказ займет слишком много времени, – сморщила свое личико девушка.

–Я могу слушать тебя месяцами. Ты должна была убедиться в этом, – пошутил Мирроу, – тем более, у меня сейчас времени предостаточно, – Мирроу старался быть непринужденным.

–Как раз наоборот, – возразила Икью, – времени у нас с тобой в обрез. Сегодня вернулся мой брат. Он сообщил, что собирается совет Общины Сыновей Солнца. Он будет проходить в городе, который так и называется: *Инти Уауан Акус*. На нем будут присутствовать все верховные представители власти *Тауантинсуйу* – четырех соединенных между собой сторон света. По решению совета тебе необходимо предстать на нем. Так что, в самое ближайшее время мы выступаем в Инти Уауан Акус.

–Нам, это кому? – осведомился Джон.

–Тебе, мне и моему брату, в качестве сопровождающих. Кстати, он ждет нас внизу. Пойдем, я познакомлю тебя с ним, – девушка взяла его за руку.

–Это что ж, мы втроем пойдем в эти джунгли? – растерянно озираясь по сторонам, спросил Мирроу.

–Мой брат тебе сейчас все объяснит, – ответила девушка, опять увлекая его за собой в темноту, вниз по лестнице.

Всю обратную дорогу они проделали в молчании, и только у самой двери в свою комнату, нарушив тишину, Мирроу, все еще надеясь добиться от девушки хоть какой-то информации, касающейся ее сородичей, спросил:

–Так это брат привез решение совета об окончании моего... – тут он запнулся, подыскивая более мягкое значение слову «заточение», но, не найдя ничего подходящего, закончил... моего заключения? Насколько я понимаю, ни одного представителя совета здесь нет!?

–Да, ты прав, но мой брат здесь абсолютно ни при чем.

–Как же ты тогда узнала решение совета?

–Я просто прикоснулась к информации.

Услышав это, Мирроу недоуменно посмотрел на девушку.

–Немного терпения, Джон. Скоро ты сам обо всем узнаешь, – ответила девушка.

Они вошли в комнату и сразу же натолкнулись на здоровяка, который занимал почти половину всей крошечной площади, довольно аскетичной, свободной от убогой мебели.

–Познакомься, Джон, это мой брат Ака Ауаску, – сказала девушка.

Мирроу не верил своим глазам. Перед ним стоял тот самый верзила, которого он, не совсем джентльменским ударом, свалил в лесу во время своего стремительного

бегства.

–Мы некоторым образом знакомы, – пролепетал Мирроу. Громила самодовольно улыбнулся, заметив нездоровую испарину на лбу у своего бывшего коварного противника, и сел на жалобно скрипнувший под ним стул.

–Боюсь, что у твоего брата теперь возникнут проблемы с воспроизводством потомства, – съязвил Джон. Он уже оправился после неожиданной встречи с гигантом и сел напротив Ака Ауаску.

Гигант, беспристрастно разглядывая Мирроу, без всяких околичностей начал рассказывать о предстоящей для них работе. Икью, стоявшая в стороне и с нескрываемым любопытством наблюдавшая за этой сценой, не стала перебивать мужчин своими расспросами, по-видимому, догадываясь о чем-то. Она вступала в разговор лишь в качестве переводчика, когда одна из сторон нуждалась в этом. Выяснив, что Мирроу уже было известно о предстоящем собрании совета, Ака Ауаску в свою очередь стал посвящать его в более тонкие детали этого действия. Он сообщил ему, что большинство членов, представляющих совет, уже в сборе и в общем-то ожидается только их прибытие в Инти Уауан Акус. И что уровень знания обоих языков, обеспечивающий понимание сторон, теперь позволяет ему, Джону, предстать перед советом – высшим законодательным собранием атлантов. Джон должен будет подробно оповестить всех о случившемся с ним, отвечая на все вопросы, возникающие у членов совета по мере его рассказа. Разумеется, никто не будет его принуждать, но теперь его дальнейшая судьба зависит от степени готовности, с какой он пойдет на сотрудничество с советом.

Мирроу прекрасно понимал, что рано или поздно ему предстоит встреча с руководящей элитой атлантов, и, как ему

казалось, он был готов к ней. Но теперь все страхи и опасения, доселе тщательно им скрываемые, нахлынули с новой силой. Конечно же, все его волнения были небеспочвенны. Надо ли говорить, что сам факт существования атлантов ошарашил его не меньше, чем собственное пребывание в прошлом. Постепенно, свыкнувшись с этой мыслью, он тем не менее так и не смог восстановить паритет. Джон мучительно пытался понять, что же это: страх перед реально существующим мифическим народом, когда-то гипотетически управлявшим миром, или же это боязнь одиночества, той пустоты чуждого времени, окружавшей и грозящей обрушиться на него, оборвись та единственная нить, связывающая его с атлантами? Этой единственной нитью и являлась Икью, впрочем, как и единственным источником духовной силы, черпаемой Джоном из их общения. С ней ему было легко и свободно. Он никогда не пытался выяснить, проанализировать, почему это так, главное, он не ощущал того психологического вакуума, в который был погружен, оставаясь наедине с собой.

Джон старался сохранить непринужденный вид и, спрятав между коленями сцепленные вместе влажные ладони рук, небрежно развалился на стуле, закинув ногу на ногу. Маска безразличия давалась ему все трудней. И все же ни один мускул не дрогнул на его лице, когда атлант прозрачно намекнул о его дальнейшей судьбе. Лицо Ака Ауаску выражало все ту же беспристрастность. Про себя Джон отметил, что в нем нет ничего того, что указывало бы на сходство с его сестрой. Наоборот, у него был крупный с горбинкой нос, большие мясистые мочки и плотно сжатый рот, кажущийся еще больше из-за глубоких трещин-морщин, тянущихся к подбородку, что еще сильнее усиливало впечатление о нем как о человеке жесткого склада. Все тем же тоном заученного урока он, сверля Джона близко посаженными глазами,

сообщил, что завтра утром они выступают в Инти Уауан Акус. Скрытая угроза, прозвучавшая в мягком баритоне атланта, вывела Джона из оцепенения.

– Чем же я заслужил такое внимание совета общины? – сам, не желая того, вдруг выпалил он.

Ака Ауаску улыбнулся, развалившись на стонущем под ним стуле:

– А как часто в ваше время заглядывают воины из будущего?

– Я не по своей воле, – огрызнулся Мирроу, злясь на нелепость своего вопроса.

– Именно это мы и хотим выяснить, – сухо сказал гигант.

– Разве для этого обязательно созывать совет общины? – осведомился Джон, исполняясь яду.

– Ты прав, Джон. Случись твое появление здесь раньше, так бы оно и было, но сейчас не лучшие времена для Тауантинсуйю. Твое появление внесло некий дисбаланс в отношения между «четырьмя сторонами света». И поэтому «твой вопрос», если можно так выразиться, будет рассматриваться вместе с другими, давно назревшими, но проявившимися и ставшими актуальными только сейчас.

Джон недоверчиво посмотрел на атланта.

– Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь, – улыбнулся атлант.

– Ну и о чем же? – спросил Джон с осторожным ехидством.

– Ты не веришь мне по двум причинам. По одной из них ты справедливо полагаешь, что рассказанных моей сестре сведений вполне достаточно для совета Общины, если к тому же учесть подробные комментарии по интересующим нас моментам. Но ты не знал внутренней ситуации «четырех сторон света», обязывающей твое появление на совете

Общины.

Джон хотел возразить, но атлант остановил его жестом, не терпящим возражений.

– Никто не собирается делать из этого для тебя секрет, и ты сможешь сам убедиться во всех обстоятельствах экстренности совета, – предвосхищая возражения Джона, сказал он, продолжив после незначительной паузы: – Поэтому эта часть твоих сомнений меня не беспокоит, так как скоро они развеются сами собой. Не будем уделять им много времени. Вторая же причина твоего недоверия вытекает из первой. Ты считаешь, что все подстроено для того, чтобы наводящими или прямыми вопросами совет Общины вытянул из тебя сведения, которые могут помочь нам в дальнейшей реализации каких-то небылиц. – И через мгновение, словно подбирая одну из них, добавил: – Ну, например, скажем, в интервенции.

Внутри у Джона все похолодело. Он был словно открытая книга перед этим гигантом. Ака Ауаску изобразил подобие улыбки, глядя на обескураженное лицо Мирроу.

– А между тем, – продолжил он, насладившись замешательством Джона, – все намного проще, чем ты это себе представляешь. Возложив на себя ответственность по обучению отсталых народов, наша цивилизация уже совершила одну ошибку. Теперь же мы пытаемся приблизить к нулю вероятность возникновения другой и отправить тебя обратно в твое время. А для более точного и безопасного возвращения нам нужны сведения о времени, рельефе местности и прочее. Ты же не хочешь, чтобы мы сбросили со счетов такое явление, как прецессия? Надеюсь, ты понимаешь, о чем идет речь? – теперь пришло время съязвить атланту. – Так что твоя откровенность нужна только для твоего же благополучия.

Удовлетворенный произведенным на Мирроу впечатлением, атлант откинулся на спинку стула, последний раз проскрипевшего «SOS», и, достав от куда-то из складок своей одежды пистолет, положил его перед Джоном на стол. Матовый блеск его вороненого ствола не произвел на Мирроу никакого впечатления – он был занят одним-единственным вопросом: как могло случиться, что все сценарии его будущих бесед с атлантами, все его хитроумные ловушки, способные вывести на чистую воду их коварные замыслы, рассыпались, словно карточный домик, под натиском этой самоуверенной гориллы. Что же ему было известно такое, что позволяло вести разговор так, словно он знал все хитрости своего оппонента, и, безошибочно угадывая, обходил их, затрагивая самые важные темы, одновременно с легкостью направляя разговор в нужное для него русло?

– Ты, наверное, считаешь себя нашим пленником? – не давая собраться с мыслями, напирал атлант и, придвинувшись к столу, нависнул над ним всей своей массой.

– Неужели есть какое-то другое определение моего положения? – искренне удивился Джон, косясь на оружие.

– Вполне возможно, – ответил Ака Ауаску и тут же добавил: – Нет, Джон, ты не пленник, по крайней мере, не наш.

Мирроу скривил кислую улыбку.

– Тебе не хватало для чувства полной свободы вот этого? – не обращая внимания на его сарказм, атлант указал на пистолет. – Ты можешь забрать это. Но почувствуешь ли ты себя свободным, даст ли это тебе ощущение безопасности? Тебе не по нраву пребывание в этом городе? Ты можешь покинуть его, но, даже не беря в расчет шайку этого одержимого властью Уано Качи, тебе не удастся долго продержаться в джунглях. – Ака Ауаску не дожидался ответов Мирроу на свои вопросы. Они оба знали, что он прав. Джон

нахмурил брови, ему не нравилось, как ловко обставил его атлант.

– Пойми, Джон, ты находишься в плену иллюзий, иллюзий прошлого. – Мирроу удивленно поднял брови. – Точнее сказать, своего времени, – поправился Атлант, заметив его недоумение, – где семантика дипломатии и войны приобретает равноценное толкование.

Джон вдруг вспомнил случайно подслушанный им разговор Веберли Свинсона с одним генералом: «Сыны опять будут проливать свою кровь, чтобы эти ожиревшие крысы, прикрываясь безопасностью страны, смогли урвать кусок посмачнее и пресытить свои толстые задницы».

Голос Ака Ауаску вернул Мирроу к действительности.

– Но ведь ты оказался в совершенно другом мире и его нельзя подгонять под рамки привычной для тебя жизни, вешать общепринятые ярлыки твоего времени. – Атлант испытывающе посмотрел на Джона.

Уверенность Мирроу в своей правоте пошатнулась. Многое из сказанного атлантом было верным. Да что там говорить, не многое, а все. Надо бы и в самом деле ему избавляться от агрессии и насилия – этой разрушительной паранойи. А с другой стороны, чего они еще ждали от него, продержав все это время в полной изоляции от внешнего мира? Может, действительно, он слишком далеко зашел в своих подозрениях? В конце концов, атлант прав, он и в самом деле ничего не знает об этих людях, пока что не причинивших ему ничего плохого. Тем более Икью... Джон отогнал эту мысль, заставившую сильнее биться его сердце. «Причем здесь Икью, – злился он на себя за это предательски выплывшее чувство, бережно охраняемое им за семью печатями, – просто я сильно устал». Джон, действительно, был истощен. Все потрясения, случившиеся с ним за

последний период времени, не могли пройти бесследно. Постоянное пребывание в нервном напряжении, ожидании следующих действий его тюремщиков доконали Мирроу. Джон был на грани нервного срыва. Ну что ж, он примет игру атлантов и таким образом возьмет такой необходимый для него сейчас тайм-аут. Тем более, почуяв недоброе, он всегда может пойти на попятную.

–Но сначала мне хотелось бы узнать, как я сюда попал, – прервав тягостное молчание, сказал он, ощутив огромное облегчение после наконец принятого им решения.

–Пожалуйста, – ответил атлант, добродушно улыбаясь. – Как я уже говорил, в этом нет никакого секрета. Ты попал в открытый нами Колодец Времени.

–Который вы открыли для того, чтобы... – Мирроу ждал, что Ака Ауаску закончит его мысль.

–Мы продвигаемся вперед семимильными шагами, – атлант хитровато сощурил глаза.

–Наверно, таковы правила игры, – парировал Джон.

–Впрочем, ты прав, – согласился гигант, – по возвращению домой тебе все равно они будут бесполезны, – рассуждал он вслух. – Тебе или не поверят, посчитав сумасшедшим, или изолируют от общества. Так во все времена поступали с людьми, узнавшими чуть больше, чем им следовало, или если эти знания идут вразрез с общепринятой точкой зрения.

Мирроу закусил губу. Атлант и здесь был прав.

–Я не буду углубляться в причину катастрофы Атлантиды, – наморщил узкий лоб Ака Ауаску, – это, бесспорно, интересные, но отнюдь не полезные сведения в нашем деле. К моменту очевидной неизбежности катастрофы наши ученые располагали несколькими базами на различных континентах, – он многозначительно посмотрел на Джона, давая ему понять, что более подробно этот вопрос он

освещать не намерен.

–Одна из таких баз находилась в Инти Уауан Акус. Наши ученые пошли на один рискованный, но весьма интересный эксперимент. Пытаясь передать накопленные цивилизацией атлантов знания отсталым племенам, они форсировали естественный ход этногенеза. На каком-то этапе сначала так удачно протекающего эксперимента он приобрел абортивный эффект. По роковому стечению обстоятельств это случилось одновременно с гибелью Атлантиды, тем самым усилив кризис. Обвинив атлантов во всех их бедах, на нас устроили настоящую охоту. Те, кто уцелел, свернули базу в Инти Уауан Акус и в полной секретности перенесли ее сюда, основав город Тамботоко. Мы понимали, что рано или поздно дикари, жаждущие крови, найдут нас. Так что у нас не было другого выхода, кроме как открыть Колодец Времени и совершить поэтапный переход во времени. И вероятней всего, из-за частого использования одного и того же момента времени и произошло это трансцендентальное явление, в вихрь которого ты попал. Но мы пока не можем утверждать этого с полной уверенностью. То, что ты оказался здесь именно сейчас, для нас самих большая загадка, ведь Колодцем Времени мы пользовались последний раз десять лет назад. Поэтому мы и хотели попросить тебя помочь нам.

–Но как? – удивился Джон, все это время внимательно слушавший атланта.

–Похоже, что аппаратура, установленная на твоей машине, сможет пролить свет на происшедшее, и мы хотим, чтобы ты на своей машине доставил ее в Инти Уауан Акус, где мы сможем более детально изучить ее данные. Это, кстати, тоже одна из причин твоего присутствия на собрании общины. Ты сможешь нам помочь в этом?

–Разумеется, смогу, но машину надо посмотреть,

насколько она повреждена. И потом, я не механик. – Мирроу развел руками.

–Об этом можешь не беспокоиться, кажется, мы разобрались в тонкостях вашей техники. Машина готова к полету. Что-то еще? – Атлант вопросительно вскинул брови.

–Дело в том, что горячее... – растерянно начал Джон.

–Ну-у, это было самое легкое. Емкости для горячего полные, – улыбнулся Аку Ауаску.

Не переставая удивляться, Мирроу пожал плечами.

–Тогда я готов. Это все, что от меня требуется? – рассеянно поинтересовался он.

–Осталось только подтвердить или опровергнуть на совете общины все ранее рассказанное тобой. Ведь мы до сих пор не уверены в случайности твоего присутствия здесь. Нам крайне важно знать, как далеко зашли ваши исследования этого трансцендентного явления.

Слово «далеко» было произнесено с легким нажимом. Ака Ауаску с вопросительным ожиданием смотрел на Мирроу.

–Я подтверждаю, – широко улыбнулся Джон, обнажив белые, крепкие зубы. За все время разговора он впервые позволил себе расслабиться. – Это действительно было так, как я говорил раньше, – добавил он, откинувшись на спинку стула, и вытягивая затекшие ноги. – И все же по твоим словам я понял, что это далеко не последняя причина, – Джон решил вытянуть все из атланта.

–Видишь ли, Джон, с самого начала нашего появления на этом материке была создана система сфер влияний над племенами, в своей заключительной фазе образуя независимые друг от друга, но тесно сотрудничающие между собой четыре провинции, образуя Тауантинсуйю, то есть «Четыре соединенные между собой стороны света». После гибели Атлантиды она утратила свою унифицированность.

Мы затратили очень много сил и энергии, восстанавливая после возникшего хаоса утерянную связь между ними. Когда, наконец, мы вышли к самой отдаленной и труднодоступной провинции, расположенной на севере, то, к своему большому изумлению, обнаружили, что один из наших наблюдателей по-своему воспользовался удаленностью этого района. Обвинив нас в эклектизме, он создал государство, что само по себе явилось грубейшим нарушением внутреннего устава наблюдателей. Но самым серьезным и опасным, на наш взгляд, явилась идеология этого вновь испеченного образования, основывающаяся на человеческих жертвоприношениях в честь их богов и самого наблюдателя– *Кецалькоатля*, вознесшего себя в пантеон наряду с другими, им же «созданными» богами. В сложившейся ситуации мы не могли воздействовать на него, но и игнорировать было бы полной глупостью. К тому времени у него уже была создана хорошо вымуштрованная, дисциплинированная армия. После долгих дискуссий совет все же сумел прийти к компромиссу, включив Кецалькоатля в совет Общины, обеспечив себе тем самым свое присутствие на севере. Эфемерность этого союза была разрушена после твоего появления. Кецалькоатль проявил к тебе настолько сильный интерес, что, отбросив всю осторожность, согласился оставить свою столицу *Теотиуакан* и прибыть, впервые за все это время(!), в Инти Уауан Акус на встречу с тобой. Он-то и настоял на твоём присутствии на совете. В противном случае пригрозил выходом из «Сторон света».

–Это что же получается, я являюсь заложником ваших отношений? – в голосе Джона зазвенели напряженные нотки.

–Ни в коем случае! – поспешил ответить атлант. – Прошло то время, когда мы были вынуждены прислушиваться к мнению Кецалькоатля. Государство, созданное им, обречено.

Судя по докладам наших наблюдателей, оно погибнет, не успев дать свои ядовитые всходы. – Ака Ауаску на мгновение замолчал и со всей максимальной твердостью добавил: – Для нас очень важно присутствие на совете самого Кецалькоатля.

–Как видишь, я с тобой предельно откровенен. И еще хотелось бы добавить, – сказал, поднимаясь, атлант. – Мы не используем тебя для достижения своей цели, но было бы неразумно не воспользоваться так удачно сложившейся ситуацией. Когда еще мы сможем выманить зверя из его логова?

«Он что, мои мысли читает?» – разозлился Джон, но вслух буркнул:

–Вы что? Хотите убить двух зайцев одним выстрелом?

Ака Ауаску непонимающе посмотрел на Джона.

–А вашего этого Кеца... – Мирроу запнулся и, махнув рукой, видимо, на застрявшее на языке сложное имя, продолжил: –В общем, вы его изолируете? – и мрачно усмехнулся.

–Не совсем, – неопределенно ответил атлант и добавил: Что ж, если у тебя все, то мы можем идти осматривать твою машину.

И первым вышел из комнаты.

Мирроу ничего не оставалось делать, как поспешить за ним, украдкой, как-то исподтишка, прихватив со стола пистолет. Они направились в сторону тронного зала.

–Куда мы сейчас идем? – почему-то шепотом спросил Джон девушку. Ему доставляло большое удовольствие, что он, наконец-то, сменил собеседника.

–Ты видел маисовые поля? – вопросом на вопрос ответила девушка.

–Да, когда меня вели в храм. Они находятся за стеной, окружающей город.

–Так вот, под ними находится ирригационная система акведуков. Они достаточно просторны, чтобы прошел даже Ака Ауаску. Подача воды в нее сейчас прекращена, и мы без труда сможем выйти по акведукам прямо в джунгли, недалеко от того места, где находится твоя машина. Мой брат распорядился очистить его от зарослей и приставил к машине охрану.

–А почему именно по акведукам? – возвращаясь к старой теме, поинтересовался Джон.

–Ими, вообще-то, очень удобно пользоваться, если хочешь незамеченным выйти из города, – резюмировала Икью.

–Или войти в него... – задумчиво откликнулся Джон.

Они уже вошли в тронный зал. С того времени, как Джона три месяца назад привели сюда, здесь ничего не изменилось. Зал был пуст, не считая замерших в почетном карауле охранников, по два – у каждого из трех выходов из зала. Теперь царивший здесь полумрак, окутывающий Мирроу и его спутников, пробуждал в нем далеко не самые приятные воспоминания. Как и три месяца назад, в зале стояла гробовая тишина. Даже тяжелая поступь атланта, горделиво шагавшего впереди, казалось, гасла в великолепных коврах, расстеленных повсюду. В прошлое свое пребывание Джон не обратил должного внимания на эти прекрасные образчики тонкой и искусной работы. Вышивка на них удивляла многогранностью сюжетов и богатством цветовых оттенков. На Джона смотрели богато расшитые изображения фантастических животных с человеческими лицами. Были видны и загадочные фигуры, напоминающие сфинксов, а иногда это был просто геометрический орнамент, настолько тонко вышитый, что казался рисунком или аппликацией.

Они уже проходили мимо пустого трона, мерцающего

холодным блеском драгоценных камней, когда Икью вплотную придвинулась к Джону.

– Это *Болон-Ти-Ку*, владыка подземного мира, – теперь тоже шепотом говорила девушка, с опаской косясь на каменное чудовище в стене. – Здесь вожди племени выносят смертный приговор обреченным, – девушка наклонилась к самому уху Мирроу, будто боялась потревожить злобного бога. Она невольно прижалась к Джону и крепко держала его за руку. Джон вдруг почувствовал непреодолимое желание обнять ее, ощутить теплоту девичьего тела. И, устыдившись своего желания, отпрянул, скрывая в полумраке свое зардевшееся лицо.

– Правда, он очень страшный? – словно извиняясь за свою неловкость, сказала Икью.

– Нашла чудовище! Ты не видела в «учебке» моего сержанта, – буркнул Джон, кляня себя за бестактность.

Девушка посмотрела на него большими, по-детски испуганными глазами, но о чем-либо спросить не решилась.

Обойдя трон, атлант степенно направился ко второму выходу из зала в сопровождении своих верных спутников.

– Так значит, это я вам обязан своим спасением, – решил прервать затянувшуюся неловкую паузу Мирроу.

– Не совсем так, – охотно отозвалась Икью. – Мы с самого начала настояли на твоём представлении в этом зале. Хорошо зная повадки Качи, мы решили усыпить его бдительность, опасаясь за твою жизнь. Из-за этого же мы не стали посвящать в конечные замыслы нашего плана Манко Капака.

– В которые входила и моя дальнейшая отправка назад, – то ли утвердительно, то ли вопросительно закончил Джон.

– Да, конечно, – поспешно ответила девушка. В ее голосе Джон услышал печальные нотки.

Тем временем они зашли в узкий тоннель, выложенный

камнем. Впереди их уже ждал небольшой отряд, состоящий из десяти индейцев, вооруженных факелами. На боку каждого из них висела внушительных размеров палица с остроугольным, каменным наконечником в виде шестигранной звезды.

– А это еще зачем? – спросил Мирроу девушку, кивая на этот эскорт.

– Для нашей безопасности, – ответила она. – Не исключено, что сторонники Качи могут до сих пор находиться в окрестностях города.

Мирроу, сняв с предохранителя пистолет, сунул его в карман.

– Тоже для нашей безопасности, – сказал он, прочитав на лице Икью немой вопрос.

Тоннель постепенно сужался, в конце концов, пришлось идти гуськом, низко пригнув головы. В авангарде шли воины, освещая путь замыкающим шествие. Последним шел Ака Ауаску. Он тяжело сопел Джону в спину, не без труда протискиваясь в тоннель, смазывая грязно-коричневую слизь с мокрых стен.

– А ты уверена, что вода сейчас сюда не пойдет? – Обращаясь к впереди идущей девушке, с опаской спросил Джон, хлюпая по лужам и кое-где оставшемуся налету ила.

– Конечно, уверена. – Его беспокойство, кажется, забавляло девушку. – Вода может попасть только через шлюз на северной стороне мыса. Проходя по всей системе, она вытекает на южную сторону, впадая в реку. Сейчас шлюзы закрыты и находятся под специальной охраной.

– А мне казалось, что мы движемся на восток, – пробурчал он, невольно представив, что со всеми ними случится, если охрана, вдруг решив позабавиться, откроет шлюз.

– Так оно и есть. Этот акведук проложен перпендикулярно остальным, для удобства чистки всей системы, когда это

требуется.

–Качи знает про него? – вдруг спросил Джон.

Девушка, на мгновение замедлив шаг, задумалась.

–Не думаю,– не уверенно ответила она. – Но если ему известно о его существовании, то он должен знать, что вся система может быть затоплена, а не ее часть.

–Вот именно...– многозначительно сказал Джон.

–Мы распорядимся на какое-то время разобрать шлюз, – хрипло проворчал шедший сзади Ака Ауаску, прислушиваясь к их разговору. – По крайней мере, это избавит нас от необходимости его охранять. Не хватало еще, чтобы Качи и его головорезы пробрались в город по этому ходу, – уже еле слышно добавил он.

Как и говорила девушка, они прошли четыре или пять акведуков, пересекающих тот, по которому шел их небольшой отряд. Расстояние между ними было приблизительно сорок – пятьдесят метров – точно Джон не знал. Темные, узкие ходы этого сооружения, казалось, насквозь пропитанные сыростью и темнотой, его скользкие, холодные стены, вызывающие тошнотворную брезгливость, приводили Джона в отчаяние. Пройдя еще сто бесконечных метров после последнего акведука, Джон, наконец, почувствовал струйки свежего воздуха, разбавившие гнилостный запах тины. Скоро все они оказались в лесу. По одобрительным восклицаниям индейцев Джон понял, что не только его одного угнетала эта экспедиция псевдоспециалистов. Замаскировав выход ветками деревьев, индейцы, рассредоточившись, пошли вперед, осторожно прокладывая себе дорогу. Пробираясь через стволы поваленных деревьев, они вышли на искусственно вырубленную поляну. В центре ее, поблескивая в утренних лучах солнца, красовался вертолет Мирроу. Индейцы, забыв про осторожность, сбившись в кучу, восторженно цокая,

направились к чудо–птице, устало опустившей свои длинные, тонкие крылья.

Все началось после того, как арьергард, состоявший из Ака Ауаску, Джона и Икью, вышел из-под прикрытия валежника на залитую солнцем поляну.

–А где же охрана машины? – вдруг спохватился атлант.

И как ответ на его вопрос, один за другим, словно подкошенные, стали падать сопровождающие их индейцы. В один момент их небольшой отряд превратился в груды кровавых бесформенных тел. Окружив атлантов и Мирроу, избежавших печальной участи своего эскорта, на поляну вышли индейцы. Почти каждый из них держал на изготовке пращу, с вложенным в полоску кожаного ремня камнем величиной с куриное яйцо. Они грозно надвинулись на оставшихся в живых, сужая вокруг них кольцо. У некоторых индейцев на поясе висели только что отрезанные головы поверженного врага.

–Охотники за головами, – в ужасе прошептала Икью.

Во главе их дефилировал Уано Качи, скривив гнилой рот в надменной улыбке.

–Так, значит, говоришь – это другой мир и нельзя вешать общепринятые ярлыки, – сквозь зубы прошипел Мирроу, передразнивая атланта.

–Я же говорил про атлантов, – огрызнулся Ака Ауаску.

–Ладно, я сам разберусь с этой кичливой обезьяной, тем более у меня уже есть опыт переговоров с ним, – зло процедил Мирроу. Определенно, это была последняя капля, переполнившая чашу его терпения. Как будто стряхнув с себя какое-то дремучее оцепенение, он вдруг почувствовал необычайный прилив силы и энергии, словно накопленная им ярость, найдя, наконец, истинного виновника всех злоключений, была готова обрушиться на его обидчика.

Что-то клацнуло в голове у Джона. Ослепленный вспышкой ярости, он вышел навстречу Качи.

–И запомните, родственники, ни единого звука, – кратко и весомо прошептал Мирроу, проходя мимо атлантов. Хотя он мог и не говорить этого. Вид отрезанных голов, только раззадоривший Джона, произвел на брата с сестрой обратно противоположное впечатление. Побелевшие, как полотно своих туник, они, скорее, походили на античные статуи.

Остановившись на безопасном расстоянии, видимо, памятуя свою первую встречу, Уано Качи жестом остановил и остальных индейцев. Заметив это, Мирроу криво улыбнулся, презрительно сплюнув сквозь зубы. В его лице была тяжелая мрачность. Смутная тревога, тенью промелькнувшая где-то на пороге сознания, заставила Качи насторожиться, но что, в конце концов, мог противопоставить этот человек против его отважных воинов? И, придав себе величественную осанку, он сделал шаг вперед.

–Прежде чем я вскрою твой череп, *кару*, чужестранец, и изгоню из тебя злых духов, а твою голову, посаженную на кол перед моим жилищем, скормят собакам, я хочу, чтобы ты знал, что примешь смерть от достойнейшего и великого *пако*, шамана Уано Качи.

–Этим ты похващаешь перед святой инквизицией, когда тебе зачитают «предупреждение Миранды», – взорвался Мирроу, язвительно улыбаясь. – Она не дождетя, когда сможет поджарить тебя на очищающем костре, проклятый язычник, – в приступе гнева взревел он.

Почему он вдруг вспомнил уроки истории, Джон не знал. Но интуиция ему подсказывала, что если он перестанет нести этот бред, мечты Качи о его голове станут реальностью. Впрочем, за себя Джон и не думал переживать, больше всего его беспокоила дальнейшая судьба Икью. От одной мысли,

что могли сделать с девушкой дикари, кровь стыла в его жилах. Мирроу прекрасно осознавал, какую ношу он взвалил на себя, по сути дела, взяв ответственность за сохранение жизни атлантов. Теперь все зависело только от него, он не имел права на ошибку. Не давая опомниться шаману, Джон продолжал выкладывать ошарашенной публике все, что когда-либо слышал о колонизации Америки Испанией.

–Десятки Аделантадо, эти терции, наводящие ужас на Европу, заключив капитуляцию с великой испанской короной, на кораблях смерти плывут за твоей грязной душой, место которой только в подземном царстве Болон-Ти-Ку, – глаза Джона дико сверкали, когда он всматривался в лица зароптавших индейцев.

Сочетание курса истории с индейским эпосом – этот довольно сложный симбиоз – произвел неизгладимое впечатление, на которое и рассчитывал Мирроу.

–И горе всем, кто поднял руку на меня – божьего посланника, – зычно заявил он, театрализованно вскинув руки вверх и устремив глаза к небу, отметив при этом замешательство в рядах индейцев.

Джон попал, что называется, в яблочко. Самодовольно-слащавая улыбочка Качи сменилась растерянностью. Он понял, что упускает инициативу. Его теперешние союзники наска, родное племя его жены, конечно же, слышали о странных людях с белой кожей и растительностью на лице. Вокруг них витал ореол загадочности и благоговейного страха. Никто не знал, откуда появились Наставники, как почтительно их называли, и где они живут. Поговаривали, что на берегу огромного горного озера стоит город, по своей величественности сравнимый лишь с небесным городом предков, где правит божественное Инти, и что именно там и проживают Наставники. Они могли появиться где

угодно, как далеко на юге, за сотни дней пути от городов на ска, где под палящими лучами Инти земля превращалась в песок, так и на севере, в землях, где проживает странный и нелюдимый народ. Никто, кроме Наставников, еще не решался ступить на их землю, граничащую с *Уку Пача*, Землей Мертвых – владениями Болон-Ти-Ку, именно там во время великого праздника *Канак Райми*, в декабрьское солнцестояние с небесной реки *Майус* на их землю сходили предки. Еще было известно, что, обучив людей различным ремеслам, Наставники так же бесследно исчезали. О том, как Наставники чудесным образом исцеляли людей, знал каждый ребенок. Также ходили упорные слухи, что именно они, и никто другой, подарили народам с красной кожей семена маиса, тыквы и других полезных растений, а об их изобретательности и знаниях ходили целые легенды. Никто с уверенностью не мог сказать, являются ли Наставники посланниками богов, но и отрицать тоже никто не смел. Поэтому Качи и его жена Мама Гуако затратили немало усилий, убедив насканцев в необходимости этого похода, прельстив их богатой добычей и заверив, что в Тамботоко нет ни одного Наставника. Качи все рассчитал правильно, в пылу сражения никто бы и не придавал значения двум-трем убитым Наставникам. Правда, он не брал в расчет указания своего тайного союзника Наставника, благодаря скрытой поддержке которого и была создана самим Качи оппозиция своему брату Манко Капаку, правителю Тамботоко. Покровитель Качи был против разграбления города и причинения вреда своим сородичам. «Но война может списать если не все, то многое», – рассуждал Качи. И вот теперь, когда его план почти удался, когда до трона Тамботоко остался всего только шаг, всему этому может помешать этот ненавистный ему человек, буквально упавший с неба и принесший с собой столько

бед. То, что он не был Наставником, Качи знал наверняка. В противном случае его бы так не скрывали от него. Да и одежда у пришельца была иная, очень необычная. Нет, определенно чужестранец не был Наставником. Но тогда кто он? Откуда он и что здесь делает? Почему одним из неперемных условий сделки между шаманом и Наставником была жизнь пришельца? Для чего тайному союзнику Уано Качи чужестранец понадобился живым и невредимым гораздо больше, чем его сородичи, которых он по сути дела предал? Не для того ли, чтобы занять место на троне после его старого и немощного брата, слепо подчиняющегося Наставникам? Почему обо всем этом не хотел говорить его тайный покровитель? Чем больше Качи спрашивал себя об этом, тем сильнее и непреклоннее было его желание убить пришельца. Это желание было настолько велико, что оно побеждало тот безумный страх, всякий раз сковывающий его мышцы, когда он видел этого человека.

Вот и сейчас неприятный холодок пробежал по его хребту.

–Он лжет! – заверещал Качи, брызгая слюной.

–Тогда может, ты скажешь, чья это железная птица? Не творение ли богов? Всем известно, что я прилетел на ней. Или, может, ты знаешь, как управлять ею? – сказал Мирроу со всем сарказмом, на который только был способен.

–Не слушайте его! – перешел на визг Качи. – Если бы я был не прав, меня давно бы уже покарал Творец! – его перекошенное лицо дергалось в судорогах.

–Ему никогда не поздно исправить свою ошибку с помощью своего посланника. Тебе не избежать кары, язычник! – пророкотал Мирроу.

Осторожно сунув руку в карман, он нащупал холодную сталь пистолета. Джон прекрасно понимал, что долго это

представление продолжаться не может. За спиной Качи стояли три его телохранителя, постоянно раскачивающих пращи. И как только ему надоест выслушивать бредни Мирроу, он даст команду пустить их в ход.

– Сначала я сожгу твою птицу, потом разрежу тебя на куски, – взвизгнул Качи, – а затем... – он посмотрел поверх головы Мирроу, туда, где стояли атланты. Но он так и не успел посвятить Джона в свои планы относительно их судьбы. Четыре выстрела, слившиеся в одно раскатистое эхо, уложили Качи и его телохранителей. Остальные индейцы, взыв от страха, кинулись врассыпную, растворившись в джунглях. Джон медленно, словно нехотя, поднялся с колена, лениво рассматривая маленькую дырочку в кармане своей куртки. То, что он присел на одно колено, спасло его от неминуемой смерти. Кто-то из троих телохранителей шамана все-таки успел метнуть в него камень. Просвистев у Джона над головой, он размочалил ветку на одном из поваленных деревьев, в двадцати метрах за его спиной. Мирроу повернулся к атлантам, все это время со всей тщательностью выполнявшие его наказ. Первым пришел в себя Ака Ауаску:

– Ух, – подал он первые признаки жизни и вытер ладонью крупные капли пота, проступившие на лбу. – Я уж думал, нам конец, – срывающимся от волнения голосом сказал он. – По правде сказать, я не надеялся, что у тебя что-нибудь получится. И хотя все сказанное тобой я не понял, должен признать, что действовал ты превосходно!

– У меня всегда лучшие ходы получались в цейтноте, – рассмеялся Джон, сам еще не веря в чудодейственное спасение.

– Я хочу побыстрее уйти от этого места, – еле слышно сказала девушка.

Джон взглянул на Икью. Съездившаяся, с широко

раскрытыми от ужаса глазами на побледневшем лице, она с мольбой смотрела на него.

– Да, разумеется, – сказал сразу посерьезневший Джон. – Вам надо найти укромное местечко.

– Зачем? – удивился Ака Ауаску, – ведь с Качи и его сторонниками покончено.

– Я уверен, что не со всеми. Качи недаром оказался здесь. Он наверняка знал о существовании этого хода. И даже, скорей всего, предполагал о его примерном месте нахождения. Обнаружив вертолет, он устроил засаду, явно рассчитывая на наше появление. Но так как он не знал, когда именно мы появимся, ему оставалось только спровоцировать нас это сделать. А теперь хорошенько подумай, при каких обстоятельствах нас можно было вынудить прийти за машиной?

Лицо атланта стало проясняться.

– Напасть на город! – выпалил он, инстинктивно повернувшись в сторону, где находился город, будто желая рассмотреть сквозь заросли деревьев его стены.

– Не просто на город, а основной целью поставить захват шлюзов, – продолжил Джон.

– В случае удачи они и так проникнут в город. А нет, то с помощью этой уловки мы сами покажем им, где находится этот лаз. Качи не ошибся в значимости машины. План, в общем-то, простой, но верный.

– Но ведь мы пока не слышали о нападении, – возразил атлант.

– Вот именно, что пока. Видимо, мы вернулись за вертолетом раньше ими планируемого срока или пропустили все веселье, пока пробирались сюда по акведуку. По моему разумению, Качи все-таки не успел подготовиться должным образом к нашему приходу. Его люди не успели

рассредоточиться, чтобы выследить сам вход, иначе, я боюсь, с нами говорили бы совсем другим образом, – Мирроу покосился на беспорядочно разбросанные трупы.

–Ну что ж, тогда мы сможем предупредить о нападении.

–Даже предотвратить его! – подхватил Джон. – Я вижу, ты неплохо разбираешься в военном деле, – пошутил он, дружески похлопав атланта по плечу.

–Видимо, недостаточно хорошо, раз я не пойму, как мы можем предотвратить нападение.

–Очень просто, – Джон чувствовал себя на коньке. – Произвести воздушную разведку и нанести упреждающий удар по врагу, если таковой будет обнаружен, на этой самой машине, – и он с достоинством указал на вертолет.

–Мне бы не хотелось этого делать, – нахмурился атлант.

–Но почему? – возмутился Джон.

–Это недопустимое вмешательство в естественный ход событий.

–Ха! Кто бы говорил. Вы это сделали давным-давно.

–Но это ни в коей мере не может оправдать теперешних действий. Все шаги, предпринятые нами раньше, были тщательнейшим образом просчитаны.

–Но ты же говорил, что они все равно ошибочны, – не сдавался Мирроу.

–Даже если это и так, то все равно не просчитывай мы их, они могли бы нанести более ощутимый урон, – парировал Ака Ауаску.

–Если бы пять минут назад занимался «просчитыванием», а не действием, то ты бы сейчас мне не рассказывал, как спасти мир, – обиженно заявил Джон. – Вместо этого ты лучше подумай, что станет с городом и вашей базой, если эти дикари ворвутся туда. Заодно расскажешь, как ты «собираешься приблизить к нулю вероятность возникновения

другой ошибки и отправишь меня в мое время, – скрестив руки на груди, Джон демонстративно отвернулся от атланта.

Мирроу лукавил. Если к себе домой он желал вернуться во что бы то ни стало, то за судьбу города он особо не переживал. Просто Джону до боли в кулаках хотелось вновь, хоть ненадолго, окунуться в мир привычных для него вещей. Вновь ощутить нервную дрожь ручки управления, чувствуя подчинение машины от малейшего прикосновения к ней.

–Хорошо, – после минутного размышления согласился Ака Ауаску. – Попытаемся сначала испугать насканцев. Будем надеяться, что появление вертолета может внести сумятицу в их ряды. Оружие будешь применять в самом исключительном случае! – категорично заявил атлант. – Мы же с сестрой все-таки вернемся предупредить остальных.

–А как же шлюзы? Их же могут затопить! – обеспокоился Джон.

–Не переживай, мы успеем. Там находится достаточно опытных воинов, чтобы продержаться некоторое время, пока последний защитник не откроет их. Да и иначе проникнуть в город, я боюсь, мы уже не сможем. Беги, Джон, мы только зря теряем время, – и, будто в подтверждение его слов, со стороны города донеслись крики тревоги и шум нарастающего боя. Икью, задержав Джона, взяла его за руку.

–Будь осторожен, – в голосе девушки звучала тревога.

Ака Ауаску, бросив пыливый взгляд в сторону своей сестры, чему-то улыбаясь, вразвалочку, словно ему и некуда было спешить, направился к заваленному листьями входу в акведук, рассуждая о чем-то вполголоса.

Мирроу сильнее сжал ладонь девушки.

–Места в партере все проданы, разве что остались еще на галерке. –И серьезно добавил: – Мне будет спокойней, если вы поднимитесь на пирамиду. Я хочу знать, что с тобой

все в порядке.

С этими словами он побежал к вертолету. Забравшись в свое кресло пилота, Джон нежно обвел взглядом приборную доску и осторожно, словно боясь применить излишнюю силу, заклацал тумблерами и клавишами, ощущая всем телом, как машина медленно пробуждается от сна.

— Ну, посмотрим, что там у вас за горючее, — пробубнил он себе под нос, плавно выбирая на себя ручку «шаг-газа». Пригибая к земле заигравшую волнами траву, вертолет, будто отталкиваясь от ее гибких стеблей, с легкостью поднялся в воздух и быстро набирал высоту. Наслаждаясь уже забытым чувством полета, Джон направил машину в сторону города. Бой уже достиг своего апогея, когда его машина зависла над стремительно развивающимися внизу событиями. Вся река была просто наводнена плотами. Сотни отважных гребцов боролись с быстрым течением реки и тучами камней, бросаемых с берега застигнутыми врасплох горожанами. Гребцы пытались причалить к берегу. Когда это им удавалось, воины сходились врукопашную, пуская в ход пики и палицы. Атакующих поддерживали метатели пращи с плотов, сумевших зацепиться по обе стороны реки. Между всем этим, на первый взгляд кажущимся хаосом скопления плотов шмыгали юркие пироги с двумя – тремя гребцами. Лавируя между плотами, пироги стремительно подплывали к берегу, и гребцы под градом камней закрепляли веревку на облюбованном дереве или каменном выступе. Затем с помощью нехитрого приспособления плот, относительно безопасно, мог причалить к берегу. Некоторые из этих хрупких лодок, не справляясь с сильным течением, переворачивались, топя под собой отважных гребцов, некоторых давили плоты, если вдруг зазевавшиеся гребцы не успевали увести лодку от неповоротливых плотов. Тем не менее насканцы, используя

такую тактику на южном окончании мыса, быстро оттеснили своего противника, не ожидавшего нападения со стороны реки. К захваченному пятаку устремились десятки плотов. Налетая друг на друга, они превращались в груды покореженных бревен, уродливой ошестинившейся массой заполнившей берег. Уцелевшие воины, добравшиеся до берега, построив боевые порядки, бросались в бой, все увереннее укрепляя на плацдарме свои позиции. На западном же направлении у нападающих дело шло хуже. Потеряв несколько плотов и лодок, они отказались от нападения в этой части мыса и обстреливали из пращей противоположный берег. Мало эффективные, они все же удерживали здесь некоторую часть сил обороняющейся стороны. Но самые ожесточенные бои шли на севере, в той части мыса, где находились шлюзы. По несколько раз там из руки в руки переходили ключевые участки обороны. Защитников было намного меньше насканцев, но то мужество, с которым они встречали врага, было достойно уважения. Ака Ауаску был прав, там действительно находились очень опытные и отважные воины. Их яростное сопротивление и молниеносные контрудары заставляли раз за разом откатываться врага назад, оставляя после себя горы трупов. Тучи камней, перелетающих с одной стороны на другую, с переменным успехом прореживали ряды сражающихся сторон. Джон не мог слышать всего того ада, царившего внизу. Стоны раненых и крики умирающих тонули в воинственных воплях победивших, которые, по колено в крови, отрезали головы побежденным и выставляли свои зловещие трофеи на обозрение, устрашая тем самым своего врага. Он только мог наблюдать, как небольшая кучка храбрецов отчаянно сражалась с насканцами, отбивая их атаки от последнего оборонительного рубежа, находящегося на пути к шлюзам. Еще немного, и тающие с каждой минутой

ряды храбрецов уже не смогут противостоять натиску превосходящего врага. Казалось, прошла целая вечность, когда, наконец, Джон заметил две маленькие белые фигурки, показавшиеся на самой макушке северной пирамиды. Он с облегчением вздохнул: «Ну, ребята, пора вам показать Перл Харбор». Опустившись ниже, Джон повел свою машину к месту сражения.

В пылу сражения никем не замеченная необычная птица, кружащаяся высоко в небе, теперь, опустившись и выйдя из-за поворота реки, с большой скоростью грозно приближалась к оцепеневшим от ужаса индейцам. Все, словно по команде, прекратили бойню. Загипнотизированные этим видением, индейцы ждали развития дальнейших событий, будто чувствуя всю сокрушающую мощь, ожидали, на чью сторону примкнет ее карающая десница. Подлетев ближе, птица, словно гигантская колибри, зависла на месте, внимательно разглядывая поле боя своими огромными, отражающими солнечные лучи глазами. Через мгновение враг был выбран, и из отростков цилиндрической формы, расположенных по бокам птицы, вырвались огненные протерианцы, ударив смертоносными струями по предвкушающим свою победу насканцам. Колибри, покачиваясь из стороны в сторону, сеяла смерть. Невидимые нити пронизывали тела воинов насквозь, иногда разрывая их в клочья. Насканцы в панике бросились к плотам, но под ударами грозной птицы они разваливались, давя тех, кто только что искал на них спасение. Все это время стоял адский шум, проникающий, казалось, в самое сердце и окутывающий его леденящими волнами ужаса. Слепленные безумием люди, бесцельно металась по берегу, давя друг друга. Подняв руки к небу, некоторые из них в мольбе просили его о пощаде. Но скрытые облаком пыли, поднятым с земли, их слова тонули в нескончаемом реве

птицы. Сброшенные огнем в бурлящие воды реки, индейцы неслись по течению, разбиваясь о камни. И лишь единицы из них, не раздавленные бревнами и не разбитые порогами, цепляясь за остатки плотов, среди трупов своих товарищей, проплывали мимо захваченного южного плацдарма, умоляя о помощи удивленных воинов, тревожно прислушивающихся к раскатам грома, доносящегося с противоположной стороны мыса. Совсем скоро для них станет понятен зловещий смысл долетающих звуков.

События этого дня по-разному отразились на судьбах людей, принимавших участие в трагических событиях, описанных выше. Гордые насканцы, извлекшие урок из своего поражения, надолго затаили злобу на непокоренный город, вынашивая планы отмщения за принесенный им позор. Индейцы же Тамботоко, ненадолго отстояв свою мирную жизнь, в появлении железной птицы, увидели знак свыше, уверовав, что их вождь Манко Капак имеет божественную связь с Инти. Именно волею Инти на помощь своему избраннику на Земле была послана огненная птица, карающая всех его врагов. Манко Капак был провозглашен наместником Инти на Земле, и в подтверждение его небесного происхождения Манко Капака теперь звали не иначе как Инка. Такая неожиданная трактовка событий навсегда развеяла миф об атлантах как о людях свыше, поставив их сначала в один ряд с простыми обитателями города, а затем и всего материка. Со временем Джон понял, что в создании этого мнения главенствующую роль сыграли сами атланты. Практичные, они максимально использовали так неожиданно возникшую ситуацию для своего незаметного ухода с арены вновь зарождающегося государства. Что же касается самого Джона Мирроу, то этот день вернул ему статус-кво, во многом предопределивший его дальнейшую судьбу.

Глава 4

Вжавшись в землю, ягуар готовился к прыжку. Это лето было необыкновенно жарким. Поиск воды и дичи заставили его покинуть родные края. Теперь они остались где-то далеко отсюда. Голод и лишения, гнавшие его в чужие края, теперь, кажется, были вознаграждены изобилующими дичью местами. Он был страшно голоден и с нетерпением ждал удобного момента для броска на выбранную им жертву. Возбуждение нарастало и он неосторожно переступил лапами. Хрустнула ветка. Сухой треск встревожил ламу. Настороженно подняв уши, она всматривалась в темноту. С шумом вбирая широко раскрытыми ноздрями воздух, лама уловила еле заметный, незнакомый ей доселе запах, заставивший налиться все ее мускулы. Он мог исходить только от безжалостного и хладнокровного убийцы. Вдруг возникшие новые звуки, заставили отпрыгнуть в сторону натянутое как струна тело ламы. В джунгли ворвались глухие удары барабанов, сопровождаемые льющимися, мягкими звуками флейт. Лама немного успокоилась, узнав их. Сегодня она отбилась от стада, но теперь эти звуки выведут туда, где ее ждал кров и еда. Запах так встревоживший в начале Ламу, уже не был слышен, и она, позабыв об осторожности, смело шагнула вперед. В тот же миг ее ноги подкосились под навалившейся тяжестью чьего-то сильного мускулистого тела. Один удар клыком, и из шеи, забившейся в агонии жертвы, в горло ягуара ударила горячая струя, свинцовой тяжестью оседающая в желудке. Ночную тишину джунглей разорвал крик победы, гордости и силы.

–Ягуар?! Как он сюда попал? – удивилась Икью.

Надоедливый ветер, запутавшись в ее шелковистых волосах, снова смешал их пряди. – Здесь он большая редкость, – продолжила она, поправляя прическу. – Хотя для большинства местных племен ягуар, до сих пор, является тотемом, символом их изначального рода. Ты заметил эти огромные клыки на очеловеченных лицах каменных богов?– Она повернулась к Джону, наблюдавшему за царившим внизу, у подножия пирамиды, весельем.

–Еще бы, – отозвался он.

–А ты уверена, что это был именно ягуар? – Джон оторвался от праздничной феерии, глядя, как девушка опять смахивает с лица прядь волос.

–Конечно. Его рев не перепутаешь ни с чьим другим. Мои родители долгое время изучали культ поклонения ягуару в северной провинции, и поэтому я очень хорошо знаю все повадки этого зверя. Отец много рассказывал мне о ягуарах и даже иногда брал с собой на охоту.

–А где твои родители теперь? – поинтересовался Мирроу, разминая затекшие от неудобного сидения ноги.

–Они погибли, – с грустью в голосе тихо ответила Икью.

–Извини, я не знал, – смутился Джон.

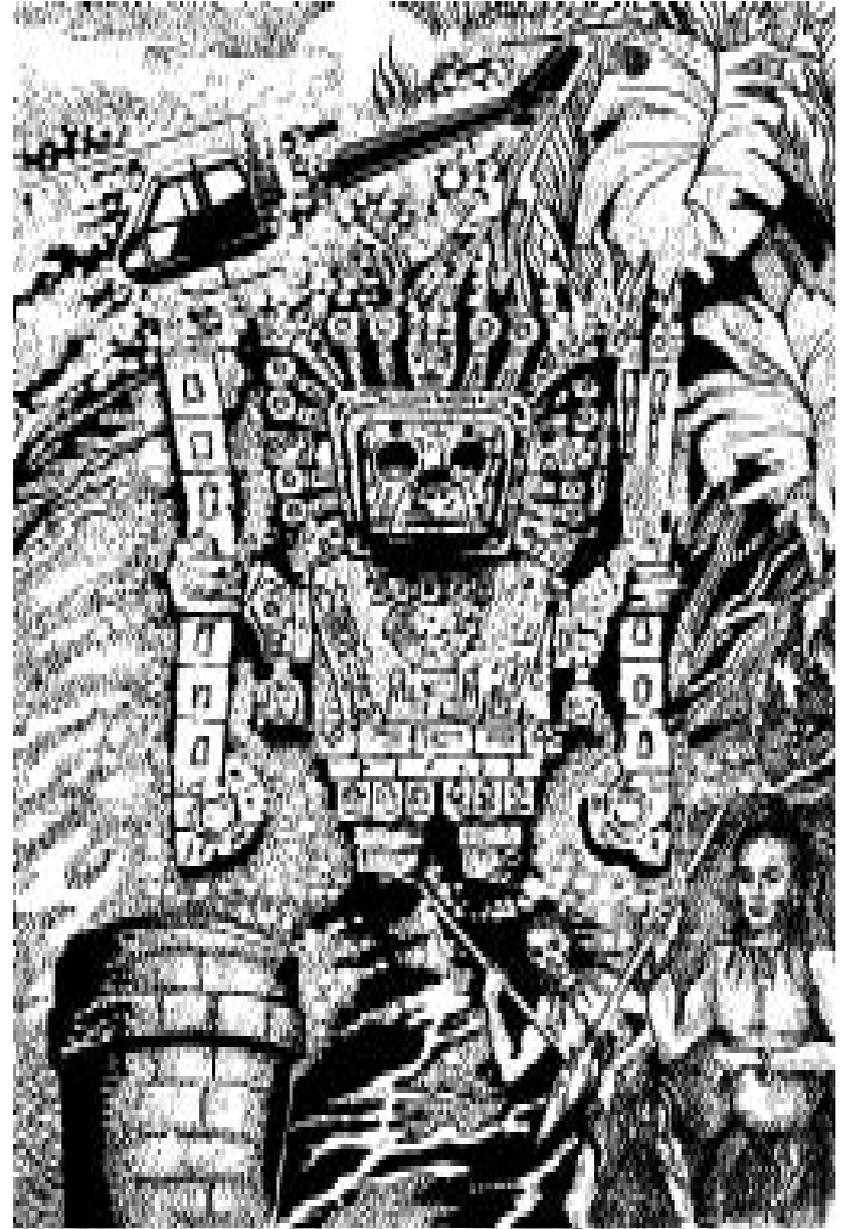
–Ничего, я уже привыкла. Это случилось давно. Мой брат в своем рассказе не передал тебе всего того ужаса, который мы испытали после гибели Атлантиды, – продолжила девушка, устремив свой взгляд куда-то вдаль, вверх деревьев, раскинувшихся до горизонта сплошной черной стеной.

–Я ни разу не была в Атлантиде, так как родилась здесь, и хотя мне было всего десять лет, когда случилась катастрофа, горечь утраты навсегда поселившаяся в моем сердце. Это были очень трудные дни для нас, дни испытаний на твердость духа. Восстание индейцев было столь стремительным и неожиданным, что мы даже не успели предупредить

остальные провинции о случившемся. Мы оставались в полном неведении о дальнейшей судьбе Тауантинсуйу. Отрезанные от внешнего мира, не имея ни связи, ни средства к передвижению, потеряв почти все, что у нас было, мы прятались в джунглях от обезумевших, жаждущих крови индейцев. Это было племя *ольмеков*. Разбившись на небольшие отряды по пятнадцать-двадцать человек, спасая ценные научные наблюдения, мы пробивались на юг, в Инти Уауан Акус. Подчас нам все же приходилось отбиваться от преследовавших нас по пятам индейцев, выслеживающих нас словно какую-то дичь. В одной из таких стычек были убиты мои родители. Нам с братом чудом удалось избежать участи наших многих соотечественников, погибших от рук индейцев или болезней. Ушедшая на дно океана, родина оставила нам только болезненное наследие сделанных нами раньше ошибок. Память о былом величии народа, чьи достижения, опережавшие на многие века свое время, теперь покоятся под толщами океана, – сколько горечи неподдельной печали слышалось в голосе Икью! – Что же касается самих ольмеков, то, проникнув далеко на юг, они, по видимому, и способствовали распространению здесь культа ягуара.

–А где же они сейчас? – спросил Джон, все это время с интересом следивший за рассказом девушки.

–Некоторое время они еще победно шествовали вглубь материка, подчиняя себе местные племена. Социальный и экономический всплеск, вызванный искусственно насажденными знаниями, какое-то время удерживал их на «плаву», но, достигнув своей максимальной точки и не имея под собой необходимой основы, он неминуемо пошел на убыль. Социальный строй дал трещину, и вскоре ольмеки растворились среди местных, когда-то покоренных ими племен, также стремительно покинув историческую сцену

материка, как и эффектно появившись на ней. Но мы этого наблюдать уже не могли, так как в этот период подыскивали удобный момент для нашего наилучшего адаптированного появления. И вот, перешагнув несколько столетий, мы уже десять лет пребываем в этом участке времени.

Закончив свое повествование, девушка присела рядом с Джоном, на нишу у самого края пирамиды и беззаботно наблюдавшим за народным весельем, устроенным в честь победителей утреннего сражения. Скрытые опустившимися сумерками, не боясь быть замеченными, они могли наблюдать за этим необычным представлением, начавшемся задолго до наступления темноты. Но что это было за представление! Мирроу никогда не видел ничего подобного. Как в каком-то фантастическом сне, с замиранием сердца, он наблюдал за триумфальным шествием победителей.

Город ликовал. Его торжественное убранство походило на декорации гигантского театрального представления. На стенах домов, прилегающих к центральной улице, жители вывесили разноцветные ковры, украшенные пестрыми гирляндами цветов. Впереди, возглавляя шествие, шли барабанщики и флейтисты, наполняя прилегающие кварталы военными маршами. За ними несли содранную кожу военачальников-насканцев и Уано Качи, набитую травой и посаженную на кол. За чучелами когда-то могущественных вождей шли раздетые догола колонны униженных пленных солдат неприятеля. Следом за поверженным врагом гордо вышагивали отряды копейщиков и метателей пращи – победителей утреннего, кровавого сражения. И вот, наконец, на носилках из красного дерева, инкрустированных золотом и драгоценными камнями, в сопровождении гвардейцев, его личной охраны, под радостные крики и восторженные приветствия, появился сам новоиспеченный Инка Манко

Капак. Забрасываемые цветами, носилки торжественно приблизились к храму, сойдя с них, Инка прошел по телам распростертых ниц пленных солдат и сел на трон, стоящий у входа в храм, между двумя уже знакомыми колоннами с небольшими фигурками владыки подземного царства на них. Унижение пленников закончилось, их еще раз избили плетьюми и отпустили восвояси, после чего началось всенародное гулянье, продолжающееся после захода солнца при свете костров. Индейцы в песнях восхваляли славных воинов, одержавших победу над жестоким и коварным врагом. И, конечно же, солнце подобного Манко Капака, благодаря которому и была одержана эта блистательная победа. Юноши соревновались в беге, метании копья и пращи на меткость, вступая в общий хоровод после этих мирных баталий, чтобы закружиться в танце вокруг костров, восхваляя божественное Инти под несмолкающий бой барабанов и игру флейт.

–Забавная штука – время, – сказала Икью, глядя на гулянье перед храмом. – Я знала еще прапрапрадедов, самых старых из этих воинов, помогавших нам с переносом базы. Не прошло и двух недель после того, как мы добрались до Инти Уауан Акуса, когда волнения, как оказалось, охватившие все «четыре стороны света», докатились и до Вечного города, как его еще иногда называют. Единственным нашим союзником тогда было племя *кот-сунь*, проживавшее на островах озера Титикака, именно они и помогли нам укрыться в джунглях. Некоторые остались здесь возводить стены этого города, ожидая наших мимолетных появлений. Потом возвращались наши разведчики, и мы опять открывали Колодец Времени, чтобы через десятилетия появиться вновь.

–И что, все это время вас преследовали индейцы? – перебил ее Джон.

–Нет, конечно, – лукаво улыбнулась девушка. – За все

последние время этот был единственный случай вооруженного конфликта, а так как мы давно вернули к себе доброе расположение племен, то, вероятней всего, преследованиям данный момент, подверглись не мы, а кто-то другой.

– Да-а-а, – протянул Джон, вновь разминая затекшие ноги. – Видно, здорово я тогда врезал Качи, – и, поудобней усевшись, спросил: – Там, в лесу, ты назвала насканцев «охотниками за головами». Они действительно за ними охотятся?

– Да. Это наполняет их жизнь определенным смыслом. Они воздают своим богам почести человеческими жертвоприношениями. А наличие голов говорит о воинской доблести каждого члена племени. Воины мумифицируют головы, одевают на кольца и «украшают» этими «трофеями» вход в свое жилище. – Икью сморщилась, передернув плечами. – Кошмар какой-то.

– Хм, согласен, – поддержал ее Джон. – Я бы не хотел стать их пленником.

– Значит, быть нашим пленником ты уже не против? – улыбнулась девушка.

– Ну, это только благодаря тебе. И уж ни в коем случае не Манко Капаку или его братца Уано Качи, – пошутил Джон. – Я видел достаточно рельефов с изображением подобных сцен, – кивком головы он указал на арки, каменными глыбами нависшие над лестницей ведущей в храм. – Так что не думаю, что меня бы оставили в живых по причине их гуманных взглядов. Если ты не забыла, то мне давно уже пора было «улыбаться» перед домом Уано Качи.

– И все равно, Джон, ты несправедлив. Эти рисунки не больше чем пережитки, отражение их прошлой жизни, вера в жестоких богов, требующих человеческих жертв. Вот у вас во что верят люди? – неожиданно спросила она.

– Ну-у, даже и не знаю, – растерялся Джон. – Хотя нет, знаю, большинство из тех, кого я встречал, верят только в одного бога – в деньги!

– В деньги? – удивленно переспросила Икью, недоумевающе посмотрев на Джона.

– Да. Понимаешь, наличие их определяет твоё положение в обществе, наделяет властью над другими, более бедными людьми, подчиняя их твоей воле, и ставя людей в полную зависимость от твоей прихоти.

– Лучше быть «охотниками за головами», чем «охотниками за человеческими душами», – горестно вздохнула девушка.

– У нас тоже стремятся к власти, но не для удовлетворения своих амбиций. А для улучшения жизни общества, посвящая всего себя этой цели. Таким был мой отец. Но что бы поклоняться этому!

– А чему поклоняешься ты? – её манера резко переводить разговор давно стала привычной для Мирроу.

– Ну, уж точно не деньгам, – усмехнулся он.

– Но в вашем обществе же есть религия? Разве она не учит добру, милосердию, взаимопониманию?

– Конечно, есть. И она учит всему тому, о чем ты сейчас говорила, и даже больше того, есть заповеди, которые каждый человек должен выполнять, ведя праведный образ жизни.

– Тогда что же мешает вести этот образ жизни и отвергнуть эти... – Икью запнулась перед незнакомым для нее понятием.

– Деньги? – переспросил Мирроу.

Она кивнула головой, застыв в ожидании.

– Знаешь, я могу только попытаться ответить на этот вопрос. На самом деле очень много всего, что мешает вести этот образ жизни. Зачастую человек не в силах отказаться от окружающих его искушений. И причина этому – гордыня,

зависть, ревность, похоть. Этот список можно продолжать, но понятней человеческие поступки от этого не станут.

—Я понимаю, о чем ты мне хочешь сказать. Мы тоже иногда сталкиваемся с подобного рода проблемами. Особенно ярко они проявились, стоило нам оказаться со своими знаниями среди диких племен. Обучая их, невольно возвышаешься сам в собственных глазах, ощущая зависимость других людей от силы знаний, которыми ты обладаешь, шаг за шагом возвышая себя в одно из божеств их пантеона. К сожалению, именно это и произошло с Кецалькоатлем.

—Что касается этого вашего Кецалькоатля, то я так и не возьму в толк, на кой черт я ему понадобился, — буркнул Джон, уставившись на угасающее внизу пламя костров. В отблесках его мерцающего света было видно, как покидали площадь последние индейцы. Одурманенные кокой, по случаю праздника, юнцы все реже выкрикивали боевые кличи. Подчиняясь строгим приказам ветеранов, они нехотя расходились по своим домам. Вскоре город затих. Поглощенный жарким дыханием спустившейся ночи, он словно растворился в джунглях, ничем уже не нарушая их царственный покой. Джон нервно заерзал. Спустившаяся ночь напомнила ему о кошмаре, вот уже который месяц преследовавшем его.

...Он находился в комнате. Ни окон, ни дверей. Наглухо закрытый в ее четырех стенах, замурованный заживо, Джон отчаянно искал выход и с тупой одержимостью пытался проломить стены своей темницы. Неожиданно одна из стен дрогнула под его натиском. Джон куда-то провалился, больно ударяясь об осколки кирпича. Поднявшись, он сделал несколько неуверенных шагов на ослабевших ногах по скрежещему осколками кирпича полу. Оглянувшись по сторонам, Джон понял, что оказался погребенным в точно

такой же комнате. Он споткнулся, упал, поднялся и, теряя последние крупницы воли, заставил себя опять искать слабое место в стене, чтобы, одолев ее, снова оказаться в ледящей душу холодом комнате, усеянную битым кирпичом. Наконец, озираясь по сторонам, Джон вдруг осознал, что собственно никогда и не покидал этой комнаты...

Мирроу мотнул головой, отгоняя ночное видение. Он вдруг почувствовал нарастающее в нем раздражение. «Какого хрена я здесь делаю?! — озлобленно подумал он. — Сижу как подсадная утка для их Кецалькоатля. Дать бы по всей их Тауантинсуйю, чтоб только перья полетели вместе с этим Кецалько... Тьфу ты, черт... атлем! А дальше хоть трава не расти». — Он покосился на девушку. Икью поежилась, словно уловив его мысли. Обняв колени руками она, опустила на них подбородок, невидящим взором всматриваясь куда-то в темноту.

—Мы действительно не знаем, зачем ты ему понадобился. Все наши попытки прикоснуться к информации завершились неудачей, — дрожащим от волнения голосом, словно чего-то испугавшись, ответила она. Джону стало стыдно за свой срыв. И хотя девушка не могла знать всего того, о чем он думал. Мирроу почему-то казалось, что ей каким-то образом все и так было известно. Он давно заметил некую связь между ними, но объяснить, что именно это было, Джон пока не мог.

—Но все равно тебе незачем его бояться, — не поворачивая головы в его сторону, добавила она. Мирроу буркнул что-то нечленораздельное, затем чуть погода проямлил:

—Да я и не боюсь.

Теперь он был готов провалиться со стыда сквозь землю. Джон действительно опасался этой встречи. Что там эти атланты еще задумали?

—Просто вся эта история с моим пребыванием здесь,—

сбивчиво начал он, - немного выбила меня из колеи, что ли.

– Не могу же я вот так сразу привыкнуть к такому вниманию к себе, – на ходу выворачивался он, все тверже и увереннее выговаривая слова.

Уловив это, девушка улыбнулась. Ободренный ее улыбкой, Мирроу решил закрепить свой успех.

– И потом, ты мне давно обещала объяснить, что такое «прикоснуться к информации». «Ну, полный кретин, – разозлился на себя Джон, услышав себя как бы со стороны. – Как будто незнание этого чертового «прикосновения» мне и отравляет всю жизнь».

– Видишь ли, Джон, – охотно начала объяснять девушка, – все, что окружает нас, состоит из информации или как бы пропитано ею. Зная природу ее мнемоники, информацию можно распознать, прочесть, иными словами, осмыслить в полном объеме весь интересующий тебя объект или явление, – распалаясь Икью, описывая руками в воздухе замысловатые фигуры.

– Как это? – Джон вытаращил на девушку глаза.

– Понимаешь, – продолжала она, – наши ученые проделали невообразимую работу, буквально по крупичкам восстанавливая те ниточки, которые связывают нас с природой, и забытые, а то и просто утраченные на протяжении многих веков. В конечном итоге они пришли к ошеломляющим результатам: Человек является не только неотъемлемой частью всего того, что мы называем Вселенной, но и вправе управлять ЕЮ при ЕЁ участии. И такие безделицы вроде телекинеза и телепортации кажутся детской забавой, по сравнению с теми возможностями, что еще дремлют в нас. Перед Разумом открываются фантастические горизонты восприятия мира. Это неисчислимое количество новых граней его восприятия, позволяющие созидать, делают индивидуум

Творцом. С помощью информации, скрытой в капле воды, он сможет воссоздать образы как океана, так и всей Вселенной, с населяющими его мирами и различными формами жизни. Но пока это все в будущем, хотя наши ученые уже сейчас смогли приоткрыть этот занавес и научились читать информацию, хотя и в самых ее примитивных проявлениях.

– Все равно я ничего не понял, – признался Джон, пожимая плечами.

– Ну, скажем самое легкое, например, – продолжала Икью, – это распознавание биоизлучения. Ведь от каждого живого существа исходит биоинформация.

– Постой, – перебил ее Мирроу. – Это значит, что на расстоянии можно читать мысли? – настороженно поинтересовался он.

– Не совсем так, но... – девушка неопределенно покачала головой.

– Теперь я понимаю, почему у меня было ощущение того, что за мной следят на базе, да и перед твоим братом я был как на ладони, – насупился Джон.

– Да нет же! Уф, какой ты нетерпеливый, – Икью смешно раздула щеки. – Дослушай сначала, – никто твои мысли не читает, – растягивая слова, назидательным тоном произнесла девушка. – Но по характеру биоизлучений можно предположить, что следует ожидать от того или иного индивидуума, – сказала Икью, сделав ударение на слове «предположить».

– Иногда это удается, иногда нет, – продолжала она, – но между людьми, владеющими способностью считывать биоинформацию, можно установить вполне устойчивую связь.

– Что-то похожее на радио, – догадался Джон.

– Ну, в общих чертах, конечно.

–Значит, о сегодняшнем нападении уже известно в Инти Уауан Акус? – поинтересовался Мирроу.

–Нет, – ответила девушка. – Мы делаем только первые шаги к овладению информацией, и поэтому поддерживать постоянный контакт не всегда удается. Тем более, что человек, владеющий этой способностью, в состоянии заблокировать доступ к своим биоизлучениям.

–И поэтому планы Кецалькоатля вам недоступны, – домыслил Мирроу, – а так как этот парень способен на большие глупости, то вам его необходимо изолировать, – он выразительно провел большим пальцем по своему горлу. Икью укоризненно посмотрела на Джона.

–Ты не понимаешь, Джон, – как-то сразу сжалась девушка. В ее глазах стояла боль.

Не выдержав ее взгляда, Джон отвел глаза, в который раз пожалев о своем легкомыслии.

–Ты не понимаешь всей важности открытия атлантов, его эзотеричности. Кецалькоатль не может или не хочет понимать, что те знания, которые он пытается передать племенам (а нам это достоверно известно), погубят их, как, впрочем, и его самого.

–Разве вы сами не передавали знания этим же племенам?– возразил Мирроу.

–Количество, а самое главное качество знаний, передаваемых нами раньше, несоизмеримо мало, а на данном этапе и вовсе ничтожно по сравнению с теми знаниями, что пытается синтезировать Кецалькоатль. Сама квинтэссенция этих знаний заставит посвященных выйти на зыбкую дорогу противостояния низшего начала природы с высшим. И это-то напряжение, где стремление оставить право за собой употребить все могущество знаний, секретов земли и неба, непременно оголит и поставит в противоречивое

отношение между собой все слабости собственной природы, что непременно ведет к гибели человека, ведь Вселенная не собирается уступать всю славу своих творений низшему началу. А посему, ЕЙ остается только ждать, когда Разум на очередном этапе своей эволюции перейдет в следующий революционно качественный этап своего состояния, состояния всепланетарного социума. Тогда человек, наконец, будет готов к пониманию и принятию законов высшего проявления природы. И лишь только затем, совершив поэтапное изменение биоструктуры своего носителя, Разум сможет влиться во Вселенную, проходя вместе с НЕЙ виток за витком по спирали вечности.

–А что, если человек не примет этих законов или, скажем, не сможет понять их? – спросил Мирроу.

–Тогда человечество удосужится участи вируса, попавшего в здоровый организм. И пока болезнь всецело не завладела организмом, он просто-напросто уничтожает этот вирус, – печально улынулась девушка.

–Люди еще не готовы стать преемниками наших знаний. И в этом еще одна трагедия нашей исключительности. Нарушив естественный ход вещей, преждевременно попытавшись проникнуть во чрево Вселенной, мы лишились не только своей Родины и обрели себя на вымирание, но и оказались изолированными непроницаемой стеной страха, недоверия и непонимания от остального окружающего нас мира. Что проку от благоговения дикарей, когда мы для них всего лишь боги им покровительствующие? Ведь мы не можем передать им всех тех знаний, переполняющих нас и рвущихся наружу, готовых взорваться гнойным нарывом, приближая гибель человечества. И Кецалькоатль тому первое тревожное предупреждение для нас.

–Но все равно, должен же быть выход! – возмущенно

запротестовал Джон.

– Да, конечно, выход есть, – большие глаза Икью, вобравшие, казалось, в себя всю человеческую печаль, увлажнились.

– Помнишь, я говорила тебе, что конфликт с наска может сорвать всю нашу работу в этом городе? – продолжила она, справившись с минутной слабостью. Мирроу кивнул.

– Так вот, на протяжении десяти лет, что мы находимся здесь, мы ведем работу по уничтожению каких бы то ни было следов нашего пребывания на Ойкумене. Возможно, мы сумеем в последний раз воспользоваться Временным Колодцем, для того чтобы уйти в далекое будущее, а может быть, даже и прошлое, – разделить судьбу нашей Родины.

– Но ведь это самоубийство не только физическое, но и интеллектуальное! Разве к этому стремились атланты? Неужели в бесславной гибели своего народа вы видите спасение остального человечества? Может быть, я и действительно чего-то не понимаю, но догадаться, что именно эти знания, наоборот, способны вывести человечество из того тупика, к которому оно продвигалось многие тысячи лет, могу даже я! – Мирроу вскочил на ноги, эмоционально размахивая руками. Разгоряченный до предела дискуссией, он почти перешел на крик.

– Именно поэтому мы и оставили своего рода послание грядущим поколениям. Наступит время, и пирамиды явят миру то, что мы надежно укрыли в них. Сейчас же все наши старания тщетны, – девушка с нежностью посмотрела на Джона.

– Почему бы атлантам не передать весь свой опыт нам? – Мирроу, успокоившись, снова присел рядом с девушкой. Обуреваемый противоречивыми чувствами, он даже не придал значения упоминанию девушки о пирамидах

Впоследствии он будет часто с сожалением вспоминать об этой минуте и утраченном шансе выяснить все о пирамидах, и что именно атланты оставили грядущим поколениям. А сейчас он, сбитый с толку, с вниманием и надеждой смотрел на такое ставшее родным для него лицо в ожидании ответа.

– К сожалению, это невозможно.

– Но почему? – удивился Джон.

– Потому что вы не готовы к этому нравственно. Созидание и разрушение – вот то место между молотом и наковальней, где сейчас находится человечество. И пока оно разобщено идеологией, религией и расовыми предрассудками, пока оно не выберет дорогу к созиданию, до тех пор человечество будет рубить сук, на котором сидит. Что проку в знаниях, когда одни люди используют их для созидания, в то время, когда другие для разрушения?

– Но ведь можно как-то повлиять на сознание людей, – не сдавался Мирроу. – И я больше чем уверен, что вам это будет под силу!

– Пойми, Джон, никто не принимает чужой истины, – произнесла девушка как можно мягче.

Джон замолчал. События этого дня, нахлынувшие на него, на некоторое время отвлекли внимание Мирроу от девушки, до него еще доносился некоторое время шелест туники и аромат ее тела. Забыл он и о джунглях, где-то внизу оживших с приходом ночи, пугающей черной массой. Не замечал он и ночного неба. Обрушавшаяся на этот мир своим чревом Вселенная, словно пытаясь еще раз продемонстрировать свою колоссальную мощь людям, зажгла звезды, надменно поблескивающие над их головами. Перед мысленным взором Мирроу, в какой-то круговерти, проносились лица не очень знакомых, но ставших уже близкими ему людей. «... Это совершенно другой мир, его нельзя подгонять под

известные тебе рамки», - вдруг откуда-то выплыл голос Ака Ауаску, и в следующее мгновение – шум боя, перекошенные гневом и болью раскрашенные лица воинов, чье-то липкое чувство страха, вдруг на мгновение завладевшее Джоном, крики раненых о помощи, проклятья умирающих, полные тревоги глаза Икью, гневно осклабившаяся физиономия Уано Качи, и головы, повсюду головы, зловещими трофеями болтающиеся за поясами воинов, с застывшим на их лицах предсмертным оскалом. И над всем этим, где-то вверху, все усиливая свой металлический звон, был слышен голос Икью «... вы не готовы к этому нравственно..., никто не принимает чужой истины...». Джон сдавил ладонями виски, пытаясь заглушить звенящее эхо этих слов. Затем все неожиданно стихло. Он вдруг сразу сумел понять всю грандиозность замысла атлантов, словно на мгновение, вобрав в себя весь тысячелетний опыт этого народа, сконцентрировав в себе желания и помыслы, радости и печали миллионов людей, живших на когда-то цветущих землях. Уйдя в своем развитии далеко вперед, атланты пытались хоть как-то ускорить процесс развития других, отсталых народов, стремясь самим вырваться из интеллектуального плена, куда их загнал прогресс. Однажды открывшееся их Разуму откровение, в корне изменило мышление атлантов, заставило их качественно по другому посмотреть на окружающий мир, переосмыслить свое назначение в нем. Это поставило перед волею атлантов лишь одно усилие - донести до других невежественных народов сущность их предназначения и, ускорив их развитие, вместе влиться в новый мир: мир энергии, вечности, и тогда, навсегда освободившись от телесных пут Разум, сможет, наконец, стать вечным Путником Вселенной. Но как этого достичь? Джон ясно видел базы атлантов, словно лаборатории по созданию цивилизаций,

охватывающие очаги вновь зародившихся или только зарождающихся культур, они располагались по всей ойкумене, образуя четко вырисовывающуюся сферу влияний. Видел он и вероломных теократов – жрецов-астрономов, жаждущих повелевать народами, коварством и хитростью утаивая знания и посвящая в их таинство только избранных. И снова перед его взором пронеслись восстания, войны, поражающие своей бессмысленной жестокостью, всюду кровь, распризнати, борющейся за секреты могущества знаний. Затем безысходность от понимания атлантами всей утопии их замысла, крушение планов и надежд, боль и отчаяние после гибели их Родины, распад Коалиции и образование нового законодательного собрания, и, наконец, одиночество, еще более опустошительное, поражающее воображение своей прозрачностью. Одиночество, граничащее с безумием.

Джон вздрогнул, ощутив прикосновение девушки к своему плечу. Он повернулся к ней, рассеянно глядя на ее сосредоточенное лицо. Только после того, как пропало это чувство, Мирроу понял, что что-то плотным, упругим кольцом сдавливало его голову, сдерживая свинцовую упругость вен. Пришедшая на смену этого чувства легкость снова вернула Джону способность соображать, постепенно успокаивая сердцебиение.

–Что со мной случилось? – прерывающимся, осипшим голосом выдавил из себя Джон. –Я видел ваши базы, – он с трудом узнал свой голос. Его нервы настолько были напряжены, а чувства, переполняющие его, настолько велики, что казалось, они способны были разорвать на мелкие клочки тело, едва сдерживающее их нарастающую силу. Но вместо этого две жгучие слезинки вдруг выкатились из глаз Джона, а через секунду неудержимым потоком полились по его щекам. Не в состоянии произнести ни слова, Мирроу смущенно

смотрел на девушку, не в силах понять, что с ним происходит.

– Это скоро пройдет, – сказала девушка, нежно погладив его по голове. – Через свой источник я помогла тебе прикоснуться к информации. Так всегда бывает в первый раз. – Она прижала его голову к своей груди, запустив пальцы в его густую шевелюру. «Этого еще не хватало», – подумал Джон, услышав гулкое уханье сердца под упругой грудью девушки.

– Я залью тебе всю тунику, – прорыдал Мирроу и, справившись со слезами и подняв голову, увидел, что девушка, закрыв лицо руками и пытаясь сдержать смех, содрогается всем телом.

– Чего смешного-то, – всхлипывая, промычал он и вдруг сам, прыснув, покотился со смеху. Насмеявшись вдоволь, они снова сидели рядом, поглядывая друг на друга, не в силах сдерживать улыбку. Рука Джона сама собой легла на плечи девушки. Прильнув к нему всем телом, Икью склонила на его плечо голову. И вновь мир поплыл перед его глазами, меняя свои привычные очертания, звуки, стирая грань между вымыслом и реальностью. Но теперь Джону было не важно, где он находится, на границе каких миров сейчас блуждал его разум. Единственно главным сейчас было присутствие рядом с ним Икью, ощущение теплоты ее юного тела, запаха ее шелковистых волос... Необычная легкость, овладевшая Джоном, его телом, мыслями, немного пугала, но он все же отдался этому новому чувству, всецело поглотившему его...

Джон уже давно потерял счет времени, когда Икью нарушила их умиротворенное молчание:

– Скоро начнется рассвет. Видишь, вон там, из-за горизонта, восходит *Вилькакото*, – девушка, освободившись от объятий Мирроу, указала на северо-восток, где виднелось звездное скопление. – Старые люди утверждают, что чувства, испытываемые друг к другу влюбленной пары, увидевшей

восход *Вилькакото*, никогда не охлаждаются и всегда полны жара этих звезд.

– У нас его называют Плеяд, – прервал её Джон.

– Плеяд. Какое красивое созвучие, – задумчиво произнесла она, и чуть позже устало добавила: – Нам нужно отдохнуть. Сегодня нам предстоит подготовить все необходимое к отлету в Инти Уауан Акус.

Задержавшись возле трапециевидного проема, ведущего внутрь пирамиды, Мирроу обернулся, еще раз бросив взгляд на гелеакический восход Плеяд. «А оно, действительно, похоже на *Вилькакото* – солнечные семена. Икью сказала «влюбленная пара», что она хотела этим сказать?», с замиранием сердца размышлял он, шагнув на лестницу ведущую вниз.

В эту ночь, впервые за последнее время, кошмары Джона больше не преследовали. Проспав три часа глубоким и безмятежным сном, он проснулся отдохнувшим, бодрым и полным сил к действию. Позавтракав на скорую руку, он, сопровождаемый двумя атлантами, направился к своей машине, оставленной им там же на опушке. Пробравшись по уже знакомому лазу к месту стоянки вертолета, Мирроу с удовольствием отметил отсутствие следов вчерашней утренней драмы. Икью уже находилась на поляне. Девушка стояла в окружении индейцев, тихо отдавая им какие-то распоряжения. Заметив приближение Мирроу, индейцы, согнувшись пополам, попятились назад, что-то бормоча себе под нос, украдкой бросая в его сторону испуганные взгляды. Икью тут же обернулась и, увидев Джона, пошла к нему навстречу, подарив ему одну из своих самых обворожительных улыбок.

– Что случилось? – спросил Джон девушку после их приветствия. – Раньше они так не вели себя при моем

появлении, – он кивнул головой в сторону согнутых спин индейцев, державшихся на почтительном расстоянии.

– Дело в том, что раньше ты не был *Ильяпой*, – по-прежнему улыбаясь, ответила девушка.

– Это что еще за черт? – нахмурил брови Мирроу.

К сюрпризам Джон всегда относился с опаской, особенно теперь, когда он жил с народом, обычаи которого для него были в высшей степени загадкой. Хмурый взгляд «Ильяпы» еще сильнее рассмешил девушку:

– Это бог молнии и грома, – весело засмеялась она.

– А нельзя это... как-нибудь... – Джон сделал неопределенный жест рукой, – ну, отменить, что ли. Какой же из меня Ильяпа? – с опаской, не зная, чем грозит ему новый титул, поинтересовался он.

– Нет, конечно – Икью озорно посмотрела на него. – После вчерашнего шума, который ты здесь наделал, это невозможно.

– И что я теперь должен делать? – Джону так и не передался оптимизм девушки, ему не давала покоя его новая должность.

– Как можно меньше обращай на это внимания, – беззаботно ответила она. – Я же являюсь *Ии-Чель* – богиней ткачества и медицины, и как видишь, со мной все в порядке. Тем более что ... – Икью вдруг осеклась на полуслове, отведя взгляд. От ее веселого настроения не осталось и следа.

– Тем более, что меня скоро отправят домой, – полутвердительно завершил Джон незаконченную девушкой фразу. Она слегка кивнула:

– Да, мы ведь с самого начала знали об этом, – девушка в упор посмотрела Джону в глаза, словно ожидая от него какого-то признания.

– Но никто не знал, когда именно это произойдет, – он

снова отвел глаза, не выдержав ее взгляда. Что-то удерживало его от разговора с Икью. Может быть, от самого главного разговора в его жизни. Он стал готовиться к нему сразу, как только понял, что не может жить без этой девушки, без ее изумрудных глаз, шелковистых волос, без ее улыбки, без ее дыхания. Сейчас он ясно осознавал, что другого такого случая для объяснения им может и не представиться, но те слова, которые он так бережно хранил для нее, комом застряли в горле, вызывая внутри неприятный холодок. Мирроу ненавидел себя за минутное малодушие, но момент был упущен.

– Ну что ж, надо посмотреть все ли у нас готово к вылету, – изменив тон, нарочито бодро сказала Икью, направляясь к вертолету. Постояв еще несколько секунд, Джон с трудом оторвал от земли свои задеревенелые ноги и присоединился к девушке, уверенно зашагавшей к его машине.

Все оставшееся до полета время Джон ходил как грозовая туча, наводя ужас своим видом на перепуганных индейцев. Поразмыслив обо всем, он дал себе слово при первом удобном моменте признаться Икью в своих чувствах – а там будь что будет. С этим твердым намерением он постоянно искал встречи с девушкой, но как только они оставались наедине, у нее всегда находился предлог покинуть его общество, приводя Мирроу в еще более хмурый вид.

К полудню все было готово для отбытия. Бормоча себе под нос что-то типа: «Куда они запропастились», Джон деловито расхаживал вокруг вертолета, проверяя, все ли на своих местах, пытаясь хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, роящихся в его голове. Солнце уже стояло в зените. Его лучи нещадно палили землю, и Джон с завистью поглядывал на своих помощников-индейцев, расположившихся под тенью близ раскидистых деревьев. Вот уже с полчаса как весь груз

был установлен и закреплен, и ему ничего не оставалось, как бродить вокруг вертолета, придумывая себе занятие. Девушка куда-то исчезла, оставив его наедине с почитателями бога грозы и грома, предупредив, что скоро вернется.

–А кто его знает, любит этот их Ильяпа тень или нет? – вслух рассуждал он, кидая тоскливые взгляды на отдыхающих индейцев в спасительной прохладе. Джон не хотел упасть лицом в грязь, тем самым опорочив имя хоть какого никакого, а бога, которого ему теперь волей-неволей приходилось представлять. «Надо же, и.о. бога, – усмехнулся про себя Джон. – Тьфу ты, просто гротеск какой-то, в кошмарном сне и то такого не увидишь!» Смахнув просаленным рукавом с лица пот, он, тяжело вздохнув, в который раз вновь отправился проверять бак с горючим. Наконец Джон увидел девушку в сопровождении Ака Ауаску. На этот раз на них были надеты алые туники, а вернее всего что-то отдаленно напоминающее их. Он еще никогда не видел атлантов в таком наряде. Алая материя изящно облегла тело, искусно подчеркивая все достоинства, и скреплялась у правого плеча золотой брошью в виде солнца с большим изумрудом в центре ее. Одежда не скрывала ног, и Джону было как-то не по себе наблюдать за выставленной напоказ парой крепких, стройных ножек девушки. Запястье каждого из атлантов украшала все та же алая материя с золотой вышивкой *токану* – рядами, заключенных в квадратные рамки геометрических символов. Переливающийся в лучах солнца алый цвет как-то по- особенному выделял эти две фигуры, создавая фантастический эффект. Казалось, подгоняемые солнечным ветром, они, словно два паруса, медленно проплывали на фоне зеленой феерии джунглей. Глядя на Джона, не надо было иметь особого дара, чтобы догадаться, о чем он сейчас думал. Мирроу беззастенчиво разглядывал смутившуюся девушку.

–В этой форме мы будем представлять восточную провинцию. А так как у каждой провинции есть свой цвет, то нам необходимо быть на совете в алой форме. – Словно оправдываясь в чем-то, сказала Икью, как только они подошли к вертолету. Ака Ауаску тут же хмыкнул, покосившись на сестру и покачав головой, уставился куда-то в сторону, демонстрируя окружающим полное свое безразличие к происходящему.

–А в каком цвете одежды будут предстоять другие? – наконец сглотнул Джон после затянувшейся, неловкой паузы.

–Западная сторона предстанет в черном, а северная и южная соответственно в белом и желтом платьях. Вообще-то, иерархия у нас довольно сложная, и я боюсь, что ты запутаешься во всех «чаках», «повахтунах» и «бакабах», представляющих провинции. Да в этом тебе, я думаю, разобраться и не к чему.

«Что, правда, то, правда, – подумал Джон, – мне бы в самом себе сперва разобраться». И вновь мысленно пообещав признаться девушке в своих чувствах к ней, тяжело вздохнув, взобрался в кабину машины. Атланты уже устроились там. Икью сидела в кресле второго пилота. Глаза девушки лихорадочно блестели, она с любопытством разглядывала то дисплеи на приборной доске, то кабину, крутясь в разные стороны, для того, чтобы подробней разглядеть ту или иную деталь вертолета, чего нельзя было сказать о ее брате, напряженно всматривающимся в одну точку, находящуюся где-то на доске приборов. Ака Ауаску, видимо, терзающийся душевными муками страха перед полетом, каким-то образом «трансформировав» свое тело, смог втиснуться позади кресел между коробок с аппаратурой. Уточнив у него курс движения машины, Мирроу поднял ее в воздух и полетел навстречу неизвестности. Это был тот самый редкий случай

в его жизни, когда сам он не мог принять никакого участия в своей дальнейшей судьбе, когда все было давным-давно решено за него. Кем и когда было принято это решение для Джона, не имело уже ни какого значения. Слишком много он потратил сил для того, чтобы понять вопросы, на которые не знал, да и не мог знать ответов. Сейчас он был уверен в одном: ему необходимо выполнить задание, начатое им там, в прошлой, кажущейся теперь ему сном жизни, задание, перешедшее в свою завершающую финальную стадию. Джон почти не слушал, о чем ему пыталась рассказать Икью. Погрузившись в свои мысли, он лишь изредка понимал смысл доносившихся до него слов. Девушка рассказывала о дереве, пронизывающем тринадцать небес (или параллельных миров?) и девять подземных миров, по углам которого, напротив каждой из сторон света, находились еще четыре других дерева, окрашенных в те самые желтый, черный, белый и красный цвета, что и лестницы архитектурного комплекса в Тамботоко, ведущие от центральной площади наверх к четырем площадкам с располагающимися на них пирамидами. Каким-то образом все это было очень тесно связано между собой и являлось образом некоей модели Вселенной. Мирроу так и не разобрался, чье именно представление о Вселенной пыталась передать ему девушка – атлантов или какого-то народа из северной провинции, находящегося под контролем Кецалькоатля. Когда же, наконец, он очнулся от своего тупого раздумья, то уточнять уже не стал, полагая, что это будет выглядеть бестактно. А позади Джона, с позеленевшим лицом, ворочая скулами и растирая зубы в порошок, давал указания об изменениях в движении по маршруту, здоровяк Ака Ауаску. И хотя по всему было заметно, что говорить ему давалось с большим трудом, он мужественно переносил все тяготы полета. Атлант

имел прекрасное представление о месторасположении их вертолета, он замечательно ориентировался на местности во время всего полета, выбирая для движения малозаселенные районы (по крайней мере, так показалось Джону – на протяжении всего пути им не повстречалась ни одна живая душа). Изначально взяв за ориентир реку, они полетели по ее весьма прихотливо извивающемуся руслу, на фоне однообразного зеленого покрывала джунглей. Минуя пороги, по берегам которых еще были заметны следы недавней драмы, река протекала по созданной ею самой долине, среди старцев озерков, свидетельств старых блужданий ее русла. На встречающихся кое-где песчаных отмелях реки были видны черепахи, заползающие сюда для откладывания яиц или греющиеся на теплом песке кайманы, подставляя свои спины жаркому солнцу. По обеим сторонам речной долины стоял сухой лес, переходящий затем в кустарниковую саванну, еще более сухую и трудно проходимую местность перед внезапно поднимающимся вверх дождевым лесом. « Все так же, как и две тысячи лет назад или две тысячи лет вперед? Завидное однообразие», – подумал Мирроу. Если бы не прекрасное личико Икью, восторженно наблюдавшей за раскинувшимся внизу ландшафтом, да позади тяжелого сопения Ака Ауаску, Джон не заметил бы никакой перемены с момента его вылета с базы «Грифов» на боевое задание. Вскоре предоставив речную долину самой себе, «Кайова» повернул на юго-запад, погрузившись в лесной бесконечный океан, от горизонта до горизонта несущий свои зеленые волны. Оставив, наконец, за собой джунгли, взгляду Мирроу открылось каменистое плато, по своему масштабу и единообразному унынию напомнившее пустыню. Вскоре и ее застывшая каменная гладь, с выступающими кое-где на ней солончаками, осталась где-то позади, открывая вид на царственно раскинутое синее

озеро, величаво уносящее свои волны далеко за горизонт.

–Фить-фу, – присвистнул Джон, глядя на раскрывшуюся перед ними картину.

–Это священное для каждого индейца место, – перекрывая шум двигателя, проревел в самое ухо Мирроу сразу повеселевший Ака Ауаску. Он так и заерзал где-то между коробок в предвкушении скорейшего завершения их путешествия.

–Озеро Титикака! Скоро будем на месте, – еще успел добавить он и тут же с позеленевшим лицом откинулся назад.

–А что это там внизу? – Джон указал на остров, расположенный недалеко от береговой линии, мимо которого они сейчас пролетали. Он был просто утыкан каменными башнями разной высоты и разного диаметра. Башен было настолько много, что казалось, остров был покрыт окаменелыми остовами леса, когда-то растущего на нем.

–Это *чульты*, – подключилась к разговору девушка, давая возможность своему брату справиться с подступившей тошнотой. – Захоронения индейцев. Внутри этих башен находятся мумифицированные останки «сильных мира сего», – прокричала она, смешно наморщив свой носик.

Пронесясь мимо этого «каменного леса», словно подтверждавшего собой сентенцию «И так проходит слава мира», Мирроу, придерживаясь береговой линии, направил машину на юг, преодолевая последние километры многочасового полета.

То, что в конце их пути открылось взору Мирроу, превзошло его самые смелые ожидания. Вместо однообразных зарослей джунглей, унылого безжизненного каменного плата и застывших в угрюмом ожидании каменных башен – могильников – перед ними открылась холмистая долина с узкими – от желто-красного до зеленого цвета

– террасообразными полями. Поднимаясь все выше и выше, холмы переходили в скалистую горную гряду, где цепляющиеся друг за друга террасы, превращаясь в тонкие нити, исчезали совсем. Повсюду они видели возделывающих поля крестьян, а на свободных от засева культурами землях – многочисленные стада лам, присматриваемые пастухами. Завидев в небе огромную птицу, рокот которой раздавался на много километров, индейцы, побросав свои орудия труда, в панике разбежались в разные стороны, в религиозном экстазе вскидывая руки к небу.

–Теперь ты понимаешь, почему я был против участия твоей машины в сражении? – мрачно поинтересовался Ака Ауаску.

Мирроу кивнул головой. События в Тамботоко разнеслись с быстротой молнии, обрастая все новыми мистическими подробностями, передаваемыми из уст в уста. Теперь и он с сожалением думал о случившемся. Никогда еще не было такой смуты, поселившейся в сердцах индейцев. Еще ни разу боги так явственно не вмешивались в дела людские. Что же будет дальше, задавали себе вопрос люди? Кто уберезит их от гнева небес? Может, это и есть преддверие потопа, о котором так много говорят жрецы из Вечного Города, приближая день, когда не станет Наставников?

Вскоре Мирроу увидел и сам Инти Уауан Акус. Раскинувшийся на берегу озера город по величине замысла и грандиозности воплощения мог сравниться разве что с египетскими пирамидами. Город был выстроен из огромных каменных блоков. Повсюду виднелись прекрасные храмы и гигантские каменные статуи. Обилием великолепных храмов поражал церемониальный центр Инти Уауан Акуса. В центре его возвышалась усеченная пирамида. На вершине ее седьмого уровня размещался внутренний двор в форме

квадрата, служившего дренажем дождевой воды. Видимо, существовала целая сеть дренажей, соединенных между собой, так как по всем уровням пирамиды непрерывно стекали каскады воды. Зрелище было незабываемое: казалось, сама пирамида была наполнена водой. Западной города тянулась горная гряда и возвышающейся в центре города пирамиде, переливающейся в радужном облаке каскадов, это придавало еще более величественный значимый вид. Город был уже достаточно близко, чтобы можно было разглядеть более детально его постройки. Предназначение некоторых из них были для Джона непонятны. Так, например, у самого берега с озером была странная, террасообразная постройка, обнесенная двойной стеной с помещенным на ее вершине то ли святилищем, то ли жертвенником. Кроме того, весь этот комплекс дополняли несколько ворот и похожие на седла огромные каменные сооружения. Величественные массивные постройки были повсюду. Все здесь: и эти монументальные сооружения с внутренними дворами, разбитыми палисадниками и парками и вымощенные булыжником дороги, и грандиозные террасообразные поля, расположенные на окружающих город холмах,— наглядно демонстрировали всю мощь правителей города.

Уже подлетая к черте города, Джон увидел, как на пирамиду мерно, будто чеканя каждый шаг, взбирается вереница жрецов (кто как не они?), облаченных в черные мантии. Мирроу хотел уже было спросить, что это за представление, когда прямо ему в ухо с облегчением выдохнул Ака Ауаску:

—Садимся прямо на площади у *Акапаны!*

—Где? — не понял Джон.

—У пирамиды, — повторил здоровяк, указывая пальцем на вымощенную булыжником площадь у подножья пирамиды.

Глава 5

Ложе Мирроу нельзя было отказать в удобстве. Пожалуй, сейчас он и не вспомнил бы, когда в последний раз испытывал такое чувство комфорта и неги охвативших все его тело, возлежащее на огромной, теплой, мягкой, пуховой перине. Две юные индианки, укрыв его толстым одеялом из шерсти ламы, моментально выскользнули из покоев, отведенных для Мирроу гостеприимными хозяевами. Лишь тихонько позвякивали опускающиеся дождиком медные пластинки — единственное, что преграждало вход в его опочивальню, напоминая, что здесь был кто-то еще. Казалось, напряжение последних дней немедленно должно было погрузить Джона в глубокий сон, но он, ворочаясь с одного бока на другой, так и не мог погрузиться в долгожданную негу. Снова и снова он перебирал в уме события, происшедшие сразу после его прилета.

Прием, устроенный в его честь, был более чем торжественный. На вершине усеченной пирамиды, состоящей из семи уровней, дули в свои раковины—горны жрецы, одетые в черные мантии. Тягучие, низкие звуки, усиливающие значимость момента, растекались с пирамиды, наполняя собой город, и, уходя далеко за его пределы, тонули в священных водах озера. Мирроу вспомнился совсем другой прием, когда еще совсем недавно его, связанного, вели к жертвенному алтарю по улицам города Тамботоко. Теперь же двух охранников тогда, его сопровождавших, заменяла целая делегация, состоящая из жрецов и атлантов. Впереди, одетые во все те же черные мантии, шли жрецы, мерно ударяя в обтянутые кожей барабаны в форме ягуаров. За ними шел оглушенный, сбитый с толку и немного растерянный Джон,

и лишь следом за ним шли атланты, судя по расцветке своей одежды представляющие все четыре провинции. Процессия торжественно направилась в сторону неподалеку расположившегося дворца, со всех сторон обнесенного забором.

При полете к городу Мирроу охватило необычайное волнение, когда он увидел находящийся в его центре церемониальный комплекс. Величественные дворцы и храмы города, выстроенные из тяжелых каменных блоков, не были обнесены городской стеной. Вечный Город, находясь на возвышенности, был открыт для взора путников, словно призывая к созерцанию и пониманию своей архитектуры.

Вскоре процессия оказалась у резных каменных ворот. Перед самым входом в них Джон невольно обернулся, словно ища поддержки своим душевным силам перед очередным серьезным испытанием. Среди бесчисленных взглядов, выражающих то любопытство, то праздный интерес, а то и просто безразличие, он отыскал один-единственный, светящийся теплом, который словно говорил ему: «Не переживай, все будет хорошо, я буду поблизости!». Икью в этой движущейся церемониальной колонне занимала соответствующее для нее место в иерархической лестнице атлантского общества и поэтому впервые за все время не сопровождала Мирроу, а шла позади его с другими представителями восточной провинции, прибывшими отдельно от Джона и сопровождающих его атлантов. Пройдя в ворота, Джон оказался в патио – внутреннем дворе. Соблюдая всю ту же торжественность, шествие направилось к расположенной рядом крытой зале с большими порталами и окнами. Четверо монахов у входа в залу извлекли из своих раковин мощную звуковую полифонию, и вдруг все стихло. От неожиданно наступившей тишины у Мирроу зазвенело

в ушах, и поэтому от вновь ударивших барабанов сердце его чуть не выпрыгнуло из груди. Монахи, выстроившись коридором, пропускали Джона и атлантов внутрь помещения. Все сильнее били барабаны, все сильнее колотилось в груди его сердце. «Боже ж ты мой, – ухало тамбуринами в голове у Мирроу, – прямо как на расстрел ведут. Все жилы вытянут, чтоб их...». Он вдруг поймал себя на том, что слегка похлопывает по карману, проверяя, на месте ли находится его пистолет. Взяв себя в руки, Джон, стараясь не выдавать охватившей его тревоги, без раздумий зашел во Дворец Юстиции. Это название как-то само собой пришло к нему в голову. Скорей всего, от того убранства, что он увидел внутри, а может, из-за предстоящего в этом здании заседания совета. Бой барабанов здесь был почти не слышен, а приятная прохлада расслабляла разгоряченное тело, успокаивая натянутые в струну нервы. Дворец Юстиции был довольно внушительных размеров. Наибольшее его пространство занимали кафедры из красного дерева. Они были выстроены в один ряд, образуя овал таким образом, что каждого из выступавших можно было видеть. Тут же находились изящные скамейки с превосходными образчиками резьбы. Напротив входа, у самой дальней стены, стояла, видимо, председательствующая кафедра. Она была больше остальных и, как следовало ожидать, инкрустирована золотым изображением солнца. Между этой кафедрой и стеной стояла статуя, вроде тех, что Джон видел с вертолета. Это был трехметровый каменный колосс. Голова его была украшена повязкой, сложенные на груди руки держали какой-то сосуд и раковину-горн. Живот колосса, так же как и голова, был обвязан широким поясом. Но больше всего Джона поразило его полное скорби лицо. По щекам колосса катились слезы. Стены дворца были оббиты медными, бронзовыми и золотыми пластинами в стиле мозаики, образуя на стенах

панно с таинственными мандалами и окаймляющими их токапу. Пол был застелен огромным ослепительно-белым ковром в центре, которого тоже была выткана мандала. Джон вздрогнул от прикосновения к своей руке. Это была Икью.

–Пойдем, – шепнула она ему, увлекая за собой на восточную сторону зала.

Барабаны и горны стихли, и в наступившей тишине было слышно, как атланты неспешно расходились, занимая свои обычные места, вполголоса делясь впечатлениями о только что прошедшей церемонии. Некоторые из них с неприкрытым любопытством наблюдали за Джоном, были и такие, которые, казалось, вообще не замечают его присутствия. Но тем не менее Мирроу явственно ощущал, как внешне спокойное и степенное собрание просто бурлило в котле скрытых страстей. Джон чуть ли не физически ощущал ту интригу, которая витала в воздухе Дворца Юстиции. Это было затишье перед бурей.

–А он приехал или нет? – шепотом, сливавшимся с общим гомоном, спросил Джон девушку.

–Кто? – она с удивлением посмотрела на него.

–Кецалькоатль, – до едва слышного понизив голос, в самое ухо девушки прошептал Джон. Икью нахмурила брови:

–Сдался он тебе! – но через мгновенье добавила: –В северном секторе самый яркий попугай. Тебе сейчас не об этом надо думать! – рассержено закончила она.

Мирроу хотел было возразить, но, решив, что сейчас для споров не самое лучшее время, переключил свое внимание на северный сектор, где почти сразу увидел среди малочисленной делегации того, кто так упорно добивался присутствия Мирроу на совете. Джон понял, почему Икью обозвала его попугаем. Кецалькоатль был единственным (может быть для того, чтобы противопоставить себя совету), кто надел на совет

прекрасный белый плащ (цвет его провинции), сотканный из перьев попугая, с великолепной золотой вышивкой головы пернатого змея на спине. Это был мужчина лет сорока. На вытянутом бледноватом лице выделялся длинный, тонкий нос, а из-под рыжеватых бровей смотрела пара цепких, подвижных глаз. Он создавал странное впечатление: находясь со всеми, он как бы существовал сам по себе, отстраненно, как бы со стороны приглядываясь к будущему полю сражения, оценивая своих соперников.

Приглядываясь к собравшимся в зале, Кецалькоатль вдруг замер, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. И еще до того, как Мирроу успел отвести глаза, он резко повернулся в его сторону. На мгновение их глаза встретились. Джон будто попал под ледяной душ. Холодный, проникающий цепкий взгляд Кецалькоатля пронизывал его насквозь. Как горел его взгляд! «Кто посмел?!» – как бы говорили эти глаза. И вдруг Джон понял, что Кецалькоатль узнал его, глаза атланта сменили гнев на милость, наполняясь пугающей пустотой. «Как удав на кролика», – промелькнуло в голове у Мирроу. Краем глаза он успел заметить скользнувшую по лицу Кецалькоатля улыбку. Понял ли он, о чем подумал Мирроу? Джон вдруг вспомнил, с какой легкостью, по словам Икью, Кецалькоатль может блокировать, а значит, и считывать информацию. А что, если он и сейчас невидимыми щупальцами копошится в голове у Джона? Что же он может там отыскать? Да и нужно ли ему это «что-то»? Ведь никто так Джону и не сказал, для чего Кецалькоатль настоял на его присутствии на совете. Может быть, из праздного любопытства? Но зачем подвергать себя риску ради того, чтобы только посмотреть на пришельца из будущего? Вряд ли Кецалькоатль не был в курсе о намерении совета изолировать его, появившись он в Инти Уауан Акусе. Если бы только Икью

знала о намерениях Кецалькоатля, то, конечно же, рассказала бы о них Джону. А если все-таки нет, если он, Джон Мирроу, является частью какого-то их чудовищного плана, а он сидит развесив уши и ждет, когда ему зачитают приговор? От этой мысли ледяной холодок пробежал у Мирроу по хребту. Но неожиданно откуда-то выплывшие воспоминания окунули его в события прошлой ночи. Он вновь почувствовал теплый ласкающий ветер, еле уловимый аромат Икью, склонившей свою голову на его грудь. А над ними полная звезд бездна...

Все тревоги Мирроу, теперь кажущиеся напрасными, развеялись вместе с туманными образами, клубившимися в его голове. Джон встряхнул головой, разгоняя последнюю дымку того, что осталось после них. Он почему-то снова посмотрел на Кецалькоатля. Плотно сжатые губы Атланта расплылись в улыбке. Все остальные мышцы его лица оставались неподвижными. Кецалькоатль, приподняв руку, чуть кивнул указательным пальцем в сторону Мирроу, будто желая сказать этим: «Ну, что попался! Знаю, знаю...».

Икью одернула Джона за рукав:

–Хватит тебе уже глазеть на него, а то он и не такое попытается тебе внушить.

У Джона округлились глаза:

–А откуда тебе известно...– слова его застряли в горле. А собственно, что могло быть известно девушке?

–Я заблокировала поток его информации, вызвав воспоминания о вчерашней ночи, - мягко улыбаясь ему, ответила Икью.

–Ну, надо же, – стараясь, чтобы его не слышали окружающие, гневно прошептал он, с силой ударив себя ладонками по коленям, - все кому не лень копаются у меня в башке!

–Я почувствовала негативный биопоток с его стороны

и, попытавшись заблокировать их, перенесла тебе свои впечатления о вчерашней ночи. Эмоционально они были совместимы с твоими, и поэтому у тебя все равно были именно твои ощущения, а не мною смодулированные, – в отчаянии глотала слова девушка.

–Пойми, Джон, Кецалькоатль сейчас может пойти на все что угодно. Мы не имеем права игнорируя его, рисковать. Мы должны контролировать все и всех, с кем он контактирует, особенно на информативном уровне, чтобы избежать даже самой мысли о возможной провокации, по части которых он великий мастер.

–Если вам так легко вбить в мою голову эту вашу информацию, заморочить меня, - продолжал кипеть Мирроу, почти не слушая девушку, - то скажи мне, ради Бога, почему эта провокация исходит от Кецалькоатля, а не... - Джон осекся на полуслове, мгновенно осознав вдруг то, что он чуть было не выпалил в порыве гнева, и лихорадочно соображал, как теперь ему исправить создавшуюся ситуацию.

–Ты хотел сказать а, – «не от меня»? – с вызовом спросила Икью.

–Да, – неожиданно для самого себя сознался Джон, еще не веря, что он был на это способен, и закрыл лицо руками. «Ну почему я все только порчу. Теперь она точно отвернется от меня», - с ужасом подумал он, а когда оторвал от лица руки, чтобы, наконец, пробормотать слова извинения, то, увидев глаза девушки, осекся. Икью как-то по-особенному смотрела на него. То, что излучали ее глаза, заставило его сердце трепетно забиться в груди. Лицо девушки вспыхнуло алым румянцем, выдавая волнение, высоко вздымалась ее грудь. Икью прямо посмотрела ему в глаза:

–Потому что, Джон Мирроу, я тебя люблю.

Если бы вместо седовласого атланта, только что

поднявшегося на председательствующую кафедру, появился старина Свинсон, Мирроу был бы меньше шокирован этим обстоятельством, нежели признанием Икью. Не то чтобы он не догадывался о чувствах девушки, но ее откровение было таким неожиданным и таким, как показалось Джону, несвоевременным, в такой неподходящий момент, что он растерялся: сейчас, подавленный и сметенный, он был похож на бившуюся с широко открытым ртом рыбу, выброшенную на берег. И пока Джон тщетно пытался вновь обрести почву под ногами, в зале началось открытие совета Общины Сыновей Солнца.

За кафедрой с изображением солнца стоял высокий седовласый мужчина, на вид лет шестидесяти - семидесяти. Его лоб пересекали две вертикальные складки – свидетельство недюжинного ума, а глубокие морщины, бороздящие лицо атланта и прячущиеся на подбородке в седой окладистой бороде, придавали ему суровый и непреклонный вид. Атлант был одет в желтое платье южной провинции. В его правой руке был посох с золотым наболдажником и двумя лентами - черной и фиолетовой, по-видимому, определяющие их хозяина как власть имущего. Начавшееся вскоре собрание, как показалось Джону, протекало тускло и обыденно. После подчеркнуто вежливого представления совету на Джона посыпались вопросы ученых мужей. Автоматически отвечая на них, Мирроу пытался выгащить из лабиринта памяти куда-то подевавшуюся пафосную речь, заранее приготовленную им по случаю заседания совета. Но вскоре, махнув на это рукой, Джон полностью переключился на нескончаемые, кажущиеся пустыми и бесполезными вопросы, и снова и снова перечислял известные ему созвездия, государства, цикличность лунного и солнечного календарей и даже топонимику той местности, где он попал в водоворот

хронального поля. Иногда, пытаясь определить внутреннее состояние девушки, Джон бросал исподтишка взгляды в ее сторону. Икью принимала в разговоре самое горячее участие. Перед ней стояла, пожалуй, самая трудная задача – правильно передать не только морфологию не имеющих аналога в языке атлантов слов, но и их семантику, с чем девушка достойно справлялась. Чувствуя гигантскую ответственность, возложенную на нее провидением, Икью была по-деловому собранна и строга, что придавало ей особое очарование. Но порозовевшие щеки и чуть вздрагивающие ноздри все же выдавали волнение, охватившее девушку после признания Джону в своих чувствах.

Трудно сказать, как долго длился этот блиц-опрос. Джон уже потерял счет времени, когда вдруг в зале наступила гробовая тишина. За все время совета Мирроу так и не услышал в свою честь ни высокопарных слов, ни светских антимоний, словно он, Джон Мирроу, не был пришельцем из будущего, а являлся всего лишь одним из коллег, собравшихся на этом заседании, который отчитывался перед своими товарищами о проделанной работе. Эта обыденность, немного смущавшая его вначале, в конце концов показалась Мирроу единственно верной в создавшейся ситуации, он и так с трудом вынес торжественный прием, устроенный в его честь, с него уже было достаточно нервных потрясений.

Тишину нарушил *Кон Тукси Виракоча*, – так представился седовласый председатель в самом начале совета. Атлант сдержанно поблагодарил Джона и, сославшись на нервное напряжение, вызванное дальним перелетом, что никак не могло не отразиться на его участниках, распорядился отвести Мирроу в комнату для отдыха, извинившись за то, что он не сможет присутствовать в дальнейшей работе совета.

Покидая собрание в сопровождении Икью, Джон

заметил, с каким лихорадочным нетерпеливым блеском в глазах провожали его атланты. Нет, для них это собрание не было рутинной! Как не хотелось этим людям, чтобы он уходил, не ответив хотя бы еще на несколько второстепенных, а не главных вопросов. Впрочем, существуют ли для человека, волею судеб заброшенного в водоворот времени, не главные вопросы? Только теперь, читая в глазах атлантов неподдельный интерес, Мирроу понял, с какой жадностью слушали каждое его слово эти люди, с какой тщательностью подбирали они вопросы, пытаясь максимально их свести для пользы дела, с целью безболезненного возвращения Джона в свое время. Сколько еще всего хотелось им узнать! Но, подчиняясь каким-то им одним известным правилам, Мирроу больше не расспрашивали.

Отведенная для его отдыха комната находилась в одном из прилегающих к Дворцу Юстиции зданий. Уже у самого входа в комнату Мирроу обернулся к девушке, все это время хранившей молчание. Он взял ее руки в свои.

–Икью, я хотел...

–Не надо, Джон, – перебила она, с нежностью глядя на него, – у нас еще будет время обо всем поговорить с тобой. А сейчас тебе необходимо отдохнуть, – некоторое время девушка еще стояла в нерешительности, будто взвешивая каждое слово перед тем, как сказать их Джону. – Совет еще не закончен, мне нужно возвращаться, извини, но сейчас мне нужна ясная голова, – потрепав его за волосы, Икью отправилась назад во Дворец Юстиции, оставив Джона на попечение двум молодым женщинам.

Тот сон, о котором мечтал Джон, так к нему и не пришел. Лишь на какое-то время тихо позвякивающие медные пластинки, прикрывающие вход в его комнату, смогли-таки погрузить его в дрему, но однажды от чего-то пробудившись,

он уже не смог уснуть вновь. Быстро одевшись, Мирроу вышел во двор.

Солнце уже клонилось на запад, касаясь своим красным диском остроконечных вершин горной гряды. Джон, изнывая от жары днем, теперь ощутил холодное дыхание гор. Зябко поежившись, он еще с минуту решал, стоит ли ему сейчас лишаться своего теплого ложа. Но возвращаться было неохота, и Джон, оставив позади уже опустевший Дворец Юстиции, направился к воротам. Только сейчас, когда остались позади все его тревожения, Мирроу обратил внимание на то, что патио – внутренний двор - находился несколько ниже уровня площади, за воротами, и чтобы выйти наружу, ему сначала пришлось подняться по незамеченной им раньше, небольшой, тщательно вырубленной лестнице. Еще пролетая над городом, Мирроу хорошо запомнил расположение городских кварталов, и сейчас, повернув в нужном направлении, он уверенно шагнул в какой-то переулок, направляясь в сторону озера.

Сорвавшееся с горных вершин солнце все быстрее катилось за гряды, ввергая город во власть муаровых теней. Джону отчего-то захотелось поближе рассмотреть то странное здание на берегу с каменными седлами и воротами. Он довольно быстро прошел уже безлюдными улицами к озеру, лишь ненадолго задерживаясь перед каменными колоссами, рассматривая гиганты, достигающие в высоту до семи метров. Восхищаясь этими статуями, Мирроу снова и снова задавал себе один и тот же вопрос: «Что делают здесь эти монолиты и какую роль отводили им строители города, повсеместно воздвигая статуи на его улицах?». Минувя очередную постройку, Джон оказался у береговой линии. Коридоры темных улиц увели его чуть правее, чем он рассчитывал. Поворачивать назад в поисках нужной

для него улицы Джону не хотелось. Постояв немного в нерешительности, он стал взбираться на холм, к подножию которого и вывела его уличная сетка города. Холм оказался довольно крутым, и скоро разгоряченный подъемом Джон с наслаждением подставлял лицо холодным потокам воздуха, спустившиеся с гор с приходом ночи. Когда он взобрался на самую вершину, перед ним открылась незабываемая картина. Погруженный в сумерки город был уже почти неразличим, и лишь кое-где, разорвав черную простыню ночи, еще отражали лучи уходящего солнца от своих каменных вершин гигантские постройки. Красный диск светила стремительно опускался за заснеженные вершины гор. Одни, уже потерявшие свою силу, лучи, веками пытаясь растопить снежные шапки вершин, медленно угасали во льдах, заливая девственные снега багрянцем, другие же, еще некоторое время скользя по водной глади, растворялись в священных водах Титикака, отражаясь дрожащими бликами в волнах этого бескрайнего озера.

Усилившийся ледяной ветер пронизывал Мирроу до косточек. Он зябко поежился и решил, что спустившийся с гор холод он терпеть не намерен и как только сможет лучше рассмотреть странное здание на берегу, ради чего он собственно и пришел, сразу вернется в свое теплое ложе.

–С наступлением ночи здесь, на плато, всегда так холодно, – услышал он и от неожиданности вздрогнул. Резко обернувшись, он увидел какую-то неуклюжую фигурку женщины и не сразу узнал в ней Икью. Балансируя руками, она легко перепрыгивала с одного камня на другой и лишь когда подошла ближе, Джон понял причину. На девушке была огромная, похожая на бурку и свисающая до пят накидка.

–Извини, я, по-моему, тебя напугала? – беззаботно прошептала она и тут же, подставляя свое тело холодному ветру, широко распахнув почти вдвое обернувшую ее накидку,

с шутливой гордостью сказала:

–Смотри, что я стащила у Ака Ауаску! – не дав Мирроу опомниться, девушка накинула один край хламиды ему на плечи. Когда Икью прижалась к Джону и обняла его за талию, толстая накидка из шерсти ламы укрыла их обоих от холода.

–Это мое любимое место. Мне нравится наблюдать отсюда за этими волнами, за вершинами и за Вечным Городом. Правда же, он восхитителен! – Икью, подняв свою очаровательную головку, заглянула Джону в лицо.

Но Мирроу теперь больше интересовало, как девушка узнала, что он именно сейчас находится на ее «любимом месте». Уж не следила ли она за ним? Но вместо этого вертевшегося на языке вопроса он ответил:

–Я никогда еще не видел более волнующей картины.

В конце концов, он ужасно рад видеть Икью, и не все ли равно, как она сюда попала - нарочно или случайно? Икью, будто в благодарность за его понимание, еще сильнее обняла Джона. Наслаждаясь развернувшейся перед ними панорамой, они еще долго молчали, погруженные каждый в свои мысли, слушая шум прибрежных волн, долетающий до них с порывами ветра.

–Я всегда думала, что это выглядит символично, – нарушив, наконец, молчание, задумчиво сказала Икью.

–Ты это о чем? – рассеяно поинтересовался Джон, пытаясь ухватиться за нить своих рассуждений.

–Символично выглядит то, что стены Вечного Города омываются волнами пилигрима Вселенной, действительно Вечными и инвариантными по своей природе, в отличие от преждевременности и амбициозности замысла атлантов, строителей Инти Уауана Акуса, – отрешенно ответила Икью.

–Тебе не кажется, что с меня уже достаточно загадок? – с некоторым раздражением бросил Мирроу.

–Прости, Джон, я сейчас все тебе объясню. Только давай сначала где-нибудь присядем.

Выбрав неподалеку валун, они удобно расположились на нем. Камень, вобравший в себя за день энергию солнечных лучей, еще не успел остыть, а под накидкой Ака Ауаску было тепло и уютно, и Джон, предчувствуя увлекательную беседу и навсегда простившись с мыслью о своей теплой постели, с удвоенным вниманием приготовился слушать Икью.

–Я как-то говорила тебе о том, что по капле воды можно воссоздать не только образ океана, но и всей Вселенной, с населяющими ее мирами и формами жизни, но не объяснила, почему. Так вот, вода это сначала пилигрим, а затем и лоцман, и впередсмотрящий в пространстве-времени корабля под названием Вселенная. Льдинки ее, носимые космическим ветром, блуждают по Вселенной до тех пор, пока ими не завладеет какая-нибудь планета в одной из звездных систем. Затем лучи близлежащей звезды растапливают эти льдинки. Так зарождается жизнь. Так, однажды, она зародилась и на Земле. Вода, омывая нас, всю планету, собирает во вместилище своей памяти все, к чему она когда-то прикасалась, регистрируя явления, формы, образы, законы, историю, развитие чего бы то ни было, коснись это хоть биосферы, хоть этногенеза земли или любой другой планеты. Она вбирает в себя информацию о деянии не только каждого отдельного индивида, народа, но и их помыслы. Приобретенная таким образом негативная информация, обретая материальность, находит выход своей отрицательной энергии посредством бурь, ураганов, цунами, гроз, наводнений и других стихийных бедствий, ведь вода повсюду, а значит, проявления высвобождения воды от негативной информации тоже могут обнаружиться где угодно, даже в нашем организме. Человек еще не научился отдавать

отчет своим словам и помыслам, имеющим материальный вес, отсюда и болезни. Но это, разумеется, отдельная и более глубокая тема. Что касается воды, то она, бесспорно, является живой субстанцией, одинаково с нашим миром присутствуя, ощущая и вбирая в себя информацию других, более тонких, параллельных миров. Испаряясь с поверхности океанов, вода, наконец, поднимается вверх, высвобождаясь в верхних слоях атмосферы от несущей ею информации, и, уже отчищенная, вновь выпадет на землю. Таким образом, с помощью своего «дыхания» океаны словно подключены к информационной сети Вселенной, постоянно обновляющей свою память. Сказать, что это колоссальнейшая сила, значит, не сказать ничего. Неразумное пользование даже такими ничтожными доступами к информации, какими владеем мы на сегодняшний день, может привести, самое малое, к катастрофе планетарного масштаба. Теперь ты понимаешь, какую потенциальную угрозу для мира содержит в себе возомнивший из себя бога Кецалькоатль, воспользуясь он этими знаниями? Не добившись ничего сейчас на совете, он пойдет дальше, и последствия его дальнейших действий непредсказуемы.

–Теперь я понимаю, что после того, что мне стало известно о воде, я навряд ли смогу принять душ, чтобы этим не вызвать торнадо. Потому что в моих мыслях творится черт знает что – в отличие от тебя, я не был на второй части совета и не могу знать, чего добивался этот ваш Кецалькоатль! – Мирроу остался вполне доволен своим выпадом, переключив тему разговора, заострив ее на вопросе, интересующем его в большей степени.

–Я совсем забыла об этом, – улыбнулась девушка, – сейчас я покажу тебе, как разбирался этот вопрос на совете, – она взяла Джона за руку.

Джон озадаченно посмотрел на Икью.

–Ты снова забыл о «прикосновении». А теперь закрой глаза и расслабься, – девушка сильней сжала его руку.

–Да уж это точно, забыл, – буркнул Мирроу, не зная, что теперь делать со столь легко давшейся ему победой.

Он закрыл глаза и почти сразу же оказался в знакомом ему зале Дворца Юстиции.

За председательствующей кафедрой говорил седовласый Кон Тикси Виракоча, его слова звучали все явственней и отчетливей.

–... я думаю, сейчас самое время пригласить *Наймлапа*, – он протянул *тупайаури* – свой посох, в сторону северной делегации. Ее малочисленные представители, как и прежде, располагались за кафедрами, расположенными напротив председателя совета.

–Всем известно, что в последнее время он наиболее тесно сотрудничал с Кецалькоатлем и может более объективно пролить свет на создавшуюся ситуацию в этой провинции.

Кецалькоатль хищно улыбнулся, недобро блеснув глазами в сторону Наймлапа.

–Все, кому небезразлична судьба Тауантинсуйю, вот уже довольно продолжительное время наблюдают за теми странными метаморфозами, что происходят в ее северной части, – начал свой доклад высокий, статный юноша.

Несмотря на молодость, он выглядел настоящим воином, сильным и крепким. Наймлап принадлежал уже к другому поколению атлантов, поколению, выросшему в лишениях и скитаниях на чужой земле, без права возвращения на свою Родину. Мирроу сразу уловил пусть не очень заметную разницу между детьми и их отцами. У молодых атлантов были уверенные, твердые лица. Не сломленное, но все же сполна хлебнувшее тягот старшее поколение напоминало

отважных рыбаков, продолжающих разбитыми веслами бороться со стихией, увлекающей их лодку в открытое море. С оставшихся в живых атлантов провидение взяло непомерно высокую плату, лишив их целостности, внутреннего стержня. Они, словно сокол, который, потеряв своего сокольника, не зная, куда возвращаться, парит, расширяя круги и все выше поднимаясь навстречу губительным лучам солнца. Напротив, молодое поколение, получив в наследие уже утратившие свой блеск идеалы, не разделяло мнения своих отцов, считавших, что атлантам, во имя последующих поколений, следует исчезнуть с лица земли. Они были готовы драться за землю, хотя она и была для них чужой, впрочем, другой земли у них никогда не было, но и взглядов Кецалькоатля никто не разделял. Уйти по Колодцу Времени далеко вперед – вот к чему склонялись молодые атланты. И самым ярким представителем этого течения был Наймлап.

–Совету, конечно же, известно, что я пять лет был наблюдателем в северной провинции, – продолжил юноша, покосившись на Кецалькоатля, будто размышляя, о чем именно стоит сообщать совету в первую очередь.

–Так вот, – твердо сказал он после секундного раздумья, – Кон Тикси Виракоча сделал смелое заявление по поводу нашего сотрудничества с Кецалькоатлем. Было бы вообще считать наивным, что он снизойдет к своим соотечественникам, чтобы посветить их в свои планы. Большинству здесь присутствующих известно, на каких унижительных правах находилась там возглавляемая мною группа наблюдателей. Но я не собираюсь заниматься сейчас обсуждением этого, пусть этот факт останется на совести самого Кецалькоатля.

–Думаешь, я слепец и не догадываюсь, для чего совет настоял на вашем присутствии в Теотиуакане? – зло огрызнулся Кецалькоатль.

–Свои грязные домыслы ты выскажешь, когда совет предоставит тебе слово, а пока слушай, что я буду говорить,– парировал Наймлап, даже не удостоив взглядом своего оппонента.

–То, что мы увидели в долине озера Тескоко, мягко говоря, нас насторожило, –Наймлап сделал многозначительную паузу, окинув всех присутствующих взглядом. – И дело, как вы понимаете, не в нашем приеме в Теотиуакане. Умело распорядившись природными ресурсами, активно развивая ремесла, торговлю, Кецалькоатль поставил себя во главе разных этнических групп, населяющих долину, объединяя их в племена. И если совсем недавно эти племена не имели вождя или ярко выраженного лидера, то на сегодняшний момент интеграция коллектива, стремительно набирая обороты, уже находится на ступени так называемого сложного вожества. Теперь, когда наш уважаемый коллега и соотечественник находится в центральном сонме богов, создавших Вселенную, – Наймлап не удержался от кривой усмешки, – он относительно легко подавляет политические единицы, лишая их автономии, и единственной целью этих действий является создание империи. А это, как вы понимаете, не безобидное проявление амбициозности страдающего комплексом неполноценности наблюдателя, а прямая угроза всему Тауантинсуйю, и в первую очередь это агрессия против Инти Уауан Акуса.

Зал буквально взорвался возмущенными возгласами заседающих. Выступление Наймлапа, подобно разорвавшейся бомбе, расколола мнение совета на три мнения. Одни не видели в действиях Кецалькоатля никакой агрессии, хотя и осуждали его за сепаратизм; другие призывали не накалять и без того сложную ситуацию и прийти к спасительному компромиссу; третьи – и таких было большинство – обрушивались с

жесткой критикой обеих сторон, убеждая своих оппонентов в единственно верном решении для выхода из создавшейся ситуации, а именно в принятии немедленных и кардинальных решительных мер против самого Кецалькоатля и государства, создаваемого им.

В течение всего этого времени виновник таких бурных дебатов не произвел ни звука. Кецалькоатль, скрестив на груди руки, безразлично оглядывал зал, казалось, происходящее вокруг не относилось к нему никаким образом. На его подчеркнуто скучающем лице блуждала снисходительная улыбка. Хладнокровию этого худощавого человека, с белым, как полотно, лицом, можно было только позавидовать. Наконец, зал, призываемый Виракочей к порядку, стих.

–Теперь я понимаю, почему вы боитесь меня и моих воинов, если даже безусый юнец смог вас так напугать, – ядовито бросил в лицо совету Кецалькоатль.

–Даже этот, как ты выразился, безусый юнец видит угрозу, исходящую от создаваемого тобой государства, а значит, и от тебя, – мрачно ответил Виракоча, – а ты или не замечаешь ничего или... – он замолчал, смотря Кецалькоатлю прямо в глаза.

Не выдержав его тяжелого взгляда, Кецалькоатль, потупившись, опустив голову, раздраженно спросил:

–И в чем же, интересно, угроза заключается?

–Не будем играть в кошки-мышки, Кецалькоатль, – твердо сказал Виракоча, – ты прекрасно понимаешь, что, имея в своем расположении лишь армию, даже хорошо вооруженную, нельзя говорить о независимом от общества правлении. И поэтому, наряду с идеологическими средствами, сейчас ты ищешь такой источник власти, который другим был бы недоступен. Авторитет или кредит доверия, оказанный тебе с самых низов, не бесконечен, да и контроль другими

членами общества над источниками власти делает шаткой твою позицию. Вот для чего ты и монополизируешь торговлю, привлекая извне новые источники энергии. А из этого следует – ни для кого не секрет: образование, от мелких до более крупных социальных структур, сопровождается международной торговлей и войной, о чем только что и говорил Наймлап. Но самым недопустимым является то, что ты спекулируешь знаниями, собрав вокруг себя касту посвященных, тем самым пытаешься усилить вертикаль власти, ты не видишь или не хочешь видеть, что совершаешь ту же ошибку из печального опыта *Ра* в стране *Та Кем*. Может, тебе напомнить, что произошло, когда он посвятил в таинство знаний верхушку жрецов? – И, не дожидаясь ответа Кецалькоатля, продолжил: – В борьбе за власть жрецы даже забыли о предназначении пирамид, и теперь, наряду с никчемными правителями страны *Та Кем*, там покоятся и Знания. И вместо того, чтобы с помощью Знаний вывести народы из мрака невежества, верхушка посвященных завоевывает народы мечом и огнем, заливая их кровью великий Нил, прославляя при этом имя *Ра*! Неужели ты хочешь именно этого?

Кецалькоатль оцетинился, словно загнанный в угол зверь.

– Это, по меньшей мере, смешно, что все обвинения в мой адрес исходят именно от вас, эмпирических создателей эклектической утопии! Именно вы – гуманисты, занимающиеся социальной инженерией, привели Тауантинсуйу к столь печальным последствиям. Что сделали вы, перекроив охотников в землепашцев?! – Кецалькоатль говорил отрывисто, четко и громко. Его страстная, полная непоколебимой уверенности речь в буквальном смысле обрушилась на членов совета и Виракочу. Это был блестящий оратор, хорошо

владеющий софистикой. Каждое его тщательно взвешенное слово было крепким звеном в цепочке силлогизмов, ловко связывающей аргументы оппонирующей стороны.

– Вы тут с такой гордостью рассказывали о создании мощных ирригационных систем, террасовых полей и о революционном прорыве в сельском хозяйстве... Но кто будет защищать все созданное вами, если в долины придут воины? Можно лишь догадываться, как поведут себя разные этнические группы, населяющие сферы вашего влияния, не имеющие государственности, и принцип сосуществования которых базируется на бесклассовой кооперации. Им будет нечего противопоставить сплоченному в единое целое врагу, кроме как Великой Идеи, за которую ты, Виракоча, так ратуешь, культивируя ее по всей Ойкумене, да созданное тобой теократическое правительство Вечного Города, не имеющее ни малейшего представления об искусстве побеждать на поле брани с помощью меча, а не пустой болтовни о «макрокосмической модели небес», которой ты обучил этих жрецов-теократов. Ты, Кон Тикси, никак не хочешь понять, что твой Век космологических идей подходит к концу, уступая стремительно врывающемуся в исторический ход событий моему веку, Веку Воинов, – Кецалькоатль, чуть подавшись вперед, хищно уставился на Виракочи, словно пытаешься загипнотизировать его своими желтыми глазами. Он и вправду напоминал сейчас змею, а роскошный плащ из перьев на его плечах только усиливал это поразительное сходство.

– Мой век, как ты говоришь, закончится только с исчезновением атлантов с исторической арены этого материка, а так как это случится не скоро, то тебе еще придется терпеть некоторое время ту политику, которой мы придерживаемся со «Дня Великой Печали», гибели нашей Родины, – спокойно

возразил, Кон Тикси. На что тот презрительно фыркнул:

– Не делай из себя святошу, Кон Тикси, эти речи ты можешь оставить для дикарей, они с такой же легкостью поверят тебе, как возвели тебя в боги и выбили твой лик на «Воротах Солнца» в этом городе. Уж мне-то известно, как твои наблюдатели, устроив небольшой социальный взрыв, толкают варваров *науа*, живущих на севере, напасть на мою столицу Теотиуакан, близ озера Тескоко. Хочу тебя предупредить, что сил у меня предостаточно, чтобы справиться хоть с пятью вместе взятыми науа, – Кецалькоатль скривил губы в издевательской улыбке.

– Мне жаль, Кецалькоатль, что оценочная шкала моральных качеств человека, которой ты пользуешься в своей оценке наших наблюдателей и лично меня, сообразна по большей части твоим же устоям и ценностям и отображает твою реакцию и действия относительно той или иной ситуации. Это мешает тебе открыть глаза на тот факт, что наблюдатели наоборот делают все возможное для сдерживания науа в военных действиях против Теотиуакана, а не наоборот, как ты изволил заметить. Что касается моего обожествления, то с твоей стороны это чистая софистика. Я буду тебе признателен, если впредь ты будешь отображать истинное видение вещей. Тебе известно, не хуже остальных присутствующих здесь, что даже самая незначительная случайность в ходе исторического развития может расстроить, исказить всю так тщательно спланированную реакцию на определенного рода события лишь потому, что эта случайность является порождением или отголосками многовековой тенденции развития общества и поэтому выглядит естественней в ходе развития последующих событий.

– Что-то я тебя не совсем понимаю, – нахмурился Кецалькоатль.

– Вспомни, когда индейцы кот-сунь, выражая нам свою признательность, стремясь увековечить и донести до потомков, истинных хозяев этого города, решили изобразить на «Воротах Солнца» рельеф моей фигуры и сорока восемью фигурами наставников, основателей этого города. Помню на совете, когда решался этот вопрос, ты был не против этого, возможно даже потому, что отождествляющая тебя фигурка тоже находится там?

Виракоча сделал паузу, будто ожидал ответа, но так и не услышав его продолжил:

– Это было давно, еще до восстания, но по истечении веков истинное толкование этих рельефов было искажено. Кто мог возвести на этом высокогорном плато пирамиды и храмы из каменных блоков, вес которых достигает ста тонн? Конечно же, боги, изобразившие себя на «Воротах Солнца»! И тебе, Кецалькоатль, известно, что местные племена живут мифами и легендами. Так легче сохранить и передать те знания, которые мы им оставляем. И в этом они очень сильно преуспели.

– Какой прок в этих астрономических знаниях землепашцам по сравнению с секретом изготовления бронзы, какой я открою своим воинам?

– Эти знания как раз и заменяют меч, а что касается бронзы, то она как раз таки и нужней землепашцам.

– Ты будешь воевать звездами против мечей? – ядовито поинтересовался Кецалькоатль.

– В этом не будет нужды, пока, выражаясь по-твоему жрецы-теократы будут культивировать «Великую Идею», которую ты, по своей недалёковидности, недооцениваешь. И на твоём месте я бы внимательней изучил ее концепции.

– Ну что ж, я готов послушать тебя еще раз. Может быть, мое более детальное знание расположения небесных

тел остановит науа от экспансии и спасет Теотиуакан, – исполняясь яду, заметил Пернатый Змей.

–Как я тебе уже говорил, местные народы живут мифами,– нисколько не смутившись, продолжал Кон Тикси Виракоча, – вот мы и решили, а почему бы не спроецировать небесные тела на землю, закрепив некоторые из них за определенными селениями, священными местами, в точности повторяя Млечный путь. Таким образом, эта проекция помогла бы нам сильнее воздействовать на коренные народы этих земных дубликатов «сестер-деревень», помогая внушать через их небесных покровителей нравственные устои, держащиеся на гостеприимстве, мире, способствующие процветанию социальной гармонии. Жить по принципам этих небесных связей, осмыслить характер законов, приведших небесные тела в гармонию сосуществования. Звезды не воюют, Кецалькоатль, они созерцают.

–Ты что же, всерьез считаешь, что эта твоя небесная парадигма будет работать?

–Она уже работает несколько поколений. Ты отстал от жизни, пока обучал военному делу свои войска. С помощью Колодца Времени мы смогли проделать огромную созидательную работу, которая уже принесла свои плоды. И это нагорье теперь является земным аналогом млечного пути. Как видишь, нет ничего не возможного, небеса и земля соединились, и теперь – здесь господствует космический порядок, благоговение, гармония и мир, гордость каждого крестьянина за общину, в которой он живет.

–Ну, это поправимо, – сухо улыбнулся Пернатый Змей, – технический язык мифов можно исказить и найти законное обоснованное место и для воинов, – в его голосе сквозила еле зауалированная угроза.

–Что ты хочешь этим сказать? – весь вид Виракочи

выражал смешанное чувство беспокойства и гнева.

–Я просто хочу заметить, что всегда может найтись опытный и знающий мифоплет, способный спроецировать социальную структуру общества на небеса, а не наоборот, тогда «звездам» понадобится «правитель», и наступит время, когда племена нагорья не будут взывать к своему богу единым голосом.

–Ты нам угрожаешь? – Виракоча нахмурил брови. Внутренне он весь напрягся, хотя старался оставаться внешне ровным и спокойным.

–Да ты о чем? – деланно изумился Кецалькоатль. –У нас же, *правда*, есть договор о невмешательстве в дела друг друга?– Кецалькоатль сделал акцент на слове «правда».

–Если ты опять намекаешь о племени науа, то можешь убедиться сам, перепроверив отчеты наблюдателей.

–Нет, как же я могу не доверять почтенному совету, – с издевкой сказал Кецалькоатль, – разве что в расстановку сил может вмешаться воин из будущего. С быстротой ветра разнеслась новость об Ильяпе, на своем соколе поразившем насканцев. В селениях только об этом и говорят. Зачем вы его вызвали из будущего? – тон его вдруг стал резким, Кецалькоатль, буквально выкрикивал слова и его заостренное лицо дернулось, – может, твои мифоплеты уже сложили очередную байку, мол, был бог воитель Кецалькоатль, но тут бог миротворец Виракоча прислал Ильяпу на своем драдулете, и бога Кецалькоатля не стало?

Ропот негодования пробежал по рядам атлантов. Виракоча поднял руку, призывая всех к спокойствию.

–С каждым разом меня все больше поражает, как низко ты пал, Кецалькоатль, – голос Виракочи задрожал от возмущения, – я не собираюсь отвечать на твои унижительные подозрения, оскорбляющие не только совет и меня лично, но

и само гордое имя атлантов, которое ты не достоин носить.

–Ну что ж, тем лучше для дела, – не моргнув и глазом, ответил Кецалькоатль, – о моем нравственном облике мы сможем потолковать позже, за *коро* горячего *чоколатля*, если ты, конечно, будешь не против, а сейчас мне бы хотелось поговорить о человеке из будущего. Как там его зовут, Мирроу?

–Твоей наглости нет предела, – вместо этого ответил Кон Тикси.

–Скорее всего, я был бы другим, но у меня нет возможности жить в проекции вашей Небесной Реки на земле, – съязвил Пернатый Змей. – Ты прекрасно знаешь, что долго сдерживать науа вы не сможете, если, конечно, – фыркнул он, – вы вообще этим занимаетесь, и поэтому, в знак вашего доброго расположения ко мне, я хотел бы заручиться поддержкой этого вашего Мирроу с его машиной. Видите ли, мне очень хочется быть уверенным в вашей лояльности ко мне и в своей безопасности, и отправиться с ним в Теотиуакан. Конечно же, Мирроу поступает на полное мое довольствие.

–Об этом не может быть и речи, – резко ответил Виракоча, он уже не пытался сдерживать своего раздражения, – в появлении здесь Джона Мирроу виноваты только мы, и наш долг теперь – вернуть Мирроу обратно в его мир. Ты слышал на совете мнение наших ученых, что хрональное поле уже подвержено транцидентным изменениям в результате наших исследований и проводимых нами работ, и неизвестно, насколько серьезны могут быть последствия в последующих пластах времени, промедли мы с отправкой Мирроу в его время. Оставь мы его сейчас здесь, и начнутся необратимые процессы в будущем. Джона Мирроу будут искать, и, судя по технической оснащенности его машины, поиски могут увенчаться успехом, что для нас является недопустимым.

–Даже если вы его отправите незамедлительно, наша действительность уже не останется прежней! – возразил Кецалькоатль.

–Кто знает, может, в измененной действительности ты станешь моим лучшим другом, – мстительно улыбнулся Виракоча, – хотя можешь не переживать по этому поводу, по прогнозам, потенциальному изменению подвержена только незначительная топография области озера Титикака и топонимика этой местности. Но буду искренним, даже останься Мирроу здесь, я все равно ни за что не позволю втягивать его в твои грязные делишки.

–Я так и думал, – спокойно ответил Кецалькоатль, – но тебя никто и не будет спрашивать. Теперь это будет решать сам Мирроу. Я вообще-то и приехал только ради того, чтобы он выслушал мое предложение. Мне гораздо интересней будет разговаривать с Мирроу, чем с соотечественниками, воля которых – словно отсыревшие спички. Судя по всему, он настоящий воин и ваши проповеди о «кефирной» нравственности ему ни к чему. Мир, откуда он прибыл, разъедают пороки, плесенью невежества покрывая души людей. Вам это известно не хуже меня, иначе, ваш Мирроу уже давно был бы добрым посланцем и возвещал в своем мире о знаниях пирамид. Или он уже является посвященным? – скривив свою физиономию, ядовито поинтересовался Кецалькоатль. И, торжествуя свою победу, добавил:

–Вся ваша беда в том, что вы живете только в вашем, вами же придуманном мире, в то время когда Мирроу живет в мире насилия, боли и зла. Ему ближе и понятней этот мир. Мы с ним одного поля ягода, и я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

Кецалькоатль резко развернулся и, покинув кафедру, быстро направился к выходу. Но вдруг остановился, явно

что-то обдумывая.

– Да, вот еще что, – начал он так, будто эти слова давались ему с трудом. – Я тут подумал, ведь я тоже кое в чем разбираюсь, в мифах, пожалуй, я всерьез займусь твоей Великой Идеей и составлением космологического оправдания войны. Подумай об этом, Кон Тикси, – и, подарив одну из своих коварных улыбок, от которой мороз пробирал по коже, стремительно удалился.

Легкая дымка, еще некоторое время застилавшая Джону глаза, растаяла без следа, унося с собой расплывшиеся очертания залы Дома Юстиции. Он уже не слышал, что выкрикивали вслед уходящему Пернатому Змею атланты, повскакивавшие со своих резных скамеек. Мирроу смахнул с глаз набежавшую влагу – последствия его медитации. Он вновь сидел под открытым небом, судорожно вздыхая грудью морозный воздух.

– Ну и как тебе Кецалькоатль? – услышал он грудной голос Икью.

Джон только сейчас вспомнил о присутствии девушки. Ему показалось, что она чем-то сильно озабочена.

– Крайне одиозная личность, – онемевшим, как от наркоза, языком проворочал Джон. И снова ему почудилось, что девушка облегченно вздохнула.

– Теперь понятно, что ему нужно, – немота понемногу покидала его мышцы, – но неужели он, обладая, как ты говоришь, силой знания, нуждается еще и в поддержке моего, как он выразился, «драндулета»?

– Во-первых, не забывай, что ты являешься Ильяпой, а племена здесь, как ты слышал, живут в мире мифов. А во-вторых, и это основная причина, одними знаниями в той ситуации, в которой находится Кецалькоатль, не обойтись. Северная *суйю*, благодаря природному ландшафту, находится

в относительной изолированности от остальных трех, составляющих Тауантинсуйю. Казалось бы, это должно быть только на руку Пернатому Змею, но удаленность этого региона и является самым слабым звеном, способным разрушить все планы Кецалькоатля в создании империи.

– По части военного дела, может быть, я и дока, но вот что касается образования империи и ее социальной структуры... – Мирроу смущенно замолчал, покосившись на девушку.

– Ну, это не так уж и сложно, как на первый взгляд тебе кажется, – ответила девушка, поправляя сползшую с ее плеч накидку.

– И все-таки почему совет видит со стороны змея угрозу? Пусть бы там себе правил, все равно из твоих слов следует, что формируемое им государство обречено на гибель.

– Всякая империя по большому счету обречена на гибель, это только вопрос времени. Одни из них гибнут, чтобы на их руинах завязалась жизнь новой империи, другие же лежат в забвении тысячи лет, ожидая своих преемников. Что же касается создаваемых Кецалькоатлем городов-государств, то по нашим прогнозам они погибнут, не успев объединиться в империю, если, конечно, не предпринять срочных мер. И причина кроется, конечно же, не в племени науа. Все, о чем говорил на совете Кецалькоатль, чистый фарс, ему отлично известно, в чем состоит истинная угроза несостоятельности его замысла. Из-за отсутствия в северной суйю транспорта, роль которого в других провинциях выполняет лама, Кецалькоатль не в состоянии контролировать большие территории. По этой же причине семьи крестьян не возделывают удаленные участки земли и не могут восполнить дефицит белкового питания в условиях перенаселенности. С другой стороны, проблему этого дефицита охотой на оленей и другую дичь решить практически невозможно,

так как этот вопрос находится в большой зависимости от стабильности результатов охоты. Восполнить же отсутствие выючных животных людьми – нецелесообразно, придется кормить слишком большую армию носильщиков и без того недостающими, бедными белками продуктами питания. И так существует множество косвенных причин, тормозящих как развитие сельского хозяйства, так и отдельных ремесел. И разрешить все эти вопросы – или подавляющее их большинство – может лишь экспансия на Инти Уауан Акус, о чем и говорил Наймлап.

– Не знаю, какие там планы у вашего совета и Кон Тикси Виракочи лично, но я, честно говоря, не жажду встречи с Кецалькоатлем, а тем более не намерен решать его проблемы, – Джон криво улыбнулся.

– Значит, твои планы и планы совета совпадают, – голос девушки чуть дрогнул. – У совета есть все необходимые данные, чтобы отправить тебя обратно в твоё время.

Мирроу повернулся к девушке и, глядя ей в глаза, спросил:

– А твои планы совпадают с планами совета? – Джон наконец задал вопрос, который так долго не давал ему покоя.

Наступила тягостная тишина, длающаяся, казалось, целую вечность. Джон слышал, как ухало сердце в его груди, вызывая внутри нервную дрожь. Для него не было ничего труднее, чем эта минута молчаливого ожидания. Наконец она не выдержала упорного взгляда Джона:

– Ты предоставил совету все необходимые данные, чтобы мы смогли отправить тебя обратно в будущее, – снова тихо повторила она, будто не расслышав вопроса, – совет обеспокоен нападением на Тамботоко, и есть решение: на рассвете по Колодцу Времени отправить тебя в твой мир.

– Да плевать я хотел на эти решения, если они разлучают

меня с тобой, – взорвался Мирроу, – на кой черт мне нужен мир, в котором нет тебя?

Джон слабо понимал, что говорит и что делает. Страх потерять свою любимую навсегда развеял все его опасения и сомнения. Словно набрав полной грудью свежего воздуха, он без передышки говорил, говорил и снова говорил о своей любви. В порыве страсти, Джон целовал лицо Икью, глаза, вожделенные, чуть приоткрытые в мягкой улыбке губы, соленые от слез счастья, нежную бархатистую шею.

– У нас есть поверье, – откуда-то издали доносился до Джона пьянящий голос Икью, – перед тем, как стать мужем и женой, влюбленные должны услышать наполненное любовью друг к другу биение своих сердец, чтобы навсегда оставить это в своей памяти, – девушка прислонилась к груди Мирроу свою ладонь, – и тогда, чтобы между ними ни случилось, как бы надолго судьба ни разлучила их, где бы они ни находились, их сердца всегда будут биться так же, как и в первый раз. – Взяв Джона за руку, она опустила его ладонь на свою грудь.

От ощущения молодой, упругой плоти кровь, ударившая Джону в голову, разлилась затем по всему телу сладкой истомой. Казалось, весь мир поплыл перед глазами Мирроу, опрокидывая его куда-то в бездну. И над всей этой круговертью слышался только голос его возлюбленной:

– Иди ко мне, Джон. Иди ко мне.

В предрассветном небе сияли звезды, и самым ярким из них было Вилькакото.

Глава 6

Над небольшим импровизированным ложем влюбленных в разреженном воздухе горного плато нависли звезды. Таких больших и ослепительных звезд Джон никогда не видел. Очень высоко, почти в зените звездного неба, холодно и

ярко блестела луна. Ее серебряный свет, скользя, сбегал по водным каскадам пирамиды, клубился на каменных мостовых Вечного города, казалось, вдыхая жизненные силы в каменные колоссы на ее улицах и площадях, отчего древний город выглядел еще мистичнее и загадочней.

–Я давно хотел тебя спросить, почему на улицах и площадях города так много этих огромных каменных статуй?– выпуская на морозном воздухе легкую струйку пара изо рта, поинтересовался Мирроу.

Джон и девушка снова сидели на большом валуне, наблюдая, как медленно и величаво проплывает по ночному небосклону всевидящее око луны – покровительницы влюбленных.

–У индейцев кот-сунь на этот счет есть своя легенда, на мой взгляд, очень красивая, – девушка, поудобней устроившись, спрятала свое личико от холодного ветра на груди у Мирроу, – так вот, – продолжила она, – после того, как были сотворены Вселенная, звезды, океаны, реки, леса, рыбы, звери и птицы, Солнце, сотворившее этот мир, послало на землю своих братьев, чтобы они помогали ее обустроить. Однажды, отказавшись выполнить тяжелую работу, которую поручил им старший брат, братья решили развеяться и поиграть с Солнцем. «Попробуй, найди нас!» – крикнули они своему старшему брату, разбежавшись, кто куда. Долго искало их Солнце, но безуспешно. Спускалось оно и на дно морское, было и под землей, там, где стынут тени в мрачном царстве Болон-Ти-Ку, но никто не видел его сумасбродных братьев, забыло оно только заглянуть на вершину горы, подпиравшей небо. Разгневался тут старший брат. «Ну что ж, теперь посмотрим, как вы найдете меня!», – крикнул он непослушным братьям и исчез. На землю опустилась непроглядная тьма. «Мы здесь, мы здесь!» – испуганно кричали братья, спускаясь

с горы, но было уже поздно, Солнце не слышало их. Еще долго, дрожа от страха, братья, проливая слезы, призывали вернуться своего старшего брата, дуя в раковины-горны, пока, наконец, от отчаяния все они не превратились в каменные статуи. От их слез и образовалось огромное озеро Титикака, так называется и гора, на которой они скрывались. С тех самых пор Солнце каждый день встает из-за горизонта, в надежде разыскать их, прячется за горизонт и вновь выходит, тщетно пытаясь обрести навсегда утраченных братьев.

–Да, действительно красивая легенда. Ну а если не брать легенды в расчет, тогда как быть? – настаивал Мирроу.

– Эти статуи появились в «День Великой Печали», когда погибла наша Родина. – Слова Икью прозвучали так категорично, что Джон понял: ей не хотелось больше говорить об этом.

Икью еще некоторое время наблюдала за волшебным представлением игры тени и света на улицах и площадях Инти Уауана Акуса, после чего сказала:

–Незадолго до катастрофы, тогда я была еще совсем маленькой, отец как-то взял нас с братом и мамой в Вечный город. Он выступал на совете, а мама повела нас на этот холм, чтобы показать город. Она очень долго рассказывала нам об Атлантиде, что скоро мы все туда приедем, о том, что города там похожи на Инти Уауан Акус. Когда я спросила у мамы, чем же он похож на города Атлантиды, она сказала, что в основном города на нашем острове находятся высоко в горах или на горных плато, как Вечный город, и что в каждом из них тоже стоят прекрасные пирамиды. Я помню, тогда еще спросила ее, почему наши города строят высоко в горах. Она немного помолчала, а потом задумчиво ответила: «Для того, дочка, чтобы они находились ближе к звездам». Иногда мне кажется, что я знаю, о чем она тогда мне хотела сказать...

Слишком рано мамы не стало с нами, мне так не хватает ее, а теперь, не успев обрести любовь, я должна ее потерять. Воистину, Инти отвернулось от атлантов.

–Кто тебе сказал, что я собираюсь вернуться назад? – Мирроу не на шутку испугало то, как девушка ему об этом сказала.

–Ты должен вернуться, любимый, – ее голос дрожал, – ты же слышал, что говорил Виракоча. Уже только одно твое присутствие здесь отразится на будущем ландшафта этой местности и ее географических названиях в проекции, измененной реальности. Возможно, Инти Уауан Акус, в возникшей реальности, после твоего возвращения в будущее, не будет стоять на берегу священного озера. Я уж и не говорю про другое. Тебя целенаправленно отправили на задание в эпицентр аномалии и поэтому будут искать. Мы не знаем, какого именно результата ждали от твоего полета люди, пославшие тебя, как долго и на сколько далеко могли продвинуться их исследования в этой области. Приборы, установленные на борту твоей машины, натолкнули многих наших ученых на мысль, что от тебя могли скрыть истинную задачу твоей миссии, и то, что разработки в исследовании хронального поля ведутся уже длительное время, ни у кого не вызывает сомнений и, возможно, за тобой, как за первой ласточкой, в этот мир ворвутся другие Джоны Мирроу, и это будет означать катастрофу. Нет, нет, остаться тебе *здесь, сейчас* просто невозможно! – заклиная, ответила девушка.

Скорее всего, девушка была права. Кто он такой, этот Джон Мирроу, чтобы ставить его в известность о предстоящей военной операции? Он всего лишь винтик в колоссальной по своим размерам и чудовищной по своей сути военной машине. И тем не менее нет гарантий, что он, Джон Мирроу, не являлся острием щупальца огромного, изъеденного

изнутри ядом человеческого порока спрута, проникшего в Колодец Времени. Возможно, со временем, посредством этого щупальца, современные «Кецалькоатли» попытаются впрыснуть вакцину «счастья цивилизации» по переустройству мира. Перекраивая его на свой лад, эти монстры в человеческом облики с легкостью могут избавиться от впавших в их немилость целых народов будущего, посредством пандемии в прошлом, регулируя их численность смертоносным вирусом. Чем не идеальное оружие? Ни кровопролитных войн, ни всечеловеческого порицания тиранов, неудобным, уродливым пятном ввевшихся для их последователей в тело истории. Вместо этого лишь длинный список эпидемий, в далекие древние века унесших с собой многие человеческие жизни. Но главный приз за все усилия остается прежним – мировое господство.

Джон вдруг со всей остротой осознал, какую угрозу могут представлять результаты его миссии, окажись они в руках военных (если, конечно, его догадки верны), не только для мира, в который он попал, но и, возможно, для всего человечества. От этой мысли у него неприятно засосало под ложечкой. Не каждый день ощущаешь себя как угрозу всему человечеству. Он тщетно пытался смоделировать ситуацию, при которой он мог бы остаться со своей возлюбленной. Нет, видимо, он и вправду не имеет права остаться здесь, рядом с Икью, обрекая себя на печальную участь атлантов, навсегда утративших свою Родину и ставших вечными странниками во времени. Джон был в отчаянии. Он притянул за плечи девушку.

–Тебе необязательно оставаться здесь, ты же можешь вернуться и со мной, – пылко говорил он, все крепче сжимая Икью за плечи. Он еще долго с деланным энтузиазмом рассказывал, как они могут обмануть спецназ, спрятав Икью

где-нибудь в кустах, а потом, когда все уляжется, он сможет прилететь за ней. Были и другие версии, одна фантастичнее другой. Все это время девушка молча слушала его, только глаза ее были наполнены тихой печалью, а по щекам одна за одной медленно катились слезы.

–Ну что же ты молчишь? – Джон, наконец, прервал свою долгую речь, – надо что-то придумать, – отчаянно повторял он, обхватив руками голову, – я не хочу, я не могу тебя потерять, – шептал он, мучительно ища выход из создавшейся ситуации.

–Подожди, – Мирроу внезапно застыл на месте, как гончая, учуявшая слабый, чуть было не утерянный след дичи и готовая, убедившись в правильном направлении, вновь дать волю застоявшимся мышцам, – ты говорила, что мне нельзя оставаться *здесь и сейчас*?

Девушка торопливо смахнула слезы и, слегка кивнув головой, озадаченно посмотрела на Джона.

–А если я буду находиться *здесь*, но *потом*, после того как я побываю в своем времени, вернусь обратно сюда? – тело его окаменело, Мирроу напряженно смотрел на девушку.

Во влажных глазах Икью запрыгали радостные лучики света:

–Вообще-то это возможно, но достаточно рискованно.

–К черту риск, мне не привыкать. – Мирроу, будто боясь спугнуть удачу, несмело улыбнулся. – Я слишком долго рисковал ради чего-то и ради кого-то, видимо, пришло время рискнуть и для себя. – Что я должен делать любимая? – Джон сгорал от нетерпения.

–Сначала мы все равно должны вернуться в Тамботоко, так как именно там, по Колодцу Времени, тебе предстоит сделать прыжок назад в будущее, – еще не веря в благоприятный исход событий, шмыгнув носом, ответила девушка, – а

уже в Тамботоко я дам тебе прибор, с помощью которого ты сможешь попытаться вернуться назад в прошлое. Но, Джон, это очень опасно, – спохватилась она. Теперь едва вспыхнувшая ее радость уступила место тревоге. – Без специальной подготовки, знаний ты можешь погибнуть.

–Один раз я уже сделал «прыжок» без всякой подготовки, и, как видишь, ничего плохого из этого не получилось, пройду через ваш Колодец Времени и во второй, и в третий раз, – Джона переполняла радость.

–Ты вправду это сделаешь? – Икью с трудом верила своему счастью, и ее широко раскрытые глаза излучали доверчивость.

–Даже если останется самая маленькая, самая ничтожная возможность, я, не задумываясь, использую и ее тоже, – лицо Джона сияло.

–А вот это испытание точно не для меня, – дрожа от холода, произнес Мирроу посиневшими губами. – Ты проводишь меня до моего ложа?

–Конечно, Джон, – улыбнулась девушка в ответ на его шуточный тон, – тем более, что я не хочу, чтобы завтра, в джунглях, в полуденный зной твои товарищи нашли тебя полузамерзшим. Что они тогда подумают?

–Да, – с мечтательной улыбкой протянул Джон, – час назад я не знал, как отсрочить свое возвращение, а теперь сгораю от нетерпения вернуться под крыло старика Свинсона.

Задержав девушку за руку, он продолжил:

–Икью, я хочу, чтобы ты сохранила это до моего возвращения у себя. – Джон достал из-за пазухи увесистую цепочку с висевшими на ней двумя идентификационными бирками и, открепив одну из них, протянул Икью.

–Что это? – девушка с любопытством рассматривала еще хранившую тепло тела Джона жестяную бирку. Потом

нежно провела указательным пальцем по выгравированной поверхности металла: – Это ты?

Мирроу не успел ничего ответить девушке – со стороны озера до них долетели звуки, напоминающие всплеск весел. Не раздумывая, они бегом поднялись на холм.

Сотни бальсовых плотов и тростниковых лодок запрудили небольшой залив перед зданием с «воротами» и «седлами». Связанные между собой, они представляли импровизированный, раскачивающийся на волнах понтон. Первая береговая линия плотов крепилась за невысокие каменные надолбы, врытые в землю, а сзади все прибывали новые и новые плоты. Индейцы, прибывшие на них, словно тени, стремглав проносились по «ожившему» под волнами понтону, выбегая на берег, в строй боевых порядков. В свете полной луны, на ничем не защищенном пространстве, было хорошо видно, как перед стройными рядами индейцев расхаживала резко выделяющаяся на их фоне крупная фигура высокого атланта.

–Тлалок, – тихо выдохнула Икью. – Теперь мне все понятно! Но как он мог? – она испуганно посмотрела на Джона.

–Кто такой Тлалок? И вообще, что здесь происходит? – Джону передалось волнение девушки.

–Тлалок был в группе наблюдателей Наймлапа в северной суйю, – проглатывая окончания слов, затараторила Икью. – Видишь тех индейцев, что стоят ближе к нам? Видишь? А теперь внимательно посмотри на их пояс.

–Старые знакомые, – нахмурился Мирроу. Теперь и он рассмотрел на поясе некоторых из них зловещие «трофеи» индейцев наска. – Опять двадцать пять, – ругнулся он, – как у вас все запущенно-то, а! Прямо, как и у нас. Ты хоть понимаешь, что здесь происходит? – раздраженно спросил

Мирроу.

–Тлалок предал совет, и он теперь заодно с Кецалькоатлем. Мы давно подозревали, что кто-то помогал Уано Качи в организации беспорядков и захвату трона в Тамботоко, я уж не говорю о нападении насканцев. Незадолго до этих событий Тлалок приезжал в Тамботоко по какому-то незначительному вопросу. Теперь я знаю, что это был всего лишь предлог. Видимо, Тлалок, направляемый рукою Кецалькоатля, вошел в сговор с насканцами и те непременно воспользуются шансом матч реванша. В то время, когда сам Змей, используя их, будет преследовать свои цели. Бежим быстрее, надо предупредить о нападении!

–Надо добраться всего лишь до вертолета, правда, боюсь, после еще одного такого боя и озера скоро не станет, не только...

–Если до него раньше не добрался Кецалькоатль! – донесся голос Икью, уже скрывшейся за близлежащим валуном.

–Эта пернатая крыса всерьез начала меня доставать, – проворчал Мирроу, устремляясь за девушкой, которую потерял из виду.

–Не крыса, а Змей. Впрочем, можешь называть меня так, если тебе так больше нравится, – почти у самого уха услышал Джон ехидный баритон.

От неожиданности Джон споткнулся и чуть было не упал. Перед ним стоял сам Кецалькоатль.

С лица Змея не сходила самодовольная улыбка.

–Ты чуть не спутал мне все карты своим побегом со спального ложа. – Он понибраиски похлопал Джона по плечу. – Извини, что я нарушил ваше уединение, но у меня есть к тебе серьезный разговор, не требующий отлагательства.

–Где Икью? – Джон, уже успевший оправиться от испуга,

чувствовал, как в нем закипает от злости на своего невольного обидчика.

– Не волнуйся, с ней все в порядке, – Кецалькоатль подал знак откуда-то взявшимся индейцам, и из-за валуна вывели Икью. – Она пока побудет с нами. По крайней мере до тех пор, пока мы не выясним с тобой, по какую сторону баррикад ты хотел бы находиться? Но хочу тебя сразу предупредить, что судьба девушки во многом зависит от твоего решения. Честно признаюсь, ты намного облегчил мне задачу в твоих поисках. Когда я поднимался сюда, по флюидам, исходящим с вершины, мне казалось, что я иду в царство влюбленных. Не так ли? Или мне это только показалось?

Джона охватила ярость. Он сунул было руку в карман, но не замеченный им раньше индеец, стоящий за его спиной, предупредил его движение и крепко схватил за руку.

– Только без глупостей, Джон. Не забывай о девушке. – Кецалькоатль вплотную приблизился к Мирроу, пронизывая его вьедливым острым взглядом желтых глаз, и добавил, указывая на пистолет: – Пожалуй, я это забираю себе, пока ты не наделал ошибок.

– Откровенно говоря, – казалось, Кецалькоатль изучает каждую морщинку на лице Джона, – мне хотелось бы подружиться с тобой, но даже если ты и против наших приятельских отношений, то все равно, залог моего успеха находится рядом со мной. Не правда ли, очаровательная Икью? – Кецалькоатль на мгновение отвернулся от Мирроу и с усмешкой посмотрел на девушку. Икью напряженно молчала.

Мирроу сжал кулаки и, подавшись вперед, готов был наброситься на Пернатого Змея. «Ни в коем случае! – вдруг услышал он внутри себя голос, голос Икью, который остановил его: – Он проверяет тебя, Джон. Уйми свой гнев, иначе я ничем не смогу помочь тебе. Кецалькоатль специально

злит тебя. Попробуй потянуть время».

У Джона округлились глаза. Такого с ним еще никогда не проделывали. Он хотел даже уже сказать: «Прием, прием», – но, вовремя переборов это желание, взял себя в руки.

– Если всех, с кем ты захочешь подружиться, ты будешь держать на холоде, то друзей у тебя и вовсе не будет, Пернатый Змей, – спокойным тоном сказал Джон.

– Пожалуй, ты прав, Мирроу, – с некоторым сомнением, но уже почти поверив в доброе к себе расположение, сказал Кецалькоатль. – Действительно, зачем же держать вас на холоде? – Теперь в его голосе был слышен ничем не прикрытый энтузиазм.

Он тихо отдал какие-то распоряжения своим подчиненным и под многочисленной охраной вместе с Мирроу и девушкой отправился вниз в город. Кецалькоатль двигался легко и почти бесшумно. Иногда казалось, что он скользил по земле, едва касаясь ее. Эта необыкновенная легкость сочеталась в нем с колоссальной энергией. Он, как сжатая пружина, был готов в любую минуту высвободиться от этой валентности, сдерживаемой рамками последовательности заранее выработанного им плана. Крайняя одиозность Пернатого Змея, тем не менее, не мешала окружающим его людям восторгаться его непревзойденными способностями администратора, умением не только зажечь людей своими идеями, но и расположить их к себе, пуская в ход весь спектр соблазнов и угроз, а если вспомнить об ораторском таланте Кецалькоатля и его артистизме, то картина того, как Тлалок из врага стал его союзником, обретает свои законченные черты.

Но обо всем этом Джон Мирроу сейчас не думал. Он вообще не мог ни о чем думать, поскольку смертельно замерз. Трясаясь от холода, Мирроу буквально влетел в узкую дверь, огромного террасообразного здания, с так интересовавшими

Джона каменными «седлами» во внутреннем дворе, куда и привел их Кецалькоатль. Везде, куда бы ни бросил взгляд Мирроу, находились раскрашенные воины на ска. Из убранства внутри помещения, выхваченного из темноты лишь тремя-четырьмя факелами, у ближайшей стены было видно только несколько резных кресел да невысокий столик с бронзовыми кубками и чем-то темным дымящимся внутри их.

– Я думаю, кero горячего чоколатля согреет всех нас, – Кецалькоатль жестом пригласил своих пленников последовать его примеру и занять одно из кресел, стоящих вокруг столика. Непринужденно расположившись в кресле с мягкими маленькими подушечками на сиденье, Мирроу не без удовольствия взял в руки горячий кубок. Внутри его была темно-коричневая масса с очень знакомым запахом, вызывавшим у Джона затуманенные картинки его далекого прошлого. С секунду поборовшись с собой, Джон капитулировал перед искушением отпить напитка. С нескрываемым удовольствием и удивлением он обнаружил, что напитком является не что иное, как сдобренный приправами горячий шоколад. «Умеет все-таки этот Змей начать разговор, вот гад ползучий!» – улыбаясь про себя, подумал Джон, потягивая горячую массу, распространявшую по всему его телу приятное тепло и создавая внутренний комфорт.

– У меня сложилось впечатление, что этот напиток вам знаком. – Кецалькоатль излучал добродушие. Тень, бросаемая им на пол, смешно удлиняла его нос и делала похожим на героя какого-то комикса.

– Да, это шоколад, – ответил Мирроу, с еле сдерживаемой усмешкой поглядывая на тень.

– Ну что ж, я рад, что наш с вами разговор начнется с приятных для вас воспоминаний. – С этими словами

Кецалькоатль пересел в другое кресло.

Мирроу насторожился: смешная тень куда-то исчезла, оставив перед ним только своего грозного хозяина. «Случайно он пересел или нет?» – пронеслось в голове у Джона. Он посмотрел на Икью. И хотя она, удобно расположившись в кресле с поджатыми под себя ногами, с беззаботным видом пила шоколад, в ней тоже угадывалось некоторое напряжение. Видимо, эта фальшивая непринужденность со временем стала раздражать Пернатого Змея, он недовольно, с нарочитым шумом опустил на стол свой кero и с нотками раздражения в голосе сказал:

– Думаю, на этом ночь воспоминаний и закончим. У нас мало времени и, наоборот, очень много вопросов, необходимость решения которых, для присутствующих здесь, очевидна, или, по крайней мере, окажется таковой. Тебя, Джон, конечно же, интересует, о чем я хочу с тобой поговорить?

– Неужели ты хочешь взять в аренду мой «драндулет»? – иронично усмехнулся Джон.

Кецалькоатль, не скрывая своей враждебности, посмотрел на Икью.

– Ну что ж, – растягивая слова, продолжил он, – если ты в курсе всех дел, то я начну без околичностей. – Он выдержал паузу, изучающее рассматривая Джона.

Мирроу молчал. На этот раз он выдержал взгляд острых желтых глаз.

– Начнем с того, что я догадываюсь, в каком негативном свете тебе постарались преподнести меня и, тем паче, мои убеждения. – Он, как бы невзначай, покосился на Икью. – Честно тебе признаюсь, Джон, я хочу избавиться от тягостного ощущения того, что тебе умело навязали или внушили схожие с твоими, определенные стандарты мировоззрения времени,

с которым ты столкнулся, и убедили тебя в том, что ты вправе оценивать и осуждать его этические дефекты, принимая в расчет только мерило своей современности, относительно которого, в этом времени, люди пребывают в полном неведении. Поэтому, перед тем как сделать окончательный вывод, сначала выслушай меня. В конце концов, мы сами делаем свой выбор.

С лица Кецалькоатля не сходила улыбка, даже его ставшие зелеными глаза доверительно смотрели на Джона, как будто ожидали исполнить любую его прихоть. – Все началось около двухсот лет назад, когда Виракоча, с целью преобразования цивилизации материка, стал внедрять в умы народов космологические понятия в учении о сотворении мира, прикрепляя это учение астрономическими явлениями к определенным датам социальных событий. Одна из таких дат и явилась точкой отсчета его нового мироисчисления – Века космологических идей, о которых ты, наверняка, слышал. И дело не в том, что идея правления народами, принципы которой основаны в проекции на землю мирного сосуществования небесных тел, несвоевременна, она просто устарела. Может, на момент ее возникновения она и могла решить многие вопросы, в обход необходимости создания государств, но сейчас, когда недалеко время демографического кризиса, учреждение именно таких социальных структур становится неизбежностью. К сожалению, хотим мы этого или нет, сам процесс становления государств всегда сопровождается большой или малой кровью.

–Судя по твоему выступлению на совете, тебя мало волнует ее количество в становлении института государственности, – выбрав удобный для этого момент, подражая пафосному тону Кецалькоатля, не удержался от колкости Джон.

–Судя по твоему вооружению и форме, ты тоже не миротворец, – парировал Кецалькоатль, мстительно улыбнувшись.

Мирроу прикусил язык. Кецалькоатль заставил его впервые посмотреть на себя со стороны, глазами атлантов.

–То, что касается дискуссии на совете может пролить свет, так сказать, на вторую сторону медали.

Джон был поражен способностью Кецалькоатля к перевоплощению. И если бы Мирроу не стал свидетелем драматических событий, развивавшихся на совете, то у него, бесспорно, возникло бы представление о Пернатом Змее как о некоем светском напыщенном льве, источавшем из себя благородство.

Икью же лишь презрительно ухмыльнулась на сказанное Змеем.

–Теперь о главном, – полностью игнорируя присутствие девушки, продолжил Кецалькоатль. – Дело в том, что в свете преобразований социальных отношений между членами общины, в результате которых и сформировались сложные вождества, произошло деление на высшие и низшие сословия. Динамика этих социальных делений и беспокоит меня. Иными словами, я хочу расширить пантеон богов, покровительствующих моему народу, с новым институтом диархии; то есть наряду с богом покровительствующим знати, высшему сословию, будет и защитник интересов низшего сословия, скажем некий культурный герой или бог, это уже на усмотрение кандидата на эту вакансию. Что ты на это скажешь?

–Что-то я не пойму тебя, Кецалькоатль, причем же здесь я? Это ты раздаешь «портфели для божков», с тебя и спрос, – усмехнулся Мирроу.

–А спрашиваю я тебя потому, что это место я специально

приготовил для тебя.

От удивления глаза Джона, казалось, стали вылезать из орбит и готовы были образно выражаясь вот-вот вывалиться в уже опустевший кубок. На этот раз Джон молчал, чтобы ненароком не вырвалось жалкое мычание. Мысли уроганом пронеслись у него в голове. Обрывки фраз, лихорадочно теснившихся в мозгу Мирроу, сходились в одну, отчетливую: «Чтоб я сдох!».

–Ты, наверное, и не ожидал, вылетая на свое задание, что «поднимешься» на такие высоты, – делая вид, что не замечает состояния Джона, продолжал Кецалькоатль. – Я гарантирую тебе роскошную жизнь, полную свободу, разумеется, при условии координации наших с тобой взаимодействий. Это неограниченные возможности и блага всенародного героя, актуальность которого будет всегда востребована, так как он, то есть ты, возьмешь под свою опеку и покоренные народы, хотя в завоеваниях необходимости не будет, увидев наше с тобой правление, многие этнические группы сами захотят стать под нашу защиту, – спохватившись, поспешно добавил Кецалькоатль, поняв, что слишком далеко зашел в своих мечтаниях. – Если только пожелаешь, то найдется место и для Икью. Тем более что во многих селениях она уже известна как Иш-Чель, благодаря ее стараниям в развитии ткачества и медицины среди племен. Из вас получилась бы хорошая пара, – он заискивающе улыбнулся Джону. – Одним словом, беззаботная, полная удовольствий жизнь. Как тебе мое предложение, Джон? – Он широко развел руки, будто приглашая Мирроу в «семью».

«Тоже мне, Дон Карлеоне выискался», – Джон разозлился не на шутку. Ему было стыдно за себя, за то, с какой легкостью Кецалькоатль смог выбить у него почву из-под ног, вот так, запросто с налета! Теперь Мирроу понял, что недооценил

своего соперника. Зря он сразу не придал серьезного значения словам Икью о том, что она поможет ему. Ну да ничего, лиха беда начала. Сейчас он был даже рад невидимой защите Икью от «чар» Кецалькоатля. Икью говорила, что надо потянуть время, что она задумала? Джон посмотрел на девушку. Вжавшись в кресло, она сосредоточенно следила за разговором. Видимо, пока все шло так, как надо, потому что голоса девушки внутри себя Джон не слышал. На сей раз Мирроу не мог отделаться молчанием, Кецалькоатль ждал его ответа.

–Я не сторонник эпикурейства, – с трудом подбирая слова, выговорил Джон. – И потом, я не привык к такому образу жизни, – мямлил он, не зная, как еще ему потянуть время, – я даже не представляю, что со всем этим делать...

–Все ты представляешь, – резко оборвал его Кецалькоатль. Его глаза хищно сузились, он уже не был тем добряком, сидящим напротив Джона. – Не хватает мужества принять решения при этой девчонке, – презрительно ухмыльнулся Змей, – так я помогу тебе обрести его, избавившись от нее в любую минуту, впрочем, так же, как и от тебя, встань ты на моем пути. Или ты не веришь, что ради достижения своей цели я могу пожертвовать такой красивой головкой? – Пернатый Змей, преисполненный цинизма, наставил на девушку конфискованный у Мирроу пистолет.

Джон был не на шутку напуган. Похоже, что Кецалькоатль разгадал его игру, а это значит, что он теперь полностью владеет ситуацией. Кроме, пожалуй, одного: пистолет не был снят с предохранителя, значит, у Джона есть в запасе пара секунд. Сейчас он выбьет пистолет из рук Змея и, разделавшись с охраной, под шумок, как это было в прошлый раз, уведет девушку подальше от этого места. Джон решил сыграть ва-банк.

–Видимо, для убедительности моего решения, Джон, я должен снять предохранитель. – Кецалькоатль, щелкнув предохранителем, поставил его на боевой режим.

Это было словно гром среди ясного неба. Внутри у Мирроу все похолодело. Но как он догадался о пистолете? Икью говорила ему, чтобы Джон контролировал свои эмоции, может быть все дело только в этом?

–Да пошел ты, Змей, можешь в нее стрелять или оставить ее себе или отдать какому ни будь дикарю, мне это до лампочки. – Мирроу смеясь, откинулся на спинку кресла. Такой метаморфозы не ожидал от себя даже сам Джон, что уж говорить о Пернатом Змее. Он настолько был озадачен, что был не в состоянии скрыть своего удивления и еще некоторое время таращился на Джона.

–А вот мне, ты, действительно, ничего не сможешь сделать.

–Интересно, это почему же? – Кецалькоатль до сих пор пребывал в некоторой растерянности.

–Ты, наверное, забыл, что каждый дикарь на плато знает, что я Ильяпа. – Джон самодовольно посмотрел на Змея.

–Ах, ты вот о чем! – Кецалькоатль с некоторым облегчением вздохнул. – Спешу тебя огорчить, мой несостоявшийся покровитель грома и дождя, ты таковым уже не являешься, или, вернее сказать, не будешь являться, как только твои почитатели увидят вот это. – Кецалькоатль достал невысокую, около пяти сантиметров высотой, пирамидку из твердого, прозрачного материала. Повернув по часовой стрелке все ее вершины, он поспешил поставить ее на пол рядом со столиком. Через мгновение пирамидка вспыхнула изнутри ярким светом, выпустив из себя световое веретено, а еще через мгновение на Джона смотрела его собственная голография, нагло улыбаясь оригиналу. Мирроу стало плохо.

Поборов в себе признаки начинавшейся тошноты, он, кое-как собрав свои мысли в единое целое, стараясь не смотреть на румяного себя рядом, спросил:

–Ты будешь вождям племен показывать этот фокус? Мол, «дрессированная молния» всегда со мной? Мелко плаваешь, Змей.

–А ты забавный, Джон Мирроу. Мне жаль будет убивать тебя, но, поверь я это сделаю, если ты откажешься сотрудничать со мной, – уже в который раз повторился Змей.– Как видно, придется потратить на тебя еще немного времени, но надеюсь, ты этого стоишь. – Кецалькоатль нервно забарабанил пальцами по крышке столика, выказывая явное нетерпение, кажется времени у него действительно оставалось в обрез. – Увидев твоего близнеца, а иначе это никак не назовешь, – Кецалькоатль не без удовольствия показал на болванчика, – твои почитатели, будут называть тебя не богом, а оленем, точнее *тарука аке*, «человеком-оленем», представителем самого низменного греха сексуальной активности. Увы, с народом и его поверьями не поспоришь.

–Что за бред. Какой еще олень?

–Ассоциация, Джон, такая у народа: что ни близнец, то греховное зачатие, предполагающее, между прочим, не одного отца. А с сексуальной распущенностью надо бороться, как ты понимаешь. Конечно же, это к вам не относится, но тем не менее. – Змей, приторно улыбнулся, поочередно переводя взгляд с Джона, на Икью. – А это означает, что ждет тебя не трон, обещанный мною, а бесславная смерть на жертвенном алтаре от рук твоих же бывших почитателей. И кто знает, это может случиться очень даже скоро, здесь наверху есть подходящее для этого место. – Его тонкий длинный указательный палец вертикально вытянулся.

–Ты этим собираешься удерживать меня в подчинении?–

сказал с некоторым отвращением Джон и показал на голографию.

– Ты постоянно меня удивляешь, Джон, – в некоторой задумчивости произнес Кецалькоатль. – Я лишний раз убеждаюсь в том, что тебя лучше видеть в качестве союзника, нежели в стане врага. И в твоих же интересах сейчас убедить меня в наилучшем для тебя исходе.

Кецалькоатль выжидательно замолчал.

По накалу разговор достиг наивысшей точки кипения, и дальше тянуть с ответом, не вызвав при этом никаких подозрений, было уже невозможно, да и смысла никакого не имело.

– Да, выбор у меня невелик, – протянул Джон, оттягивая, хоть ненадолго, тот момент, когда ему все же придется поставить точку в их разговоре. – Ты знаешь, – продолжал он, – я всегда был ярым противником экзогамного брачного ограничения, а как ты понимаешь, с возникновением классов этот вопрос, наряду с другими, не менее важными...

– Ты умрешь, Джон Мирроу, – резко перебил его Кецалькоатль.

Джон вздрогнул. Тон Кецалькоатля ни обещал ничего доброго.

– Тебя подвергнут вивисекции. Ты знаешь, что это такое?

– Не слишком ли ты суров к противникам брачных ограничений? – продолжал храбриться Джон.

– Совсем скоро этот вопрос перестанет тебя волновать, как и многие другие тоже. – Кецалькоатль с трудом оторвал свой взгляд от стола, чтобы встретиться с глазами Мирроу. – Этот праздник я придумал в честь зарождения Инти. Он происходит раз в пятьдесят два года. Мой народ иначе запоминает календарные даты, нежели почитатели Виракочи. Первый раз он проводился два года назад, но для тебя я сделаю

исключение, придется внести поправку в мой календарь.

– Никогда! Этого не будет никогда! – вдруг вскрикнула молчавшая все это время Икью, в отчаянии закрыв лицо руками.

От этих слов девушки Джона бросило в жар. Его рубашка неприятно прилипла к телу, а во рту вмиг все пересохло. «Икью, конечно же, притворяется. На самом деле ситуация под контролем. Иначе зачем бы она просила меня тянуть время, не для того ли, чтобы нас успели освободить?» – Успокаивал себя Джон, ощущая неприятный холодок дурного предчувствия появился.

Не обращая внимания на Икью, Пернатый Змей продолжал:

– Праздник называется «Новый огонь». Сначала тебе вспорют живот, потом, после того, как тебе собственные кишки намотают на шею, вскроют грудь, и ты увидишь свое, еще трепещущее сердце.

Джон, застыв от ужаса, безмолвно глядел в пустые холодные глаза атланта. Ни до, ни после этой минуты, такого страха Мирроу никогда не испытывал.

– Но это еще не все, – продолжал Змей, – последнее, что ты увидишь и почувствуешь, это огонь, зажженный в твоей груди. В ту минуту тебя будет интересовать только один вопрос – как быстрее умереть.

– В этом я не сомневаюсь! – не столько из-за бравады, сколько машинально, вслух озвучивая свои мысли, не сказал, а скорее промычал, проводя по запекшему небу опухшим языком, Джон.

Кецалькоатль подал знак рукой, и из темноты неосвещенной части залы бесшумно выскользнули индейцы, держа в руках свое нехитрое оружие. Мирроу не успел опомниться, как ему скрутили руки и вывели на лестницу,

ведущую на плоскую крышу террасообразной постройки. Джон не сопротивлялся – не потому что он смирился со своей судьбой, просто в нем говорила какая-то тихая умиротворенность, даже индифферентность, подавляющая любые проявления его воли, мол, все равно это с тобой не произойдет, а если и произойдет...то все равно не с тобой. Ведь он находился в далеком прошлом, какая разница, что случится за две тысячи лет до его рождения. Одна за другой тяжелые волны безразличия накатывали на его сознание, сглаживая остроугольные края памяти. Он тупо крутил головой в разные стороны, уже не совсем понимая, куда и для чего его ведут. Да и что, собственно говоря, с ним может произойти? В этом он с трудом уже мог отдавать себе отчет.

Вдруг над горизонтом Мирроу увидел взошедшее звездное скопление, полоснувшее его разум обоюдоострым лезвием памяти. Откуда он его знает? Связь его с ним? Он завороченно смотрел на брызги звездного скопления, словно ухватившись за «нить Ариадны», способной вывести его из омуты тяжелых, липких хлопьев забвения, облепивших его тело, его волю. Звездные брызги! Ну, конечно же, это Вилькакото, «Солнечные семена». Икью!– вдруг вспомнил Джон. Где она? Что с ней?

–Она останется внизу, – услышал он голос идущего сзади Кецалькоатля. – Хватит с нее и твоих предсмертных криков.

–Ты настоящий джентльмен! – Джон собрал весь сарказм, на который был только способен. Он вновь овладел собой, мыслил ясно и четко. – И больше не пытайся морочить мне голову, такой номер со мной не пройдет.

Змей лишь иронично хмыкнул и, пропустив мимо ушей это самонадеянное заявление Джона, заметил:

–Ты все еще можешь лишиться ее этого «удовольствия», дав согласие на свое сотрудничество, иначе мне все-таки

придется удовлетворить твое любопытство и ты в страшных муках постигнешь, для чего здесь предназначены «каменные седла», как ты называешь эти сооружения.

Что-то екнуло внутри у Джона: «Интересно, что еще он обо мне знает?». И, словно отвечая на его вопрос, Кецалькоатль небрежно заметил:

–Ты поступил опрометчиво, посчитав, что Икью, эта девчонка, сможет противопоставить мне свое умение «прикосновения». И в результате можешь остаться в проигрыше, что в твоём положении означает смерть. Это не она заблокировала меня, а я заблокировал ее, да так, что ты не слышал ее слов предупреждения и продолжал, как она того просила, тянуть время.

Обойдя пленника слева, он не без злорадства заглянул через плечо Мирроу в лицо, чтобы насладиться плодами своей победы.

И снова, сам не понимая, как это ему удалось, Джон бросил испепеляющий взгляд на Кецалькоатля и тоном, исполненным апломба, увесисто сказал:

–Ты слишком самоуверен, Кецалькоатль. У нас говорят, как только ты посчитал, что кого-то «поимел», обернись назад.

Слова прозвучали тихо, но с заметной долей цинизма.

–Зачем? – без энтузиазма поинтересовался Пернатый Змей. Ему уже все меньше нравилась затея вербовки Мирроу. Слишком непредсказуемо вел себя Джон, да и вообще, пленник был недалеко от истины: все труднее Кецалькоатлю было навязывать ему свои образы. Мирроу оказался очень крепким орешком, достаточно легко выходящим из-под его контроля. Чего-то Змей недопонял, что-то не рассчитал.

–Для того, чтобы убедиться, не «имеют» ли в это время тебя, – горячим шепотом, интимно-доверительно ответил

Мирроу и снисходительно добавил:

–На твоём месте я бы удвоил охрану, так, на всякий случай.

–Хорошо, Джон, я воспользуюсь твоим советом. – Змей был на распутье. Этот кару, как называл его Уано Качи, чужестранец, все-таки смог вывести Кецалькоатля из равновесия. С самого начала, несмотря на кажущуюся гладкость в развитии событий, тревожное ощущение того, что не все идет по плану, не так, как того хотелось бы Змею, неотступно преследовало его. От одной только мысли, что все титанические усилия, затраченные им за последние месяцы и направленные на осуществление его амбициозных планов, рухнут, он приходил в ярость. Теперь Кецалькоатль, кажется, начал понимать, почему его союзник пако, этот властолюбивый шаман, так люто возненавидел чужестранца: он был той серой лошадкой, тем уравнением с двумя неизвестными, когда не знаешь, что он выкинет в следующий момент. И, конечно же, проще было избавиться от Мирроу, и Змей так бы и сделал если бы, «прикоснувшись к информации», но увидел машину Джона в деле, когда менее трех суток назад были разгромлены его тайные союзники на ска. Пернатый Змей сразу понял: это именно то, что ему необходимо для осуществления дальнейших планов. Чутье его не подвело и на этот раз, недаром он с самого начала мертвой хваткой вцепился в «гостя» из будущего. Времени у Кецалькоатля уже не было. С минуты на минуту совет узнает о его вероломстве, а так как силы их неравные, то он, наверняка, лишится своего ценного трофея, а вместе с ним и своей мечты о мировом господстве. Но ради нее Кецалькоатль был готов попробовать еще раз убедить Джона Мирроу встать на его сторону. В полной тишине они все еще поднимались на плоскую крышу здания. Им оставалось уже совсем немного,

когда Кецалькоатль остановил Джона, придержав его за руку.

–И все-таки объясни мне, за что, за какие такие идеалы ты идешь на жертвенный алтарь? – озадаченный Змей с отеческой теплотой посмотрел на Джона.

–Тебе этого не понять, Кецалькоатль, – резко отрезал Джон.

–Охотно тебе верю, – согласно кивнул Змей и, чуть подумав, продолжил: – Однажды мне открылась одна истина, и я с тобой, если ты, конечно, не возражаешь, с радостью ею поделюсь. – Змей выждал, вопрошающе взглянув на Джона. Мирроу вовсе не возражал подождать спешивших ему на помощь атлантов под аккомпанемент заискивающих речей Кецалькоатля. Что ему эта болтовня отъявленного негодяя и фанаберика?

Получив молчаливое согласие, Пернатый Змей с воодушевлением продолжил:

–С самого детства нас пичкают клишированными истинами, канонами и прочими стереотипами, опираясь при этом опять-таки на общепризнанных авторитетов, внушая, что именно их слова должны восприниматься как непреложная истина, трюизм. Но редко кто задумывается, как мы выбираем этих авторитетов, чем руководствуемся при этом? В раннем детстве, когда мозг ребенка, словно губка, впитывает в себя все, что окружает человека, когда он пытается найти отправную точку оценки не только самого себя, но и того, что его окружает, на помощь ему приходят родители, чей авторитет для малыша в этом возрасте безразделен. И благодатная «детская» почва с радостью принимает семена, передающиеся от поколения поколению, чтобы затем, с не меньшим убеждением, щедро раздавать возвращенные плоды своим детям, передать им самим же взятые на веру длинные сентенции. Но спроси его, и за разговором скоро выяснится,

что родитель и в глаза не видывал того, чьи догмы он считает апостериори, не говоря уже о том, чем руководствовался сей авторитет в своих оценочных высказываниях, с наивной доверчивостью принятых на веру. Все меняет Вселенская Сеть. «Прикоснувшись к информации», я увидел, как многогранен мир, насколько он сложнее, что нельзя его подогнать под дюжину априорных истин. Я понял, что человек сам вправе искать ту шкалу ценностей, которая будет основой его разума. И их ни одна и не две, их такое великое множество, что поиск может длиться целую жизнь. – Змей говорил мягко, тягуче растягивая не только слова, но и целые предложения. По ходу своей речи он менялся, и, словно лакмусовая бумажка, проявлялись то его пронизательность и прозорливость, то явная доверчивость, он казался то сведущ и умен, и даже хитёр, то наивен и добродушен, во всём соглашающийся с собеседником. Скоро и сам Змей становился претендентом на главенствующую роль духовного пастыря, опирающегося на авторитет Вселенской Сети. Кецалькоатль не пытался прейти через парадную дверь разума своего оппонента, – подбирая ключи, он пытался войти через черный ход, не афишируя свой приход.

–Так стоит ли лишать себя жизни из-за нескольких сомнительных догм, словно *бола*, спутавших ноги, вместо того, что бы без оглядки идти вперед, открывая для себя все новые и новые проявления духовных конструкций?

–Примеряя на себя изъеденные молью костюмчики циркового паяца? – подхватил Джон, закончив мысль за Кецалькоатля. Мирроу осенила догадка:

–Знаешь, Кецалькоатль, а ты меня убедил, – воодушевлено начал Джон, и Змей расплылся в благодушной улыбке.

–Убедил ты меня лишь в одном, – продолжил свои рассуждения Джон. – Ты всего-навсего жалкий тщедушный

человечек, загнанный своим страхом перед Сетью в угол. «Прикоснувшись к информации», ты не «смело шагнул вперед», – Джон нараспев спародировал Змея, – а наоборот, был настолько ошеломлен ее грандиозностью, что, несмотря на прошедшее время, до сих пор не можешь прийти в себя. Ты загнал собственный разум внутрь самого себя, воздвигнув от окружающего мира непреступные для него глухие стены и тем самым позволив низшему началу взять верх. Видя в своих сородичах причину своего душевного малодушия и нравственной несостоятельности, ты и боишься и ненавидишь их одновременно, не видя источника их нравственной силы. Теперь мне ясней представляется то, о чем говорила Икью, утверждая, что большинство людей не готовы к этому морально. Ты тоже не был готов. Спасаясь от Откровения, принесшего для тебя, в отличие от многих твоих соотечественников, только необъяснимый страх, ты перевернул систему ценностей, отдавая дань низшему началу и ввергающему тебя в этот животный ужас. И теперь ты превратился в то, чем сейчас являешься, оставаясь человеком лишь в своем обличье.

По мере того как говорил Мирроу, улыбка покидала лицо Кецалькоатля. С каждым словом Джона добродушие покидало Кецалькоатля, улетучивалось, словно воздух из дырявого шара, превращая импозантного, казалось бы, Змея в угловатого, переполненного желчью пергаментного старика. И снова, как тогда в лесу, перед схваткой с индейцами на ска, видя, как Пернатый Змей, меняясь в лице, теряет над собой контроль, что-то подсказывало Мирроу, что он на верном пути. Не давая ему опомниться, Джон, словно забывая тяжелые сваи, увесистыми, коваными словами обрушился на Кецалькоатля:

–И для того, чтобы знать, что тебя в дальнейшем

ожидает, не нужно «прикосновение». Подбирая людей себе под стать, ты окажешься среди сообщников, чей материальный коэффициент ценностей со временем станет намного выше твоего. Ты уже не сможешь удовлетворять их завышенные потребности, подписав себе этим смертный приговор. В лучшем случае тебя выкинут на задворки твоей несостоявшейся империи, где ты, дряхлый старец, в бесславии, прося подаяние, окончишь свой жизненный путь! И это, действительно, может случиться быстрее, чем ты думаешь.

–Но не быстрее, чем твоя казнь! – взревел Кецалькоатль. Такого эффекта от своих слов, произведенных на Змея, Мирроу не мог и предположить. Кецалькоатля трудно было узнать. Его перекошенное гневом лицо мало походило на лицо того «Всесильного» Кецалькоатля, каким он хотел предстать перед Джоном. Теперь он напоминал усталого старого брюзгу, в бессильной своей злобе, грозящего опрокинуть мир в тартарары.

–Схватите его во славу Инти. Грядет великий праздник «Нового огня»!

Но вопреки всем ожиданиям, повсюду следовавшие тенью за Кецалькоатлем индейцы так и не появились, не было и пако, шаманов, бесшумно взбиравшихся по лестнице со своими барабанами впереди конвоя. Все как будто исчезли! На мгновение Джону даже показалось, что они со Змеем оказались в будущем. Судя по выражению лица, Кецалькоатль тоже не исключал такого варианта. Мирроу даже нервно хихикнул, представив Змея в качестве экспоната в каком-нибудь краеведческом музее. Еще с секунду они молча, с выжиданием смотрели друг на друга. «Джон, беги к северо-западному окончанию платформы», – вдруг разорвал тишину голос его возлюбленной. Джон и Кецалькоатль

оба вздрогнули. Глаза Змея налились кровью. «Он тоже слышал», – пронеслось у Джона в голове. – Быстрее, Джон, у нас нет времени», – трепетал внутри Мирроу теплый голосок Икью. Боже, как он любит его! Как согрел он его сердце!

–Извини, дружище, но мне некогда. Последующую историю о тебе я узнаю чуть позже из первичных источников, когда вернусь назад в будущее, – скороговоркой выпалил Мирроу. – Можешь оставить мне привет в какой-нибудь одной из своих пирамид. Обещаю его прочесть, где-то через пару тысячелетий. – Джон развернулся и уже подался вперед, когда Змей вытащив жертвенный нож *туми*, набросился на него:

–Лучше я оставлю тебя в одной из них.

Джон даже и не подозревал, какое удовольствие может принести, казалось бы, банальная грубая физическая сила. Перехватив руку Кецалькоатля, он завернул ее с такой невероятной силой ему за спину, что раздаваемый при этом хруст плечевого сустава Змея разнесся далеко вокруг. Кецалькоатль глухо простонал, словно раненый зверь, и стал выворачиваться, будто натянутый тетивой лук. В следующее мгновение, отпустив его плетью повисшую руку, Джон, со словами: «Давно я не пинал языческих богов под зад» и «Папа Римский меня похвалит. Видел бы он это, я сразу получил бы индугенцию!» – с силой пнул кованым ботинком прямо по ягодице Змея, «Божественная» особа с шумом покатилась вниз по лестнице. Когда Мирроу уже бежал по платформе предпоследней террасы в сторону, указанную Икью, он услышал шум шагов и резкие гортанные крики своих преследователей. Неожиданно на краю платформы перед ним, как и после первой потасовки с Уано Качи, выросла огромная фигура Ака Ауаску. Только на этот раз роднее фигуры для Джона не было. И еще, конечно же, Икью! Просмыгнув мимо атланта, Мирроу буквально налетел на девушку и осыпал ее

страстными поцелуями.

–Потом, потом, – шептала она, отворачивая счастливое лицо. – Давай скорее, у нас мало времени. Все уже готово для отбытия в Тамботоко.

Под присмотром Ака Ауаску и еще нескольких атлантов они, пробежав мимо небольшого отряда союзных кот-сунь, прикрывающих их отход, устремились вниз по лестнице, направляясь к центральной пирамиде города Акапане. Когда спустились к подножию здания, Ака Ауаску оставил их небольшой отряд, сказав, что скоро догонит. По дороге девушка вкратце рассказала о том, как сторонникам Виракочи удалось вырвать их из рук Кецалькоатля. Оказывается, о вынашиваемых планах Змея Виракоче было известно. Но о мерах предосторожности были оповещены не все. И не уйдя Мирроу на прогулку, ничего бы этого не было, а сидел бы сейчас Змей под стражей. И насканцев пустили в город только потому, что слишком поздно обнаружили, где Икью с Мирроу находятся. Как Кецалькоатль остался один без стражи? Да очень просто. Теряя контроль над собой Змей потерял контроль и над своими подчиненными. В такой момент ничего не стоило незаметно для самого Кецалькоатля внушить его телохранителям и шаманам повернуть назад или также, соблюдая тишину, подняться наверх.

–А вот ты, Джон, – девушка лукаво улыбнулась – просто молодец: такой выдержки от тебя никто не ожидал, да и вообще, если бы не ты и не твое мужество, с каким ты держался, неизвестно, чтобы еще было.

–Ну не совсем уж это и так, – зарделся польщенный Джон. – Ты же мне тоже помогала в этом.

–Ты о чем? – девушка непонимающе посмотрела на Джона.

–Как это о чем? Ты сама говорила, что будешь помогать

мне сопротивляться внушениям Кецалькоатля.

–Нет, Джон. Мне так и не удалось заблокировать его.

–Значит, он был прав, когда говорил, что ты переоценила свои возможности в «прикосновении»? – запоздалый страх того, что он находился на волоске от смерти, прокатился неприятной дрожью по телу.

–Да, – ослепительно улыбаясь, уверенно ответила девушка.

«Чему она так радуется? – оскорблённо подумал Джон, – Она что, не понимает, что меня могли убить!»

–Зато я не переоценила тебя и даже недоценила. Ты оказался намного лучше наших некоторых соотечественников, возьмем хотя бы Тлалока... Ты даже не представляешь, как я горжусь тобой, любимый!

–Да ладно, чего уж там ... – Охватившее его вначале смущение сменилось легкой волной горделивого самодовольства, вальяжно дефилирующего там, где только что теснился страх, как-то само собой расправляющее его плечи и выпячивающее грудь. «Пижон! Эка невидаль – не купиться на уговоры Змея, чувствуя поддержку друзей, пусть даже и кажущуюся», – подавил в себе эту волну себялюбия Джон.

–Гораздо больше мужества у тех, кто с оружием в руках спасал тебя и дает возможность нам сейчас бежать, – добавил мрачно он. Хотя бегством их отход было назвать трудно. Улицы города, совсем недавно казавшиеся абсолютно пустыми, теперь были наводнены вооруженными войсками кот-сунь. Неспешно переговаривающиеся между собой индейцы нетерпеливо переминались, стоя в боевых порядках, выстроенных на подступах к главной площади города, укутанной сизым предрассветным, туманом. Вскоре небольшой отряд, в котором находились Джон и

Икью, догнал Ака Ауаску. Он не без гордости, просипел, с трудом переведя дыхание, что, мол, насканцы не решились напасть на них и повернули назад. Радостное возбуждение Ака Ауаску было преждевременным. Будто бы в отместку его уверениям, со стороны озера донеслись какие-то крики. Усилившийся береговой ветер мешал определить их истинное происхождение, но уже совсем скоро он не мог заглушить, будоражащий душу шум начинающегося боя, внесший оживление в порядки индейцев кот-сунь. То тут то там в рваных клочьях, разгоняемого ветром тумана сновали связные, повсюду слышались резкие команды. Громко ударили барабаны, и под аккомпанемент флейт сотни, возглавляемые *пачакамайоками* - сотниками, одетыми в дорогие ткани *кумби*, один за другим, боевым маршем направились в сторону нарастающего сражения. В тягостном молчании атланты направились через площадь к Акапане, где под усиленной охраной стоял «Кайова» Джона. Уже у самой машины к атлантам подбежал индеец. Его окрапленное чьей-то кровью лицо и лихорадочно блестящие глаза, выражали тревогу. Приклонив колено, он, только что, выйдя из боя и не в силах скрыть охватившего его возбуждения, о чем-то сбивчиво сообщил вышедшему к нему Ака Ауаску. Видимо получив от него распоряжение, индеец тут же скрылся в тумане. И уже через мгновение Мирроу услышал, как мимо них, гулко бряцая оружием, пробежал отряд индейцев. Атлант, нахмутив брови, развернулся к остальным:

–Плохо наше дело. Боюсь, как бы тебе снова не пришлось пустить в ход свою машину, Джон. Змей с небольшим отрядом смог-таки вырваться из нашего кольца, и скоро будет здесь.

–Да, ребята, я у вас чаще воюю, чем у себя, – неуклюже пошутил Джон. Но на его шутку, похоже, никто не обратил внимания. Все без исключения атланты вдруг замерли,

сосредоточенно глядя перед собой. Постояв еще немного среди этих восковых фигур, Мирроу, после некоторых колебаний решил все-таки, залезть в кабину вертолета. «Опять, наверное, со своей «информацией»... Замерли, как истуканы», – вяло подумал Джон. Не успел он сделать и двух шагов, как Ака Ауаску вдруг, остановил его:

–Нет, Джон, планы изменились. Мы поднимемся на Акапану. Быстрее!

Вся процессия ринулась вверх по лестнице.

–А как же вертолет? – нетерпеливо подталкиваемый рукою здоровяка, оглянулся через плечо Джон и бросил тоскливый взгляд на машину. – Ведь Змею нужен именно он. Захвати он его, и не будет никакого смысла отправлять меня назад.

–За это можешь не беспокоиться, – кратко и увесисто ответил атлант, не сбавляя темпа.

На вершине пирамиды их встретили первые лучи восходящего солнца. А тем временем шум сражения достиг кварталов, прилегающих к центральной площади. Но из-за тумана сражающихся все еще не было видно. Мирроу с нетерпением ожидал, когда клубы тумана откатятся назад к озеру. Он так увлекся этим наблюдением, что пропустил момент, когда на пирамиде появился Виракоча в окружении атлантов и жрецов, хотя Джон не исключал и того, что он с самого начала, как только поднялся на Акапану, из-за охватившего его волнения мог не заметить их присутствия.

–Рад видеть тебя во здравии, Джон Мирроу, – сказал Виракоча, подойдя к нему.

Кон Тикси оказался одного роста с Мирроу. В его правой руке он опять держал свой посох, тупайаури, с двумя ленточками черного и фиолетового цветов. Он хотел еще что-то сказать, но возглас одного из его подчиненных,

указывающего рукой вниз, перебил его.

–Виракоча, надо спешить. Пернатый Змей уже совсем близко.

Мирроу посмотрел, куда указывал атлант. В просветах редющего тумана было видно, как отделившись от основных сил небольшой отряд насканцев, возглавляемых Кецалькоатлем, обойдя индейцев кот-сунь с левого фланга, прорвался к пирамиде. В целом положение насканцев было безнадежным. Зажатые с трех сторон их главные силы, во главе с Тлалоком и еще (как показалось Джону) некоторыми атлантами, вот-вот будут сброшены в воду. Многие из них уже теснились на плотках, совсем недавно служивших насканцам понтоном для высадки. И только небольшая горстка людей увлекаемая Змеем, вырвавшись из тисков атлантов, одержимо пробивалась к своей одной-единственной цели – пятачку у Акапаны, где стоял вертолет. С фантастической ловкостью и неумной энергией Кецалькоатль, шныряя между сражающимися воинами, появлялся в разных местах битвы, «всплывая» над морем голов и отдавая какие-то распоряжения, отчаянно жестикулируя руками, все время указывая на вертолет. Худой, с хлопающей на ветру – будто парус, по его костлявому телу - одеждой, он был словно хоругвь, несомый мощными дланями над головами своих воинов. Понимая, что у него мало времени, Змей, не обращая внимания на то, что его отряд уже потерявший боевой порядок, растянутый узким полумесяцем турецкой сабли вот-вот будет раздавлен неприятелем, сам на острие этой сабли отчаянно продолжал пробиваться вперед.

–У нас все готово, Кон Тикси, – услышал Джон чей-то голос за своей спиной. Обернувшись, он увидел, как вокруг внутреннего двора, расположенного на вершине пирамиды, выстроились атланты. Мирроу не видел еще таких

сосредоточенных серьезных лиц.

–Начинаем, – сказал Виракоча, присоединяясь к собравшимся.

Вода, прежде никогда не перестающая сбегать по стенам Акапаны, неожиданно иссякла. Краем глаза Джон заметил, как Кецалькоатль, который не мог не видеть этого, с удвоенной энергией стал пробиваться к вертолету. Тем временем атланты достали пирамидки, точно такие же, какую у Кецалькоатля видел Мирроу. Сплетя между собой пальцы рук, они вывернули руки таким образом, чтобы тыльная сторона ладоней смотрела вниз, туда, где находился внутренний двор. В сплетенных пальцах они держали вершину пирамиды, так, что ее основание тоже указывало в проем на вершине пирамиды. Долину огласили раскатистые звуки раковин-горнов. Произошедшие затем события казались Мирроу то ли сном, то ли полуправдивой реальностью. Теперь он был зрителем, изучающим с удивительной скрупулезностью будто в замедленном фильме, каждый кадр пленки.

Из внутреннего двора, на котором и было сосредоточено внимание всех собравшихся на Акапане, стала медленно выходить полупрозрачная сфера, приобретаая по мере своего дальнейшего появления из «утробы» колодца вид шара. Руки атлантов при этом медленно поднимались вверх, будто невидимыми нитями, исходившими из основания пирамиды, вытягивали шар, являя его свету. Имея в поперечнике около двух метров, он, казалось, свободно парил над поверхностью колодца. Мирроу почему-то отметил, что Змей в это самое время в буквальном смысле находился в пяти шагах от вертолета. Отчего-то Джон вдруг проникся жалостью к этому уже сильно потрепанному от своих неудач старику, который еще полчаса назад вселял в него страх и неуверенность. «Надо же, – думал Джон, чувствуя к Пернатому Змею вялую

снисходительность, – ему, похоже, всегда недостает до цели этих пяти шагов!». Тем временем не перестающие дуть в свои горны жрецы, взяв на себя главную роль, вступили в следующую часть этого действия. Обступив шар с трех сторон, они издали новую полифонию звуков. Шар вдруг вздрогнул, поплыв к краю пирамиды. Это было удивительное зрелище! У Джона складывалось впечатление, что издаваемые раковинами звуки и были причиной движения шара. Он катился в небе еле различимым ядром, будто огромный стеклянный шар из «небесного» кегельбана, настигающий свою цель. Удерживая звуковым полукольцом шар, жрецы, словно специалисты по баллистике, заняли на краю Акапаны нужную для них диспозицию. Их набирающие силу горны, яростно выдувая форте, неожиданно смолкли, погрузив окружающих в звенящую тишину. Тишина была действительно звенящей, потому что воздух повсюду дрожал, сотрясался, вибрировал, заставляя каждого на пирамиде почувствовать колоссальную мощь эфира. Теперь Джон наверняка знал, что все дело именно в этих, перешедших за порог восприимчивости человеческого уха, звуковых колебаниях, что монахи выдували из своих горнов. Шар вдруг взлетел и, словно гигантский мыльный пузырь, выпущенный чьей-то невидимой рукою, быстро приближался к своей цели – вертолету. Горны, вновь обретя звук, надрывно загудели, но теперь звуки их были не тягучие, с плавными переходами в другую тональность, а наоборот: резкие, прерывистые, с хрипотцой. Мирроу увидел, как индейцы кот-сунь, услышав их, будто по команде, молниеносно отступили в прилегающие к площади кварталы, бесследно растворившись вместе с остатками тумана. В то время, когда насканцы удивленно искали причину бегства их преобладающего в силе врага, шар, увеличившись в размерах, накрыл собой «Кайову». Мирроу не верил своим глазам:

машина, словно отражение в кривом зеркале, меняла свои привычные формы. Еще секунда, и раздался сильный хлопок. Шар лопнул, и его остатки, будто волна от брошенного в воду камня, полупрозрачной трехметровой стеной разливалась в разные стороны, поднимая с земли тела убитых и раненых, догоняя и опрокидывая убегающих в панике насканцев, разбрасывая все, что встречалось на ее пути. Достигнув в своем диаметре пятнадцати метров, волна, остановившись, стремительно взметнулась вверх плотным столбом марева. Ослепительная вспышка и странное видение исчезло, оставив после себя пустое место, где стояла «Кайова», да сотню трупов, разбросанных по периметру площади. То, что Мирроу казалось, тянулось бесконечно долго, на самом деле прошло за считанные секунды. Еще следуя какой-то внутренней инерции стороннего наблюдателя, он некоторое время тщетно пытался найти труп Кецалькоатля, когда голос Икью вывел его из оцепенения:

–Следующая очередь наша, Джон. Ты готов?

–Какая очередь? – не понял Джон, находясь под тягостным впечатлением удручающей картины на площади.– Ах, да, – и тут же спохватился: – Конечно же, готов. Что я должен сделать?

–Ничего,– улыбнулась девушка, – все, что ты мог, ты уже сделал, даже больше того. Нас с тобой и Ака Ауаску отправят в Тамботоко, а уже оттуда мы вернем тебя в твоё время.

–Надеюсь, ты не забыла о своем обещании научить меня делать то, что поможет мне вернуться к тебе? – напомнил Джон.

–Нет, конечно, но об этом потом. А сейчас с тобой хочет поговорить Виракоча. – Икью взяла его за руку.

–Постой, – остановил ее Джон, – прежде всего я хотел бы узнать, что здесь сейчас произошло? Ты объяснишь мне?

–Естественно, мы тебе все объясним, Джон Мирроу, – послышался мягкий баритон за его спиной. Мирроу обернулся. К влюбленной паре направлялся сам Кон Тикси Виракоча.

–Внизу у пирамиды я велел Ака Ауаску срочно подниматься наверх. Так как предпринятые Кецалькоатлем шаги требовали незамедлительных действий, то я принял решение о срочной отправке твоей машины в будущее прямо сейчас, а чтобы не рисковать твоей жизнью, мы отправим тебя отдельно из Тамботоко, снизив риск до минимума. Видишь ли, мы не можем с полной уверенностью знать о твоей полной безопасности при перемещении во времени вместе с машиной, она для этого просто не приспособлена. Это все, что тебя интересовало? – глаза Виракочи светились умом, зорким и пытливым. Джон хотел заикнуться о своем возвращении, но, испугавшись получить отказ, передумал.

–Да, пожалуй, это все, – ответил он.

–От себя лично хочу сказать, что искренне рад встрече с тобой. Впервые после гибели Атлантиды ты заставил всех нас поверить в будущее человечества. Пока существуют такие люди, как ты, существует и уверенность, что стремления атлантов, их помыслы и усилия в интеграции Разума во Вселенной были не напрасны и когда-нибудь обязательно найдут своих достойных последователей.

«Почему моя мама раньше не была знакома с этим дяденькой, а общалась только с директором моей школы? Слышала бы она это сейчас!» – подумал Джон, немного смущенный пафосом в речи атланта.

–Мне очень жаль, что у нас не было времени для более длительного общения с тобой. Ты очень интересный собеседник, – заметил Виракоча.

–Вот-вот, Змей тоже так говорил, – мрачно усмехнулся

Джон.

–Ну что ж, кажется, так у вас прощаются с друзьями?

– Седовласый атлант протянул Мирроу свою руку.

Джон удивленно вскинул брови, в очередной раз поражаясь прозорливости атлантов. Они обменялись крепким рукопожатием. Этот почти уже забытый Мирроу жест неожиданно вызвал в нем целый поток сантиментальных воспоминаний, пьянящих, словно глоток свежего воздуха, и оставляющих после себя горькое похмелье ностальгии. Мимо мысленного взора Мирроу проносилась длинная череда его родных и близких, друзей и просто приятелей, сослуживцев и боевых товарищей, любимых им когда-то женщин. Когда же он успел все это позабыть – первый велосипед, первая клятва дружбе, первый поцелуй... все радости и невзгоды, победы и поражения, любовь и предательство? Мирроу вдруг нестерпимо захотелось домой. Но сможет ли он теперь, после случившегося с ним, жить и дальше, как ни в чем не бывало? Что ждет его там, у себя во времени? Тоска о безвозвратно утерянной любви? Тяжелый груз знаний, полученный им от атлантов, который он должен будет пронести в себе, среди своих соотечественников, и который не вправе никому открыть? Ведь у него есть обязательства перед его странной, перед его временем! Вот именно: перед его Временем! И теперь, отдавая отчет всей важности предпринятых им в дальнейшем шагов, Джон с необыкновенной ясностью осознал правильность выбора, давно уже сделанного им. Выбора, который predetermined проведение, закинув его в далекое прошлое с билетом в одну сторону, без права на возвращение. Он обязательно вернется в свое время, но только лишь для того, что бы затем он смог вновь вернуться к своей Икью. Почувствовав, от принятого им решения, так не хватавшего для Мирроу умиротворения, Джон, глядя в

глаза Кон Тикси, широко улыбнулся.

–Ну что ж, тогда до встречи, – улыбнулся в бороду Виракоча, – мне по душе твой выбор, и, я думаю, не только мне одному, – он лукаво посмотрел на Икью, стоявшую чуть поодаль.

В ответ Джон только хмыкнул. Ну, конечно же, для атланта и сейчас не существовало никаких тайн – «информация», будь она неладна.

Первыми в Тамботоко, друг за другом, были отправлены Ака Ауаску и Икью. На этот раз не было никаких прозрачных «шаров». Видимо, атлантам ни к чему было лишний раз открывать Колодец Времени, когда вопрос шел о передвижении в пространстве, и теперь они использовали лишь магические способности своих пирамидок, направив их на манер вызова «шара», только уже на сам объект передвижения. Вскоре после того, как по очереди «хлопнули» и исчезли атланты, настало время отправки и для Джона. Но перед тем как занять место своей возлюбленной, повинувшись чьему-то внутреннему зову, Мирроу в последний раз бросил взгляд на воды священного озера и в лучах восходящего солнца увидел, как спасаются бегством на плотках остатки разгромленного войска Кецалькоатля. Джон вздрогнул, увидев вдруг на одном из них, знакомую фигуру «бога войны». Без всякого сомнения, это был Пернатый Змей. И хотя его плот был уже очень далеко, Джон был готов заключить пари, что Змей улыбался, словно желая сказать этим, что время эндшпиля еще не истекло. И вновь, в который раз, при виде этого человека чувство тревоги опять заполнило его сердце.

Все, что успел Мирроу почувствовать, когда из направленных на него пирамидок вырвались лучики света, так это то, что чья-то неведомая сила погружает его под воду, с головой ввергая в мир туманных образов, и в следующее

мгновение, вынырнув, Джон оказался на базе атлантов в Тамботоко. Его еще не привыкший к таким фокусам желудок отчаянно бунтовал. Торопливо сглатывая слюну и часто вбирая большие порции свежего воздуха, Мирроу пытался справиться с фривольностями этого бунта. Поэтому до него не сразу дошел смысл слов Икью, пытавшейся сквозь доносившиеся до них приглушенные звуки что-то объяснить Мирроу. Постепенно, сначала по обрывкам фраз, а затем и определив зловещий источник окружающего их шума, до Джона дошел истинный смысл происходящего. Теперь ему стала понятна улыбка Змея – пользуясь их отсутствием, город вновь был атакован насканцами, только на этот раз фортуна была на стороне врагов города. И не поспеши атланты с его отправкой в Тамботоко, Джон неминуемо попал бы в руки союзников Змея. Что за этим бы следовало, догадаться нетрудно.

Икью скороговоркой сообщила ему, что захватчики, оставив за собой нижнюю часть города, непосредственно прилегающую к реке, перенесли сражение в верхнюю часть Тамботоко. Некоторые из передовых частей насканцев были уже на подступах к подземной базе атлантов. Кто-то, хорошо знающий планировку города, его подземные коммуникации, руководил этим наступлением, так как захватчики, прекрасно ориентируясь в городе, продолжали стремительно продвигаться вперед. Мирроу попытался подняться с пола своей комнатки, где он оказался сразу после своего перемещения с Акапаны, но невыносимая тошнота, лихорадящее все тело, и слабость в ногах вынудили его еще некоторое время пролежать на полу. Обнаружив, что Мирроу не в состоянии передвигаться, девушка, оставив свои объяснения и просьбы как можно быстрее ретироваться, сама выпорхнула из комнаты. Не успел Джон как следует

отдышаться, как в его комнату, подталкиваемый своей сестрой, влетел громила Ака Ауаску. Не тратя времени на разговоры, он, подхватил обмякшее тело Джона, протиснулся в коридор, неся его на руках перед собой. Мирроу, выкрикивая проклятья, брыкался в воздухе ногами и, наконец, изловчившись, выдохнул ему в самое ухо:

–Ты что, очумел? Ты уже не боишься, что может произойти катастрофа, не вернись я в свое время?

–Да я последнее время только твоей экстрадицией и занимаюсь! – обиженно просипел здоровяк.

–Если ты также будешь заниматься и впредь, то часть меня останется здесь навсегда, по крайней мере, та часть, которая находится в моем желудке, – не унимался Мирроу.

–Лучше уж так, чем ты останешься здесь целиком и мертвым, – резонно возразил Ака Ауаску, – тем более что к этому есть все предпосылки: насканцы заняли тронный зал!

–Тогда прибавь ходу, громила, – мрачно согласился с ним Мирроу, подозревая атланта в маленькой мести за неудобство, перенесенное им во время их перелета на вертолете.

Девушка, опередив их на добрый десяток шагов, уже находилась возле трехметровой мерцающей пирамиды, расположенной на крестообразном перекрестке коридоров под центральной площадью. Икью стояла к ним спиной, и Мирроу не смог разглядеть, что именно проделала она с пирамидой. Когда же с трудом переводивший дыхание брат наконец-то дотащил Джона до пирамиды, он наконец-то увидел ее. Грани, приобретя материальность, светились красным, желтым, белым и черными цветами. Джон сразу же провел аналогию с цветами, принадлежащими каждой суйю, в эти же цвета были раскрашены и церемониальные лестницы, ведущие к пирамидам-сестрам, к основаниям которых и вели подземные галереи базы атлантов. Только

Джон об этом подумал, как потолок над пирамидой разошелся в стороны, и в зияющую дыру хлынул поток света, сквозь который просматривался кусок безоблачного синего неба со следами дыма от пожарищ на нем. Мирроу, вопреки законам физики, не ощутил этого с привкусом гари потока, как, впрочем, не ощутил он и никакого, даже малейшего сквозняка. Зато он увидел, как на площади, прямо над ними, идет бой между индейцами наска и кот-сунь. Снизу Джону открывалась лишь небольшая часть сражения, и поэтому, оценить возможности на победу обеих сторон ему было трудно, но зато, он видел с какой яростью сопротивлялись кот-сунь, с каким мужеством встречали они своего врага. Особенно ему запомнился один здоровенный, под стать Ака Ауаску, индеец. Держа в каждой из рук по палице, он словно какой-нибудь монах из Шаолиня лихо размахивал ими вокруг себя, каждый раз после атак насканцев, оставляя подле себя окровавленные тела неприятеля. Подоспевшие на помощь к врагу пращеметатели внесли существенный перевес в расстановку сил. Индейцы кот-сунь, дрогнув, попятились назад, лишь здоровяк не сдавал свои позиции. Заваленный со всех сторон трупами врага, он был словно Форд Нокстом – неприступной крепостью, о стены которой разбивались новые и новые атаки насканцев. Ограниченный в движении, он вскоре был вынужден выйти на открытое место, где его тут же забросали камнями пращеметатели. В желании напоследок сразить хотя бы еще одного врага смертельно раненный верзила кинулся в свою последнюю атаку, но очередной град камней остановил его. Споткнувшись на полном ходу, он рухнул на землю и, покотившись с горы трупов, угодил прямо в проем на потолке. Джон инстинктивно отскочил в сторону, но поверженный индеец, на его удивление, словно повиснув в воздухе, так и остался лежать над проемом с раскинутыми

в разные стороны руками. Мирроу понял, что отсутствие потолка – это всего лишь эффект какого-то связанного с пирамидой явления и что из-за доносившегося с тронного зала шума боя он не мог догадаться об этом. Тем временем Икью лихорадочно утапливала квадратные плитки, одну за другой выступающие на плоскости пирамиды и делящие ее на вертикальные и горизонтальные секторы. Пирамида, словно ожившая гигантская головоломка, повинувшись каждому движению девушки, вращала обозначившимися секторами из стороны в сторону, вверх и вниз, совмещая и разъединяя в своем магическом танце, в какой-то непонятной для Джона последовательностью, цветные мандалы, больше напоминающие разноцветные шахматные поля, образующиеся на плоскостях пирамиды по мере вращения секторов. Джон вспомнил, что нечто похожее он видел на стенах Дворца Юстиции в Вечном городе. В галереи за спинами друзей послышалась какая-то возня. Не успел Мирроу сообразить, что к чему, как Ака Ауаску, выхватив из складок одежды Икью пирамидку, пустил из нее в сторону ворвавшихся в подземелье насканцев ослепительный луч света.

– Это силовое поле. Оно еще на некоторое время сможет удерживать насканцев, – мимоходом бросил он Джону, передавая назад своей сестре пирамидку.

Мирроу еще некоторое время наблюдал за тем, как насканцы с раскрашенными, забрызганными кровью и перекошенными гневом лицами тщетно пытались прорваться сквозь невидимый барьер силового поля, заблокировавшего проход в западной галереи, соединяющего базу атлантов с тронным залом. Этим, казалось, был занят и атлант, отсчитывавший последние минуты, после чего силовое поле исчезнет. В наступившей паузе, переполненной напряжением,

Джон отчетливо слышал каждое прикосновение рук Икью к пирамиде в центре подземелья. А чем сильнее и нестерпимее ты ждешь какого-то события, тем неожиданнее оно приходит. Черная, глянцевая полоса света, сжирающая под ногами пол и погружающая ноги Мирроу в пугающую пустоту, вдруг стремительно заняла западную галерею, карабкаясь на стены и потолок, заключая своих «пленников» в поблескивающую глянцем черную трубу тоннеля, ткнувшись своим основанием в невидимый силовой барьер для разъяренного врага. Джон видел, как первая линия насканцев в ужасе отпрянула назад, тщетно пытаясь пробиться в тронный зал сквозьседающих сзади них воинов, внеся в ряды сумятицу. «Что ж, на некоторое время это охладит их пыл, – подумал Джон, – побольше бы таких пугающих штучек!» И тут он вдруг вспомнил о пистолете, конфискованном у него Кецалькоатлем.

–Икью, я же совсем забыл о пистолете! Его забрал у меня Змей, помнишь? Как же нам теперь быть?

–Джон, сейчас не до этого, – она с отчаянием тряхнула головой, – мы об этом позже позаботимся. – Уже пора, ты должен войти внутрь пирамиды!

Только сейчас Мирроу заметил, что оставшиеся три коридора тоже превратились в тоннели цвета ассоциирующих юг, север и восток, что уже на противоположном конце восточного, красного тоннеля, пригнувшись, осторожно ступая по полу, проглатывающему красной мглой на ногах мокасины, приближались насканцы. Еще он увидел, как, осыпавшись серебристым инеем, растворилось силовое поле в западной тоннели и, махнув Джону на прощание рукой, Ака Ауаску грозно двинулся в сторону нерешительно переминающегося с ноги на ногу врага, почему-то раскатисто повествуя об испанской короне, святой инквизиции и «предупреждении Миранды».

–Торопись, Джон, – умоляла его девушка, протягивая пирамиду, лежащую на ее ладони – Возьми вот это.

Джон жадно выхватил ее, засунув в карман своих летних штанов.

–Но я же не знаю, как ей пользоваться! – Мирроу перешел на крик. От возбуждения все его тело сотрясало от сильного озноба. Он понимал, что это были, быть может, последние секунды, когда он видел свою возлюбленную, когда он может слышать ее голос, прикоснуться к ней... Джон пытался сказать что-то еще, но его язык отказывался ему подчиняться.

–Сейчас нет для этого времени, милый, я потом тебе сообщу, – с надрывом, едва сдерживая слезы, сказала она.

Мирроу помертвел от одной только мысли, что вот сейчас он окажется за две тысячи лет от своей возлюбленной, с бесполезным куском пирамиды в кармане, каждую минуту, час, день думая только об одном: как оживить этот кусок прозрачного материала, что нужно сделать для того, чтобы с помощью его магической силы заставить время повернуть свое движение вспять? Находиться, быть может, в одном шаге от решения задачи и не знать этого, постоянно терзаясь сомнениями, что, может именно это не предпринятое действие или неправильно выбранное им решение навсегда разлучит его с любимой. Бесконечно думать об этом и не знать ответа – не самое ли страшное из всех наказаний?

–Разыщи в своем времени это место, – девушка бросилась в объятья Джону, торопливо и сбивчиво шепча ему на ухо, – в одном из строений, которого сейчас в Тамботоко нет, но которое ты сразу узнаешь, я оставлю тебе ключ к разгадке символов на этой пирамидке. Применив к ним этот ключ, ты сможешь задействовать силы, заложенные в пирамидке, которые и вернут тебя ко мне, моя любовь. Только умоляю, не

спрашивай меня сейчас, что это за строение и какими будут знаки. Верь мне, ты сразу узнаешь и поймешь все, что тебе нужно. А сейчас беги, любимый, и не беспокойся за меня.

Их губы слились в долгом жарком поцелуе.

–Беги, Джон, беги! – держась из последних сил на подкашивающихся ногах, простонала девушка и, отстранив от себя Мирроу, облокотилась о стену галереи.

–Я вернусь, любимая, чего бы мне это не стоило! – только и смог выкрикнуть Мирроу, ступив внутрь пирамиды и ощутив ее желанное, упругое тело.

–Я буду ждать тебя, даже если для этого потребуется две тысячи лет! – услышал Джон прощальные слова Икью.

Последнее, что он увидел, перед тем как пройти через открытое окно времени в будущее, были Ака Ауаску, с окровавленной головой, сдерживающий натиск индейцев где-то раздобытым им копьем, и глаза Икью. Он никогда теперь не сможет забыть выражение этих глаз: в них были и страх и боль разлуки, вера в настоящее и надежда на будущее, а еще в них была безграничная любовь.

Глава 7

Как только Мирроу вышел из вертолета, его обступили археологи с криками: «Джон, мы нашли, мы нашли!». Каждый хотел, чтобы именно от него начальник экспедиции первым услышал радостную новость. Они о чем-то взволнованно говорили, пытаясь перекрычать шум останавливающегося двигателя, перебивая друг друга, ежесекундно путая или вовсе забывая слова, заполняя пробелы своей сбивчивой речи по-итальянски красноречивой жестикуляцией. Сторонний наблюдатель вряд ли бы смог понять, о чем пытаются рассказать эти взволнованные люди в мокрой, просоленной от влаги и пота одежде. Но Джону Мирроу, в недавнем

лейтенанту ВВС США, вдохновителю этой экспедиции в боливийские джунгли, совсем необязательно было слышать слова. Усталые и обожженные солнцем лица археологов, с тонкими, будто выбеленными лучиками морщин у глаз, усиливающими их лихорадочный блеск, говорили Джону лишь об одном, – случилось то, ради чего им и была создана вся эта экспедиция. Цель последних нескольких лет поисков, наконец, была достигнута, подведя итоговую черту под той, теперь уже прошлой его жизнью. Мирроу одновременно и ждал и боялся этой минуты. Совсем скоро ему или станет известен тайный смысл символов на пирамидке, оставленной для него Икью, или он навсегда распрощается с мечтой увидеть свою любимую вновь. Возможно потом, он, не узнаваемый друзьями, в хмельном угаре будет бродить от бара к бару и, развалившись у барной стойки, неопрятный и небритый, с нездоровым блеском глаз, снова и снова будет рассказывать дешевой проститутке свою неправдоподобную историю. Историю любви лейтенанта ВВС США и девушки из Атлантиды. А наутро, размыв реальность бутылкой виски, он опять будет бродить по городу, вглядываясь в лица, в надежде увидеть лишь одно из них, лицо той, которую уже никогда не суждено ему будет увидеть. Возможно... Но сейчас он был уверен в том, что небывалая мощь, таящаяся в символах на пирамидке, скоро вырвет его из потока времени навстречу к его возлюбленной. И вся его теперь трепещущая в ожидании неизвестности сущность была, как никогда, устремлена только к одному – поиску. Джон еще не знал, что именно ему предстоит искать, но что бы это ни было, если, выдержав испытание временем послание, оставленное Икью, сохранилось, он найдет его, даже если для этого потребуется пересечь каждый квадратный метр земли в руинах Тамботоко.

–Тихо!!! – взревел Джон, перекрикивая несурзанный гвалт, и оглядел враз притихшую свою команду. –Боб, ты разгружаешь инструменты и провизию, – Мирроу бросил тяжелый взгляд в сторону долговязого юнца. Паренек, с оттопыренными, облезлыми на солнце ушами, ленивой походкой поплелся к вертолету, демонстративно засунув руки в карман в знак протеста.

–Майк, Джейк и Георг, помогите Бобу, – продолжал приказывать Мирроу.

Расстроенная троица, явно недовольная развитием событий, бормоча что-то себе под нос, отправилась туда же, где Боб нехотя разгружал привезенные патроном из города тюки.

–Мы только хотели тебе обо всем рассказать, а ты... – с укоризной на ходу бросил тот, кого Мирроу назвал Джейком.

–Ничего, мне и Брайан сможет все рассказать, – Мирроу был непреклонен.

Джейк, провожаемый из-под засаленных очков, с грязными разводами по краям линз, победоносным взглядом своего более удачливого коллеги, пошел догонять товарищей по несчастью. Ободренный благостным расположением к себе патрона, Брайан с готовностью подскочил к Мирроу и захлеб, проглатывая окончания слов, начал рассказывать о произошедшем в их лагере за время его отсутствия.

–Джон, ты даже не представлял... что случилось...

–Где это? – перебил его Мирроу.

–Там, где ты и предполагал, Джон, – археолог указал в сторону мыса, на пути к которому возвышался холм, покрытый низким, колючим кустарником.

–Это целый город, Джон, – возбужденно продолжал Брайан, смешно потряхивая обгоревшими щеками. Кончик его носа шевелился в такт каждому слову, и сползающие на

переносицу очки при этом подрагивали, делая вид археолога еще комичней.

–Я в археологии уже двадцать пять лет, двадцать из них в Южной Америке, и ни разу, – он выдержал многозначительную паузу, – слышишь меня, ни разу я не встречал ничего подобного. И могу со всей авторитетностью заверить, никто из моих коллег тоже. Этот город просто напичкан индейскими культурами раннего и более позднего периода, словом, всем или почти всем, что когда-либо было известно науке о Южной Америке! Я знаю, ты человек новый в археологии, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы по достоинству оценить открытый нами город. Ты только послушай, Джон, – не унимался ученый, – здесь присутствие и культуры *паракас* и *чавин* и *мочика* и *инков*, да что там инки, ты готов, Джон? – И ученый, с горящими от возбуждения глазами, уставился на Мирроу. – Здесь налицо следы культуры ольмеков! У нас есть прямые доказательства, свидетельствующие о связи месоамериканских индейцев с индейцами континента! Это же перевернет историю обеих Америк! Этнографы будут просто бесноваться! Но больше всего меня смущает то, как здесь в один и тот же период времени, попирая все мыслимые законы культурного развития человечества, сосуществовали культуры, разрыв между гибелью одной и возникновением другой составляли триста, а то и все пятьсот лет! Как, вопреки привычным для себя ландшафтно-климатическим условиям, сосуществовали этносы Приморья, равнинной и горной областей на территории относительно небольшого города, которые не только не подвергались тенденции интеграции между собой, а наоборот, ревностно оберегали свои традиции, обычаи, вплоть до повседневной для их области пищи? И еще вот что: городу по предварительным оценкам от двух до двух с половиной тысяч лет, как здесь могли жить культуры,

прекратившие, по последним данным, свое существование за пять столетий до его возникновения?

«Вот именно, что по последним!» – подумал Джон. Он тоже впервые слышал об этих фактах. И хотя Мирроу никогда не расспрашивал Икью о жителях города, он почему-то всегда был твердо уверен в том, что в нем жили только индейцы кот-сунь, ушедшие с берегов Титикака вместе с атлантами. Теперь Джон даже стал припоминать, что в своей речи на совете Кецалькоатль косвенно упомянул об искусственном насаждении этноса, но ведь он не упоминал, где именно это происходит. Может быть, что-то изменилось после возвращения Джона? Он не раз размышлял над этим. Больше всего Мирроу переживал, что с его последним перемещением во времени произошли изменения, как предполагали атланты, не только в топографии и топонимике местности (в чем он уже убедился), прилегающей к священному озеру, но и в чем-то еще, что может помешать ему найти или адекватно выявить нужную для него находку. Джон занервничал. Ему никак не давала покоя мысль об оставленном им у Кецалькоатля пистолете. На собственном опыте Джон уже смог убедиться, какую шутку может сыграть время над не вполне добросовестным путешественником. С первого мгновения, как только его, с выворачивающим под деревом наизнанку желудком, нашла поисковая команда, Джон понял, что здесь происходит что-то не так. Никак не походили те безусые юнцы, что поднимали его на борт знаменитого «Jolly Green Giant», веселого зеленого гиганта, еще по Вьетнаму известного как спасателя сбитых летчиков, на морской спецназ, применяющий в своих операциях вертолеты «Си Стэльен», да и саму операцию по его спасению трудно было назвать секретной, когда без какого-либо кода в эфир лилась непринужденная болтовня. Ссылаясь на плохое самочувствие

и амнезию, Джон сохранял молчание, и, как видно, не зря. Позже выяснилось, что по сценарию этой реальности никаких повстанцев не было и в помине. А он, Джон Мирроу, выполняя тренировочный полет, попав в сильную грозу, сначала не выйдя на связь, потом и вовсе исчезнув с радара. Вскоре его и обнаружила спасательная команда. Правда, не обошлось без казусов, никто так и не вспомнил, откуда на борту его «Кайовы» взялось дорогостоящее оборудование НАСА, к тому же еще и превращенное в металлолом? Но по прошествии времени сломанное оборудование так и не было никем востребовано, и, не дав делу хода, военные замяли этот инцидент. Вскоре после этого Джон уволился из вооруженных сил. Истинной же причины, послужившей дифракции реальности, Мирроу так и не узнал. Зато он твердо усвоил одно: не ведая того сам, он или его действия явились причиной развития аберрации двух, независимо друг от друга, параллельно развивающихся линий реальности, образуя завихрение или наложение, нечто подобное петле во временном континиуме, исправление которой возможно только при возвращении его, Джона Мирроу, в отправную точку прошлого; в тот момент, когда, прощаясь с Икью, он покинул базу атлантов.

–Я даже склонен придерживаться такого мнения, – продолжал археолог, – что среди всего многообразия представителей разных народностей в городе не присутствовало явной доминанты, здесь всего поровну, как в какой-то химической лаборатории по выведению формулы цивилизаций! И как бы фантастично это не звучало, но может создаться впечатление, что кто-то целенаправленно занимался в этом городе, как сказал бы один мой коллега: «социальной инженерией».

Джон вздрогнул, именно так Кецалькоатль и

охарактеризовал действия атлантов в одной из своих пламенных речей.

–Что это за коллега? – вырвалось у него.

–Иногда, Джон, мне кажется, что тебя вообще не интересует, то чем мы здесь занимаемся, – вместо этого ответил Брайан, развернувшись к Мирроу. И, несмотря на свою предыдущую взволнованную речь, как-то очень спокойно продолжил:

–Не думаю, что в ближайшие лет сто-двести будет открыто, по значимости в археологии, что-либо подобное этому городу, – он указал рукой в сторону мыса, – может быть, ты ищешь чего-то большего?

Этот вопрос Мирроу застал врасплох, поэтому ответил на него он не сразу, спрятав свою растерянность за маской непонимания.

–Да нет, Брайан, ты что, – наконец пришел в себя от смущения Мирроу, – я очень внимательно тебя слушаю. Продолжай дальше.

–Вот здесь, проходила городская стена, – продолжил Брайан, переступая по скрипучим мосткам через остатки каменной кладки, – она была довольно внушительных размеров, с массивными смотровыми башнями. Пока мы обнаружили только три из них, но я думаю, башен было больше. Это была основная стена, отсекающая мыс от джунглей, но что любопытно, была еще и вторая стена, похоже, ее не успели достроить, когда разрушили город.

–Да, да, – задумчиво произнес Мирроу, – она шла по холму. Ее на самом деле не успели достроить.

–А откуда ты узнал? – глаза ученого округлились.

–Просто догадался, – спохватившись, ответил Джон. «Надо взять себя в руки, – одернул он себя. – Пока я что-нибудь не сказал лишнего».

–Ну, если ты такой догадливый, может, тогда скажешь, что за племя разрушило город? – Брайан, сняв свои очки, стал деловито протирать носовым платком линзы.

–Дай подумать, – Мирроу сделал задумчивое лицо. Ему нравилось то, как он своими познаниями мог ввести этого ученого мужа в растерянность, вмиг сбивая с его лица самодовольную улыбку. Вот и сейчас, ученый, вскидывая очки к солнцу на проверку их чистоты, чему-то улыбался.

–Ну, так как? – промурлыкал он, вновь водружая их на кончик своего обгорелого носа.

–Мне кажется, что, скорее всего, это было племя наска, – наконец ответил Джон, победоносно глядя на вконец упавшего духом Брайана.

–Правильно, наска, – растерянно пробормотал последний.

–А что, рабочие индейцы уже покинули место раскопок? – сменив нежелательную для него тему, поинтересовался Мирроу, глядя на опустевший палаточный городок, уже видневшийся на берегу реки, разбитый с южного от холма пологого берега.

–Да, совсем забыл, – озабоченно сказал археолог, – время контракта с ними истекло еще две недели назад, а вчера, навьючив лам, они ушли к себе в деревню, сказав, что в любое время готовы вернуться.

–Возможно и нам из-за финансовых проблем в скором времени придется покинуть раскопки, – вздохнул Джон, бросив изучающий взгляд на ученого.

–Ничего, патрон, – Брайан, казалось, нисколько не был опечален этим фактом, – после того, что мы здесь откопали...

И, немного помешкав, проникновенным голосом поинтересовался:

–Все эти пару месяцев твоего отсутствия я хотел спросить: как ты нашел это место? – он кивнул в сторону

раскопок, из-за отсутствия на них рабочих, кажущимися брошенными.

–Наверно, просто повезло, – сухо улыбнулся Джон.

–Если это только так,– хитро прищурил глаза Брайан,– тогда ты, Джон, самый догадливый и везучий сукин сын из всех кого я только встречал. И поверь мне, на своем веку я повстречал очень много разного люда.

–И наряду с этим, поверь уж мне на слово тоже, я самый несчастный и одинокий человек на Земле, – по-приятельски обняв Брайана за плечи, печально улыбнулся Джон.

–Ах, Джон, нужно, что-то неординарное, чтобы такому сухарю, как ты, почувствовать себя одиноким на нашем шарике. Как говорят французы: «шерше ля фам», – лукаво заметил археолог.

При последних словах этого умудренного жизненным опытом ученого Джон вздрогнул, словно ужаленный электрическим током. На некоторое время ему показалось, что старый археолог видит его насквозь и давным-давно догадывается об истинной цели этой экспедиции, которую даже сам Джон скрывал от себя, крепким узлом завязав свои чувства и мысли. Не ведая того сам, Брайан, буквально в двух словах рассказал, чем именно и занимался Мирроу все эти годы по возвращению в свой мир, тем самым выпустив джина из бутылки. На мгновенье, Джону даже захотелось рассказать обо всем старому ученому. Не в силах удерживать в себе, Джон был уже почти готов, кинувшись на грудь археологу, поведать свою сокровенную тайну, но сковывающий перед этим страх того, что он так и останется непонятым, пригвоздил Мирроу к месту. «... Тебе или не поверят, посчитав сумасшедшим, или изолируют от общества. Так во все времена поступали с людьми, узнавшими чуть больше, чем им следовало, или если эти знания идут в

разрез с общепринятой точкой зрения», вспомнил он слова Ака Ауаску. Мирроу еще некоторое время тупо смотрел на медленно удаляющуюся от него спину Брайана. К счастью для Джона, ученый не заметил его состояния, продолжая идти дальше, что-то оживленно объясняя отсутствующему спутнику. Поборов в коленях неприятную слабость, Мирроу заставил себя сделать шаг.

–Джон, что ты там застрял? – оглянувшись, спросил Брайан, наконец, заметив его отсутствие.

–Что-то в ботинок попало, – нашелся Мирроу, облизывая пересохшие губы.

– ...так я и говорю, если бы не Марджи, мы бы ни за что не нашли эти галереи, – закончил фразу Брайан.

–Какие галереи, – насторожился Джон.

–Ты что же, не слышал, о чем я тебе говорил? Так вот, все эти морские законы не по мне, – с удовольствием резюмировал ученый.

–Какие еще законы? – Мирроу удивленно вскинул брови.

–Ну, что бы женщин не брать в плавание, и все такое... С их интуицией...

–Ты мне скажешь, наконец, что за галереи?!

–Марджи случайно наткнулась на разветвленную сеть подземных ходов. Дело в том, что в центре города, по видимому, находились какие-то культовые сооружения. Мы только пока обозначили их, сам понимаешь сейчас к ним трудно подойти, пока не расчищены прилегающие застройки,– деловито объяснял ученый, – здесь обнаружены остатки, по крайней мере, четырех пирамид! Это просто фантастика! А ты говоришь – деньги. Да такие организации, как АНА, NAS, или R.A.S., встанут в очередь, чтобы добиться финансирования нашей экспедиции.

–Ты что-то говорил про галереи? – скрывая нетерпение

и явное раздражение, переспросил Джон.

–Наконец-то проснулся. Я уж думал, тебя и вовсе ничто не заинтересует, – проворчал старый археолог. – Марджи расчищала руины храма, когда нашла вход в одну из галерей, здесь кто-то сильно постарался, что бы все разрушить, – покачал он головой со стороны в сторону, – потом мы обнаружили еще входы в подземелье, на местах где стояли пирамиды. Но все они сильно повреждены, и проникнуть под землю, не нанеся урон другим постройкам, мы сможем только года через два, да и то это при самом лучшем раскладе.

–Никаких два года, – категорично заявил Мирроу, – С сегодняшнего дня направить все усилия на расчистку этих галерей! – Джон стоял, словно на раскаленных углях.

–Ты что, патрон? – Брайан еще никогда не видел их руководителя в таком состоянии. Мирроу был весь покрыт «гусиной кожей», а на его побуревшем лице выступили белые пятна. –Вести сейчас работы по расчистке подземных ходов, все равно что производить взрывные работы!

–Если потребуется, то будем вести и взрывные работы, – не сдержался Джон.

–Потребуется для чего? – округлились глаза у ученого.

–Ты только что говорил, что я самый везучий сукин сын, – начал Джон, стараясь перебороть волнение, сдавившее его горло. Обняв Брайана за плечи, Джон, словно гипнотизируя, смотрел ему в глаза до тех пор, пока еще не пришедший в себя ученый, в знак согласия, не кивнул головой, – так вот, поверь мне и сейчас, я чувствую, что именно там, в этом подземелье мы найдем то, что не только через двести, а через тысячу лет никто не найдет!

–Послушай меня, Джон, – Брайан скинул руки Мирроу со своих плеч, – даже если мы там найдем сокровища Чингисхана, золото инков и янтарную комнату вместе взятые,

то даже тогда это не стоит того, чтобы рисковать хоть одной из руин этого города! Ты что, до сих пор не понял, что мы нашли? – Брайан в недоумении развел руками, – хозяевами этого города были не аборигены Южной Америки, как это и должно было быть, а раса, пришедшая на материк извне. Раса, принесшая с собой не только идеи, но и технические приемы. И если я прав в этом, то археология и антропология, как изучающая «до-письменные» народы, получают новый толчок в своем развитии, навсегда избавившись от идеи «психологического единства» человечества Адольфа Бастиана и его последователя Карла Юнга, а на смену устаревшего сравнительного метода, наконец, придут диффузионисты, позволив заниматься духовной частью человеческой природы более полно, исходя из интеллектуального содержания той или иной культуры, а не сообщать нам только откуда эти культуры происходят «исторически», – на одном дыхании выпалил Брайан, – хотя, как человек сторонний, ты можешь и не разбираться во всем этом.

Мирроу, действительно, мало что понял из сказанного ученым, но зато усвоил одно: действовать ему придется в одиночку, вернувшись сюда по окончании экспедиции, если только не подвернется какой-нибудь счастливый случай сделать это сейчас.

Помощь к Джону пришла, откуда он и не рассчитывал ее получить.

–Наверное, ты прав, – стараясь быть как можно более убедительным, сказал Мирроу. – В конце концов, можно и потерпеть два года.

–Конечно, прав, – ободрился ученый, тут же забыв про только зарождавшуюся обиду, – если уж тебе так хочется лезть под землю, то можешь забраться в их ирригационную систему. Она, кстати говоря, тоже завалена и также таинственна по

своему происхождению. Судя по всему, перед стенами города росли когда-то роскошные поля маиса, – сказал Брайан, мечтательно осматривая заросшую кустарником местность.

Ну, конечно же, ирригационная система! Как он мог забыть о ней?! Джон был на седьмом небе от счастья. Он даже ущипнул себя, чтобы с его лица сошла предательская улыбка.

–И что, эта система сильно завалена? – осторожно, словно ступая босой ногой по битому стеклу, поинтересовался Джон.

–Кто его знает, Марджи только вчера на северном склоне мыса обнаружила шлюзы, питающие водой эти акведуки. Она говорит, что видимо они пересекали весь мыс, и где-то на южной стороне, около нашего лагеря вода, забранная здесь, вновь впадала в реку.

–Молодец, Марджи, правильно... – и, оборвав себя на полуслове, Джон добавил: –Теперь и я согласен с твоей морской теорией.

–Скорее всего, не согласен, – пробубнил помрачневший Брайан, о чем-то задумавшись.

Но Джон уже не обращал внимания на вдруг переменившееся настроение ученого. «Подумать, только, – мечтательно рассматривая раскинувшееся перед ним заросшее кустарником поле, думал он, – час, ну максимум два, поисков тайного лаза, и я проникну на базу атлантов. Что-то подсказывает мне, что именно там оставила Икью ключ к разгадке тайных символов на пирамидке».

Джон ошибался. На поиски подземного хода, соединяющего акведуки, ушло не два часа, а последующие два дня. Несмотря на яростные протесты со стороны Брайана и его не менее яростные дебаты с Джоном Мирроу по поводу целесообразности «... пустого блуждания в кустах людей с академическим образованием, в то время как в полукилometре от них лежат настоящие сокровища!», тот

оставался непреклонен. Остальные же члены экспедиции с любопытством наблюдали за их перебранкой, недоумевая, что могло послужить причиной столь резкой перемены в настроении ученого к их шефу. Мирроу же понимал, что в разговоре с ученым был настолько безоглядным в сокрытии своих истинных побуждений в отступлении от плана раскопок, что Брайану ничего не оставалось, как заподозрить что-то неладное. Разумеется, Джон не стал ничего объяснять археологу. Он лишь снисходительно и молча улыбался, когда, немного поостыв, ученый вновь накидывался на Мирроу с претензиями. «Ничего, – думал Джон, выкорчевывая очередной куст и наблюдая за тем, как гневно поблескивают очки ученого, сопящего неподалеку над точно таким же кустом, – как только найдем лаз, он вмиг успокоится».

Так оно и вышло. К концу второго дня Брайан, беспристрастно расточая проклятия, неожиданно притих.

–Джон, – вдруг дрогнувшим голосом сказал он, поворачиваясь в сторону своего патрона, – она провалилась...

–Провалилась? – не веря в свою догадку, взволнованно вскричал Джон и в два прыжка оказался рядом с археологом.

–Да лопата, что ж еще могло у меня провалиться, затараторил, – я, только сказал «... что б все провалилось», как она сразу ухнула вниз, вон туда. – Он показал на зияющую в земле щель, из которой откуда-то снизу шумно вырывался смрадный воздух.

–Надо было раньше тебе это сказать, давно бы уж нашли лаз, – лихорадочно расширяя щель, заметил Джон, не замечая сияющей физиономии Брайана. Земля с трудом поддавалась, и Джон, схватив лежащую рядом кирку, со всего маху ударил рядом с образовавшейся дырой. Ноги Мирроу вдруг подкосились, он упал на землю, ставшую в одно мгновение зыбучей, словно песок. Джон почувствовал,

как проваливается куда-то вниз, и, прежде чем достигнув дна и отбив при этом себе все внутренности, он услышал приглушенный вскрик Брайана, а затем и истошный рев о помощи. Корчась от боли, Мирроу плюхнулся на пол, отряхивая себя от земли.

– Джон, ты цел? – дрожащим голосом пролепетал археолог.

– У нас что, в лагере Тарзан объявился? – вопросом на вопрос отреагировал Мирроу, – ты все джунгли на уши поставил своим воплем. Не удивлюсь, если в радиусе пяти миль у бедных маргышек начались преждевременные роды.

– Значит, цел, – с облегчением вздохнул Брайан.

Каждый из тут же налетевших со всех сторон остальных членов экспедиции, поочередно опускал в образовавшийся пролом свою голову, считая своим долгом поинтересоваться состоянием здоровья своего патрона.

– Да цел я, цел. Сколько уж можно об этом говорить? – в который раз недовольно бурчал Джон. – Ты бы лучше фонари прихватила, – укоризненно сказал он Марджи, не отвечая на ее вопрос о его самочувствии.

– Да я мигом, шеф! – и ее по-учительски строгое личико, с чуть проступающими бледными веснушками, тут же исчезло из зияющего пролома дыры над головой Джона.

– И прихвати кислородные маски, здесь, как на дне ассенизационной ямы! – прокричал он в опустевшую дыру, приложив ко рту сложенные в рупор ладони.

Когда они с Бобом Дикинсоном вернулись, почти все члены экспедиции уже находились рядом со своим патроном, кривя физиономии от зловонного запаха.

– Вы пока оставайтесь наверху, – остановил Джон Марджи и Боба, которые собрались тоже спуститься вниз.

– Но, шеф...

– Никаких «но», – послышалось резкое снизу, – по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что не последует других обвалов.

Мирроу включил фонарь и направил сноп электрического света в глубину подземного хода. С момента его последнего посещения здесь мало что изменилось, разве что стены покрылись коричневой слизью, да кое-где виднелись небольшие завалы от обрушившегося ветхого свода подземелья. Надев кислородные маски, ученые вслед за Джоном, в полном молчании, направились вглубь лаза. Вскоре появилась и первая линия акведука, когда-то пересекавшая ход, а теперь полностью кем-то замурованная. Оглядев кладку, ученые снова двинулись дальше. Пройдя вторую и третью линии акведуков, точь-в-точь замурованных, как и первая, Джейк, идущий последним, нарушил наконец мертвое молчание:

– Складывается впечатление, что кто-то нарочно пытался создать иллюзию полного развала подземных коммуникаций, оставив лишь один, мало кому известный, по его соображениям, проход.

– Ты тоже это заметил? – Брайан сверлил впереди идущую согнутую спину Джона. По интонации трудно было судить, вопрос это или скорее рассуждение, но Мирроу было все равно. Джон вообще не слышал, о чем толкуют за его спиной археологи. Он превратился в буровую машину, которая растаскивает, разгребает, расчищает те завалы, что встречались на их пути. Пройдя еще две линии акведуков, различаемых только по кладке, ученые наткнулись на большой завал. На этот раз пройти его удалось не сразу. Оставив без внимания предложение археологов спуститься сюда позже с лучшей техникой, чем кирка и лопата, Джон остервенело набросился на кучу камня и глины, преградившие проход,

поднимая целые облака пыли. Вдобавок ко всему действия Джона осложнялись и ограниченностью пространства, но уже через полчаса сумасшедшей работы его сбитые в кровь руки погрузили кирку в пустоту, по ту сторону завала. А еще через полчаса Джон, отстегнув уже опустевший кислородный баллон, смог протиснуться в расчищенный им проем.

– Да что с тобой, Джон? Ты что, нас не слышишь? – наконец донеслись до него тревожные голоса его товарищей по ту сторону завала, – свод может в любую минуту рухнуть!

– Ничего, вы сможете меня вытащить, случись что, – легкомысленно бросил он, рассматривая свои саднившие ладони.

– Нет уж, дудки, – услышал он у себя над головой знакомый голос, и в следующее мгновение что-то тяжелое скатилось возле него, – я-то этим точно заниматься не буду.

Мирроу включил фонарик. Перед ним, протирая грязным носовым платком очки, сидел Брайан. Джон невольно усмехнулся, увидев его перепачканное лицо.

– Ты выглядишь не лучше, шеф, – улыбнулся он, догадываясь о причине веселья Джона. И, водрузив очки на их «законное» место, серьезно добавил:

– Теперь мы одни, босс. Эти любители «стейков» сюда не пролезут. Поэтому я забрал у них пару фонариков, на всякий случай. Георг и остальные уже поднимаются наверх, – и, посмотрев Мирроу в глаза, добавил:

– Я должен это увидеть, Джон!

– Ладно, – нехотя согласился Мирроу, поднимаясь с пола. Спорить с ученым ему было некогда, да к тому же не было ни малейшего желания. – Я и сам не знаю, что там, – добавил он, помогая Брайану подняться.

– А мне показалось... – начал, было, археолог и тут же осекся: – Боже, а это что? – он сделал два порывистых шага

вперед. В свете их фонарей высветилась огромная камера, своим основанием уходящая глубоко в землю. Внизу, на ее дне, возвышаясь, примерно, на пятиметровую высоту, стояла каменная башня. С каждой стороны света, окрашенные в белый, черный, красный и желтый цвета, к ее вершине, казалось, повиснув в воздухе, поднимались тщательно вырубленные из камня лестничные пролеты. Не думая об осторожности, исследователи сбегали вниз по узкой каменной лестнице, ведущей к подножию башни. Оказавшись вблизи нее, они, наконец, в полной мере смогли оценить это грандиозное сооружение. Расставив фонари, захваченные Брайаном, так, чтобы они смогли осветить как можно большее пространство вокруг башни, Джон поспешил присоединиться к археологу, уже приступившему к исследованию их находки. Башня была около четырех метров в диаметре. Она была сложена из больших, тщательно подогнанных друг к другу каменных блоков. Ее верхнюю часть, окаймляли токапу – ряды заключенных в квадратные рамки геометрических символов или рисунков, раскрашенных в один из цветов, что и лестницы, ведущие к вершине башни. Токапу опускались до самого центра, а в центральной части башни находились барельефы тончайшей работы, изображавшие то ли богов, то ли сценки из жизни смертных.

– Ты только посмотри на это, Джон! – ученый кинулся к северной стороне башни, – боги майя! Вот это Тлалок, видишь, его голова вылезает из пасти Кецалькоатля, Пернатого Змея? Точно такой же барельеф я видел в Паленке на Юкатане. Смотри, а вот здесь «танцоры» ольмеков рядом с воинами тольтеков из Теотиуакана... – Брайан все говорил и говорил, называя когда-то виденные им воочию или просто изученные памятники известных или мало известных культур месоамерики, и современных Чили, Перу и Боливии,

изображенных на стенах этой башни. Но самый главный сюрприз ждал их на восточной стороне башни. С той стороны, откуда вверх уходила красного цвета лестница.

– Не может этого быть, – прошептал Брайан, проводя дрожащими руками по барельефу, – это же в точности взятый фрагмент с Ворот Солнца в Тиауанаку изображающий бога Виракочу! Ты только взгляни на него, Джон! Конечно же это творение рук человеческих, но этот лик уж слишком не от мира сего. Печаль его безгранична, он словно сожалеет о лучшем времени, безвозвратно утерянном для людей. Джон, ты слышишь меня?

– Слышу, док, слышу, – отозвался Мирроу, внимательно исследуя барельеф Тлалока и Кецалькоатля. Его мало интересовала история сюжетов на этих каменных плитах. Может быть, в другой раз Джон и с удовольствием послушал бы ученого, но только не сейчас, когда он находился в шаге от своей заветной цели. Все, что интересовало сейчас Джона, это скрытая информация, возможно таящаяся в этих каменных изображениях, которая могла бы указать путь в поисках послания его возлюбленной.

– Я думал, меня уже ничто здесь не сможет удивить, – растерянно продолжил Брайан, неуверенно разводя руками. – Откуда все это здесь? Эти лестницы, выкрашенные в ритуальные цвета майя, Виракоча с берегов озера Титикака. Боже мой как здесь оказалась эта башня?

– Чутьпа, док. Это погребальная чурльпа, – Мирроу, ожидавший увидеть базу атлантов, был обескуражен не меньше ученого.

– Я уже ни в чем не уверен, а ты, Джон? – восторженность на лице ученого сменилась подавленностью и унылостью.

– Да, Брайан, я даже, кажется, знаю, кто там похоронен, – Мирроу был мрачнее тучи, – и лучший способ проверить

мою догадку, это спустится внутрь. Пойдем быстрее Брайан, посветишь мне, а то у меня уже голова разламывается. Не хватало нам еще угореть здесь.

– Да, да, конечно, – поспешно ответил археолог, рассеяно оглядываясь по сторонам.

Джон стал осторожно подниматься вверх к жерлу башни. Его сердце бешено колотилось в груди.

«Неужели все? – думал он, видя, как с каждым шагом неотвратимо приближался край чурльпы, – неужели моим многолетним поискам пришел конец? Что же теперь меня ждет там, за краем погребальной чурльпы?»

Чем больше открывался край башни, обнажая внутренние стены, тем сильнее тяготили Джона нехорошие предчувствия, казалось, пудовые гири повисли на его непослушных ногах. Дойдя до края усыпальницы, Джон посветил вниз.

– Ты был прав, Джон, – услышал он дрожащий от волнения голос Брайана за своей спиной, – это погребальная чурльпа.

Внизу, среди рулонов изящных тканей, ковров, груд глиняных статуэток, золотых кубков кери, инкрустированных драгоценными камнями, и прочей домашней утвари, стояли две каменные гробницы. У изголовья одной из них было воткнуто копьё с алой перевязью на древке и золотой вышивкой токапу на ней. Мирроу узнал эту ленту. Это была та самая лента, что он видел на запястье атлантов, когда они собирались лететь в Инти Уауан Акус. Закрепив веревку на краю усыпальницы, Джон с тяжелым сердцем начал спускаться вниз.

– Так вот про какое строение ты говорила, любимая. Ты все знала наперед. Но почему ты мне не сказала сразу? – сердце Мирроу разрывалось на части.

Ощувив под ногами почву, Джон, осторожно перешагивая

через жертвоприношения, подошел к гробнице, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу. Наконец, собравшись с духом, он крикнул наверху стоящему Брайану:

– Док, спускайся тоже, мне одному не справиться.

– Невероятно, – восхищался, как ребенок, ученый, взволнованно осматривая содержимое чурьпы, – благодаря создавшемуся здесь микроклимату все вещи сохранились почти в первозданном виде. Это невиданные находки! Сенсация!

– Ладно, Брайан, об этом потом, а сейчас помоги мне снять крышку с гробницы.

– Судя по дарам, предназначавшимся для загробной жизни, здесь похоронены очень влиятельные люди своего времени. А по копьё, – вон, видите, у гробницы, – могу с уверенностью сказать, что здесь покоится один из вождей.

– Вот эту гробницу мы первую и вскроем.

Джон подошел к краю каменной крышки, взглядом указав ученому на ее противоположный край и призывая его к действию. Второй раз Брайана просить не пришлось. Ухватившись поудобней, они с трудом сдвинули тяжелую крышку и осторожно опустили ее на пол. Внутри гробницы под золотой маской, закрывавшей лицо, лежала туго обмотанная в полотняные ткани мумия.

– Ака Ауаску! – выдохнул Джон. Сомнений быть не могло, это был брат его возлюбленной. Маска, накрывающая его, была изготовлена настолько искусно, что в точности передавала не только черты, но и само выражение лица Ака Ауаску. Казалось, гигант знает о присутствии Мирроу и вот сейчас, открыв глаза, широко улыбнется ему.

– Как ты его назвал? – Брайан удивленно посмотрел на Мирроу.

– Давай вскроем другую, – сказал Джон, будто и не

слышал вопроса археолога. Брайан же, достаточно хорошо зная своего шефа, не стал его переспрашивать.

Осторожно водрузив крышку гробницы на ее прежнее место, они приступили к вскрытию второй. Слезы выступили на глазах Джона, когда он увидел золотую маску покоившегося в гробнице тела. Это была Икью. Дрожащими пальцами он пробегал по ее лицу, касаясь застывших в золоте глаз и губ.

– Почему ты не сказала мне об этом сразу? – все время шептал Джон.

Трудно представить, о чем думал в это время старый ученый, став невольным свидетелем этой сцены, – отстраненное от гробницы, словно от нее исходил жар пылающего горна, лицо Брайана было скрыто тенью. Когда же Джон, излив свои чувства, взял себя в руки вновь, ученый надел на себя маску полного безразличия. Это выражение не покинуло его даже тогда, когда Мирроу попросил археолога помочь ему развернуть из холщовых тканей мумию. Когда ткань, наконец, убрали, ученый увидел, что одна рука, когда-то, видимо, очень красивой девушки, лежала вдоль туловища, вторая лежала на груди, словно что-то прижимая к себе в иссохшей ладони, собранной в кулак. Брайан не проронил ни единого слова, даже тогда, когда Джон Мирроу еще долгое время, будто что-то пытаясь найти, исследовал обе гробницы и жертвоприношения усыпальницы. Он терял терпение и бесцеремонно опрокидывал, разворачивал, и разбрасывал их по полу чурьпы.

– Где же это? – беспрестанно повторял он, тяжело дыша и не замечая молчаливого присутствия археолога.

С каждой минутой исследователям становилось все труднее дышать. Наконец, Джон повернулся к Брайану – его лицо было покрыто липкой испариной.

– Нам необходимо подняться наверх, но сначала мы снова

завернем мумию в ткань.

Ученый, как-то странно посмотрев на Мирроу, молча кивнул в знак согласия. Немного опередив своего напарника, Джон осторожно приподнял мумию за плечи, и как раз в тот момент, когда ученый поспешил нагнуться, чтобы подхватить ее за ноги, к его ногам из сжатого кулака мумии, глухо брякнув об пол, выпала потемневшая от времени железная бирка. От неожиданности археолог вскрикнул и отскочил в сторону, успев при этом все же разглядеть хорошо сохранившуюся выгравированную на бирке надпись: «Джон Мирроу...», остальное он не успел разобрать, так как ею сразу же завладел хозяин.

– Вот оно! – облегченно выдохнул Мирроу, внимательно исследовав бирку, и бросил колючий взгляд на археолога, от которого у Брайана по спине забегали мурашки:

– О том, что ты здесь увидел, не должна знать ни одна живая душа!

Назад Брайан и Джон возвращались в глубоком молчании. За завалом их уже поджидали товарищи с новым запасом кислорода. На их вопросы, что же они видели, Мирроу ответил, что ничего, кроме еще более сильного завала, через который они уже не смогли пройти, им обнаружить не удалось. Брайан, ссылаясь на плохое самочувствие, вообще наотрез отказывался с кем бы то ни было говорить. В последующие дни на базе никто не заметил подавленного настроения старого ученого и несколько нервного состояния их шефа после возвращения, особо проявлявшегося, когда они случайно оставались наедине друг с другом. Брайан избегал вопросов на эту тему, а что касается Мирроу, то он просто на них не отвечал. Через три дня экспедиция в спешном порядке была свернута, а еще через три дня все ее члены прилетели обратно в Штаты и разъехались по домам.

Глава 8

Я вздрогнул от звона стеклянного горлышка о бокал. Не могу сказать с твердой уверенностью, как долго я еще пребывал в оцепенении после рассказа Джона Мирроу. Он сидел все в той же позе, что и в начале своего повествования. В одной руке Джон держал дымящую сигару, в другую он взял бокал с только что налитой в него текилой.

– Выпей, Боб, это немного взбодрит тебя, – сказал Джон, отпивая из своего бокала.

– Пошел к черту, Джон, – это было все, что я смог ему ответить, протягивая руку за своим бокалом.

– Подумать только, я находился в двух шагах от гробницы, и ничего об этом не знал!

– Извини дружище, но ты ведь понимаешь, почему я не сказал тебе об этом сразу?

– Вот именно, что «сразу». Зачем тогда это понадобилось тебе сейчас? – огрызнулся я, в душе полностью соглашаясь с Джоном. Но мне хотелось немного позлить его, то ли из-за моей ночной прогулки под проливным дождем, состоявшейся по его вине, то ли из-за грозящих катастрофой экзаменов по истории, но скорей всего я хотел показать свою значимость в решении пока еще неизвестного мне вопроса. Не так уж часто Мирроу обращался к моим услугам, а если быть абсолютно точным, то еще ни разу.

– Брось, ты ведь не злишься на меня, – Джон сделал большой глоток из своего фужера, – а рассказал тебе об этом сейчас, потому, что, как я уже говорил, без твоей помощи мне не справиться.

До сих пор я пребывал в состоянии, похожем на

транс, словно мое сознание еще не решило, что же делать с услышанным мною, но последние слова Джона вдруг сорвали ту пелену впечатлений, что обычно еще некоторое время не оставляет нас после пробуждения от какого-нибудь мистического сна. Наконец, избавившись от лишних взвинченных эмоций, мешавших соображать, мне вдруг стало ясно очевидное, чего именно хочет от меня Джон Мирроу.

– Неужели ты и вправду решил вернуться в прошлое? – спросил я, не веря в то, о чем спрашиваю.

– И ты мне в этом должен помочь, Боб.

– Подожди, Джон. Ты уверен, что у тебя есть все необходимое, чтобы благополучно вернуться назад, в прошлое? – попытался я ухватиться за призрачную ниточку, в надежде остановить своего друга от опрометчивого шага.

– Да, конечно, – улыбнулся Джон.

– Но ты же говорил, что в свете дифракции реальности в настоящем времени могли измениться и топонимика и топография той местности, куда ты хочешь отправиться? – еще не зная, что с этого можно «выжать», спросил я.

– Так и случилось. Инти Уауан Акус уже не стоит на берегу Титикаки, а примерно в сотне километров от озера находится город-близнец Тиуанако, индейцев кот-сунь сейчас называют уру, ну и все такое... Только, я не пойму, причем здесь все это?

– Как причем? – неуверенно начал я, – ты же сам говорил, что в таком вопросе надо учитывать ландшафт местности, и потом прецессия... – неопределенно разводя руками, повторил я запомнившееся неизвестное мне слово.

– Ну, насчет этого можешь не переживать, Боб, – улыбнулся Мирроу, – в посланном Икью сообщении имеются все данные для благополучного исхода моего возвращения.

Джон достал из кармана своих брюк блестящую бирку

на толстой цепочке и, протянув ее мне, сказал:

– На вот, полюбуйся.

– Это та самая? – с нескрываемым любопытством спросил я и, осторожно взял бирку в руки.

– Та самая, – коротко ответил Джон, выпустив облако дыма.

Эта была обычная штампованная идентификационная бирка, которую носят все военные. Несмотря на то, что чья-то рука долго заботилась о ее зеркальной поверхности, буквы на ней кое-где были изъедены ржавчиной. С виду она была самой что ни на есть обыкновенной. Но вот с другой ее стороны тончайшими линиями были выведены, на первый взгляд, хаотично разбросанные узоры. Присмотревшись внимательней, я стал различать ряды точек и клиньев, заключенные неравными группами в полуокружности, многогранники и круги. Иногда, уже объединив точки и клинья, сами фигуры разбивались волнообразными линиями, различными по своей величине и амплитуде волн.

– И что это все означает?

– Это и календарь и звездная карта одновременно, Боб. С помощью этой пирамидки, – покрутив ее в руках, он поставил ее на журнальный столик, – я смог разобраться в этих хитрых узорах. Здесь подробно расписаны движения планет, их положения в созвездиях, а также указаны даты и время перемещения по Колодцу Времени атлантов и тот коридор, по которому смогу вернуться и я. В общем, это напоминает диспетчерскую карту полетов, так как в целях безопасности нельзя использовать один и тот же промежуток времени в перемещении по Колодцу Времени.

– А ты не задумывался о том, что эта звездная карта может не соответствовать современному небу, то есть, небу

в измененной действительности, а это значит, что неверны и все расчеты?

– Да ладно тебе, брось, Боб. Как может повлиять мое путешествие во времени на Зодиак? Хотя, справедливости ради скажу, что я тоже это проверил, – Мирроу смущенно улыбнулся.

– Хорошо, а что ты скажешь о расчетах? Как достоверно узнать, что даты путешествий атлантов точны, и вообще, когда они перестали пользоваться Колодцем Времени?

– Надо отдать тебе должное, Боб, ты умеешь отделить зерна от плевел, – заметил Мирроу.

Забрав у меня свою идентификационную бирку, он сказал:

– Здесь сообщается о том, что атланты покинули Землю во время одного уникального астрономического события, когда в восточном крае Млечного пути, в Близнецах, состоялось сближение Сатурна и Юпитера.

– Да, они сближаются каждые двадцать лет, – фыркнул я, блеснув знаниями в области астрономии, – так что никакой уникальности здесь нет.

– Ты прав, но здесь указано не только определенное место среди звезд, но и конкретная календарная дата – июньское солнцестояние. Такое случается лишь раз в восемьсот лет. Мне удалось раздобыть одну таблицу, в ней подробно изложено положение Луны, Солнца и планет с начала нашей эры. Из этой таблицы следует, что такое событие было в 650 году.

– Все это замечательно, только я не пойму, какое отношение это может иметь к твоему вопросу?

– Дело в том, что в тех немногих легендах того времени, что дошли до нас, существовал бог Виракоча! – Джон поднял

указательный палец вверх, внимательно изучая мое лицо, видимо, пытаясь уловить хоть малейшее проявление моей реакции на сказанное им.

– Ну, и что с этого, – бурно отреагировал я. Кроме раздражения все его недоговоренности ничего не могли вызвать.

– А то, что легенды, хоть и косвенно, но подтверждают наличия Виракочи. Это раз. В них сообщается, что он покинул Землю, ознаменовав своим уходом конец эпохи мира, на смену которого пришла эпоха войн. Это два. В-третьих, у историков не вызывает сомнения тот факт, что на смену мудрому и миролюбивому правлению Тиуанако в долины озера Титикака пришли войны, и случилось это около 650 года н. э. Можешь мне возражать и утверждать, что все это не больше, чем мои домыслы: увидеть желаемое, вместо действительного, – Джон жестом остановил меня, видя, как я пытаюсь что-то вставить в цепь его рассуждений, – но я был там, Боб, и кому как не мне знать, где находится черта между домыслами и реальными фактами. Это четыре.

– Все равно этого недостаточно, ты ведь можешь погибнуть! – Я знал непреклонность Джона в своих решениях, но пытался отговорить его.

– От судьбы не уйдешь, Боб!

– Откуда тебе знать собственную судьбу? И где же теперь твое избитое: «Человек сам творит свою судьбу своими руками»? – злорадно возразил я.

– Ты прав, Боб, – он вскочил в кресле, – я никогда не был фаталистом. Я всегда верил только в свои силы, в свой разум, – при этих словах Джон с силой постучал костяшками кулака по своей голове. – Но как, скажи ты мне на милость, как я мог предвидеть то, что со мной произойдет, да еще и целенаправленно идти к этому? Случайно я пошел в армию,

хотя, будь я из богатой семьи, этого бы не было. Случайно стал пилотом: мой поезд задержался и я не успел подать свои документы на войскового офицера. Случайно очутился в Южной Америке, меня преследовала одна девица с очаровательной двойней и кучей долгов в придачу, так что я подал рапорт о переводе и случай опять-таки забросил меня назад, на две тысячи лет в прошлое, где я встретил Икью! Не много ли этих случайностей? Не кроется ли за этими случайностями чья-то воля!?

Джон нервно расхаживал взад-вперед перед моим креслом, возбужденно размахивая руками. Вдруг он остановился передо мной и, наклонившись, взглянул прямо мне в лицо. В его красных, воспаленных от усталости глазах снова вспыхнули дьявольские огоньки. Я невольно вжался в кресло. В какую-то минуту я был даже рад, что Джон собирался исчезнуть из этого мира, и с радостью был готов помочь ему в осуществлении его навязчивой идеи.

–Так вот что я тебе скажу, – перешел Джон с рокошующего грома на заговорческий шепот, – я сделаю это! Я вернусь назад в прошлое!

Он тяжело опустился в свое кресло и, остыв так же внезапно, как и придя в ярость, уже спокойно добавил:

–Даже если ты откажешься мне помочь, я все равно найду способ отправиться туда, сколько бы сил и времени у меня на это ни ушло, – и, посмотрев, на мое испуганно-ноющее лицо улыбнулся, – извини, Боб, за последнюю неделю я совсем измотался, ору, почем зря, – и, тяжело вздохнув, поблекшим голосом спросил:

–Ну так что, ты мне поможешь?

–Конечно, Джон, – с излишней поспешностью ответил я, хрипло кашлянув, – только я не знаю, что мне делать?

–Я так и знал, что ты не откажешь мне! – энергично

вскочил Джон, – я знал, что на тебя можно положиться, – по-детски радовался он и, подскочив ко мне с блаженной улыбкой, расплющившей его лицо, стал объяснять мне мои действия, подробно расписывая каждую мелочь.

Оказывается, что именно сегодня, в три часа пятнадцать минут, и открывается этот коридор, по которому Джон сможет уйти в прошлое. И если я сейчас не заткнусь со своими дурацкими расспросами, то он может не успеть этого сделать, а следующий благоприятный момент наступит только через пять лет. Взяв мои руки, Джон показал, как должна в сплетенных пальцах держаться пирамида, и еще попросил, чтобы я не «дергался», когда из ее основания выйдет шар, который, в общем-то, и сделает «свое дело». Но, прежде всего, надо в правильной последовательности вращать сектора пирамиды.

–А как же я узнаю, правильно я вращаю или нет? – (Господи, если я, наконец, перестану его перебивать, то у него еще будет время показать мне те мандалы, что должны образовываться по мере вращения секторов пирамиды на ее основании).

Джон достал листок бумаги, на котором уже были нанесены рисунки этих самых мандал. Видно было, что Джон долго и тщательно готовился к своему возвращению. Особенно стало это очевидным, когда Мирроу, оставив меня наедине со схемами мандал, побрякивая железом, спустился из своей спальни со второго этажа. Джон не переставал меня удивлять. Почувствовав слабость в коленях от увиденного, я, придерживаясь за кресельную ручку, рухнул в его спасительные объятия. На меня грозно надвигался Терминатор. Именно в этом фильме в последний раз я видел столько оружия сразу. Лихо опоясанный пулеметными лентами и гранатами, пистолетами и ножами, с перекинутым

через плечо пулеметом, он и не мог теперь являться никем другим.

–Надеюсь, ты возвращаешься не для того, чтобы всем этим встретить эскадру Колумба? – оправившись от шока, сьерничал я, рискуя заполучить в себя гранатой.

–Мне нечего делать в пятнадцатом веке, – засопел Джон, потуже стягивая на себе ремни развязки своей амуниции.

Воодушевленный его миролюбием, я решил выпустить в своего друга весь запас яда, накопленного мною за последние пару часов его рассказа.

–Но ты можешь ошибиться в своих расчетах. Учти, если Америку откроют по твоей вине на столетие позже, над христианским миром нависнет угроза исчезновения.

–Это еще почему? – не отрываясь от своего занятия, бросил Джон.

–В первой половине шестнадцатого века над Европой нависла угроза порабощения Османской империи. Европе нужно золото, чтобы отстоять свою независимость, – не без гордости блеснул я своими познаниями.

–Если я ошибусь, ты знаешь на кого пожаловаться Папе. А то, смотри, пойдем со мной. Сердце кровью обливается, как только я представлю моего друга, в чалме идущего в мечеть, чтобы приступить к совершению первого намаза. Да и Лось сегодня не простит твоего скудного мычания, хотя все поправимо, ты мне рассказывал, что ходят слухи, будто у него нетрадиционная половая ориентация.

–После того, что ты мне рассказал про Кецалькоатля, я лучше прилюдно поцелую Лося, чем отправлюсь с тобой, – насупился я.

–Да Лось тебя сам расцелует, если от такого бездаря, как ты, услышит про эту Османскую империю и европейский кризис, – парировал Джон.

Я обиженно молчал, так мне и надо. Ведь я знал, что в таких коротких перепалках, упражняясь с Мирроу в юморе, я неминуемо занимал почетное второе место.

–Ну а если серьезно, Боб, то у нас и не получится вдвоем. Исходя, из всех расчетов, эта пирамида сможет перенести по Колодцу Времени не больше ста пятидесяти килограмм.

Наконец, затянув на себе все ремни-развязки, он, с отцовской нежностью посмотрев на меня, сказал:

–Ну что, Боб, давай прощаться.

С гулким бряканьем, опустив на пол свой пулемет, Джон крепко обнял меня.

–И еще, Боб. Я хочу, что бы ты простил меня!

–Подожди! – не понял его я. Мне не хотелось верить, что вот сейчас, может быть навсегда, я расстанусь со своим лучшим другом. Я растерянно пытался подобрать слова, нужные для подобающего случая, но они так и не приходили. Видимо, и не нужны были для двух друзей эти «нужные» слова. Так и смотрели мы молча друг на друга. И молчание это было красноречивее всяких слов.

–Мне пора, – тихо сказал Джон, поднимая с пола пулемет.

–Зачем он тебе? – просто так поинтересовался я, кивнув в сторону грозного оружия.

Он взглянул на большой круглый хронометр, отмеряющий время над камином на стене, – было ровно три часа утра, – и неторопливо ответил:

–Не забывай, что на том конце коридора времени меня ждут «охотники за головами».

–Если хочешь, я отправлю тебе на помощь Чака Норриса?– попытался пошутить я, стораясь пересилить наступающую хандру.– Неужели я так и останусь в полном неведении о твоей дальнейшей судьбе?

Мирроу молча улыбнулся и ушел вглубь комнаты.

—На камине я оставил вырезки статей из газет и журналов о нашей экспедиции. В одной из них, если ты помнишь, Брайан, вопреки моим запретам, делает смелое предположение о захоронениях на территории открытого нами города. Он даже предположил, что там могут находиться мумии вождей, когда-то правящих в нем, и даже ищет меценатов для финансирования следующей экспедиции. Так вот если со мной все будет в порядке, то эти статьи исчезнут, вместе с воспоминаниями уважаемого профессора, если нет, то триумф ему обеспечен.

Меня вдруг осенила одна догадка:

—Джон, а я буду помнить все, что с нами было?

—За это, друг мой, я уже попросил у тебя прощения, — мрачно ответил он.

—Я все равно не могу понять, за что.

—И не торопись это понять, Боб, так лучше для тебя.

Хронометр на стене отмерил три часа десять минут. Тогда я и услышал последние слова, которые сказал мне Джон Мирроу:

—Боб, ты еще не забыл, как пользоваться этой штуковиной? — в его ладони, одетой в кожаную перчатку с обрезанными пальцами, тускнул силуэт пирамидки. В следующую секунду Джон бросил ее мне.

Следуя каждой букве инструкции, я с точностью швейцарского механизма начал воплощать ее на деле. Все случилось именно так, как и говорил Джон. Сначала грани пирамидки окрасилась в белый, красный, черный и желтый цвета, затем, по очереди воссоздав мандалы на ее основании, я, сплетя между собой пальцы и вывернув ладони, направил основание пирамиды в центр комнаты, где все это время в глубоком молчании находился Джон. В следующее мгновение я почувствовал, как, стремительно

нарастая, какая-то неведомая сила, вдавливая пирамидку в мои руки, пытается сдвинуть меня с места. Я не успел ничего предпринять, как вдруг из моих ладоней, наполняя все мое тело теплом, вылутился прозрачный шар. Я дернулся назад, словно пушка, влекомая отдачей после выстрела. Видимо, при этом у меня было дурацкое выражение лица, потому что я видел, как Джон пытается подавить свою улыбку. Шар, увеличиваясь в размерах, приближался к Мирроу. Сначала, услышав жуткий скрежет, перемешанный с дребезжанием стекла, я не понял, в чем дело. Но в следующее мгновение вся мебель, расположенная в моем поле зрения, пришла в движение. Раздавшись, будто воздухоплавательный шар, сфера, выпущенная мною, сменяя все на своем пути, в сопровождении жутко скрежетавшей «ожившей» мебели, надвигалась на Джона. Оказавшись внутри шара, Джон, словно сказочный уродец, трансформируя свои черты, начал уменьшаться вместе с пленившей его сферой.

Резкий звук пролетевшего возле уха реактивного снаряда и ослепительная вспышка на время лишили меня слуха и зрения. Но все же я сумел заметить, что после этого погрома комната была до мельчайших подробностей точной копией парижских улиц времен взятия Бастилии, по крайней мере, именно так я их и представлял после эмоционально-взволнованной лекции Лося. Через некоторое время, немного оправившись или уже свыкшись с тем, что моя голова представляет из себя церковный колокол, с которым только что усердно работал добросовестный звонарь, я подбежал к камину, на котором увидел вырезки статей. Выждав, когда рассеется черный туман, заставший мои глаза, я, с усилием, равным не меньше 1 ж., тер их своими кулаками. Прочитав первые строки (особенно любимой мною статьи, где добросовестным журналистом

была написана и моя фамилия вместо «прочие...», как это делало подавляющее большинство), я ахнул: многие из статей вообще исчезли, а те, что остались, сменили и кричащие сенсационные заголовки, и саму тематику. Лишь в одной из них сухо сообщалось, что в России, где-то в Сибири, была найдена мумия (подумать только!) мамонта. Мысли, арабскими скакунами пронесившиеся в моей голове, вскоре из хаотической химеры превратились в более или менее упорядоченные формы. Джон оказался прав в своих рассуждениях. Находясь в непосредственной близости от излома хронального поля в момент его деформации, я избежал изменений в наступившей действительности, сохранив в памяти вариант предшествующей реальности, той, где была экспедиция и удивительные находки. Иными словами, изменения, неминуемо вызванные перемещением Мирроу в прошлое, вызвали цепочку событий, затихающей волной прокатившейся во времени. Достигнув нашего столетия, эта, уже ослабевшая, волна разбилась об эпицентр хронального воздействия, в котором я находился, и, словно остров, обогнув это препятствие, унесла свои «воды времен» дальше в будущее. На этом мои размышления оборвались. Я еще не успел оправиться от последствий первой звуковой волны, как вновь услышал звуки приближавшегося реактивного самолета, словно дом Мирроу был штаб квартирой ВВС США, а комната, в которой я находился, – аэродромом. Еще не потерявшие своей свежести воспоминания о последствиях перемещения Джона во времени заставили мое тело совершить гигантский прыжок с места и, сделав в этом новом виде спорта мировой рекорд, я, закрыв голову руками, рухнул на пол. После того как звуковая волна с грохотом пронеслась надо мной, я с удивлением услышал звуки бьющихся друг о друга металлических полостей. Ни чуть не удивившись

увидеть, какого-нибудь Далай-ламу, я осторожно выглянул из-за камина, рекордной точки моего прыжка, и с удовольствием отметил, что хотя я был и не далек от истины природы издаваемого звука, но веселого «Хари Кришна» не услышу. По краям столика, на котором еще стояли два недопитых бокала с текилой, сыпалась на пол целая гора гильз, представителей разного калибра и стрелкового оружия. Почти все они еще источали запах пороха. Буквально набросившись на эту кучу, в своих мечтаниях представляя, как Джон, ввергая врагов в неопикуемый ужас, с оружием в руках пришел на помощь Ака Ауаску, я лихорадочно разгребал ее в разные стороны, в надежде найти хоть какое-нибудь послание от моего друга. В своих ожиданиях я оказался прав. Не мог Джон не отправить чего-то еще, кроме бесполезной кучи металла, если, конечно, он сам являлся отправителем этой «посылки». Ведь недаром, уничтожая следы своего пребывания в прошлом, Джон направил гильзы не вместе со своим оружием, скажем, куда-нибудь в Тихий океан, а именно к себе в комнату, где по его расчетам должен был находиться я. Так и случилось. В одной из гильз я заметил аккуратно вложенный кусочек алой материи. На ее нежной, напоминающей воздушный шелк ткани было выткано загадочно: «Ожидание в 2000 лет».

Вот уже почти пять лет минуло с той памятной ночи, когда, подгоняемый резкими порывами ветра, я отправился в дом к Джону Мирроу, чтобы, раз отправив его в прошлое, больше уже никогда не увидеть своего друга. Каждый год в эту ночь я уезжаю за город, чтобы в полной тишине насладиться звездным небом. Иногда мне кажется, что звездная россыпь с любопытством наблюдает за нами – глазами Вечности, дивясь неиссякаемой силе любви, которая преодолевает любые пространства и время. Тогда я достаю из своего кармана пирамидку, излучающую в темноте мягкий

фосфоресцирующий свет, снова и снова пытаюсь понять, что именно хотел сказать мне Джон в своей последней записке. Может быть, он хотел передать радость встречи со своей возлюбленной? А может, глубокую печаль по безвозвратно утерянной Родине? Или неутраченную боль памяти, которая соблазном рассказать все то, что я услышал от Джона Мирроу первому встречному, теперь гложет и меня изнутри? В конечном счете именно это чувство и послужило толчком к написанию рукописи. А еще я решил, что, выбрав место в какой-нибудь глуши, я навсегда покину свой городок, а может, даже и страну. История с Джоном все перевернула во мне. После того, как Джон покинул реальность, тем самым изменив ее, я не всегда знаю, кем я являюсь теперь. Некогда близкие мне люди просто перестали меня узнавать, а незнакомые, наоборот, протягивают руку. Я замкнулся и ушел в себя, как в свое время Джон. Да, он знал, за что просит у меня прощения! Лучше ли теперешний Боб Дикинсон, я не знаю, достоверно мне известно лишь одно – я не остался прежним. Думаю, Мирроу догадывался, на какую душевную муку он обрекает меня. Что ж, по крайней мере у меня есть все для того, чтобы высказать ему это лично! Может, его послание на алой тряпице звучит как благословение на мое отбытие в прошлое, туда, где, может быть, я смогу найти себя, как это смогли сделать другие, как это сделал Джон? Так или иначе, я навсегда теперь останусь тем, про кого бы сказали атланты: «Без права на возвращение». А пока, не придя к окончательному решению, я оставляю на хранение пирамидку и эту рукопись с воспоминаниями Джона, на их законном месте, в доме Джона Мирроу.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА*

НАСА /NASA/ – Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США.

Инти /кечуа/ – солнце /кечуа - один из самых распространенных языков индейцев Южной Америки/.

Уано Качи /кечуа/ – один из четырех братьев легендарного Манко Капака.

Тамботоко /кечуа/ – легендарная пещера, от которой, по легенде южноамериканских индейцев, начались долгие поиски Манко Капака и его шести братьев и сестер «Земли обетованной».

Манко Капак /кечуа/ – легендарный «сын Солнца», основатель империи Инков.

Наска – индейская культура, возникшая на территории современного Перу около второй половины II века до н. э.

Мама Гуако /кечуа/ – жена Уано Качи.

Инти Уауан Акус /кечуа/ – предположительное первоначальное название древнеперуанского города Тиауанако.

Тауантинсуйу /кечуа/ – «четыре соединенные между собой стороны света». Официальное название империи Инков.

Кецалькоатль – Бог – творец, почитаемый тольтеками, индейцами майя, ацтеками.

Теотиуакан – город, древняя мексиканская культура, имеющая огромное влияние на становление последующих цивилизаций на мексиканском плоскогорье и Юкатане.

Болон-Ти-Ку – владыки подземного мира индейцев майя.

Кару /кечуа/ – чужестранец.

Пако /кечуа/ – шаман.

Уку Пача /кечуа/ – мифическая земля мертвых, где

правили предки инков.

Капак Райми – праздник, отмечаемый инками в конце января. Согласно представлениям индейцев древнего Перу, в это время года по Млечному пути на землю сходили их предки.

Майус /кечуа/ – Млечный путь.

Ольмеки – индейская культура, возникшая на мексиканском плоскогорьи около второй половины II века до н. э.

Кот-сунь – так называет себя индейское племя уру, проживающее на берегах озера Титикака.

Вилькакото /кечуа/ – звездное скопление Плеяд, наряду с другими небесными телами занимающее важную роль в мифах древнеперуанских индейцев.

Ильяпа – древнеперуанский бог грозы и молнии.

Иш-Чель – богиня ткачества и медицины индейцев майя.

Токапу /кечуа/ – ряды геометрических символов, заключенные в квадратные рамки.

Чаки, повахтуны и бакабы – боги дождя, ветра и «тех, кто удерживает небо», соответственно, индейцев майя.

Акапана /кечуа/ – пирамида, расположенная в церемониальном комплексе в древнем Тиуанако.

Кон Тикси Виракоча /кечуа/ – бог, творец инков.

Наймлап – легендарный правитель древнеперуанской культуры Чиму.

Тунайаури – посох Инки, олицетворяющий власть.

Ра – бог Солнца древних египтян.

Та Кем – Черная земля; так свою страну называли древние египтяне.

«*Ворота Солнца*» – монументальное сооружение из андезитового блока с рельефом бога Виракочи и его сорока восьми спутников в Тиуанако.

* Дается в редакции автора

Науа – северные племена мексиканского нагорья.

Керо /кечуа/ – ритуальный кубок древнеперуанских индейцев.

Чоколатль – шоколад, излюбленный напиток ацтеков.

Суйю /кечуа/ – провинция.

Тлалок – бог грозы индейцев майя.

Тарука аке /кечуа/ – «человек-олень».

Бола /кечуа/ – путы для стреноживания ламы.

Туми /кечуа/ – ритуальный нож, используемый в жертвоприношениях древнеперуанскими индейцами.

Пачакамайоки /кечуа/ – военные, командующие сотнями.

Кумби /кечуа/ – дорогие, элитные ткани.

АНА – американская историческая ассоциация.

NAS – Национальная академия наук / США /

R.A.S. – Королевская академия наук.

Письмо

рассказ

– Вот, мадемуазель, возьмите, – человек в штатском протянул платок хрупкой девушке, сидящей напротив него.

– Спасибо, – с трудом произнесла девушка – голос ее дрожал. Она подняла голову, и копна рыжих волос упала ей на плечи. Ее заплаканное личико казалось совсем еще юным.

– Значит, вы ничего больше не можете добавить к сказанному? – по всему было видно, что человек в штатском с сочувствием относился к переживаниям очаровательной мадемуазели, и, будь его воля, он ни за что не стал бы задавать вопросов о событиях, так больно ее ранивших, но по долгу службы он был обязан все проверить еще раз.

– Нет, – еле слышно ответила она.

– Все же постарайтесь вспомнить что-нибудь еще. Наши коллеги из МИ-6 проделали неблизкий путь. Сами понимаете, найти, с позволения сказать, адресованное вам письмо в Британской земле в ...

На плечо следователя легла рука человека, одетого в серый костюм, впрочем, его одежда мало чем отличалась

от гардероба пятерых мужчин, собравшихся на необычный допрос в одном из кабинетов государственной безопасности Франции. Тем не менее, видимо, он был в старшем чине, так как следователь сразу замолчал.

– Пусть лучше наш коллега сам поговорит с мадемуазель Натали, – авторитетно заявил он.

Будто дождавшись команды сверху, стоявший возле окна молодой человек плотно закрыл жалюзи и подошел к столу.

– Мы понимаем, насколько больно мадемуазели вспоминать о происшедшем, но все же, если мадемуазель Натали не против, мы бы хотели послушать её рассказ еще раз с самого начала... – Девушке показалось немного странным, что молодой человек вдруг заговорил. Вот уже целый час сквозь раздвинутые створки жалюзи он, поглощенный своими мыслями, молча наблюдал, как с приближением сумерек пустеют улицы города, и, казалось, давно утерять способность слышать своих коллег по цеху, и вообще был абсолютно безучастен к тому, что происходило в комнате. Внешне молодой человек как будто ничем не выделялся от собравшихся мужчин. И все же что-то в его облике выдавало в нем иностранца. Натали еще не решила, в чем именно это выражалось, в его манере говорить или держаться, скорее всего, дело было и в том и в другом. Некоторым образом она была благодарна этому молодому человеку, представившемуся ей Джери Смитом, за то, что с начала допроса, длившегося с самого утра, он не участвовал в череде бесконечных вопросов, так измотавших Натали и ее душевные силы. Девушка сделала большой глоток воды из стакана, предусмотрительно протянутого ей Смитом, промокнула глаза платком, удалив предательские следы от расплывшейся туши, и, тяжело вздохнув, начала свой рассказ.

С Жаком они познакомились прошлой осенью. Он

учился в институте и всерьез занимался физикой, она работала в «бистро» и все свое свободное время отдавала «зимнему саду», благоухавшему на веранде ее небольшой квартиры. После шести месяцев романтических свиданий они решили пожить вместе. В общем, ничего особенного, обычная история влюбленных. Жак перебрался к ней с невообразимым ворохом каких-то чертежей (кстати, конфискованных у нее безо всяких на то оснований) и еще большим количеством металлолома. Как, разве она не говорила об этом? Они сняли гараж для всей этой железной «рухляди», где Жак и проводил большую часть уикенда. Конечно же, она понятия не имеет о том железном монстре, что со временем «обустроился» на снимаемой за ее деньги площади. Пару раз Жак пытался объяснить ей какие-то сверхпроводники, абберрации, дифракционные поля и прочую научную «белиберду», но, услышав в ответ обстоятельный рассказ о соцветии страстоцвета, он перестал докучать ей своими формулами. Если б только она могла тогда знать...

Плечи Натали мелко затряслись. Она допила воду и, немного успокоившись, продолжила:

—В тот уикенд мы решили забросить все свои дела и провести его вдвоем. Целый день мы провалялись на диване в поисках хороших телепередач да ещё в поглощении пиццы, по мере надобности подвозимой нам служащими небольших ресторанчиков. В очередной раз, когда Жак наугад нажал на кнопку пульта, это оказалась какая-то образовательная программа. Жаку всегда нравились разные научно-популярные передачи, а мне было уже все равно. Как ни странно, передача и на самом деле оказалась интересной и вскоре я сама с увлечением стала слушать о недавно обнаруженном доисторическом захоронении близ Стоун Хенджа, который имел большую археологическую ценность.

—А вот отсюда, пожалуйста, поподробней.

Девушка удивленно захлопала ресницами.

—Ничего особенного, там говорилось, что ученые каким-то образом выяснили, что человек, чье захоронение они нашли, был выходцем с материка и сам факт того, что он достиг берегов будущей Британии, говорит о нем как человеке выдающемся для своего времени. Это подтверждали и находки, найденные в гробнице, судя по которым он действительно был важной персоной. Среди горшков, гребешков, оружия и прочего доисторического «хлама», что должно было сопровождать его в загробной жизни, были найдены и первые украшения, кажется, это золотые заколки, сквозь которые пронизывались пряди волос. По сохранившимся черепно-лицевым костям ученые смогли восстановить внешность этого человека. Я, помню, еще сказала, что он сильно похож на Жака, хотя и выглядел намного старше его, — Натали всхлипнула и, смахнув слезу, с сожалением и горечью посмотрела на молодого сотрудника МИ-6, — зачем только я ему сказала об этом?! Жак тогда улыбнулся и сказал, что не исключено, что это его дальний предок, который, возможно, и построил сам Стоун Хендж. Мы даже не заметили, когда это обсуждение переросло в жаркий спор. Жак всегда был увлеченным спорщиком и цеплялся за каждую возможность доказать свою правоту, если же ему это не удавалось, он старался показать свое интеллектуальное превосходство над оппонентом, тогда он и сказал, что вообще, окажись он в прошлом, то пользовался бы не меньшим почетом, чем этот «абориген» из прошлого. Я только посмеялась над ним и сказала, что он даже яичницу себе не может приготовить, а окажись он в таком далеком прошлом, то и готовить ее будет не на чем и что он будет делать со своими знаниями, если там нет ни современных технологий, ни даже электричества.

Мы еще долго спорили о силе знания и умении его использовать. Жак сказал, что, в конечном счёте, он всегда сможет увековечить память о себе, как о любом «чуде света».

–Ты говоришь так специально, потому что проверить это никак нельзя! (Какая я была тогда дура!)

Жак внимательно посмотрел на меня и очень серьезно сказал:

–Натали, ты даже не предполагаешь, насколько я близок к тому, чтобы доказать тебе это.

В тот момент мне показалось, что он издевается надо мной. Я обозвала его самодовольным ослом (кретинка!) и выбежала из дома. Когда, немного поостыв, я вернулась, его уже не было. Вместе с ним пропали и некоторые его книги, кажется, это были учебники по навигации, судостроению, инженерному и литейному делам (я уже говорила, что ему нравились всякие научные «штучки»). Я сразу заподозрила недоброе, и когда Жак не появился на следующий день, побежала в гараж. Его двери были настежь распахнуты, но кроме этой страшной железной машины там никого не оказалось. Я заявила в полицию о его исчезновении, а вчера вот пришли вы и из-за какого-то письма перевернули весь дом. Что вам написал Жак? Могу я, наконец, узнать, где он? – девушка с тревогой посмотрела на Джери Смита. Мужчины в комнате переглянулись.

–Дело вот в чём, – после некоторой напряженной паузы начал Смит.– Письмо от Жака Дебрэ было адресовано именно вам, и обнаружили его при тщательном изучении саркофага, найденного в Стоун Хендже. Передачу о нём вы смотрели вместе с Жаком. Письмо находилось в секретной камере крышки саркофага.

–Надеюсь, это не передача, в которой снимают скрытой камерой? Жак любит подобного рода шуточки! – Натали

беспокойно закрутила головой в поисках скрытой камеры. Она была уже готова разразиться ругательствами на злую шутку, но по напряженной тишине, царящей в комнате, и тому, как смотрел на нее Смит, она поняла, что разыгрывать ее никто не собирается.

–Одним словом, генетический анализ установил, что Жак Дебрэ и похороненный в Стоун Хендже около четырех тысяч лет назад человек – одно и то же лицо! – выпалил Смит.

–Но как это возможно? – глаза Натали наполнились ужасом.

–Исходя из предварительных анализов чертежей из вашей квартиры, ваш любовник изобрел «нечто», которое забросило его в прошлое, и это «нечто» находится у вас в гараже.

–Господи! – только и смогла вымолвить Натали.

–Я думаю, кое-что для себя вы можете прояснить вот из этого, – молодой человек протянул ей золотую пластину.

–Что это?

–То, что было найдено в крышке саркофага.

Дрожащими от волнения руками Натали взяла в руки холодный кусок метала. На его вызывающе поблескивающей желтой поверхности были вытеснены какие-то письмена. Натали не сразу поняла, что там было написано.

Послание было написано на современном французском языке.

«Милая Натали, несмотря на то, что я выиграл наш с тобой спор, чувствую себя проигравшим, когда каждое утро не нахожу тебя рядом с собой. Прости меня, любимая, за то, что в порыве гордыни совершил опрометчивые шаги, за которые нам придется теперь расплачиваться неизмеримо большей платой, чем все сокровища мира. Ты была права,

когда говорила, что ни слава, ни богатства не стоят нашей с тобой любви.

P. S. Зато ты теперь знаешь, кто построил Стоун Хендж.

С любовью, твой Жак Дебрэ».

Приговор рассказ

«... и наречешь Ему имя: Иисус;
ибо Он спасет людей Своих
от грехов их».

Евангелие от Матфея

–Ингуэни Аиманас пятнадцатого поколения Путников Симаная! Верховный суд Симаная признал Вас виновным в противоправном использовании Силы Путника в созвездии Айгица на планете Эунхе! Перед тем, как Верховный судья огласит приговор, Вы имеете право на последнее слово.

Мимо прозрачной сферы Симаная, где заседал Верховный суд, медленно проплывали галактики. Иногда сфера проходила сквозь них, и тогда наблюдателям, находившимся в сфере, был виден ускоренный процесс жизнедеятельности галактики, когда миллионы лет были спрессованы в одно мгновение, в течение которого только что образовавшаяся планета, вдруг приобретя атмосферу и тут же теряя ее, превращалась в остывший, безжизненный мир. То там то

здесь вспыхивали сверхновые. Казалось, их яростная, всепоглощающая энергия должна была расколоть сферу пополам, но, достигнув ее поверхности, плазма, облизывая гладкие стены сферы и не причиняя ей ни малейшего вреда, уносила свой губительный свет дальше в глубины космоса. Даже встречающиеся на пути сферы планеты-гиганты, в сотни раз превосходящие ее своими размерами, беспрепятственно пропускали ее сквозь себя, обнажая Сфере Симаная свое чрево, скрытое от посторонних глаз. Сфера Симаная жила по своим, известным только ей законам. Вне пространства и времени она наблюдала, как медленное течение Вселенной пронесит мимо нее свои творения.

–Итак, Ингуэни Аиманас, мы Вас слушаем.

–У судей Симаная, конечно же, вызывает недоумение, как Путник пятнадцатого поколения мог совершить столь серьезный проступок? – замерцал белый, нейтральный свет внутри сферы. – Я не склонен оправдывать свои действия и убеждать судей в правильности своего решения. Скорее всего, мне хотелось бы объяснить самому себе более отчетливые границы – для мотивации моего поступка.

Красные огоньки недовольства, вызванные вступительной речью, пробежали по рядам судей. Ингуэни Аиманас вновь замерцал беспристрастным белым светом:

–Конечно же, всем здесь присутствующим понятна задача, с которой должен справиться Путник пятнадцатого поколения на планете, куда он был направлен, – оставаясь на ней Духом вездесущим, выявить особенности развития цивилизации, зародившейся на планете и, в случае низкого процента Совместимости, не препятствовать ее скорой аннигиляции или ускорить таковую. Ясна и цель – такого рода еще встречающиеся отклонения от нормы, я имею в виду цивилизации с низким процентом Совместимости, не

должны отвлекать Силы Вселенной от целенаправленного взращивания Разума, столь необходимого для ее эволюции.

–Оставим Ваши пространные дефиниции, Ингуэни Аиманас. Ближе к делу! – с видимым раздражением осветился красным Верховный судья.

–Верховному судье не терпится зачитать приговор? – насмешливым оранжевым сиял Ингуэни Аиманас. – Тогда нужно ли вообще мое выступление?

–Мы не будем нарушать установленных традиций, продолжайте, – сдержался коричневым судья. Через мгновение Ингуэни Аиманас продолжил:

–Как и предписывалось, я стал Духом вездесущим на Эунхе с самого зарождения жизни на этой планете. И, разумеется, как и подобает Путнику в таких случаях, я полюбил эту необычную планету.

–Что же необычного Вы там увидели? – озадаченно мерцал черным судья. –У Вас один из самых продолжительных и безупречных послужных списков. Вы являлись Духом вездесущим более чем на тысяче планетах в сотне галактик, и Вы утверждаете, что Эунхе была для Вас планетой необычной? Неужели Вас способны удивить биологические формы жизни?

–Нет, конечно же. Я сам могу быть в роли Творца, и причудливые очертания биологических форм жизни, как разумной, так и неразумной, не могут вызвать во мне удивления или какого-либо другого чувства, кроме, конечно же, любви, впрочем, как и у любого другого Путника пятнадцатого поколения. Меня поразила духовная сторона разумной жизни на Эунхе, ее имманентность. Ни на одной из планет я не наблюдал столько пороков и добродетелей, уживающихся вместе. Это словно однажды приведенные в движение качели, где борющиеся друг с другом и берущие

то и дело верх друг над другом чаши противоборствующих сторон всегда возвращаются в точку равновесия, чтобы, пройдя ее, одна из чаш вновь взяла вверх. Здесь хитрости противопоставлено прямодушие, храбрости – трусость, лености – энтузиазм, податливости – упрямство, добру – зло, корысти – щедрость, подлости – благородство, порядочности – нечистоплотность, невежеству – знание, непорочности – распущенность. И, поверьте, это далеко не полный список бушующих страстей на Эунхе. Уникальность цивилизации на этой планете в том, что она напомнила мне некогда существовавшую цивилизацию Симаная.

Сфера всколыхнулась всеми цветами радуги. Не было никого из присутствовавших в ней, кто остался бы равнодушным к этому высказыванию. Здесь играли цвета протеста и удивления, недоверия и насмешки, интереса и открытого гнева. В сфере был лишь один цвет покоя и гармонии, это был сам Ингуэни Аиманас.

– Правильно ли мы Вас поняли, – после цветовой какофонии осторожный салатный цвет Верховного судьи выглядел слишком прозрачным. – Вы сказали, что...

– Цивилизация Эунхе напомнила мне некогда существовавшую цивилизацию Симаная, – перебил Верховного судью Ингуэни Аиманас, цитируя самого себя. – Надеюсь, ни для кого не секрет, что прежде чем потоки Разума Симаная объединились в колонию энергетических частиц, поднявшись, таким образом, на наивысшую ступень своей эволюции, сам Разум, на первых ступенях эволюции, был заключен в бионоситель, кстати, отдаленно напоминающий аборигенов на Эунхе.

– И поэтому Вы применили Силу Путника, остановив реакцию распада атома, которую эти «милые» аборигены сами же и запустили?

– Не забывайте, что это я, придерживаясь Закона Симаная о низком проценте Совместимости, был вынужден преждевременно открыть аборигенам Эунхе закон распада атома, тем самым запустив механизм самоуничтожения. И теперь мне оставалось только наблюдать за тем, как морально не созревшие для этого знания аборигены уничтожат в пожарище междоусобных войн свою цивилизацию.

– В том, что Вы придерживались Закона Симаная, суд не видит ничего предосудительного. Но Ваши последующие действия привели Вас на место обвиняемого.

– На Эунхе не было низкого процента Совместимости, – упрямо засверкал синим Ингуэни Аиманас. – На Эунхе было пятьдесят процентов от ста, заложенных в Закон Симаная.

– Все равно мы не имели права рисковать. Закон Симаная гласит...

– Где бы сейчас был этот Закон Симаная, где бы сейчас был сам Симанай, если бы миллиард лет назад кто-нибудь, сверяясь с таблицей процентов, решал за нас, имеем ли мы право на существование или нет? – вспыхнув алым цветом, с сарказмом поинтересовался Ингуэни Аиманас.

И вновь сфера взорвалась всеми возможными цветовыми оттенками. На этот раз Верховный судья не сразу смог успокоить судебный совет. Наконец... и последние алые вспышки негодования унялись.

– Продолжайте, – обратился Верховный судья к Ингуэни Аиманас. – Казалось, что из присутствующих только ему одному удавалось сохранить беспристрастие.

– Спасибо, Верховный судья, мне остается лишь добавить, что миллионы лет я, не отступая от буквы закона, на разных планетах выполнял возложенную на меня задачу, бездумно пресекая тупиковые ветви цивилизаций и, наоборот, благополучным указывая путь по спирали эволюции. Я

помню до мельчайших подробностей о каждой из них, и в особенности об исчезнувших. Верховному суду навряд ли знакомы чувства сожаления и боли, понятие того, что с каждой такой трагедией ты теряешь частичку себя, частичку своей плоти. Да, да, не удивляйтесь, именно плоти, ведь Дух вездесущий находится во всем, в каждом проявлении природы, и, конечно же, в каждом проявлении ее разумной и неразумной жизни. Дух вездесущий и есть сама природа. Да и как мне не помнить те красавцы звездолеты с планеты Ках, которые и стали причиной гибели местной цивилизации. Тогда Верховный суд был обеспокоен преждевременностью открытия гравитационного двигателя, с помощью которого кахияне могли покинуть пределы своей галактики. Или планета Иль-анат, на которой группа ученых, впадая в транс, освободив Разум от бионосителя, могла проникнуть в самые потаенные уголки космоса. Выйдя на сферу Симаная, они подписали своей планете смертный приговор. Были, конечно же, и оголтелые милитаристы с Присву, и никчемные тупые пожиратели растений с Анез, таких, бесспорно, было больше, но ведь были и другие. Как, например, Эунхе. Я уже сказал, что она напомнила мне первобытный Симанай. То же разнообразие конфессий, богатое историческое и культурное наследие, прослеживается схожесть даже в био-и техносферах планеты. Я не говорю о научном потенциале, по показателям в некоторых областях ученые с Эунхе даже обошли Симанай, когда-то находившийся на данной ступени развития. Неужто мы упустим такую возможность и позволим погибнуть этой планете, вместо того, чтобы спасти заблудших и, нарушив причинно-следственную цепь, дать цивилизации Эунхе второе рождение, проследив за развитием ее эволюции. Я не вижу острой необходимости уничтожения Эунхе. Не кажется ли достаточным решением с Симаная, какой из миров

достойн на существование?

–Цивилизация Эунхе обречена. Она нестабильна. Об этом говорит и ее пятидесятипроцентный уровень Совместимости, – уклончиво начал Верховный судья. – И не забывайте, Ингуэни Аиманас, это Вселенная возвращает Разум, Симанай находится на службе у НЕЕ, а не наоборот. Конечно, было бы интересно наблюдать, а в дальнейшем, может быть, даже контактировать с разумоносителями Эунхе, но слишком большой риск заключается в следующем: какую из сторон примут эти Ваши качели, измени мы сейчас причинно-следственную цепь. Потом мы не будем сторонними наблюдателями естественной гибели цивилизации, нам придется уничтожить ее самим, категорически против чего, Закон Симаная. Трудно сказать, как еще отразится развитие цивилизации Эунхе на самом Симанаяе.

–Я так и думал, интересы Симаная вышли из тени интересов Вселенной.

–Прекратим эту дискуссию! – взорвался гневным пурпуром Верховный судья. –Не забывайте, что это по Вашему делу идет судебное разбирательство!

–Вы правы судья, – отстраненно мерцал Ингуэни Аиманас.

–Что же касается спасения «заблудших», – вновь продолжил судья, – то в этом мы сможем Вам помочь, – в его темно-фиолетовом цвете угадывалась усмешка. – Ваши действия могут быть расценены как особо тяжкие, и по Закону Симаная Верховный суд вправе использовать Вашу энергию в одной из звезд, до полного ее разложения, но, принимая во внимание Ваши заслуги, мы готовы пересмотреть эту меру наказания.

Ингуэни Аиманас излучал спокойствие.

Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем сфера

отразила от своих стен нейтральный белый свет Верховного судьи:

–Ингуэни Аиманас, Верховный суд Симаная постановил: возобновить приостановленную Вами аннигиляцию планеты Эунхе, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Принимая во внимание заслуги Ингуэни Аиманас пятнадцатого поколения Путников Симаная, направить Ингуэни Аиманас в звездную систему Стурианца, галактики Ту. Там, на планете Нехт, Вы будете заключены в бионоситель. Вы будете лишены памяти и Силы Путника на одно поколение, – и, немного помедлив, перейдя с официального белого цвета на теплый зеленый продолжил: – От себя хочу добавить, что на Нехт Путник пятнадцатого поколения Симаная, Иегова, по своему подобию создал и населил планету разумными существами. Следуя Вашим описаниям, мир Эунхе не многим отличается от того, созданного Иегова мира. Есть там и трудности, так Вам понравившиеся; вероятность Совместимости этой цивилизации всего пятьдесят три процента. Так что ваши «заблудшие души» ждут Вас.

«Когда же Иисус родился
в Вифлееме Иудейском во
дни царя Ирода, пришли
в Иерусалим волхвы с востока...»
Евангелие от Матфея

Безымянная высотка

рассказ

–Неужели мы так и не увидим это представление?

–Не волнуйся, дорогая, мы почти у цели.

–Твое спокойствие просто бесит меня! Уже целых семь кменов идет регистрация зрителей. Первый Акт мы уже пропустили. Здесь собрались представители всех Десяти лож, и наверняка к нашему прибытию будут заняты самые престижные места.

Понять леди Инари можно было: ей, как первой фрейлине, принцессе древнейшего ложа Куадуаку, не пристало сидеть на галерке, хотя бы даже из одного уважения к этому славному роду.

–Я же говорил тебе, что сам сэр Амирин из ложа Циикку любезно предоставил нам два VIP-места. Он обещал, что второй и третий Акты будут более грандиозными и масштабными. Ты будешь рядом с гладиаторами. Успеешь подышать вместе с ними воздухом, пропитанным первобытным страхом и животным ужасом. Чувствовать запах варварской плоти и крови, ощущать то непередаваемое тошнотворное чувство безысходности, что толкает их на

убийство себе подобных ради сохранения собственной жизни. Разве не этого ты хотела?

–Наверно,– последовал неуверенный ответ, – не понимаю, почему им так страшно расставаться со своими бионосителями?

–Варвары, дорогая, это просто варвары. Все дело в том, что ты никогда не видела гладиаторских боев. Впрочем, если тебе это интересно, пока я зарегистрирую для нас места, можешь воспользоваться вот этой программкой. Здесь довольно подробно рассказывается о театре действий, привычках гладиаторов, их ценности, способы передачи информации и прочая безделица.

–Артемий Михайлович, вы меня слышите?

–Ну чего тебе? – в углу полуобвалившегося окопа что-то зашевелилось. В ту же секунду из-под откинутого полога пропитанной земляной жижей плащ-палатки выглянуло сердитое лицо. Оно было тоже землянистого цвета и сливалось с плащом, который спасал от промозглого осеннего ветра. Отряхнув с плаща комья грязи, Артемий Михайлович Седых с наслаждением потянулся, выпрямляя затекшие конечности. Случись увидеть его сейчас односельчанам, они не сразу бы признали в этом с посеревшим от усталости лицом человеку своего агронома. Когда-то бравые усы, гордость хозяина, теперь не топорщились так пышно, как раньше, а уныло свисали, неухоженные, тусклые от дорожной пыли, перепачканные болотной жижей - ведь на брюхе не первые сутки, и не один километр позади с его бугорками да кочками.

–Вы не спите? Как вы считаете...

–Я считаю, что ты лучше бы землицы сверху подсыпал на манер бруствера, а то не ровен час, фрицы в атаку пойдут. Перед этим их артиллерия «проутюжит» нас как следует, а

у нас с тобой окоп, что яма после поросят, – назидательно сказал Артемий Михайлович безусому юнцу, наблюдающему за россыпью звезд в черном осеннем небе.

–Да, конечно, – поспешно согласился со своим старшим товарищем юноша и прислонил к стенке окопа «трехлинейку». Непослушными заочневшими руками он достал из-за пазухи шинели изрядно помятую алюминиевую тарелку и стал выбрасывать ею комья грязи на край окопа. Первый осенний морозец уже успел прихватить мокрую землю хрустящей корочкой и она с трудом поддавалась усилиям бойца.

–Все равно есть нескоро будем, – будто извиняясь, сказал он, – я слышал от старшего лейтенанта, что наша кухня безнадежно отстала.

Окончательно проснувшись, Артемий Михайлович вытащил из-за пояса трофейную саперную лопатку, добытую им во вчерашнем бою.

–На вот, Юрок, этим сподручней будет.

–Спасибо. А нам так и не успели выдать, – коротко ответил молодой человек, разглядывая вражеский штампованный метал с клеймом в виде орла. Расправив крылья, грозная птица сжимала в когтистых лапах свастику.

–Нам тоже не успели, – ехидно хмыкнул Артемий Михайлович, – хорошо хоть это дали, – он с теплотой посмотрел на «трехлинейку», оставленную Юрком у стенки окопа. –А ты свою где обронил, или тоже «не успели выдать»?

–Сказали, что дадут на передовой.

–Понятно, – многозначительно протянул умудренный жизненным опытом Артемий Михайлович. – Бывало и такое. Сидишь в окопе, пули так и свищут над головой, а ты гадаешь, кого сейчас хлопнут, чтобы хоть разок пальнуть из его винтовки. А потом другой, такой же вояка, ждет своей

очереди, только уже рядом с тобой.

–Я был категорически против этого! – даже в темноте было видно, как зарделось лицо юноши, – сидеть и ждать смерти – все равно, что желать ее!

–И что замполит?

Юноша удивленно посмотрел на Михалыча, казалось, от него невозможно было что-либо утаить, даже его, Юрка, разговор с замполитом.

–Сказал, что я говорю как враг народа и меня нужно отдать под трибунал.

–Чего же не отдал?

–Тут, как раз, завертелось все это...

–Ты сколько уже на передовой?

–Третий день.

–Понятно, – тяжело вздохнул Михалыч.

С Юрком они познакомились совсем недавно, после вчерашней контратаки. Когда их рота вышибла немцев с этой высоты, они оказались в одном окопе. Прежде чем забыться тяжелой дремой, Артемий Михайлович успел выяснить, что Юрку было двадцать лет и на фронт он попал добровольцем прямо из института. Михалыч взглянул на неуклюжую фигуру вчерашнего студента. Полы его новенькой, не по размеру шинели путались в ногах, и, спотыкаясь, Юрок каждый раз поправлял слетающие с переносицы очки с круглыми выпуклыми линзами. Глядя на этого безусого юнца, неумело орудующего саперной лопаткой, Артемий Михайлович вспомнил своих сыновей: Алешку и Вовку семи и десяти лет от роду. Спят они сейчас на печи, посапывают в два курносых носика, а в ногах у них как обычно кот Васька клубком свернулся. А еще он вспомнил о своем старшем Иване, таком же, как и Юрок, совсем мальчишке. Сейчас он тоже воюет где-то под Харьковом. От этих воспоминаний стало тяжело на

сердце у старого солдата. Будь проклята эта адова война, что разлучает семьи, убивает родных и близких, калечит судьбы.

Артемий Михайлович тяжело вздохнул, еле уловимым ловким движением бывалого человека, каковым он по праву себя считал, распустил веревку, стягивающую горловину его вещмешка, и выудил из него белый пакет.

–А как насчет того, чтобы покушать...– он развернул сверток, в котором оказался большой кусок соленого сала с тоненькими прожилками мяса и пол булки черного хлеба. Глядя на это богатство, Юрок даже перестал копать. Он с жадностью и нетерпением смотрел на то, как обстоятельно, со знанием дела, Михалыч отрезал два толстенных шмата сала. Затем каждый из них он водрузил на горбушку хлеба, после чего собрал крошки в широкую ладонь и одним махом отправил их в рот. Остатки сала и хлеба он тщательно завернул в холщовую тряпицу, а вещмешок стянул веревкой, и только потом протянул один из кусков теряющему всякое терпение Юрку. Забыв даже поблагодарить своего благодетеля, юноша набросился на еду. С необыкновенным наслаждением он ощущал уже забытый вкус, напомнивший ему родительский дом. И не было для него сейчас прекраснее того, кто сидел напротив и дал ему призрачную возможность хотя бы еще разок мысленно побывать дома. Артемий Михайлович по обыкновению ел не спеша, тщательно пережевывая каждый кусок.

–Извините. Я даже не поблагодарил вас, – спохватился Юрок, торопливо проглотив кусок.

–Ничего. Я вижу, ты не ел с тех пор, как попал на передовую? – спросил Михалыч, наслаждаясь очередной порцией душистого сала с черствым, чуть сладковатым на вкус ржаным хлебом.

–Так получилось.

–Понятно, – протянул он свое обычное, – так о чем ты хотел спросить меня? Или мне послышалось?

–Да, хотел, – сказал юноша, немного смутившись, – дело в том, Артемий Михайлович, что я учусь на астронома.

–Как это?

–Мы изучаем звезды, – молодой человек с оживлением стал рассказывать о гигантских газовых шарах, отстоящих от Земли так далеко, что свет их доходит до нее через многие тысячи, а может, и миллионы лет.

–Ну, это ты хватил, брат. Так уж и миллионы?

–Да, да, Артемий Михайлович, это же научный факт.

–А какая, скажем, мне польза с этих самых звезд?

–Например, еще древние египтяне по расположению звезд на небе могли точно определить, когда следовало сеять зерно, а когда убирать урожай.

–Да... не было у них в начальниках нашего председателя, – ни с того ни с сего завелся вдруг Михалыч, – я ему говорю: нельзя, мол, на Еремеев день садить пшеницу, а он мне: пришло распоряжение с района. Я: земля еще солнышком не набралась, зерно померзнет, а он: ЦК лучше знать, кто и чем набрался. Ваньку, говорит, свояка твоего, троцкиста уже отправили в места не столь удаленные, а мне теперь думай, чего ты мог от него набраться. А ты говоришь звезды, – зло закончил свою тираду Михалыч.

–Я совсем о другом хотел сказать, – Юрок мечтательно посмотрел вверх. В бесконечную незрячую глубину ночного неба одна за другой упрямо карабкались звездочки осветительных ракет. Казалось, в своей гордыне они возомнили себя равными с теми другими, что так давно манили их своим холодным светом, но так и не найдя своего места среди далеких созвездий, они скатывались вниз, загораясь ярко, словно сверхновые, освещая своим свечением

каждый кустик, каждую травинку. – В институте как-то не до этого было, а вот сейчас, здесь, я вдруг вот о чем подумал, – продолжил Юрок, когда потухла очередная ракета. – Неужели Земля, звезды галактики, Вселенная, все это было создано из ничего, само собой?! Неужели за этим ничего или никто не стоит?

–К чему ты клонишь? – насторожился Михалыч.

Юрок снял очки и начал нервно протирать линзы. Наконец, он снова водрузил их на переносицу и, набравшись решимости, спросил:

–Как вы думаете, Артемий Михайлович, Бог есть?

–А ты завтра спроси об этом у нашего замполита, у него «кубарей» на петлицах что звезд на небе, все знает.

–Я серьезно, Артемий Михайлович, – смутился Юрок.

Михалыч хитро прищурил глаза.

–А это смотря про какого Бога ты говоришь. Вот у партийных – один, а, скажем, у беспартийных совсем другой.

–Опять вы шутите.

–А если серьезно, молод ты еще и не лезь ко мне с такими расспросами.

Зло пробубнив себе что-то под нос, Михалыч накрылся плащ-палаткой, демонстрируя тем самым, что разговор окончен.

–Дорогая, все в порядке. Мы почти ничего не пропустили, второй Акт только что начался. Сэр Амирин ждет нас. Ты не сильно скучала?

–Честно говоря, программка скрасила кмены ожидания.

–Признаться, я никогда не прибегал к ее помощи. К чему знать то, что тебе не пригодится? В конце концов, не ради изучения культуры варваров мы сюда прибыли. Кстати, они и сами ею не очень дорожат. Они только воины, и этим все

сказано.

–Как сказать, дорогой! Ты хотя бы раз задумывался, почему они берут в руки оружие?

–На то существуют разные обстоятельства. Ты же знаешь, гладиаторские бои можно видеть только в нестабильных системах. В Законе Десяти лож такие системы четко выверены и описаны. Как правило, они многоконфессианальны, усугубляет положение и то, что внутри таких систем сложности с передачей информации, скажем, варварам одной местности трудно понять своих сородичей, проживающих по соседству. Отсюда и возникают конфликты, которые в силу не сознательности варваров решаются при помощи оружия. И потом, варварам нравится насилие, иначе они бы вошли в состав Закона Десяти лож.

–А мне кажется, что некоторым из нас, тем, кто здесь присутствует, проявления агрессии свойственны ни чуть не меньше варваров.

–И тебе, дорогая, тоже?

–Не иронизируй, ты прекрасно знаешь, для чего я здесь.

–Да, да, конечно, ты хочешь понять, «почему им так страшно расставаться со своими бионосителями». И если мы не поторопимся, то твои исследования придется отложить до следующего раза. Вон там наши места. Я введу тебя в курс дела. Эту небольшую возвышенность защищают двадцать пять варваров. Им противостоят триста двадцать. С наступлением рассвета начнется бой.

Как ни старался Артемий Михайлович, сон так и не шел. «Зря я накричал на Юрка, – думал он, – вроде бы толковый парень, на астронома учиться, а вопросы задает непутевые. Ладно, у меня спросил, а попадись другой? Наломает дров,

молод он еще!». Артемий Михайлович кашлянул и, кряхтя, откинул плащ, подставляя лицо окрепшему морозу. Лужа на дне окопа затянулась ледком. Светало. Юрок тоже не спал. Скрючившись от холода, он сидел напротив.

–Что касается твоего вопроса, у меня была такая история, – как-то сразу начал Артемий Михайлович и, убедившись, что его внимательно слушают, продолжил: – Ванька, свояк мой, был широкой души человеком. Кому-то помочь сена накосить или, скажем, избу срубить – он всегда первый. Вот и председателю нашему новоселье помог справиться. У нас, на окраине села, церквушка стояла. Раньше как воскресение или праздник какой все село там собиралось. А когда батюшку нашего в двадцать седьмом в Соловки сослали, – туда никто ни ногой. Боятся. Глянут на купала, перекрестятся украдкой и прячутся каждый за своим замком. Один Ванька туда ходил, за порядком следил. А тут начальник районный распоряжение привез церковь сносить. Кто, говорит, у вас верующие? Почему буржуазное наследие в надлежащем порядке прибывает? А председатель, да вот, мол, Иван присматривает. Ивана забрали. С тех пор от него ни единой весточки, жив ли, нет – неизвестно. Из наших тогда только Мишка Годун со своими братьями вызвались купала сбросить. Так вот, не прошло и года, как младшего из них, Степана, медведь задрал, Лешка – средний, обеих рук лишился, а сам Мишка замерз возле порога своего дома. Зима в тот год лютая стояла и на метели щедрая. Вышел он из дома зачем-то, а буран такой поднялся, что в пяти шагах ничего не видно, вот и не нашел назад дороги.

Помолчав, словно подбирая нужные слова, продолжил:

–Человек сам должен для себя решить – есть Бог или его нет. Одно могу сказать наверняка: с Богом в душе везде отыщешь свою дорогу, каким бы сложным не оказался твой

путь. И еще...

Юрок так и не услышал, что еще хотел ему добавить к сказанному Артемий Михайлович, его слова утонули в чудовищных по своей силе взрывах, обрушившихся на высоту.

–Держи, – надрывался от крика Артемий Михайлович, протягивая Юрку гранату, – выдернешь кольцо и сразу бросай!

Юрок благодарно кивнул, теперь он не будет ждать чьей-то смерти...

–Тебе удобно, дорогая?

–Спасибо, места действительно превосходные. И все-таки, дорогой, мне трудно поверить в то, что только несовершенство информационной передачи и многоконфессиональность делает варваров такими агрессивными?

–Откровенно говоря, есть и другие причины. Имманентность варваров позволяет Сэру Амирину, в чьем ведении находится эта система, стимулировать их агрессию и контролировать гладиаторские бои патогенными микроорганизмами с повышенной вирулентностью, а так же вирусами, тела варваров крайне уязвимы перед ними. К концу таких сражений, в результате пандемий, становится просто некому воевать. Иногда бои моделируются при помощи смерти какого-нибудь варвара, имеющего определенный вес в своих кругах. В принципе с этого и начался первый Акт, который плавно перешел во второй.

–Мне кажется, действия сэра Амирина неправомерны. Возможно, эта система была бы намного стабильней, не вмешивайся в ее становление сэр Амирин.

–Дорогая, не стоит так волноваться из-за каких-то варваров. И потом, где бы мы смогли наблюдать столь

грандиозное и волнующее зрелище? Прости, дорогая, кажется, началось...

Юрок не чувствовал боли. Он лежал на сырой земле, раскинув руки. Жизнь медленно угасала в его молодом и сильном теле. В последние минуты своей жизни он ни о чем не думал, ничего не ощущал, кроме навалившейся на него досады и злости досады на то, что он так и не успел бросить подаренную ему Артемием Михайловичем гранату, злости – что пройдет теперь враг, не тронутым, мимо него, бездыханного, своими коваными сапожищами по его родной земле. А еще он вдруг вспомнил о своем разговоре с Артемием Михайловичем. «С Богом в душе везде отыщешь свою дорогу», – откуда-то издали донеслись до него слова старшего товарища. В последнюю минуту Юрок почувствовал приближение чьих-то шагов. Перед его затуманенным взором предстал вражеский солдат. Он что-то говорил, направляя на него свой автомат. Юрок собрал все свои силы, чтобы кинуться на врага, но тело его уже не слушалось. Вдруг, прямо над собой, в небе, он увидел две призрачные тени. С каждой секундой они все явственней проступали в лучах восходящего солнца. Своими фигурами они походили на мужчину и женщину. За их спинами была пара великолепных крыльев. Юрок успел разглядеть только женское лицо. Оно смотрело на него с нежностью и болью.

–Ангелы, – прошептал он, с улыбкой.

–Кажется, он нас увидел.

–Тебе показалось, дорогая.

–Я возвращаюсь к леди Инари.

–Как, ты не досмотришь второй Акт?

–Нет. Пока мне трудно сказать, почему варвары так боятся расставаться со своими бионосителями. Однако их чувства теперь мне стали понятны, как и то, что они такие же дикари, вроде тех, кто наблюдает, а тем более толкает их на эту бойню. Я надеюсь повлиять на леди Инари. Второй Акт уже не остановить, зато в ее власти отменить третий Акт.

–Мой готов, полчерепа снесло. Ганс, проверь того Ивана, кажется, он еще живой.

–Ты как всегда прав, Ойген, у тебя чутье на этих русских, но он протянет недолго.

–Тогда кончай его, нечего с ним возиться.

Послышался сухой треск автоматной очереди.

–Ты не поверишь, Ойген. Кажется, этот русский назвал меня ангелом.

–В какой-то степени он прав, – раздалось самодовольное ржание, – разве не ты отправил его на небеса...

Послание, или последние двенадцать дней из жизни Крымского

...*ДЕНЬ 11-й*

Удивительно, как человеческая память способна освобождаться от всего суетного, не столь важного. Крымский почти забыл свою фамилию. То, что знать ее было не так уж обязательно, он понял десять дней назад. Откуда пришло такое «постижение», Крымский уже не помнил, но это, кем-то навязанное убеждение уже сформированным, сцементированным пластом чьих-то истин было самым ярким, доминирующим на фоне поблекших, подернутых дымкой тех, невесть откуда-то еще всплывающих эпизодов его прошлой жизни. Раньше таких видений было больше. Но постепенно их краски, утрачивая первоначальный колорит, блекли, и сценки из его прошлой жизни, меняя свои привычные очертания, превращались в размытое радужное пятно и вскоре исчезали навсегда. Еще вчера он точно знал, что он делает, выбивая с большим трудом в неподдающемся камне какие-то магические символы. Он бы и сейчас мог,

наверное, вспомнить, что они означают, но на это ушло бы очень много времени, а ему надо было успеть... Что именно ему надо сделать и для какой цели надо было успеть, он забыл еще на третий день. Крымский все реже подходил к базальтовой стене своего нового дома, все реже всплывали изображения с непонятными, но очень строгими вереницами значков, которые со слепой одержимостью он наносил на шероховатую поверхность базальта.

Дом... Он вдруг вспомнил значение этого слова. Он увидел дом в очередной вспышке агонизирующего сознания, словно в хлестком всплеске молнии, разбивающем бархатную тьму (странно, но в такие короткие мгновения он понимал значение дорогих его сердцу понятий). Он был тогда еще совсем маленьким мальчиком – беззаботно гулял во дворе, играл, часто задираясь с соседскими мальчишками. Вот он уже дома. За столом сидят веселые люди, на разные лады распевая песни. Всех их объединяет какая-то радость, что-то очень хорошее и праздничное? Ах, да. Ну, конечно же, ему сегодня исполнилось целых пять лет. Он задувает свечи и, вынув их из пирога, с большим удовольствием откусывает большущий кусок. Все смеются, глядя на его испачканную мордашку.

–Сережа, будь поаккуратней, – слышит он такой родной и любимый голос. Мальчик оборачивается и видит свою маму. Она улыбается и вытирает ему салфеткой лицо. Сережа взбирается к ней на колени и, убаюканный исходящим от нее теплом, тихо засыпает...

Крымский вздрогнул от прикосновения чьей-то руки. Видение тотчас исчезло – так неожиданно лопается мыльный пузырь, оставляя после себя лишь разочарование обещанной радости грезившим наяву в его радужном «мире», – и Крымского опять окружила реальность – скрюченного от

холода, мерзнущего на каменном полу. Крымский недовольно поднял глаза и увидел Илькина. Вот кто прервал его воспоминания. Он заворчал, бросив полный укоризны взгляд из-под нахмуренных заросших бровей на своего обидчика.

Все или почти все уже забыли, как его зовут, и звали просто Иль. Впрочем, это было уже и неважно для людей, призрачными тенями маящих в этой пещере и страдающих от холода и голода. Теперь вся надежда была только на него, на Крымского, он еще ПОМНИЛ, как можно добыть огонь. Это он приказал Иль и Пок собрать сухие ветки. Теперь все было готово. Из тонких сухих веточек был сложен аккуратный шалашик. Собравшиеся вокруг шалашика люди с интересом наблюдали за Крымским. Он взял заранее приготовленные камни, по твердости и своему составу отличающиеся от остальных, в изобилии разбросанных по пещере. Откуда-то он знал, что именно они дадут желаемый результат. Два-три удара друг о дружку, и под восхищенное «о-о-о!» и одобряющее цоканье языком шалашик вспыхнул ярко-оранжевыми языками пламени, выхватив из темноты часть пещеры с населяющими ее людьми. Пещера была огромной, свет от пламени еле достигал ее свода, со свисавшими с него каменными сосульками. Людей, жадно протягивающих к ласкающему теплу огня свои руки, оказалось немного. Как их всех сосчитать, Крымский ПОКА НЕ ЗНАЛ, но одно он уяснил точно – мужчин и женщин было ПОРОВНУ, значит, женщина будет и у него.

Крымский вдруг поймал на себе жаркий, полный желания взгляд одной из них, сидящей ближе всех к костру. «Женщины любят победителей», – где-то далеко на пороге подсознания чуть слышно прозвучал чей-то голос. Кажется, это был голос его жены... Они познакомились на первом курсе «физико-математического». Кажется, он даже закончил

его с отличием, устроился затем в какое-то НИИ на хорошую должность с приличным окладом. Именно тогда она сказала ему эти слова, и уже через месяц они сыграли свадьбу.

Да, он всегда был победителем. Вот и Илькин, здоровенный мужик с фигурой атлета, уступил ему пальму первенства. Боязливо поглядывая на Крымского, он освободил для него лучшее место у огня. Он боялся Крымского, боялся его ЗНАНИЙ. Такой же страх Илькин испытывал и перед Чистильщиками, в тот злопамятный ПЕРВЫЙ день, когда всех их забрали в Чистилище. Никто не видел Чистильщиков, но каждый ощущал их физически... Бескрайний людской поток, плывущий куда-то вверх... Обжигающие холодом белые стены... Яркая вспышка, пронизывающая тебя насквозь... Мучительная и долгая агония сознания... Темнота... Крымский еще помнил об этом, помнил и то, что именно тогда он стал забывать свою фамилию. Он еще помнил, Илькин – нет. По взывающим отчаянным глазам, переполненным болью и страхом, Крымский знал, что некоторых еще тоже терзает уходящая память, но таких людей с каждым часом становилось все меньше и меньше. Перерожденные вновь, они подсаживались к костру, замороженно наблюдая за его пляшущими языками, и, словно радуясь своей внутренней свободе, блаженно улыбались. Свободе от той боли, почему-то сжигавшей их внутри раскаленным стальным прутом памяти, оставляя после себя болезненные нарывы. Крымский сдавил руками голову, тихо застонав. Откуда-то, с еще не испепеленных глубин памяти, поднялось воспоминание, заставившее его заново пережить тот день...

Как много людей... На лицах скорбь... Все в черном, медленно идут во главе процессии за маленьким гробом, под звуки печальной музыки, долетающей, казалось, откуда-то издалека. Он поддерживает жену, убитую горем, непонятно

каким образом сам еле держась на ногах. Затем пустота, затем она куда-то уехала, а он работает, путая день и ночь... Он сделал какое-то открытие, что-то очень важное! Он должен рассказать об этом всем... Но он опоздал – пришли Чистильщики.

Крымский посмотрел на загадочные загогулины, выбитые в холодном твердом камне на стене пещеры. В бликах пылающего костра они казались потусторонними, мистическими – как эпитафия Памяти об безвозвратно утерянном счастье. Он откуда-то знал, что ему осталось совсем немного. Совсем скоро все эти закорючки объединит последний, заключительный знак и придаст им законченный смысл. От этой мысли он блаженно улыбнулся и откусил большой кусок жареного мяса, который почтительно принес для него Иль. Крымский ПОМНИЛ, как делается лук, и охотники без труда добыли дичь и, накормив всех досыта, укрепили его в роли лидера. Теперь та женщина, бесспорно, будет только его. Он взглянул на молодое, упругое тело женщины, все это время следившую за ним с таким вожделием. Она вынесет зиму и будет хорошей матерью.

ДЕНЬ 12-й

Сегодня он не смог вспомнить, как его зовут. Он помнил только: Крымс... Почему-то его это нисколько не огорчило – напротив, он опять вспомнил детство. Пляж, теплая ласковая вода. Он с разбегу бросается в воду. Янтарная волна с белыми барашками наверху, осторожно подхватив его, выносит на берег.

–Се... смотри осторо... долго не будь в воде. Сегодня она хо... – опять слышит он родной, согревающий голос.

Кто же это был? Ах, да, как он мог забыть, это же мама

кутает его в мягкое, как тепло, махровое полотенце. Он сбрасывает его и бежит к кромке воды, чтобы увидеть, как набегающие волны одна за другой стирают его рисунки, оставляя после себя чистый плацдарм для новых. Но новые упрямому морю не нравятся тоже, и скоро и от них не остается и следа.

«Должно быть, также стирается и моя память», – вдруг подумал Крымс... Раз за разом очертания воспоминаний размывались, что-то уничтожало их без следа, постепенно подбираясь к еще сильным, но уже подмытым, обрекая их на ту же участь. Внезапно волна гнева захлестнула его. Одно из уже почти смытых воспоминаний вернули Крым... в Чистилище на Суд Чистильщиков. Какое они имеют право так поступать с людьми! Кто поручил им разбивать человеческие судьбы? Решать, кто прав, а кто нет? Откуда они черпали силы не видеть людских страданий? Чистильщики говорили об отвратительной грязи, захлестнувшей человеческие отношения, и что-то о переполненной чаше. Что все надо изменять и лучшим из людей, как это уже было не раз, освободив память, начинать строить цивилизацию заново. «Мы создали вас, – говорили они, – и вправе решать вашу судьбу». Но разве детям не дано право выбора? Разве они не достойны своих родителей? Не «болезни» ли самих Чистильщиков, в конечном счете, и привели создателей человечества к столь печальным выводам? Или, может, Земля – это всего лишь испытательный полигон для решения проблем «взрослых пап и мам»?

Крым... задыхался, ему не хватало воздуха. Впервые за время пребывания здесь он направился к выходу из пещеры.

Вода уже спала. Из его новой памяти он ЗНАЛ, что вода была повсюду, не достигнув лишь их пещеры, теперь, когда вода ушла, ему открылся обезображенный лик Земли.

Перед ним расстилалась долина, усеянная валунами и трупами животных, наполовину увязшими в илистой почве. Под палящими лучами солнца она трескалась, покрывая чешуйками коры всю долину, тянущуюся до горизонта. Казалось, огромная ядовитая серо-черная паутина прикрыла мертвую землю, оставив жизнь только в горах. «Где-то же наверняка есть и другие пещеры с такими же, как и я, людьми, нуждающимися в моей помощи», – вдруг пронеслось у него в сознании. Кры... встряхнул головой, отгоняя эту мысль. У него ведь осталось одно очень важное дело! Он даст шанс человечеству вырваться из этой клетки, на протяжении многих миллионов лет считавшейся домом. Этим людям, себе он уже помочь не сможет, но у потомков будет шанс избежать Чистилища! Он оставит им послание!

Кры... осталось очень мало времени. Все больней разрывались в его мозгу воспоминания прошлой жизни, все сильней было желание освободиться от их непомерного бремени. И вот уже последние фрагменты воспоминаний, словно хаотично смонтированные кадры какого-то безумного фильма, пронеслись перед его взором. Он должен был успеть... Иль с трепетом и благоговейным страхом наблюдал, как при свете его факела Кры... высекал последние магические крестики и палочки, сплетавшиеся в какие-то непонятные узоры. Выбив последний из знаков, Кры..., чему-то улыбаясь, устало подсел к огню и протянул к нему свои сбитые в кровь руки.

–Свободен, – выдохнул Кры... Последняя крохотная искорка сознания, еще теплящаяся в его глазах, потухла.

Кр..., обняв свою избранницу, затянул какую-то мелодию, покачиваясь в такт ее невеселому мотиву. Он уже ничего не помнил из своей прошлой жизни. И только напеваемая им грустная мелодия, отражаясь от каменного свода печальным

эхом, возвращавшимся к костру, напомнила Кр... об очень дорогой и такой любимой женщине, оставшейся навсегда в его сердце, – осторожно покачивающей детскую кроватку и тихо напевающей маленькому Сереже непонятные слова...

* * *

–Позвольте! Но ведь это же невозможно, – протестовал седовласый профессор, склонившийся над расчетами.

–Как видите, возможно! – парировал его собеседник, длинный, пожилой мужчина, нервно расхаживающий по комнате.

–Но ведь это же дает ... – профессор сделал неопределенный жест рукой.

–Вот именно, – перебил его коллега, внезапно остановившись перед профессором.

–Так, где вы говорите, нашли ЭТО?

–Улкмунские монахи обнаружили в одной из своих священных пещер заваленную галерею, там они и увидели ЭТО.

–Ну, хорошо, а сколько ЭТОМУ лет, известно?

–Это пережило три, – длинный, не соблюдая субординацию, поднял перед самым лицом ученого мужа три дрожащих от волнения крючковатых пальца, – три ледовых периода! Первобытные люди, если таковые тогда были, – саркастически скривив губы, продолжал он, – ВЫСЕКАЛИ ЭТО ПРИ СВЕТЕ КОСТРОВ! – чеканя каждое слово, закончил длинный.

–Уважаемый коллега, – едва сдерживая негодование по поводу фамильярности младшего коллеги, сказал профессор, поднимаясь из-за стола, – мне глубоко все равно, как они туда попали, – продолжал он скрипучим, как разлаженная скрипка,

голосом. – Пусть этим забивают себе голову историки, археологи или кто там еще... Меня интересуют только эти цифры, – при этом он потряс в воздухе листком бумажки, мелко исписанным какими-то формулами. –У нас с вами очень много работы. Нам необходимо снова и снова проверить ЭТО, и чем быстрее вы возьмете себя в руки, тем быстрее мы составим отчет, который нам обязали предоставить в Коллегию к завтрашнему утру.

–Да, да, конечно, – растерянно произнес второй, вытирая носовым платком капельки пота, выступившие на узком, морщинистом лбу, и бормоча слова извинения.

–Подумать только, – усаживаясь на свое место, задумчиво произнес первый, – мы бились над созданием Темпорального поля последние сто лет, но такого простого решения этого вопроса... – он удивленно пожал плечами, глядясь в листок, вновь обретший свое место на столе перед ним. – Определенно, кто бы это ни был, такая задача под силу только гению.

После семи часов кропотливой работы профессор поднял голову. В свете электролампы блеснула его лысина. Он изумленно и растерянно посмотрел на длинного.

–Ну что же, коллега, – дрожащим от волнения голосом произнес он, – всех нас можно поздравить. Только что ваши первобытные подарили нам МАШИНУ ВРЕМЕНИ!

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МИРОВ

рассказ

Причудливого вида зверек, защищенный твердым непробиваемым панцирем, на время забыв о том что с таким трудом добыто из земли сочным корне, напряженно вслушивался в звенящие ноты дня. С некоторых пор сам воздух, казалось, был пропитан тревогой. С каждым днем все больше животных покидало свои пастбища и привычные места охоты. Глубоко втягивая доносившийся с запада необычный, с кисловатым привкусом воздух, зверек бросил взгляд туда, откуда надвигалась опасность. Там, на краю земли, что вздымалась вверх остроконечными пиками, струился к небу дымок, от которого исходила невиданная доселе угроза. Ожившая, до поры ничем не примечательная гора словно в одночасье превратилась в прибежище для сотен драконов... Скользя по земле тень вынудила осторожного зверька оставить свою заветную трапезу и юркнуть в одно из укрытий, предусмотрительно вырытое им в высокой траве под большим валуном. На этот раз ему повезло, огромный крылатый хищник мог бы с легкостью разделаться и с крепким, словно броня, панцирем зверька и

с его укрытием, но грозному обитателю неба сейчас не было до этого никакого дела, в данный момент его интересовала совсем другая добыча...

Зоркие глаза драля, парившего под самыми облаками, пристально всматривались в ландшафт, изучая необычное для этих мест скопище двигавшихся к востоку животных. Такое шествие напоминало скорее всего бегство, в котором в равной степени участвовали и хищники и их потенциальные жертвы. Мощные упругие перепончатые крылья драля улавливали малейшее дуновение ветра, выбирали нужное направление и с легкостью переносили его длинный чешуйчатый торс, с вытянутой треугольной головой и гигантским рогом на затылке, с одного воздушного потока на другой. Внизу, обрамленная с одной стороны грядой гор, а с другой – непроходимой чащей гигантских папоротников, раскинулась цветущая долина. Ее покрытые диковинными цветами поля делило полноводное, могучее тело реки, лениво несущей свои воды далеко на восток. На ее берегу, посреди пестрого ковра буйно цветущих растений, чернело пятно. По мере приближения к нему оно увеличивалось в размерах, пока, наконец, не приобрело уродливые формы недавнего пожара. В этом месте река протекала между двумя холмами и вплотную подходила к черте леса. Хищник уловил едкий запах гари. Именно здесь вчера ночью драль наблюдал за теми, кого ненавидел больше всего. Эта испепеляющая злоба родилась, казалось, вместе с ним, и всякий раз, невзирая на усталость и время суток, она поднимала его в небо, гнала все дальше и дальше от насиженных мест, заставляя и днем и ночью выслеживать ненавистных существ. Это была настоящая война. Кто ее развязал, с какой целью и сколько она длилась, драль не знал, эти вопросы, как и многие другие, связанные с этими мерзкими существами, его абсолютно не

трогали, он верил в одно: надо добросовестно выполнять свою работу, патрулируя отведенный ему участок...

Они появились ночью, рассчитывая под покровом темноты незамеченными пробраться к воде. Как бы ни был коварен враг, жажда всегда выведет его к реке, это давно усвоил драль, как и то, что близко подлетать к двуногим существам небезопасно. Облака, плотной пеленой затянувшие небо, надежно укрывали драля от глаз двуногих. Мучительное чувство жажды, которое двуногие, должно быть, испытывали, притупило их бдительность, и вместо того чтобы к воде направить одного из них, как это случалось раньше, они пошли все вместе. Дралю лишь оставалось сообщить о месте их вылазки дракону. Дракон хорошо знает свое дело...

На месте вчерашней трагедии лежало пять обгорелых трупов. Их еще не успели обглодать животные, слишком сильным было присутствие дракона. Убедившись, что никто из двуногих не выжил, драль, издав резкий гортанный крик, полетел в сторону гор, туда, где уже несколько суток курил оживший вулкан. Враг никогда не ходил в одиночку, а в горах было много укромных мест...

* * *

—Вот уж, действительно, сидим как на вулкане. Тебе не кажется, что они должны были давным-давно вернуться или хотя бы дать о себе знать? — разорвал гнетущую тишину чей-то нетерпеливый голос.

—Вы можете попридержать языки? Эта тварь всегда где-то рядом, — последовал гневный ответ, — и потом, вы не можете не знать, что с разрушением силовых станций стало невероятно сложно поддерживать хоть какую-нибудь связь! Все, чем мы можем довольствоваться, так это первобытным

приемником, улавливающим радиоволны.

—За те восемь суток, что мы здесь находимся, этот твой приемник не издал ни единого звука, а это может означать только одно...

Откуда-то из долины донесся леденящий душу крик драля.

—Заткнитесь, слышите, вы? Иначе я сделаю так, что и вам не удастся издать больше ни единого звука. — В сумрачном свете пещеры было видно, как из ниши, в которой скрывались двое людей, на мгновение выплыла призрачная тень.

—Нам повезло, — послышался облегченный вздох, — драль слишком далеко, он не мог нас услышать.

—Естественно, не мог, — презрительно фыркнули из ниши, — я всегда подозревал в тебе, Мартис, самого обыкновенного труса.

—Отчего же тогда вы, многоуважаемый секретарь Триллиатского правительства, остались здесь, со мной, а не пошли с группой разведчиков? — язвительно спросила тень, заползая обратно в нишу.

—Потому что, как ты правильно заметил, я не принадлежу себе, так как являюсь членом правительства Триллиата, и наделен не только полномочиями этого правительства, но также обладаю секретной информацией, которую необходимо оберегать, что тебе и поручено делать, — высокопарно ответили в нише.

—Ваш снобизм мне порядком надоел! В отличие от вас, я никому не принадлежу, и обо мне никто не позаботится, кроме меня самого, — из укрытия вышел мужчина лет тридцати—тридцати пяти. Высокого роста и крепкого сложения, он был одет в комбинезон, цвет которого уже с трудом поддавался определению, с едва читаемой аббревиатурой на груди и рисунком в виде солнца, заключенного в овал, и такую же

курточку, накинутую на широкие плечи. Твердой походкой он направился к выходу из пещеры. В глубине ниши раздался зловеющий шорох.

–Интересно, куда же ты направился, Мартис? – из ниши выглянула покрытая сединой голова с бронзовым от загара лицом, гладкой кожей, раскосыми глазами, мясистым носом и маленьким детским ртом.

–Я уйду в долину, я больше не в силах терпеть ваши оскорбления.

–А кто же будет тогда охранять меня! – сказала голова тоном, привыкшим повелевать.

–Я, конечно. Но не потому, что я трус, как вы изволили сказать, а потому, что вот этими руками я уничтожил трех дралей! – Мартис красноречиво вытянул вперед прямо в высунувшееся лицо две крепких руки с огромными мозолистыми ладонями. Ни говоря больше ни слова, он подошел к самому краю входа, так, чтобы, оставаясь в тени пещеры, можно было наблюдать за долиной, достал из кармана куртки темный, продолговатый кристалл и поднёс его к самым глазам.

–Вернись, Мартис, сержант приказал тебе оставаться со мной, – тщетно пытаюсь придать своему голосу покровительственный тон, сказал седовласый член правительства, – когда он вернется, я все...

–Во-первых, я не состою на службе, – перебил его Мартис, – а во-вторых, он не вернется. – Мартис отвел глаза от кристалла и засунул его в карман.

–Как не вернется? – subtilный человек в затертом до дыр костюме вышел навстречу Мартису. Он был почти вдвое ниже своего собеседника, и каждый раз, когда говорил с ним, высоко вскидывал голову. По тону, с каким это было ему сказано, он понял, что случилось непоправимое. Его глаза

наполнились ужасом, губы мелко задрожали, а руки, словно плети, беспомощно повисли вдоль туловища.

–Эта тварь выследила их почти у самого края долины. Судя по пожару, вчера ночью их настиг дракон.

–Откуда ты знаешь, что это именно дракон, а, скажем, не молния?

Мартис криво усмехнулся.

–Вот объемер, можете убедиться в этом сами, мэтр Броуди, – он протянул ссутуленной фигуре кристалл. Не решаясь пройти к выходу пещеры, мэтр, отстранив протянутую руку, поплелся обратно в укрытие.

–Что же нам теперь делать? – дрогнувшим голосом, то ли обращаясь к своему товарищу, то ли спрашивая самого себя, вымолвил он.

–Надо идти в долину, – твердо ответил Мартис.

–Но возможно ли это? Ты же сам видел, что случилось с нашими товарищами!

–Единственный источник воды, благодаря которому мы так долго удержались в этой пещере, отравлен вулканическими соединениями, запасы провизии на исходе, по-вашему, мэтр, сколько еще мы продержимся здесь без воды и пищи? – в свою очередь спросил Мартис и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Рано или поздно нам придется искать источник воды, так лучше это делать с тем скудным запасом, который у нас сейчас остался, чем, умирая от жажды и позабыв об осторожности, сгореть заживо, как это, видимо, случилось с сержантом и его людьми. И не забывайте, что мы находимся в чреве вулкана, который не сегодня-завтра погребет нас под раскаленной лавой.

–Это в твою башку пришла бредовая идея упрятать нас сюда?! – в отчаянии взвизгнул мэтр.

–Если бы не это убежище, нас давно бы выследил драль,

а затем, как вы понимаете, поджарил бы дракон.

–Какой толк в твоём убежище, если нас теперь может поджарить вулкан? – теряя самообладание, закричал Броуди.

–Остыньте, мэтр, вы прекрасно знаете, что я прав, – подавшаяся вперед грозная фигура Мартиса и его ледяной тон несколько охолонули взорвавшегося старика, – теперь, когда нас осталось только двое, нам необходимо объединить свои силы, а не тратить их на выяснение отношений. Лично я намерен спуститься в долину. Если вы не хотите присоединиться ко мне, то можете оставаться здесь, – с проступившем в голосе безразличием сказал здоровяк.

–Когда мы пойдем? – после минутной паузы напряженного молчания сдался Броуди.

–Не раньше, чем через пару дней, сначала мне надо убить эту тварь, драля.

–Как? – встрепенулся Броуди. – Ты, очевидно, забыл, что этим самым подвергаешь мою жизнь опасности, а ту информацию, что у меня есть...

–Это мое последнее слово! – коротко и веско сказал здоровяк и, немного поразмыслив, добавил: – Если ваши сведения действительно представляют такую ценность, то разумнее всего было бы сообщить ее мне, на тот случай, если вы погибнете первым.

–У тебя нет допуска к особо секретной информации Триллиата, – насупился Броуди.

Мартис хмыкнул и, равнодушно пожав плечами, полез в нишу.

Весь день мэтр молча наблюдал за приготовлениями Мартиса.

Несмотря на то, что чрезмерная самоуверенность и даже наглость этого человека, не имеющего высокого положения в обществе и далеко отстоящего на социальной лестнице

от самого Броуди, раздражала секретаря Триллиатского правительства, он, глядя на то, с какой решимостью Мартис готовился к смертельной схватке с дралем, проникся уважением к этому не очень-то разговорчивому и угловатому человеку. Закутавшись в теплое одеяло, Броуди гадал: что пытался смастерить Мартис у самого выхода из пещеры.

Полдня ушло у Мартиса на то, чтобы соорудить каркас из связанных между собой лианами бревен. С помощью нехитрых приспособлений он водрузил согнутую дугой толстую ветку, ее края были перехвачены сплетенной из лиан веревкой. Вторую половину дня он стягивал края ветки, чтобы придать ей нужное положение, наконец, когда под силой его руки тетива тонко зазвенела, он довольно улыбнулся.

–Интересно, как с помощью этой штуковины ты хочешь спасти нас и разделаться с дралем? – не выдержав объявленного самим же мэтром бойкота, спросил Броуди.

–Очень просто, – охотно отозвался Мартис, и по всему было видно, что он рад возобновившейся беседе, – я довольно неплохо изучил повадки этих тварей. Каждая из них контролирует около четырех тысяч мер земли, не посягая на сопряженную территорию. Значит, нас выслеживает только один драль. Если мы его уьем, у нас будут сутки, чтобы спуститься в долину и пополнить наши запасы водой и провизией, пока дракон не пришлет сюда другого «нюхача».

«А этот «исполнитель» не дурак, – подумал Броуди, – он неплохо соображает», – но вслух заметил:

–Но сначала надо убить драля, не так ли?

–Разумеется, для этого мне и потребуется эта штуковина, как вы только что выразились.

–И что же это такое, – мэтра раздражала манера Мартиса ждать прямого вопроса – ведь ему, члену Триллиатского правительства, приходилось расписываться в своей

некомпетентности перед человеком, по рангу который был ниже его.

– Это метательное орудие, – с гордостью за свое детище сказал Мартис.

– И как им пользоваться?

– Очень просто, – казалось, не замечая нарастающего раздражения в голосе мэтра, ответил очень спокойным тоном Мартис. – Надо как можно сильнее оттянуть эту веревку назад, вставить в паз длинный острый предмет, вроде вон того кола, и спустить веревку, она-то и выбросит кол вперед.

– Ты и вправду думаешь, что этим колышком можно убить этого монстра? А может, ты считаешь драля настолько тупым, что, заметив нас, он подлетит к твоему орудью и даст убить себя? В лучшем случае ты продырявишь ему перепонку, и поверь, это его не остановит в страстном желании вызвать сюда дракона!

– Конечно же, вы правы, мэтр, – не обращая внимания на едкое замечание своего собеседника, отозвался Мартис, – только драля убьет не этот колышек.

– Ты когда-нибудь избавишь меня от необходимости задавать тебе лишние вопросы и в полном объеме посвящать в свои планы? – наконец, взорвался мэтр.

– Сразу, как только вы научитесь меня выслушивать до конца, – парировал Мартис и как ни в чем не бывало продолжил: – В этом радиопередатчике имеется аккумулятор, вырабатывающий электрический ток. Вам, конечно же, известно, что с помощью объема можно в разы увеличивать его напряжение, мне остается только прикрепить аккумулятор к колу. Хорошая встряска может убить драля или вызвать такой силы шок, что, испытав его, он неминуемо окажется на земле и добить его будет лишь делом техники. – Словно наивный ребенок, ожидающий похвалы, Мартис с широкой

улыбкой на лице выжидающе смотрел на мэтра, скривившего в ответ скептическую гримасу.

– Сержант знал об этом твоём плане? – с тем же выражением лица спросил мэтр.

– Знал, – теряя воодушевление, сказал Мартис, – сержант, как и вы, был не в восторге от него. Он предпочел действовать по-своему, предоставив мне право выбора, на случай, если его замысел не удастся. Послушай меня, он и его люди были бы сейчас живы, но вам не хуже меня известно снисходительное отношение всех слоев общества к «исполнителям», включая, разумеется, и вас – «вершителей».

Смутившись, Мартис побрел к выходу из пещеры. Впервые за все время их знакомства мэтр видел гиганта таким потерянным. Что-то дрогнуло в этом эгоистичном, черством, испорченном властью человеке. В другой ситуации он не удостоил бы и взглядом какого-то там «исполнителя» – теперь же ему стало жаль Мартиса, он вдруг понял, – его ни с чем не сравнимая и такая раздражающая манера выжидать прямого вопроса, угловатость и даже грубость в общении имели только одну цель – достучаться, пробить так тщательно оберегаемую вышестоящими социальными слоями общества стену безразличия и равнодушия к «темным» простолюдинам, клонам, созданным для тяжелого физического труда. «Как он сказал? «Ваш снобизм мне уже надоел...» Наверное, он прав в том, что высокомерие погубило сержанта. По сути дела Мартис такой же человек, как и все остальные, со своими слабыми и сильными сторонами, способностью мыслить и совершать ошибки и даже творить, но, к сожалению, я все-таки понимаю этого старого вояку. Как же, прислушаться к совету «исполнителя»! Нонсенс! В конечном счете это же высокомерие и поставило нашу цивилизацию на грань исчезновения, и по иронии

судьбы именно от знаний и умения «исполнителя» выживать зависит моя жизнь и, возможно, судьба всего Триллиата». С тех самых пор, как Броуди занял должность секретаря правительства, его не покидала мысль о чрезвычайной важности собственной персоны. Преувеличивать значимость какой-либо информации, которой он располагал по долгу службы, давно вошло в привычку мэтра, что, безусловно, возвышало его в собственных глазах. Острый прищур из-под нахмуренных бровей, циничный взгляд, многозначительность в разговоре: для собеседника он всегда припасал несколько недосказанных фраз и полунамёков, якобы он обладает знаниями недоступными простому смертному. А еще напыщенно-чопорный вид, который, как ему казалось, внушал к секретарю Триллиата чувство подобострастия даже у чиновников, занимавших более высокие посты. В глубине души Броуди понимал, что ни его «секретная» информация, ни, тем более, он сам уже не смогут повлиять на ход истории— Триллиат был обречен. С гибелью силовых станций целые города, парившие над безбрежными водными просторами, в одночасье сгинули в пучине, увлекая за собой сотни тысяч ни о чем не подозревавших людей. Лишь немногим удалось спастись в тот воистину Судный день, когда под волнами безмолвного океана, погружаясь в бездну забвения, исчезла цивилизация Триллиата.

Поддавшись порыву, Броуди приблизился к Мартису. Он едва доставал ему по пояс. Здравяк, о чем-то задумавшись, смотрел вдаль. За все время пребывания здесь мэтр так и не удосужился посмотреть на великолепную панораму, открывающуюся перед обитателями пещеры, расположенной на склоне вулкана. Теперь, очарованный первозданной красотой долины, освещенной лучами заходящего солнца, с огромными вскинутыми до небес деревьями девственного

леса на его окраинах, мэтр завороченно наблюдал за необычным скоплением животных, в спешке покидающих этот цветущий край.

—По правде сказать, твой план не так уж и плох, Мартис. По крайней мере, другого у меня нет, — немного погодя признался Броуди, украдкой поглядывая на здоровяка.

—Вот увидите, у нас все получится, — расплылся в благодарной улыбке Мартис. — Вы случайно не знаете, что это за животные, такие огромные, с маленькой приплюснутой головкой и гигантским хвостом? — он указал на стадо животных, медленно шествующих вдоль русла реки. На своих подобных столпам ног они несли громадную, размером с целый холм, тушу, их хвосты, длиной в половину всего тела, равномерно мотались из стороны в сторону, а маленькие головы на длинных вытянутых шеях покачивались в такт ходьбе.

—Это олойдены. Их создали совсем недавно, своей массой они способны пробивать блокаду чародеев. На самом деле олойдены намного больше чародея.

—Я никогда не видел чародеев. Говорят, они больше любого «исполнителя», а силы у них столько, что и сотня солдат не справится с одним из них?

—Признаться, я тоже не видел чародеев, — и, поймав на себе удивленный взгляд «исполнителя», Броуди принял осанку, подобавшую его чину, — это не входило в мои обязанности, — кляня себя за минутную слабость, пытался он загладить неблагоприятное о себе впечатление, — чародеями занималось другое ведомство, хотя мне известно о них ничуть не меньше, через мои руки проходила и не такая информация, — восстанавливая статус-кво, резюмировал мэтр. Отчасти он не кривил душой. Броуди действительно был хранителем секретнейших материалов Триллиата, но никакого доступа к

ним он не имел. Все, чем обладал секретарь правительства, были всего лишь кулуарные сплетни, подчас имевшие под собой достоверную почву.

–Вы расскажете мне о чародеях? – обрадовался Мартис. С замиранием сердца он ждал, что скажет Броуди, ответит ли мэтр на сокровенный вопрос, который без преувеличения волновал в той или иной степени все общество Триллиата, вопрос, табу которого не вызывал ни у кого сомнения.

–Для начала нам не мешало бы подкрепиться, – с важным видом произнес Броуди.

Он почувствовал, что вновь обретает ускользнувшее было влияние над этим простодушным верзилой и ради этого был готов с ним кое-чем поделиться. Мартис поспешил вглубь пещеры, и вскоре за импровизированной занавеской, скрывающей их от постороннего взгляда, они грелись возле раскаленного докрасна объема и с аппетитом поглощали свой ужин. Мартис первый справился со своей порцией горячего супа и теперь с томительным ожиданием наблюдал за тем, как медленно пустеет столовый предмет мэтра. Броуди не торопился с обещанным повествованием и еще долгих десять минут испытывал терпение Мартиса. Наконец, удобно расположившись, мэтр сказал:

–Я рискую очень многим, говоря с «исполнителем» на эту тему, поэтому все, о чем я тебе сейчас расскажу, должно остаться между нами.

Мартис с готовностью кивнул головой.

Броуди ничем не рисковал. Во-первых, вряд ли найдется здравомыслящий человек, поверивший в то, что «вершитель» мог поделиться с «исполнителем» такого рода информацией. Во-вторых, для республики наступили слишком черные времена, чтобы это могло всерьез заинтересовать кого-нибудь в Эори, городе, чудом уцелевшем где-то на юго-восточном

побережье материка. По слухам, именно туда со всех его окраин стекались беженцы, оставшиеся в живых после катаклизма. В-третьих, разразившаяся катастрофа невольно обнажила тайные планы Триллиата в борьбе против чародеев.

Сытный ужин, полумрак и тепло их убежища настраивали Броуди на доверительный лад. Устало потянувшись, он удобно устроился в крепких и в то же время податливых объятиях силового поля. Он давно уже не чувствовал себя так хорошо. Ему показалось странным, что именно здесь, в каменных стенах пещеры, далеко от цивилизации и любимого им комфорта, на грани жизни и смерти он вдруг ощутил невероятную легкость, охватившую его разум; даже созданный в биолaborатории «исполнитель», сидевший напротив него, казался теперь мэтру вполне состоявшейся личностью, имеющей права на такие же привилегии, какие были у него самого. Броуди будто скинул с себя фальшивые «одежды» социальной принадлежности, те условности, что заботливо навязываются страдающим болезнями обществом, делящих людей на богатых и бедных, своих и чужих, властимущих и подчиненных, чтимых и изгоев. Охватившая его сознание свобода инакомыслия пьянила мэтра, как когда-то на берегу безбрежного океана... Приятные воспоминания безмятежности нахлынули на Броуди, перенеся его в недавнее прошлое...

Наслаждаясь теплым бризом, он отрывается от земли, взмывает вверх и, купаясь в пропитанном морской влагой воздушном потоке, медленно парит над прозрачной бирюзой лагуны. Внизу, под голубым флером волны, подставляя пронизывающим воду лучам жаркого солнца свои аляпистые спины, лениво плавают рыбки. Наблюдая, как по зеркальной глади воды проплывают пушистые облака, кажется, что время для тебя остановилось, и ты, уже не понимая, где верх, а где

низ, отпускаешь свои мысли в неторопливый бег, гадаешь, то ли море отражается в небе, то ли небо погрузилось в его воды...

Нетерпеливое покашливание Мартиса вернуло мэтра под серые, промозглые своды их убежища. К своему удивлению настроение его из-за прерванных приятных воспоминаний ничуть не испортилось и с несвойственным для него воодушевлением мэтр начал рассказ:

–Ты, конечно же, знаешь, что около тысячи лет назад наше общество расколосось на два противоборствующих лагеря. Одни – Метийцы – настаивали на техногенном развитии общества, другие – Лейкурийцы, – напротив, отказывались от благ прогресса и уходили в леса, на материк, где, следуя своему учению, погружались в собственные переживания, мысли, постепенно сливаясь с окружающей средой, пока, наконец, их разум, якобы, должен был ассимилироваться в окружающем мире до полной интеграции с ним. Со временем Метийцы и Лейкурийцы все реже контактировали друг с другом, и, наконец, возведенные нашими предками силовые станции позволили нам покинуть материк вовсе. Парящие, дрейфующие города... бесконечный океан... что может быть прекраснее?! Мы так увлеклись возведением городов, что совсем забыли о существовании Лейкурийцев. Последний раз их видели пятьсот лет назад. Полуобнаженные, покрытые густой растительностью, они представляли собой дикое зрелище. Все попытки войти с ними в контакт провалились, у них полностью отсутствовала речь, и, как тогда показалось нашим ученым, замкнутые в себе, в своем мирке, они уже были не в состоянии адекватно воспринимать реальность. Вскоре Лейкурийцы и вовсе исчезли из нашего поля зрения. Посланная на их поиски экспедиция, после неожиданно начавшегося землетрясения, была вынуждена вернуться

ни с чем. Ученые посчитали, что популяция Лейкурийцев прекратила свое существование, и постепенно о них забыли вовсе. Вновь об идеях соития с природой заговорили сто лет назад. Печальный опыт Лейкурийцев не пугал энтузиастов, и ограниченные в своем мировоззрении «исполнители» в одиночку и даже целыми группами сбегали из городов на материк. Попав на землю, они бесследно исчезали. Я видел отчеты военных, отправленных на поиски одной из таких групп. В них военные признавались в своей бессилии. Как только десант оказывался на земле, происходили природные явления, не поддающиеся объяснению. Солдаты вязли в песках там, где их не должно было быть, мерзли от стужи в широтах с жарким климатом, задыхались от недостатка кислорода на вольных равнинах, вода не могла утолить жажду, а еда не насыщала их. Они словно попадали в другой мир, в котором царили какие-то свои, противоестественные законы. За десять дней бойцам удалось преодолеть всего лишь около ста мер земли, но вскоре передвигаться даже с такой ничтожной скоростью стало для них непосильной задачей. Из слов сержанта следовало, что когда он со своим отрядом вышел на северо-восточное плато материка, измотанные лишениями, страдающие от жажды и голода бойцы вдруг ощутили необычный подъем своих эмоциональных и физических сил, их больше ничего не беспокоило, а трудности и испытания минувших дней казались несущественными и смешными. Но стоило солдатам пройти несколько шагов вперед, как у них появился другой враг – страх. Перед военными лежала неприметная, хорошо просматриваемая пустынная местность, и тем не менее с каждым шагом бойцов охватывал ничем не объяснимый животный ужас, словно они, переступив чью-то невидимую границу, подверглись массивной психической атаке. Самочувствие солдат

резко ухудшалось, появились галлюцинации, почти все слышали голоса, предупреждающие о смерти, если они хоть немного пройдут вперед. Наконец, в один из моментов сержант почувствовал, что сделай он еще шаг и сердце его тут же остановится. Вот тогда он отдал приказ о возвращении на базу. Обратный путь занял всего двое суток. – Броуди сделал небольшую паузу, чтобы понять, какой эффект произвел на Мартиса его рассказ.

–В нашем кругу давно ходили слухи о подобного рода природных феноменах, так же как и об узости мышления «вершителей», не имеющих истинного представления интеллектуального уровня «исполнителей». – В тоне Мартиса сквозила явная обида.

–Это всего лишь сухие фразы отчета, – продолжил бесстрастно Броуди. Слова Мартиса попали прямо в цель, они задели мэтра, но тот решил, что сейчас не время затевать ссору. – А вот дальше следует то, о чем вы не могли знать. Группе сержанта все же удалось захватить одного «исполнителя», его состояние можно было охарактеризовать как транс. На контакт он не шел. Нашим специалистам пришлось применить лоботомию. Все, кто узнал об ее результатах, еще долго не могли прийти в себя. Оказалось, что параллельно с нашей существует другая, альтернативная цивилизация. Опыт Лейкурийцев удался, мало того, он превзошел все ожидания. Их разум способен с легкостью покидать свой бионоситель и становиться частью биоэнергетического поля земли! А значит, проникать и в наш с тобой разум! Силой одной только мысли они могут вызвать дождь, ураган, смерч или какое-нибудь другое природное явление. Под силой внушения чародеи могут стать невидимыми для нас. Именно они, используя свои способности, не пускали отряд сержанта и другие группы вглубь материка. Лейкурийцев даже невозможно услышать,

так как у них практически полностью отсутствует речь, они общаются посредством передачи образов. Разумеется, возможности чародеев повергли правительство в шок. Были предприняты срочные меры, в ходе которых ученые разработали принципиально новое, биологическое оружие, на которое чары Лейкурийцев не распространялись бы.

– Дракон и другие монстры, помогающие ему выслеживать людей, – догадался Мартин. – Я всегда знал, что все эти рассказы о магах, объявивших войну Триллиату, самая обычная ложь. У нашего правительства не хватает мужества признать свою причастность к гибели целого народа, цивилизации.

– Неужели непонятно, что первоначальной нашей задачей было защитить своих граждан от чародеев? Но в какой-то из моментов что-то пошло не так и ситуация вышла из-под контроля. – Бродди уже начал жалеть, что затеял этот разговор.

– Они напали ночью. Я видел, как сотня драконов сжигали одну силовую станцию за другой, как под душераздирающие мольбы людей о помощи города уходили под воду. Свет, исходящий от них, еще некоторое время пробивался на поверхность. Это выглядело так, словно в глубинах океана кто-то зажег поминальные свечи в память об исчезнувшей цивилизации. Совсем скоро они погасли, но то, что я увидел и услышал в ту ночь, никак не соответствует вашему объяснению: «Что-то пошло не так». Так что же? – голос Мартиса дрожал. Бродди заметил, как вспыхнули глаза здоровяка, каким-то непостижимым образом они притягивали взгляд мэтра, приковывали своим неповторимым, особенным свечением, и как бы Бродди не силился, но уже не мог отвести своих глаз от их пленительного света...

Через мгновение Бродди, прорвавшись сквозь плену

облаков, увидел светящиеся очертания гигантского города, грациозно парившего над черными водами океана. В следующее мгновение небо озарила яркая вспышка и образовавшийся на муаровом полотне неба огромный раскаленный шар с оглушительным рокотом покатился вниз. Не успели воды океана укротить его пылающее горнило, как с неба покатились новая звезда... Когда большая часть силовых станций уже покоилась на морском дне, пал первый город. Где-то на юге еще слышались раскаты ввергаемых в пучину силовых станций, когда до мэтра донесся мощный и с каждой секундой набирающий силу рев безумия. Все смешалось в этом леденящем душу крещендо. Плач, крики отчаяния, стоны, вопли, скрежет, надрывный вой турбин, лязг. Скоро все закончилось, но еще не успели смолкнуть крики о помощи, как следующий город подхватил эстафету смерти. Бродди видел людей с застывшим на лицах отчаянием, словно заговоренные, они наблюдали за гибелью соседних городов, обреченно ожидая своей участи. Но вот доходила их очередь, и все повторялось вновь. В эту ночь симфония смерти обошла весь океан, казалось, на планете не было такого уголка, которого бы не коснулась или не отозвалась эхом ее чудовищная суть.

Оцепеневший и ошеломленный мэтр долго не мог прийти в себя. Какое-то время с нечеловеческой мукой на лице Бродди смотрел на Мартиса, словно искал нужные слова.

– Как тебе это удалось? – наконец с трудом выдавил он, будто очнувшись от тяжелого сна. После того, как мэтр вышел из гипнотического транса, ему стало не по себе, он вдруг понял, что практически ничего не знал о Мартисе. Мэтр даже не мог вспомнить, в какой из моментов к их группе пристал этот «исполнитель». Только теперь он задумался, почему все, даже такой опытный военный, как сержант, решили, что

простому «исполнителю» под силу уничтожить трех дралей, оставаясь при этом в живых?

–В отличие от вас, мэтр Броуди, в момент катаклизма я не развлекался наблюдением за рыбками и облаками на одном из островных правительственных курортов. Ведь именно по этой причине вы остались живы.

–Мы, «вершители», создали «исполнителей», чтобы освободить себя от тяжелого физического труда, а не для того, чтобы такие отщепенцы, как ты, совал нос в чужие дела. – Броуди был в ярости. Он еще что-то хотел сказать, но неожиданно осекся. Страшная догадка пришла Броуди на ум. Он таращил глаза на Мартиса, словно перед ним сидел драль, а не вышедший за рамки приличия «исполнитель». – Откуда ты все знаешь? – только и смог вымолвить он.

–Мартису повезло больше, он не дожил до этих дней, помните того парня, что подвергли лоботомии? – откуда-то издали доносился до мэтра чей-то голос. От ужаса, сковавшего все его тело и волю, он почти не слышал, что ему говорят, казалось, что уши его были заткнуты ватой. Вены на его висках вздулись, а голова налилась свинцовой тяжестью. Броуди скорчился в невидимых объятиях силового поля, наблюдая за тем, как постепенно вытягиваются конечности сидящего напротив человека. Его лицо сделалось нечетким, размытым, как бывает в акварели, над которой работает художник. Но постепенно лицо человека становилось более отчетливым, приобретало новую форму. Мэтр не помнил, как долго длилась эта метаморфоза, но в ее результате перед ним сидел гигантского роста старик с белой, словно снег, бородой, в длинной хламиде, укрывавшей его с головы до пят. Он был намного больше прежнего Мартиса. Подпирая спиной свод ниши, он внимательно смотрел на крошечного изнуренного человека.

–Очнитесь, мэтр, – сказал он, – скоро будет светать, и нас с вами ждет нешуточное испытание.

Броуди вздрогнул, как будто его ударили. Он скорее понял, чем услышал этого глубокого на вид старца. Глядя на него с неописуемым ужасом, мэтр прохрипел:

–Вы чародей?

–Да, я тот, кого вы называете чародеями, хотя в наших знаниях нет ничего сверхъестественного. Для нас люди, создающие бездушные машины, удерживающие города над водой или гигантских монстров, запрограммированных на уничтожение всего разумного, ещё большие чародеи, чем мы.

Постепенно страх отпускал мэтра, кровь прихлынула к его лицу. Густая растительность чародея скрывала движения его губ, но мэтр даже не слыша голоса, каким-то необъяснимым образом понимал чародея.

–Что вы намерены делать? – осторожно поинтересовался он.

–Ждать драля, – ответил чародей, протискиваясь в узкий проход ниши.

–Вы по-прежнему хотите использовать против него вот это? – мэтр указал на сооружение у входа в пещеру.

–Разумеется, нет, – мэтру показалось, что старец ухмыльнулся, – вы, метийцы, с легкостью верите всему, о чем не имеете ни малейшего представления.

–Вы позовете других... – мэтр запнулся, – ...своих.

–«Других, своих», – печально повторил чародей, – похоже, мы единственные разумные существа, кто остался в живых на этой планете.

–Не может этого быть, – Броуди на ватных ногах подошел к чародею, – остался еще Эори.

– Эори, миф, сочиненный горсткой выживших людей. Так устроен человек – бороться до конца, и, хорошенько

поразмыслив, вы согласитесь со мной. Что касается моих соотечественников... – чародей запнулся, – я уже сказал, их больше нет. – Мимолетный блеск сверкнул в его глазах. – Я мог бы уничтожить вас в любой момент.

Это отозвалось в голове Броуди с такой силой и такой ненавистью, что он невольно содрогнулся.

–Но теперь это не имеет никакого смысла, – вновь донесся до его сознания голос чародея. –Единственно, что я хочу сделать перед смертью, убить еще одного дракона.

Броуди показалось, что он ослышался.

–Как дракона?

–Вы думаете, остаток своих дней я провел среди Метийцев, чтобы спасти вас или ваши якобы секретные сведения?

Слова чародея задели мэтра за живое. Он вытянулся, гордо вскинув голову, и двинулся на старца.

–Если бы вы знали, какого рода информация...

–Бросьте, – остановил его чародей, – мне известны все ваши никчемные сведения. Уничтожив силовые станции, драконы подписали смертный приговор, в том числе и для себя. Без централизованного управления и энергетической подпитки их искусственный интеллект долго не протянет, они вымрут через пару лет. Оставшиеся же монстры тоже деградируют, превратившись в тупых поедателей растений, или друг дружки. А теперь задумайтесь, кому полезна эта информация? Кто ею сможет воспользоваться? Только вы сами, если протяните пару лет среди тех, кого сами породили. Я столько не намерен ждать, а тем более жить среди этих тварей, которым вы так «любезно» предоставили планету. Я, наконец, выследил дракона, погубившего мою семью, и сегодня намерен его уничтожить.

–Теперь мне все ясно! Это вы внушили сержанту

направиться со своими людьми в долину. Какое вы имели на это право! Вы убили их!

–На алтарь своей фанаберии вы принесли в жертву целый Мир. «Как же, – кричали вы, – они всего лишь лесные жители, маргиналы!»,– но каково было узнать обратное. Теперь вам стало неуютно жить с «маргиналами», вдруг превратившимися в чародеев. «Это непостижимо, чародеи могут завладеть нашим разумом!», и для достижения своей «светлой» цели вы выносите нам смертный приговор. Потом «что-то пошло не так» и гибнет весь Мир. Казалось бы, все очень просто, вы пытались защитить себя от интервентов, не правда ли? Только кому нужен, этот ваш отягощенный страхом разум, вы боитесь всего того, что окружает вас, вы боитесь даже самих себя. Страх рождает ненависть. Ненависть – это совершенное оружие, и если оно у вас имеется, то вы должны отдавать себе отчет, что перед ее всеразрушающей энергией ничто не может устоять. Вопрос лишь в том, кого она выберет первым: вашего врага или вас и вашу душу. Поэтому сегодня я умру вместе с ненавистной мне тварью. Что касается сержанта и его людей, то для достижения своей «светлой» цели я пожертвовал пятью вражескими солдатами, пришедшими сюда для того, чтобы уничтожить мой народ. Я предоставляю вам право самому судить, имел ли я на это право. А теперь попрошу не мешать мне, драль уже близко.

С этими словами чародей направился к выходу из пещеры. Броуди был раздавлен. Он понуро поплелся за старцем.

–Мы погибнем? – спросил он голосом человека, обреченного на смерть.

–Мы уже мертвы, – равнодушно ответил чародей, встречая первые лучи солнца, – драль заметил меня.

–Неужели все бесследно исчезнет? Триллиат.

Лейкурийцы. Вы. Я... – Броуди ещё надеялся, кажется, на чудесное спасение.

–Прикоснитесь к грани объема, – чародей протянул мэтру кристалл, – если вас это утешит, то он сохранит наши образы на многие миллионы лет. В глубине пещеры я заметил приличную гору мышинового помета, там он будет в безопасности, его не тронет огонь дракона.

Мэтр послушно побрел вглубь пещеры. Через несколько шагов он обернулся.

–Прощайте, Мартис...

Он не знал настоящего имени чародея, да и какое это имело значение.

–Прощайте, – коротко отозвалось в голове Броуди.

Они в последний раз взглянули друг на друга, маленький человек и гигант-чародей. «Кажется, он не держит на меня зла», – с облегчением подумал маленький человек...

* * *

И в этот раз драль оказался прав. Он успел заметить, как скользнула тень двуногого существа в черную пасть расположенной на склоне горы пещеры. Дракон уже спешил на его зов, когда драль ощутил дрожание воздуха, будто, пробуждаясь от долгого сна, вздохнула гора. Сначала это насторожило драля, но дыхание горы странным образом напоминало дыхание дракона. Это его немного успокоило, он знал, что нужен дракону, и в его присутствии чувствовал себя в безопасности. Продолжая следить за пещерой, драль решил поближе познакомиться с испускающей черный дым горой, он слышал, как участилось ее дыхание. Пролетая над пещерой, он вдруг увидел двуногого, вышедшего ему на- встречу. Это был самый опасный вид двуногих. Гигантского роста, они

отличались еще и тем от других, подобных себе существ, что обладали невиданной силой, способной парализовать на расстоянии. Не раз дралю приходилось наблюдать, как при встрече с ними его неосторожные товарищи камнем падали вниз, разбиваясь оземь. Испустив полный отчаяния крик, драль взметнулся ввысь, навстречу ему из облаков вынырнул дракон.

«Спасен», – успел подумать он, но в это время, испустив протяжный стон, наконец, проснулась гора. Откуда-то дралю было известно, что именно двуногий вывел ее из вековой спячки. Гора последний раз глубоко вздохнула, словно набирая полные легкие воздухом, и в тоже мгновение из ее чрева со страшным ревом вырвались наружу тысячи огненных камней, с невероятной скоростью разлетаясь в разные стороны. Перед тем как огненное дыхание горы убило драля, он успел заметить поверженного дракона у ног такого ненавистного ему двуногого существа.

* * *

–Что они сказали, профессор? – спросил молодой аспирант у стремительно ворвавшегося в кабинет взлохмаченного, худощавого человека.

–Глупцы! – не обращая внимания на вопрос своего коллеги, возмущался профессор, – эти тупоголовые вояки даже не подозревают, что находится у них в руках! И позвольте заметить, Андрэ, – обратился он к молодому человеку, по-итальянски эмоционально жестикулируя руками, – совсем недавно все находки были в наших руках. Но тут, откуда ни возьмись, появляется этот... – профессор сделал брезгливую гримасу, – в фуражке и со звездами на погонах, и наш кропотливый труд – коту под хвост! Бьюсь

об заклад, спроси этого солдафона, из чего состоят звезды, и он ответит – из сплава алюминия. Он же ничего не видит дальше своих погон.

– Хорошо еще, если созвездие Малой Медведицы он не назовет капитаном, – в тон профессору пошутил Андрэ.

– Вы всегда понимали меня, Андрэ, – профессор благодарно посмотрел на своего ученика. – И знаете – что? Я сейчас же позвоню в Академию, я напишу президенту, в ООН, в конце концов!

Энергичными шагами профессор направился к столу.

– Дело в том, профессор, – сбивчиво начал Андрэ, едва поспевая за учителем, – пока вас не было, вам звонили.

– Из ООН? – не понял профессор, удивленно посмотрев на молодого аспиранта.

– Да нет, – Андрэ невольно улыбнулся, – из другой организации... – он подошел к столу и размашисто что-то написал на листке бумаги. Профессор прочитал записку.

– Вы не шутите?

– Какое там... – Андрэ махнул рукой. – Завтра, с самого утра, нас с вами ожидают в 315-м кабинете.

– Все пропало, – потухшим голосом произнес профессор, устало опускаясь в кресло, – они ни за что не отдадут нам образцы. Вот скажите, Андрэ, на кой ляд военной разведке понадобились антропологические находки? Сначала они указывают нам место раскопок. Не скрою, я был удивлен их заинтересованностью, но обошелся без лишних вопросов. Но потом возникает более абсурдная ситуация, они свертывают раскопки и объявляют их закрытой зоной, как только обнаруживается уникальное кладбище динозавров. Что, они будут изучать их как потенциального врага? Кстати, вы помните, какой замечательный образчик птеродактиля мы нашли в вулканических отложениях? – мечтательно протянул

он. – Да Бог с ним, с этим птеродактилем, больше всего меня интересует тот крылатый монстр, которого мы обнаружили у входа в пещеру. Если я что-то понимаю в антропологии, уважаемый коллега, а я тридцать лет своей жизни отдал этой науке, то даже при беглом осмотре этого чудовища я могу с уверенностью сказать, что этот динозавр представитель нового, еще не известного науке вида, имеющего ко всему прочему орган, аналога которому за всю свою долгую практику я нигде не встречал. А эти узколобые военные утверждают, что, дескать, там ничего нет. «Динозавр как динозавр», – сказал этот солдафон. На что я ему ответил, что более древнего динозавра, чем он, я еще не видел.

Во время этой пылкой речи Андрэ молчал, уставившись на профессорский стол.

– Вы что-то хотите мне сказать? – спросил его профессор. За время обучения, а затем и их совместной работы учитель неплохо изучил привычки своего любимого ученика.

– Видите ли, профессор, там, на раскопках, меня предупредили... Одним словом, помните, пока вы занимались тем динозавром у входа в пещеру, один в штатском попросил меня проверить кое-что внутри ее?

– Разумеется, помню, такой безликий, серый, – он снова сморщился, – впрочем, как и все, кто стоял за этими раскопками. Да, но вы сказали, что ничего интересного там не было.

– С меня взяли подписку... Кажется, я знаю, что заинтересовало военную разведку, – наконец выпалил Андрэ в конце сбивчивого рассказа.

– К черту все подписки! Я буду нем как рыба, – от нетерпения профессор даже привстал со стула.

– В глубине пещеры, в том же временном пласту, что и найденные нами динозавры, я обнаружил два человеческих

скелета пяти – и полутораметровой длины.

–Где они? – только и смог прохрипеть профессор.

–Не знаю, вы же видели, как бесцеремонно нас выдворили с площадки, а возле входа в пещеру поставили охрану. Правда, мне удалось вынести вот это, – он достал из кармана брюк темный кристалл и положил его на стол перед профессором, – мне пришлось наврать вашему солдафону, что мое хобби – камни вулканического образования. Этот кристалл находился в том же временном пласту, профессор, рядом со скелетами.

–Слава Богу, у военных свой хорошо выверенный айкью,– дрожащими от волнения руками профессор взял в руки кристалл, – ты знаешь, что это, Андрэ?

–Трудно сказать, но если поднести это к глазам... Попробуйте сами.

Вот уже полчаса, заложив руки за спину, профессор отмерял шагами свой кабинет.

–Вы уверены, что это не выпало из кармана штатского?– уже в который раз он задавал один и тот же вопрос своему ученику.

–Абсолютно,– вальяжно устроившись в кресле и подперев рукой голову, отвечал Андре, провожая терпеливым взглядом своего учителя.

–Это больше походит на снаряжение военных, чем на...– профессор снова подошел к окну и приблизил кристалл к глазам. –Уму непостижимо, какое четкое и объемное изображение. Вы не проверяли дальность увеличения?

–Нет, не успел, но мне кажется, это не главное назначение кристалла.

–Да, да,– задумчиво произнес профессор, – возможно, вы и правы.

Он вернулся к столу и достал из верхнего ящика лупу.

–Знаете, Андре,– сказал профессор, внимательно изучая кристалл через лупу,– в детстве я всегда мечтал, чтобы у меня была лампа Аладдина. Потрешь лампу, из нее выходит джин и исполняет все твои желания. Простите меня за эту детскую вольность, – профессор виновато посмотрел на Андре, – но не могу удержаться.

Он отложил в сторону лупу и стал неторопливо гладить стороны кристалла. Неожиданно кристалл вспыхнул ярким свечением. Вздвогнув, профессор уронил кристалл на пол, и в следующее мгновение из него вышли две светящиеся фигуры – коротышка в диковинном, плотно облегающем костюме и гигант с огромной бородой и в длиннополом бесформенном плаще. В полной тишине два фантома из невообразимо далекого прошлого с нескрываемым интересом взирали на две застывшие в нелепых позах человеческие фигуры и словно пытались о чем-то рассказать, от чего-то предостеречь всех тех, кто пытается вырвать из забвения их образы.

Преобразователь

рассказ

Часть первая Колесо

Затаив дыхание, Гуга наблюдал за незнакомцем. Он никогда раньше здесь его не видел. Это был безусловно человек, но только другого племени. Его голова была острижена наголо, а лицо раскрашено синей краской. Ну, конечно, он был не из этих «длинноголовых», от макушки до ног покрытых густой растительностью и источающих резкий неприятный запах. Вот уже три «Времени сочной травы» и три «Времени холодного пуха», как его сородичи пришли в долину вслед за «Большим зверем», и все это время они вели войну против «длинноголовых», охотившихся в этих местах.

Гуга невольно поежился, вспомнив взгляд таких недобрых, глубоко посаженных глаз из-под массивных, выступающих вперед бровей «длинноголовых». Сородичи Гуги – «длинноногие» – старались избегать столкновений с сильным, свирепым, а главное, многочисленным врагом. Иногда они устраивали засады на своих недругов в обычных

для них местах охоты. Это было вынужденной мерой. Во время перехода племя Гуги подверглось тяжелым испытаниям – сначала под палящими лучами Маа на просторах бескрайней земли, иссушенной таким зноем, что передвигаться можно было только ночью, когда стыли жилы при виде кровавых желто-зеленых огоньков глаз, рыщущих в поисках добычи, а леденящий душу рев Ирсу сообщал об ещё одной жертве, как о дани остальных, тех, кто переживёт эту ночь. Немало отличных охотников ушло тогда в свою последнюю охоту, защищая свой род. Затем были нескончаемые стычки с обитателями больших деревьев, по чьей территории было вынужденно передвигаться племя, и, наконец, «Вздрыбленная к небу» земля, укрытая «белым пухом», вымотала и истощила племя настолько, что только опытные и сильные охотники могли продолжать путь. Спустившись в долину, старейшины приняли решение остаться в этом богатом крае. С отчаяньем обреченных на смерть сородичи Гуги завоевывали право охотиться рядом с многочисленными племенами «длинноголовых». Нередко охота на дичь перерастала в столкновение между двумя враждующими группами. И хотя даже самый слабый из «длинноголовых» был значительно сильнее любого из рода «длинноногих», исход боя всегда было трудно предугадать. Силе своего врага Гуга мог противопоставить быстроту ног, изворотливость ума, хитроумные ловушки, слаженные действия между соплеменниками и более совершенное оружие. Он с нежностью прикоснулся к лежащему рядом с ним древку, на завершении которого был каменный остроконечник. Гуга мог далеко метнуть свое копьё и поразить «длинноголового» или какого-нибудь зверя, не выходя из своего укрытия. Этот бесценный дар его далеким предкам преподнес Одинокий Охотник, пришедший к ним из неведомых далеких земель.

Об этом свидетельствовали рисунки на стенах пещеры, где раньше жил его род, и маленький Гуга часто рассматривал их. Иногда ночью, когда огненный глаз Маа отдыхал от дневных забот, глубоко под землей в пещере своего мрачного брата бога Тара – а все сородичи маленького Гуги были в призрачном плену их сестры богини Рулу и охотились в ее изобилующей дичью долине, Гуга забирался в самый дальний угол пещеры и при свете догорающего костра всматривался в очертания этих старых рисунков, которые, наконец, оживали под всевидящим желтым оком Рулу, каждый раз заглядывающим в пещеру, чтобы наказать тех, кто еще не спустился в долину грез. Тогда он с головой забирался под теплые шкуры и под впечатлением увиденного еще долго вслушивался в ночное тревожное дыхание Земли, вспоминая раскрашенное синей краской лицо Одинокого Охотника. Гуга надеялся, что однажды и к нему придет Одинокый Охотник, и, как в незапамятные времена, сидя у большого костра, он раскроет ему один из своих секретов. Сородичи Гуги тихонько посмеивались над мечтами мальчика, они скептически относились к этим ярким, выразительным свидетельствам прошлого, оставленным умелой рукою художника. Как в одиночку мог выжить, пусть даже самый сильный и знающий человек, в долине, где за каждым кустом тебя подстерегала смертельная опасность, а тем более прийти невредимым из далеких мест? Со временем, став взрослее, Гуга и сам уверился в этом после того, когда «Большой зверь» покинул его родные места и «длинноногим» пришлось уйти из своей долины вслед за зверем. Не все из его сородичей дошли до нового места охоты... Что-то напутали его предки, восхваляя мужество Одинокого Охотника.

Но теперь все было наяву. Охотник в самом деле шел один, открыто, не прячась за деревьями, мягко ступая по

пожухлым листьям прямо к тому месту, где затаились Гуга и его младший брат Зико. Самым невероятным было то, что он был как две капли воды похож на того, чей лик, из далекого детства Гуги, оживал на холодных стенах пещеры!

Охотники удивленно переглянулись между собой, безмолвно спрашивая друг у друга: откуда появился здесь этот безумец, так бесстрашно рискующий своей жизнью? Что ему надо в этих краях? Почему он один, где его сородичи? С приходом другого племени в долине могли начаться очень трудные времена, дичи не хватит на всех. Наступает «Время холодного пуха», и «Большой зверь» уходит в далекие земли, где много сочной травы и никогда не бывает холода. Гуга шепнул своему брату, чтобы тот бежал в лагерь и рассказал о плохих новостях сородичам, а сам решил проследить за подозрительным охотником. Но не успел Зико отползти и на шаг, как из-за кустов, со страшным рыком, держа в руках свои чудовищные дубинки, выскочили и ринулись за ним трое «длинноголовых». Боязнь выдать себя отступила перед ненавистью давнишнему заклятому врагу. Гуга выскочил из своего укрытия и яростно метнул копье в ближайшего к нему «длинноголового». С диким ревом противник рухнул на землю. Копье Зико лишь слегка задело второго из нападавших. Неожиданное появление двоих недругов и гибель товарища на некоторое время повергло в шок оторопевших «длинноголовых», когда же первое замешательство прошло, сменившись гневом, было уже поздно что-либо предпринимать – три ловкие фигуры, одетые в звериные шкуры, тенью проскользнув между деревьями, растворились в утренней дымке.

Это был необыкновенный день для всего рода «длинноногих». Незнакомец действительно пришел в долину абсолютно один. Он знал язык сородичей Гуги и легко

общался с ними. Его звали Дорг. Внешне особо не выделяясь среди своих новых знакомых, Дорг все же отличался от «длинноногих». У него не было сильно развитых мускулов и тех чудовищных шрамов на теле, которые обычно добывались во время охоты или в сражениях с другими племенами. Сородичи Гугы решили, что Доргу незачем было охотиться, так как знания, которыми он обладал, делали слишком ценным его жизнь для рода, к которому принадлежал Дорг. Он раскрыл многие секреты, поделился тем, чего не знали в племени «длинноногих». Так он учил их, как уцелеть во время охоты на «Большого зверя», как лучше защитить свое жилище от настоящего властителя этого края, кровожадного Ирсу, навещающего своими огромными клыками ужас на все живое в долине. По указанию Дорга охотники заготовили большие и прочные колья, и «незнакомец» показал, под каким углом лучше врыть их в землю. После того как вход в жилище «длинноногих» «ощетинился», словно усыпанная иглами спина Урка, все весело захохотали, они ведь знали, сколько неприятностей может принести этот маленький зверек своими острыми иголками невнимательному охотнику. Уж если они, победители «Большого зверя», обходят стороной этого зверька, то и сам Ирсу теперь будет обходить стороной их жилище. Для полной безопасности оставалось лишь вырыть яму у единственного прохода в заграждении. Но самое интересное открытие всех ждало впереди. Когда, наконец, огненный глаз Бога Маа спрятался за верхушки деревьев и вместе со спустившимися сумерками с «Вздыбленной к небу» земли пришел холодный ветер, охотники разожгли большой костер и, усевшись вокруг него, стали рассказывать о подвигах, совершенных ими во время охоты на «Большого зверя». Когда настало время Гугы, он, заняв место прежнего рассказчика, закурился в танце, рассказывающем о том, как

сегодня одним ударом убил «длинноголового». Охотники одобрительно цокали языками, а Гуга, окрыленный их похвалой, поделился тем, как можно выманить врага на заранее подготовленную засаду, как это сегодня утром невольно сделал Дорг. Все посмотрели на пришельца, ожидая его рассказа, но вместо этого их новый друг стал убеждать, что убивать «длинноголовых» теперь, когда у них есть новая, более эффективная тактика охоты на «Большого зверя» и защиты от самого свирепого хищника во всей долине, нет никакой необходимости, «длинноголовые» сами погибнут или от клыков Ирсу или умрут с голода. Охотники недружелюбно, с какой-то опаской посмотрели на своего гостя, недоумевая, да как же он может заступается за врагов их рода? Можно ли верить ему? Презрительный ропот, нарастал и по настроению сородичей Гуга понял, что черные руки бога Тара уже готовы унести пришельца в свое подземное царство, заключить его в свои холодные объятия. Чужеземец тоже почувствовал это и решил открыться. Наконец-то Гуга услышал то, чего в глубине души так жаждал. Пришелец поведал, что принадлежит к роду Одиноких охотников, подаривших когда-то их племени копье. А здесь он для того, чтобы поделиться с «длинноногими» своим самым сокровенным секретом. И пока старейшины растерянно переглядывались, Дорг приступил к осуществлению своего плана. Положив рядом два небольших бревна, не подошедших для изгороди, он показал, как можно с их помощью перетащить третье, огромное бревно, не затратив при этом больших усилий, и сам с легкостью справился с этой задачей. Дорг сказал, что теперь «длинноногим» не надо будет оставлять много мяса после удачной охоты. С помощью бревен даже женщины рода управятся с большей частью добычи, в то время как мужчины смогут обеспечить безопасность их передвижения, но для

большей эффективности нужно было усовершенствовать его приспособление. Дорг попросил охотников выдолбить середину огромного бревна, оставив по краям небольшую, шириной с человеческую руку полоску. Затем положил на землю несколько жердей, приготовленных для костра, и распорядился связать их друг с другом именно так, как они лежали. Получился щит, который Дорг, довольный работой, водрузил на выдолбленную часть бревна. Только теперь озадаченные его действиями «длинноногие» стали понимать, что хотел им показать пришелец. Имея два, а лучше всего три таких бревна, можно было с большей легкостью перекачивать на щите тяжести, пропуская под выдолбленным местом в бревне камни и прочие мелкие помехи. И опять среди охотников воцарилось радостное оживление, и снова они танцевали вокруг огня, восхваляя в танцах Бога Маа, что направил к их костру Одинокого Охотника, как это уже когда-то было с их предками. И больше всех торжествовал Гуга. В самом разгаре веселья к нему, как бы невзначай, подошел Зико. Осторожно, чтобы его никто не услышал, он сообщил своему брату о том, что совет охотников поручил им убить пришельца. Конечно, все, что он сделал для «длинноногих», было неоценимой услугой и старейшины благодарны за все те дары, что он преподнес им, но знания Одинокого Охотника могут стать достоянием другого, более многочисленного рода, который придет сюда, чтобы вытеснить «длинноногих» из этой долины, и самое страшное, если знания достанутся «длинноголовым».

«Почему теперь, когда для всех стало очевидным, что Одинокий Охотник действительно существует, когда сбылись мои самые сокровенные мечты, я должен собственноручно их убить?» – думал Гуга. Впервые в очерствевшую лишениями и суровыми жизненными испытаниями душу Гуги пришло

смятение, впервые, привыкший во всем подчиняться старейшинам, он усомнился в их правоте. Решение совета всколыхнуло его, открывая доселе неизвестное для него, пьянящее, упоительное в своей правоте чувство непокорности. Гуга знал, что, откажись он убить ставшего для него уже близким чужеземца, наказанием ему будет изгнание из рода, а это верная смерть. «Старшие не думают о тех, кто последует за нами! – гневался он. – Если бы наши предки так же «отблагодарили» Одинокого Охотника, то кто бы свою помощь предложил сейчас, в трудное для рода время?». Немного поколебавшись, Гуга принял для себя решение... Он ничем не выдал своего несогласия, но когда в назначенное время Зико, затаив дыхание и держа наизготовке копье, откинул полог шкуры, Одинокого Охотника на месте не оказалось. Сославшись на то, что так угодно Великому Маа, охотники легли спать. Никогда еще Гуга не спал так спокойно.

* * *

–Где он! – взревел Магистр седьмого звена, как только перед ним распахнулись двери TRAS/4, станции преобразователей. Путаясь в полах своей одежды, он выбежал из шлюзовой камеры и, хищно оглядываясь вокруг, уставился, наконец, на главного смотрителя станции.

–Я спрашиваю, где этот горе-преобразователь? – не унимался Магистр. Его большая залысина на голове покрылась испаренной, а непривычно большие уши розово светились от лампы шлюзовой камеры.

–Вы спрашиваете о младшем преобразователе Доргуалешпине? – пролепетал напуганный свирепым видом высокого начальства главный смотритель.

–Да разрази меня гром! В кои световые годы я прилетел

на А/4, в этот галактический рай, и вместо долгожданного отдыха меня вызывает Магистрат и интересуется, почему вдруг на TRAS/3 изменилась перфектная линия? Почему она изменилась, я вас спрашиваю? – и не давая вымолвить ни слова оробевшему чиновнику, продолжал грохотать: – Оказывается без моего ведома на TRAS/3 побывал младший преобразователь, этот ваш Доргуалешпин!

–Ситуация на TRAS/3 требовала немедленного вмешательства. Вы же знаете, эти преобразователи не подчиняются нам. Мы пытались связаться с вами, но ваш секретарь был отключен, - наконец смог вставить в гневную речь Магистра свое сбивчивое объяснение главный смотритель станции.

–Я же ясно выразился, я был на А/4, – немного поостыв, сбавил тон Магистр. Грубо отстранив в сторону смотрителя, он устремился в глубь станции. – Срочно предоставить мне все данные по TRAS/3 и позовите Доргуалешпина, – раздраженно бросил он семяющему позади него смотрителю станции.

Через минуту, развалившись на мягком диване, Магистр гневно испепелял своим взглядом стройного юношу, равнодушно взирающего на согнутые спины чиновников, создающих вокруг начальственной особы почтительно–раболепную суету.

–Я прочитал ваше дело, младший преобразователь, вы с отличием окончили Высшую Школу Цивилизаций на отделении преобразователей и работаете здесь не так давно, поэтому я не хотел бы загубить вашу карьеру в самом начале трудовой деятельности, – он сделал паузу, и, бросив еще один полный негодования взгляд на юношу, продолжил: – Я дам вам еще один шанс. Вы должны до мельчайших подробностей растолковать мне о сложившейся ситуации на

TRAS/3 до вашего вмешательства и убедить меня в том, что вы предприняли единственно правильное решение.

–У меня все готово, Магистр, – с этими словами юноша протянул перфоленту, смотанную в тугой рулон. Младший преобразователь был бледен, но держался с достоинством.

–И это все, что вы можете мне сказать? – Магистр не скрывал своего изумления.

–К тому, что находится здесь, мне добавить нечего, но чтобы сэкономить ваше время, я могу сам расшифровать код перфоленты.

–Сделайте одолжение, – с иронией фыркнул Магистр.

Юноша развернул перфоленту и направил на нее свет, чтобы лучше был виден узор выдавленных в ней клинописных столбцов.

–Вот здесь мы видим перфектную линию, заложенную Магистратом, а это, - Доргуалешпин для наглядности ткнул пальцем в ленту, - аномалия, то отклонение от нормы, которое я исправил.

Магистр поднес к глазам перфоленту.

–Но позвольте, перфектная линия поднялась выше запланированной отметины, она просто зашкаливает! Именно это и интересовал Магистрат! Если бы это была рядовая ситуация, как случилось в прошлый раз с КОПЬЕМ, но вы преподнесли этим дикарям КОЛЕСО! Как вы это объясните?

–Это была необходимая мера. Дело в том, что неандертальцы – тупиковая ветвь человечества, у них слишком высоко расположена гортань, и поэтому она не способна к членораздельным звукам, а следовательно, неандертальцы не могут координировать свои действия внутри рода. Кроманьонцы же напротив прогрессивны. Их развитая речь способствует дальнейшему развитию человека разумного. Сейчас, между этими двумя ветвями, идет борьба

за территорию будущей Франции.

–Какой еще Франции? – по выражению лица Магистра было видно, насколько он далек от того, что ему объяснял преобразователь. Это не осталось без внимания старшего смотрителя.

–Извините, Магистр, – учтиво вмешался стоявший чуть поодаль смотритель станции, – для того, чтобы гармонично слиться с Изменяемым Миром, преобразователи используют языки и диалекты только прошлого или будущего этого Мира, то же самое происходит и с названиями местности, которые дают сами аборигены. Теперь вы понимаете, почему мы редко находим общий язык с преобразователями, они даже думают, как их дикари.

–Если в ближайшие двадцать пять лет кроманьонцы не вытеснят более многочисленных неандертальцев с этой территории, то впоследствии могут сложиться неблагоприятные условия для развития цивилизаций на Земле, – юноша, казалось, не слышал едких замечаний смотрителя.

–Земля – это объект TRAS/3, – предусмотрительно вставил смотритель.

–И что это за условия? – Магистр, спохватившись, привычно сделал задумчивое лицо.

–На ленте все видно, – пожал плечами Доргуалешпин, – перфектная линия проходит вот здесь, – он снова для наглядности ткнул пальцем в перфоленту, – через Европу, Ближний Восток, Средний Восток и Дальний Восток. Если кроманьонцы в ближайшее время не освоят всю Францию, то в Европе и на Ближнем Востоке гораздо позже пройдет греко-персидская война, а пелопонесской войны не будет и вовсе.

–Разве плохо, что в мире на одну войну станет меньше?– усмехнулся Магистр.

Доргуалешпин, опустив ленту, с удивлением посмотрел на «высокого» начальника.

–Но ведь тогда не будет ни Сократа, ни Александра Македонского, Рим останется рядовой провинцией, христианство придет с опозданием на тысячу лет, а с появлением у власти Наполеона I, после Французской революции, установится его диктат от Испании до империи Цин, на Дальнем Востоке. И это малое из бед, на Среднем Востоке не замеченным останется смерть Будды!

–Ну, хорошо, хорошо, я доложу Магистрату об этом вашем Будде, кажется, они и в правду возводят напраслину вокруг ситуации на TRAS/3, – Магистр нехотя поднялся с дивана, и, засунув моток перфоленты в одну из своих складок на одежде, отправился к выходу. За ним незамедлительно поплелась вся администрация станции. У самого входа в шлюзовую камеру Доргуалешпин протиснулся к тучной фигуре начальника.

–Кстати, Магистр, скоро Луна станет объектом астрономических наблюдений и наша станция может попасть в поле внимания людей, это может отрицательно...

–Знаю, знаю, – устало махнул рукой Магистр, – «это может отрицательно отразиться на развитии цивилизаций на Земле». Я так понимаю, Луна это наша TRAS/4, хорошо, я приму это к сведению.

У распахнутых дверей шлюзовой камеры Магистр еще ненадолго задержался. Найдя взглядом уже отторгнутого провожающей его толпой юного преобразователя, он, наконец, задал вопрос, не дававший ему покоя все это время:

–Как же вы находите общий язык с аборигенами в *настоящий момент* общения, если говорите только на языке *прошлого* или *будущего*?

–Настоящего нет в Изменяемом Мире, даже если вам

удалось выхватить и удерживать вне пространства какой-то момент времени, то какой бы малой величиной это ни оказалось, он все равно будет состоять из прошлого и будущего. Более глубокий ответ вам даст учение джайнизма.

—Представляю, что будет, если вам доверят Перфектный Луч! — не желая больше слушать преобразователя, Магистр, приложившись рукой к разболевшемуся затылку, скрылся в шлюзовой камере.

Часть вторая

Жанна

Шел 1429 год. Это было самое трудное время для Франции за всю историю ее существования. Дофин Франции Карл отдыхал в своих покоях в Шиноне. После вчерашнего шумного застолья он чувствовал себя отвратительно, а тут еще это письмо... Из осажденного английскими войсками Орлеана от графа Динуа он получил известие об еще одной неудачной попытке снять осаду с города. Карл понимал, что Орлеан — это ключ ко всей южной Франции, единственное, что у него осталось, и в начале этого года сам отправился на помощь осажденным с подкреплением и провиантом, но с большими потерями был отбит. «Проклятые бургиньоны, — в сердцах ругался Карл, — не будь этих каналов, я бы смог одолеть герцога Бодфорда». Это была последняя надежда на спасение «Буржского королевства», с падением Орлеана враги захватят всю Францию, и тогда ему, Карлу VII, придет конец. Самопровозглашенный король Франции не отличался ни особой отвагой, ни другими отличительными качествами полководца. Напротив, Карл был человеком апатичным и слабым. После того, как весной 1418 года старшина купечества Таннеги спас дофина от неминуемой

гибели, мужество покинуло юного Карла. До конца своих дней он так и не смог оправиться от того ужаса, что испытал при виде сотни трупов, валявшихся на улицах Парижа, когда его, чудом уцелевшего от бесчинствующей толпы черни, завернутого в одеяло, увозили в Бастилию. Он не простил этого бургиньонам, и, вместо ожидаемого мирного договора в Монтро, на Ионском мосту сопровождающими Карла рыцарями был убит виновник этих бесчинств герцог Бургундский Жан Бесстрашный.

Откинув полог своего широкого алькова, Карл поднялся с ложа. Сегодня он приказал лакеям одеть себя просто, чтобы не выделяться в толпе придворных. На то была своя причина. Поверх рубашки на его немощное тело надели черный камзол. Единственно, от чего Карл не мог отказаться, так это от пары роскошных башмаков, сделанных его сапожником мэтром Жаком. Довольный своим одеянием, дофин вновь погрузился в тревожные мысли.

Вчера вечером, после очередного пиршества, устроенного королевским шамбелланом сиром де Тремуйлем, в замок явились рыцари, которые сообщили, что привели к Карлу VII ту самую Лотарингскую Деву, объявившую, что она послана Богом спасти Францию от захватчиков, а его, Карла, привести к коронации в Реймсе, как того требовали традиции Французской короны. Дофин ждал их визита. Слухи о том, что судьба Франции в руках двух женщин, старой, что погубит страну, и Девы, которой суждено воскресить Родину, давно ходили в народе. Пока все совпадало. Старой, безусловно, была королева Изабелла, мать Карла. Узнав о гибели герцога Бургунского, она громогласно отреклась от своего сына, объявив его незаконнорожденным. Именно она и новый герцог Бургундский Филипп Добрый заключили военный союз с регентом Англии герцогом Бодфордом.

Это королева Изабелла забрала всю казну, вынудив Карла войти в финансовую зависимость к Тремуyleму и заложить ему все свои доходные статьи. Появление Лотарингской Девы было как нельзя кстати. Может быть, она и была тем чудом, что спасет Францию, о котором только и твердят простолюдины? Теперь только она могла поднять боевой дух армии, деморализованной блестящими победами англичан, но может статься и наоборот, та, что называет себя Девой, могла оказаться лазутчицей бургиньонов. Карл был в смятении. «А что, если ее послала моя матушка, чтобы отомстить за смерть Жана Бесстрашного? Бежать, бежать, еще не поздно спасти себя! Оставить Францию, пока еще есть возможность, пока не пал Орлеан!». Неясное будущее и осознание собственной беспомощности в сложившейся, казалось, безнадежной ситуации наводили на Карла ужас. Все чаще в часы нередкого похмелья из темной стороны его рассудка выползали призраки той кровавой парижской ночи, стягивая его душу железными оковами животного страха, как это было тогда, на Ионском мосту... Справившись с приступом малодушия, Карл заметил в своих руках книгу, подаренную накануне супругой. Он раздраженно отбросил ее в сторону. Это было недавно изданное сочинение Фомы Кемпейского «О подражании Иисусу Христу» в богато украшенном толстом кожаном переплете. Даже мудрость духовного наставника, известного своей набожностью, не могла вернуть ему душевного спокойствия, утерянного, как казалось, навсегда.

Король вышел из своей опочивальни и по освещенным факелами узким коридорам направился в центральную часть замка, где и должен был состояться прием простой девушки. Из первых писем капитана Бодрикура, его верного подданного, было определено понятно, что к нему направляется ясновидящая Жанна д'Арк, но вчера сир

Бертран, сопровождавший Деву в Шинон из самого Вокулера, ясно дал понять, что Жанна прибыла с просьбой стать во главе его войска. Карл не был готов к такому повороту событий и был обескуражен этой просьбой, если не сказать возмущен, и только вмешательство его советников сира де Тремуyle и его высокопреосвященства Реньо де Шартру сделали возможным этот визит. Карл дал свое согласие лишь после того, когда Реньо предложил предпринять одну уловку, исключаящую покушение на дофина.

—Если, как она говорит, слышит «голоса» святых, — изъяснял он Карлу вчера вечером на совете суть подобного испытания, — то пусть узнает Ваше Величество среди Ваших подданных в простом платье. А Ваше место пусть займет... — Он запнулся, подбирая нужную кандидатуру для столь опасного дела, — скажем, Ваш лучник Жан Д'Олон. Тогда мы будем уверены, действительно ли ее направляют голоса святых Екатерины и Маргариты или же это происки дьявола.

Хитрость Реньо понравилась Карлу, и он решил подумать о встрече с Жанной. Но сразу после их разговора случилось нечто, что навсегда отбросило сомнения дофина. Не успел Карл распрощаться со своими советниками, как королю доложили, что придворный астролог метр Пьер давно ожидает приема. Король был суеверен и всегда прислушивался к мнению магов, астрологов и ясновидцев, содержащихся при дворе. Карл незамедлительно принял своего астролога...

Когда дофин вошел в зал, все уже было готово для испытания Лотарингской Девы. Зал был полон придворных и лакеев. Возле трона, на котором должен был воссесть король Франции, стояла его супруга мадам Мария Анжуйская. Как и полагалось королеве, она была одета в узкое платье-котт и сюрко, лиф и подол, которого были отделаны мехом горносталя. При появлении Карла молодая супруга хотела было подойти

к своему мужу, но король знаком остановил ее. Он смешался с толпой придворных, ничем не выдававших его присутствия. Теплое помещение пестрело щеголями и модницами, эта яркая толпа надежно укрывала Карла от постороннего взора. Карл окинул взглядом собравшихся на прием. В последнее время большие приемы при дворе Карла были редкостью, и каждый получивший сегодня приглашение не упустил возможность продемонстрировать свои наряды. Это была настоящая феерия длинных, коротких, широких и узких одежд, из пестрых тканей, отделанных мелко вырезанными фестонами и бубенцами. В отличие от мужчин, носивших под тюрбанами спадающие до плеч волосы, у женщин косы были тщательно убраны под чепцами или высокими головными уборами, расшитыми золотом и жемчугом. Среди этой модной изысканной толпы Карл заметил бесформенную, тучную фигуру де Тремуйля. На нем, однако, был роскошный распашной плащ на меху с пелериной и капюшоном, который в хорошо натопленном помещении казался надменно излишним. Тремуйль вальяжно прогуливался, лениво играя дорогим кинжалом, подвешенным к парчовому поясу. Еще бы, ведь половину из присутствующих он прочно держал в своих руках, ловко пользуясь их финансовой зависимостью. Среди прочих здесь были герцог Аласон, один из богатейших людей Франции, монсеньер Реньо де Шартр, коннетабль Ришмон, любимчик дофина отважный капитан Ла Йир и другие приближенные Карла. К дофину подбежал начальник стражи и таинственно сообщил, что Жанна находится в караульном помещении.

–Пусть войдет,– коротко бросил Карл, прячась в толпе придворных.

Деревья внезапно расступились, и перед кавалькадой

всадников в лучах заходящего солнца предстали невысокие белые постройки, окаймлявшие холм с чудесным по своей красоте замком.

–Прибыли, Жанна, это Шинон, – сказал рыцарь, указывая закованной в латы рукой на замок.

Юная особа проследила взглядом за рукой рыцаря и, не сказав ни слова, пустила гнедого в галоп. Все ближе становился замок, все выше вырастал гребень зубчатых стен, уносящих ввысь к весеннему небу, затянутому легкой дымкой облаков, крепостные башни и шпили. Следом гулко бряцали латами рыцари, оставляя за спиной полосу леса и одиннадцатидневное путешествие, полное опасности и лишений военного времени.

Жанну д'Арк и сопровождающих ее Лотарингских рыцарей разместили в шинонской гостинице. После аудиенции с Карлом VII сир Бертран вернулся хмурым и немногословным. На все попытки Жанны расспросить рыцаря о визите к королю он уклончиво отвечал, что ночевать им все равно негде, а утром и так все прояснится. Так ничего не добившись от строптивного Бертрана, Жанна легла спать.

«Что ж, – утешала она себя, лежа на грубом топчане, – осталось ждать совсем немножко. Ведь с тех пор, как я узнала, для чего появилась на свет, я многого достигла. Могла ли я надеяться еще полгода назад, что буду ждать аудиенции милого дофина здесь, в Шиноне? Голос, ведущий меня к торжеству Франции и коронации Карла, этот голос не мог ошибиться в правильности пути, который я выбрала, на который встала, – не может оставить меня в самом его начале».

Впервые она услышала «голос», когда была еще совсем маленькой девочкой. Однажды она провела в церкви больше обычного времени и спохватилась, когда все прихожане уже почти разошлись. Бойко выстукивая по безлюдной пыльной

дороге новенькими ботинками, она торопилась домой. Солнце клонилось на запад, лаская измученную полуденным зноем землю своими последними лучами. Словно радуясь долгожданной прохладе, оживала уставшая от жаркого дня природа. Воздух наполнился мелодией вечерних звуков. Весело щебетали ласточки, будто черные стрелки расчерчивая вечернее небо. Из дубовой рощи, по ту сторону ручья, доносилось тревожное уханье филина, где-то заквакала лягушка, сопровождая целую армию цикад, наполняющих своим треском все близлежащие поля, с которых сладко потянуло цветущим клевером. Девочка на мгновение задержалась у края пашни. Родители строго-настрого запрещали Жанне ходить через засеянные пшеницей поля, но это была самая короткая дорога домой, и Жанна боялась опоздать к ужину. Внимательно взглянув на петлявшую между оврагов дорогу и убедившись, что там никого нет, девочка побежала через поле. Где-то над лесом блеснула молния. Широко раскинув руки, еле касаясь колосьев золотистой пшеницы, она бежала навстречу прохладному, напоенному грозовой свежестью ветру. Впереди показался ее дом, когда ветер неожиданно усилился. Горячий, он уже не ласкал Жанну своей прохладой, а дышал жаром, словно она стояла у пылающего горна. От удивления и даже страха девочка застыла на месте. В это время откуда-то сверху на Жанну снизошел луч света, окатив ее все тем же нестерпимым жаром.

– Жанна, – вдруг услышала она чей-то мягкий вкрадчивый голос, – ты должна спасти Францию, смотри...

Девочке казалось, что разверзлись небеса и сейчас Отец Небесный, тот, кого она так любила, заберет ее к себе... Неожиданно она увидела, как по полю, вырастая из туманной дымки, мчались закованные в рыцарские

доспехи всадники. Вот они развернули покрытых попонами лошадей и остановились как раз напротив девочки. Из-за их спины в набитых шерстью рубахах, вооруженные тонкими мечами, топорами и копьями, с круглыми щитами наперевес выбежали пешие воины. Во главе солдат стояла, закованная в рыцарские доспехи совсем еще юная девушка. Размахивая древком с развевающимся на ветру белым полотнищем и красной лилией, она решительно побежала вперед, увлекая за собой сотни воинов прямо на застывшую в изумлении девочку. Все ближе и ближе вырастали перед Жанной перекошенные гневом лица воинов, еще немного – и первые ряды сметут хрупкую фигурку девочки. С расширенными от ужаса глазами Жанна, не в силах даже пошевелиться, ждала неминуемой гибели, но добежавшие до нее воины, словно без плоти и крови привидения, пронеслись мимо Жанны, не сдув даже волоска с ее головы. Изумленная этим не меньше, чем появлением рыцарей, она обернулась. Только что пробежавшие солдаты карабкались на стены крепости, чудесным образом выросшей у дороги. Там, в кровавой бойне, у стен неизвестного города, по-прежнему гордо реял белый стяг. Только сейчас девочка осознала, что не слышала ни топота копыт, ни ржания лошадей – безмолвные воины сражались и гибли в полной тишине. Снова подул ветер, но уже свежий и прохладный, и кровавое видение растворилось среди мирно колышущихся колосьев пшеницы...

С возрастом такие картины все чаще посещали Жанну. Постепенно она стала неплохо разбираться в военном деле, наблюдая за широкими панорамными сражениями. Почти в каждом из них она видела закованную в латы девичью фигуру. С белым стягом в руках, она всегда была впереди, и не было такого воина, который не отдал бы за нее свою жизнь, не пошел бы за юной девой на смерть. Только по истечении

нескольких лет Жанна узнала в отважной девушке саму себя, постигла роль собственных грез и свое предназначение.

...Этой ночью Жанну снова мучил кошмар. Ей опять казалось, что она лежит на грязной соломе, прикованная цепью к потрескавшейся каменной стене своей камеры. Лязгнув дверной засов, и вскоре двое солдат и несколько монахов, одетых в длинные до пят плащи с накинутыми на голову остроконечными капюшонами, вводят Жанну в зал церковного суда. Ее тело ноет от побоев, спутанные, липкие от крови волосы прилипли ко лбу.

– Ты обвиняешься в ереси! – заявляет ей красная, расплывшаяся от жира рожа в фиолетовом чепце духовного сановника.

– На каком языке ты разговариваешь? – откуда-то выплыла другая землянистого цвета рожа.

– Почему тебе поверил король? – перебивает их третья.

Жанна не слышит своих ответов, как не слышат их и те, кто ведет ее на площадь, туда, где собрались толпища народа в жадном томлении небывалого зрелища. Двое монахов привязывают Жанну к столбу, обкладывают хворостом... И снова этот нестерпимый жар, что появляется каждый раз, когда к ней приходит очередное видение.

На следующее утро за Жанной пришли посланные дофином представители духовенства. Еще пребывая под впечатлением ночного кошмара, девушка вздрогнула – на них были точно такие же плащи, как и у мучителей из ее сна. Монахи сообщили, что будут сопровождать ее в шинонский замок к Карлу VII. Чтобы не привлекать внимания посторонних, на нее накинули такое же одеяние и вывели во двор. Сир Бертран с мрачным лицом наблюдал за этим действием. Не говоря ни слова, терзаемый дурным предчувствием, он последовал за юной девой, но в караульном

помещении замка его остановили, и дальше Жанна пошла в сопровождении духовенства. Она никогда не видела стольких красиво одетых благородных мужчин и дам. Сначала блеск королевского двора ослепил ее. Но не за этим она стремилась сюда – Жанна спешила увидеть своего милого дофина. И вскоре девушка уже не замечала ни облезлых ковров на полу, ни сомнительного качества гобеленов на стенах, так необычно контрастирующих на фоне богатства нарядов придворных, словно нарочно подчеркивая бедность их дофина. Придворные расступились, пропуская Жанну к трону. На нем сидел перепуганный молодой человек в голубой, расшитой золотыми лилиями и подбитой горностаем мантии. Он пытался принять величественную осанку, но его движения были суетливыми и неловкими. Жанна растерянно смотрела по сторонам, словно ища того, кому нужна была эта нелепая шутка с подменой короля. Не таким она видела дофина в своих грезах, не так она представляла встречу с Карлом. Неужели все, ради чего она так стремилась в Шинон, превращалось в этот фарс, нелепый розыгрыш для крестьянки, возмнившей себя спасительницей Франции. Ее чувства были отданы в жертву скучавших по шутловству придворных! Теперь Жанна по-другому истолковывала вчерашнюю немногословность сира Бертрана. Горькая обида перехватила ее горло. Но тут, неожиданно, среди пестро разодетой толпы придворных Жанна заметила дворянина в скромном черном камзоле. Его равнодушное лицо не выражало никаких эмоций. Широкое у лба и резко заостренное книзу, с большим клювообразным носом, нависшим над толстыми губами, оно вряд ли могло вызвать чувство симпатии, но только не для Девы из Лотарингии. Наконец-то она увидела его! Чувства радости и благоговения захлестнули Жанну. Пробираясь сквозь щеголей, окружавших дофина, она кинулась в ноги Карлу.

–О, мой король! – голос Жанны дрожал.

Она подняла голову. Капюшон откинулся, и король увидел одухотворенное, не лишенное очарования лицо с большими полными слез глазами. «Кажется, мэтр Пьер прав относительно знамения, – подумал Карл, не пропуская ни единого слова из взволнованного рассказа Жанны о видениях и голосах, что пророчат его скорую коронацию в Реймсе. – Ни на одной астрологической карте я не видел, чтобы в момент восхождения «Дева» шла сразу за «Львом». И если верить звездам, Дева из Лотарингии и есть то чудо, что спасет Францию!».

* * *

–Где он! – взревел Магистр, как только перешагнул порог станции TRAS/8. С момента последнего посещения станции он заметно облысел, у него появилась одышка, а уши приобрели пергаментный цвет. – Где Доргуалешпин?

–Старший преобразователь у себя, он ждет вас, – ответил разъяренному начальнику смотритель станции.

–Ждет меня у себя?! – переспросил Магистр, – клянусь Вселенной, это уже интересно! – он бросил на смотрителя станции взгляд, полный негодования. Магистр принадлежал к когорте начальников, не замечавших своих подчиненных и ценивших в них только почитание к собственной персоне. Как правило, такие особы отличались хитростью тяжелодума, и Магистр не являлся исключением. Действуя тайными, но верными средствами, он добился отстранения некоторых своих коллег, постепенно достигая определенных высот в Магистрате. Он был слишком занят своим продвижением по службе, чтобы в достаточной степени уделять внимание своим непосредственным обязанностям, а тем более станции,

находящейся на задворках вверенной ему административной единицы. И, глядя в строптивные глаза нового смотрителя станции, он понял, что зря обошел ее своим вниманием. Выдержав его взгляд, смотритель станции жестом пригласил Магистра следовать за ним. Идя по непривычно пустым коридорам, Магистр сделал заключение, что к прибытию «высокого» начальства никто не готовился. Болезненно желтое лицо Магистра налилось пунцовой краской. Он был в бешенстве – так его еще нигде не принимали! Старший преобразователь Доргуалешпин сидел, склонившись над рабочим столом.

–Мы ждали Вас, Магистр, садитесь, – сказал преобразователь, не поднимая головы.

–Вы ждали меня! И это все, что вы хотите сказать? – взорвался Магистр.

Доргуалешпин поднял голову и внимательно посмотрел на Магистра.

–Забыл вас поздравить, кажется, вы теперь Магистр третьего звена?

–Вы неплохо проинформированы, старший преобразователь Доргуалешпин, – сказал Магистр, собрав все ехидство, на которое он был только способен, – но я здесь не для того, чтобы принимать от вас поздравления.

–Странно, – размышлял вслух Доргуалешпин, – мне всегда казалось, что именно за этим вы сюда и приезжали.

–Что вы себе позволяете, старший преобразователь? Потрудитесь соблюдать субординацию! То, что я давно не инспектировал эту станцию, говорит лишь о моей занятости и переоценке ваших сил, Доргуалешпин. Мне надо было отстранить вас от работы преобразователя во время моего последнего посещения этой станции. И клянусь Космосом, я исправлю эту ошибку.

–Прежде чем это случится, можно хотя бы узнать, в чем меня обвиняют? – на лице старшего преобразователя промелькнула еле заметная усмешка.

Магистр буквально задыхался от ярости, вызванной неслышанной наглостью своего подчиненного. Глаза его вылезли из орбит, а отвислые щеки мелко затряслись.

–Что вы скажете на то, что без моего ведома вы распорядились перенести станцию на TRAS/8? – в спокойном голосе Магистра слышалась угроза.

–Во время вашего последнего посещения станции я ясно выразился, что наше дальнейшее пребывание на Луне противоречит всем Инструкциям Магистрата. Максимально выдержав паузу и не получив от вас никаких указаний, мне ничего другого не оставалось, как, следуя букве закона, взять на себя ответственность по переносу станции на спутник Юпитера, Европу. Кажется, в это время вы отдыхали на А/4 и ваш секретарь был отключен?

Магистр молчал. Он недооценил знаний преобразователя своих обязанностей. И если Магистрату станет известно о проявлениях халатности, то по головке его не погладят. Что ж, он готов пойти на мировую с Доргуалешпином, но только для того, чтобы через некоторое время нанести ему ответный удар, и после этого удара он уже не отделается простым отстранением от работы.

–Ну, это дела прошлые, – после некоторого раздумья тоном примирения сказал Магистр, сложив маленькие пухлые ручки на далеко выступающем вперед животе, – давайте поговорим о делах нынешних. Магистрат интересуется последний всплеск перфектной линии, – он сделал еле уловимый акцент на слове «магистрат», – кажется, это случилось сразу же после того, как вы, нарушив мое распоряжение, воспользовались Перфектным Лучом?

–Вы правы, но ситуация требовала незамедлительного вмешательства...

–Каждый раз, когда вы нарушаете мои указания, я слышу именно эту фразу, – в голосе Магистра вновь появились начальственные нотки, – Генрих V и Карл VI уже заключили мирный договор, но тут вмешиваетесь вы, и оба короля скоропостижно умирают. Затем направленный вами Перфектный Луч попадает в крестьянскую девочку Жанну Д'Арк, и это изменяет географию пассионарных толчков, в результате чего война Англии с Францией вместо пятидесяти лет продолжается целых сто, а это серьезное отклонение от перфектной линии, заложенной Магистратом. Как видите, и Магистры могут говорить на языке будущего и прошлого ваших абorigенов. Итак, я жду ваших объяснений.

–Вы еще забыли добавить, что некоторое время мне пришлось работать астрологом при дворе Карла VII для того, чтобы убедить его в правильном выборе Лотарингской Девы на роль спасительницы Франции. Этого ничего бы не было, если бы Магистрат не совершил ошибку при составлении карты динамики перфектной линии. Кажется, именно на вас, как на Магистра третьего звена, была возложена обязанность контроля над такими картами в этом секторе?

–Что вы хотите этим сказать? – насторожился Магистр.

–Только то, что, не прими я экстренных мер, и через пять столетий против фашистской Германии некому бы было открывать второй фронт, так как Объединенная Англия падет в самом начале войны. Это отсрочит гибель фашизма и даст германским ученым время на создание атомной бомбы, что приведет к уничтожению всего живого на Земле.

Магистр побледнел. За такую ошибку он мог поплатиться всем, что с таким трудом приобрел за годы службы в Магистрате. Усилием воли он взял себя в руки.

–Что ж, Магистрат разберется, по чьей вине это произошло и какую роль в этом сыграли вы. Надеюсь, отчет о проделанной работе у вас готов? – Он встал с кресла, протягивая руку за рулоном перфоленты на столе преобразователя. Сейчас было главным забрать отчет Доргуалешпина, а там он сможет использовать свои связи, где-то договориться, где-то подтасовать факты, одним словом, замять это дело.

–Боюсь, Магистрат уже распределил наши роли в этом деле. Через секретаря я узнал, что вы длительное время будете отсутствовать, и свой отчет мне пришлось отправить в Магистрат, минуя вас.

–Да, я прибыл сюда прямо с А/4, было много работы и мне необходимо было отдохнуть... – замямлил Магистр, чувствуя надвигающуюся беду.

–Это ответ Магистрата, – Доргуалешпин кивком указал на рулон перфоленты, – и ваша отставка.

Рука Магистра беспомощно повисла в воздухе, ноги его подкосились, и он рухнул в кресло.

–Все понятно, – голос Магистра был слаб и, казалось, безучастен, – на мое место целишь!

–Отнюдь, выражаясь языком полюбившихся вам аборигенов, я отвечу: «Слишком долгий срок быть начальником – знаний не дает и разума не освежает».

Магистр медленно поднялся с кресла и понурой походкой направился к выходу. Он был унижен и раздавлен. На мгновение старшему преобразователю Доргуалешпину стало жаль этого вмиг посеревшего старика, обреченно плетущегося к шлюзовой камере станции. Он хотел было проводить его, но передумал. Скоро из подводных недр спутника, прорываясь сквозь толщи льда, миллионы лет назад сковавшие поверхность «Европы» и надежно оберегавшие

тайну пребывания станции преобразователей TRAS/8, космический корабль уносил в безвестность бывшего Магистра. Больше о нем никто и никогда не вспоминал.

На стол старшему преобразователю Доргуалешпину лег очередной рулон перфоленты. По обыкновению он направил ее на свет.

–Опять Ирак, – с горечью прошептал он, – этого нельзя допустить!

Через минуту по его приказу прибыл старший смотритель.

–Подготовьте все необходимое для торговца оружием.

–Опять Франция?

–Нет, – Доргуалешпин устало потер глаза, – теперь Ближний Восток. Ирак. Век XXI.

Сверхновая

рассказ

Охотника долгий путь.
Сегодня к звезде Ткачихе
Я попрошусь на ночлег.
В скитаньях моих непременно
Пришел я к Небесной реке.
Аривара-но Нарихира

Ничем не нарушаемое, поглощенное вселенской черной бездной Безмолвие казалось таким же вечным. Растворенное в убранстве черного бархата Вселенной, оно казалось незыблемым, вечным и недоступным. Кутаясь в холодный свет звезд, Безмолвие тянулось вот уже который миллиард лет, заполняя собой самые удаленные уголки космоса.

–Ш-ш-ш-ш, – шикали сонные созвездия кометам, разгоняя их веселый хоровод.

–Тише вы... – нашептывал им космический ветер, – ничто не должно нарушать Установленный Порядок Вещей.

И пристыженные кометы разлетались в стороны, разрезая мрак своими обоюдоострыми хвостами, дразня их светом холодные очертания угрюмых планет. Встретятся ли кометы вновь? Кто знает? Но они твердо верят в нерушимость Установленного Порядка Вещей. А это значит, что у каждой из них своя дорога. И, помахав друг другу на прощание огненными протуберанцами собственных хвостов, они удаляются в глубины космоса. Их свет постепенно уменьшается и уменьшается, и скоро лишь маленькое мерцающее пятнышко, словно светлячок, заметно на черном полотне безграничной пустоты. Но вот и оно мигнет в последний раз, чтобы навсегда раствориться среди звезд. Что ж, каждому своя дорога...

–Да тише вы! – сквозь дрему недовольно проворчал Орион, – нет покоя от этих болтушек-комет. – Он сладко зевнул, кутаясь в космическую пыль.

–Да нет же, это я, – бережно донес до него чей-то шепот космический ветер.

–Дева?! – удивился Орион, вконец отгоняя от себя тяжелые клубы вселенской дремы. –Разве ты, сестрица, не знаешь, что нельзя нарушать Установленный Порядок Вещей?

–Я бы никогда не потревожила тебя, но мне нужен совет, – вновь прошептала Дева, кокетливо мигнув Спикой, – я слышала, что у тебя была какая-то проблема в Туманности Андромеды? – и жеманно потянулась, запустив космический ураган.

–Хм, было дело, – ответил Орион. Он перевернулся на другой бок, и тысячи золотистых брызг-звездочек разлетелись в разные стороны. – Там образовалось Вещество. Как оно туда попало, до сих пор не пойму! Вещество заполняло собой туманность, постепенно сжирая ее.

–Значит, я не ошиблась, – долетел из ледяного мрака все тот же игривый голосок, – у меня тоже появилось Вещество, но вопрос в том, как от него избавиться?

–Лебедь больше смыслит в этом, чем я, сестрица, это она научила меня, как уничтожить Вещество. Спроси у нее, – лениво отмахнулся Орион.

–Заладили: «вещество», «вещество», – недовольно вмешался в разговор старый Рак, – правильно говорит Орион, уж если не все, то по крайней мере многое про Вещество знает Лебедь. Лучшего эксперта по этому вопросу все равно не найдешь, так что спроси, дочка, у Лебеда, только прошу вас тише, тише.

–Лебедь, действительно, многое знает, – оживился Стрелец, ободренный перспективой поболтать со старой приятельницей. – Проснись же, сестрица! – обратился он к Лебедю и, тряхнув своей огненной гривой, пустил золотую стрелу. Пролетев мимо Веги, стрела, приводя все на своем пути в смятение, исчезла где-то в ожерелье Небесной Реки, и, достигнув Горизонта Событий, невидимого купола забвения из горного хрусталя, она вдребезги разнесла его, чтобы краеугольные осколки, все, что осталось от купола, еще долго блуждали по Вселенной, к всеобщему недовольству разрывая паутину Безмолвия.

–Ты все шумишь, братец. Или Установленный Порядок Вещей тебе ни о чем?! – пристыдила его Лебедь, грациозно поправляя в своем головном уборе звезду. Денеб засверкал всеми своими каратами, подсвечивая рваные перьевые облака межзвездного газа. В свете звезды его расплывчатые красные, синие, фиолетовые и салатные цвета на фоне черного полотна космоса скорее походили на плямы красок, словно художник, в поисках нужной цветовой гаммы, оставил их на гигантском, черном мольберте.

–Дело в том, сестрица, – степенно вступила в разговор Лебедь, не обращая никакого внимания на притихшего Стрельца, – что после Великого преобразования Вселенной, в разных ее уголках, стало образовываться Вещество. Я думаю, даже сама Вселенная не знает механизма и закономерности его образования. Появившись раз, Вещество стремится завоевать все новое и новое пространство, везде своим присутствием разрушая Установленный Порядок Вещей. И если ты обратилась ко мне, значит, ты уже с этим столкнулась.

–Ты права, сестрица, – вздохнула Дева, – а что оно такое, это Вещество?

–Для начала тебе не помешает знать, что Вещество не-одинаково. Оно может быть разным и по своему составу, по форме, концентрации, интенсивности разрастания и, наконец, по своей природе. Его форм бесконечно много, но всех их объединяет одно – разум, в этом его сила и слабость одновременно. Методов борьбы с Веществом, как правило, несколько. Когда у Ориона в Туманности Андромеды образовалось Вещество, то избавиться от него Ориону помогло зерно Ощущения Мира.

–И что же тогда произошло? – нетерпеливо перебила рассказчицу Дева.

–Вещество, едва в него забросили зерно Ощущения Мира, поглотило самое себя, его разум не вынес этого откровения – так всегда бывает, когда в него попадает одно из Ощущений.

–Скажи, а существует ли самое эффективное, безотказное Ощущение, способное раз и навсегда уничтожить Вещество? – не унималась Дева.

–Насколько я знаю, это Ощущение Атома, – авторитетно заявила Лебедь.

–Кстати, откуда ты столько знаешь про Вещество?

–Мне довелось самой первой столкнуться с ним. Я даже чуть было не пропала – Вещество уже поглотило меня почти всю целиком – я ведь тогда не знала, как с ним бороться, как вдруг оно, перейдя в совершенно другое качество, растворилось во Вселенной, блуждая энергетическими потоками по спирали Вечности.

–Так, может быть, Вещество только в начальной стадии своей эволюции разрушает Установленный Порядок Вещей?– засомневалась Дева.

–Братец Стрелец тоже так считает.

–И?

–Просто у него никогда его не было. Он не знает, что это на самом деле такое.

–А ты знаешь? – допытывалась Дева.

–Не советую тебе оставлять Вещество, – уклончиво ответила Лебедь, направляясь по Спирали Вечности.

–Так-то оно так, – заторопилась Дева, сопровождая свою старшую сестрицу, – но все дело в том, что Вещество, находящееся у меня, уже овладело многими Ощущениями, и в том числе Ощущением Атома!

–И оно до сих пор не поглотило самого себя? – от изумления Лебедь даже приостановила свое скольжение.

–Даже наоборот, оно все быстрее поглощает собой пространство.

–Ну, что ж, – опечаленно сказала Лебедь, – тогда тебе придется пожертвовать одной из своих жемчужин, тебе нужна сверхновая! Ничто не должно нарушать Установленный Порядок Вещей, – успела еще добавить она, кутаясь в клубы вселенской дремы.

* * *

Поглощенный черной бездной Вселенной, Никитский мрачно наблюдал за сверхновой. Вспыхнув совсем недавно, ее свет поглотил почти все созвездие Девы, в котором раньше, занимая скромное место между звездами -гигантами, она, тогда еще живая звезда, была заметна еле видимым пятнышком в телескопе звездолета. Теперь на фоне ослепительного блеска сверхновой смогла проглядывать лишь Спика – звезда первой величины в созвездии Девы. Шарообразная смотровая площадка, выдвинутая из чрева корабля далеко в космос, надежно защищала Никитского от губительных волн радиации, а тройной слой фотоэлементов позволял некоторое время наблюдать за результатом взрыва звезды колоссальной мощности. Никитский отвел глаза, все же фотоэлементы не справлялись в полной мере с феерией обезумевшего света. Вновь он смог посмотреть только через несколько минут. Для большей защиты глаз Никитский надел шлем от скафандра. Теперь Спика была видна еще меньше.

–Чтоб тебя! – ругнулся он, разжав плотно сжатые, побелевшие губы и с неприкрытым раздражением выкрикнул в одно из углублений, расположенных в шлеме: – Тах!

–Первый помощник на связи, – незамедлительно пророкотал голос в шлемофоне.

Кто-то настроил на максимальное восприятие, и Никитский сморщился от неприятного ощущения громкости. Уменьшив звук до минимума, он, еще больше раздражаясь, спросил:

–Долго вы будете еще там возиться?

–Системы работают на предельном режиме, капитан,– последовал ответ с явной обидой. – Слишком много энергии потрачено во время первого прыжка, нам необходимо время...

–Я знаю, Тах, – перебил первого помощника Никитский, ругая себя за несдержанность. И, как бы оправдываясь, добавил: – Оно уже совсем близко, ребята.

–Капитан, мы будем готовы через тридцать-тридцать пять минут, – доложил невозмутимый голос первого помощника.

Полчаса! Но хватит ли их для того, чтобы уйти от смертельных объятий бывшей звезды ее осиротелым детям? И достаточно ли будет еще одного прыжка, на который они израсходуют почти всю свою энергию? Если же все их усилия окажутся напрасными, то последний сохранившийся островок жителей Земли навсегда растает в потоках звездного ветра. Взрыв сверхновой гнал звездоплавателей все дальше и дальше от их первоначальной цели – туманности QWY – 53Z, где, исходя из докладов зондов-разведчиков, было предостаточно планет со схожими земным условиями существования. И теперь, даже если людям и удастся избежать участи Девяти Миров, то как долго они будут блуждать во Вселенной в поисках нового дома? Так или иначе, шансы на выживание у них были невелики.

Капитан первого Межзвездного Ранга Сергей Никитский наблюдал, как с неотвратимой безысходностью его корабль догоняло газовое облако колоссальных размеров– все, что осталось от солнца, колыбели Девяти Миров. Еще совсем недавно дарящее свой животворный свет людям, оно, словно в расплату, в последних мучительных конвульсиях агонии пожирало когда-то им созданное. «Что же все-таки случилось? – уже в который раз задавал себе вопрос Никитский, вопрос, тревоживший не только его, но и других пятьсот колонистов, находящихся на «Новой Заре» – сверхновом звездолете класса «Тайфун». – Почему звезда задолго до полного исчерпывания своих ресурсов вдруг погибла, испаряя все за многие парсеки вокруг себя? Как могло случиться, что весь огромный

научный потенциал, предоставленный для изучения как солнечной системы, так и всей галактики не смог предугадать приближающейся катастрофы? Где находились в то время, когда надвигался хаос, сухонькие очкарики – цвет и гордость науки, прокладывающие по звездным картам маршруты для созданных ими красавцев межзвездных кораблей?

Казалось, изученное вдоль и поперек Солнце являлось цитаделью, той надежной отправной точкой для человечества, в своей гордыни решившего достичь самых отдаленных уголков космоса и так жестоко поплатившегося в своих смелых ожиданиях, возвысив себя в ранг хозяев Вселенной».

Никитскому не хотелось верить, что больше не существует того грандиозного полета инженерной мысли, воплощенного в околопланетарные космические станции, гордыми холодными огоньками поблескивавшие в ночном небе над порой фантастическими ландшафтами девяти планет, подчас заслоняя собой половину небосклона над причудливыми формами поселений землян, что больше уже не снуют между их громоздкими конструкциями юркие челноки, подготавливая неуклюжие гиганты–транспортировщики к полету в разные уголки Девяти Миров, снабжая колонии империи необходимыми грузами для строительства и торговли. Перед его взором невольно проносились десятки хроник отважных космоплавателей, на своих утлых суденышках достигших невообразимых далей еще на заре звездоплавания. Именно они, эти пилигримы, прокладывали во враждебной, непознанной пустоте космоса дорогу первым космическим поселениям, цеплявшимся затем за песчаные моря и диковинные скалы мертвых планет. Сколько из них не увидело голубого сияния родной планеты! Кто в полной мере даст оценку победам этих первых, далеко не всех вернувшихся экспедиций? Сколько их еще блуждает

в космосе, словно «летучие голландцы», неся в своем чреве бездыханные тела отважных гордецов, бросивших вызов бездне? Служа последним пристанищем их несбывшихся надежд, корабли, будто повинуюсь последней воли их хозяев, продолжали свой путь в никуда, оставаясь памятниками мужеству и неумной жажде знаний первопроходцев? О чем думали обреченные на смерть люди в ледяных кольцах Сатурна, мертвых, пропитанных кислотными дождями ландшафтах Венеры, безжизненных степях Марса или скалах Урана? Наверняка в последние мгновения своей жизни все они устремляли взгляд туда, где должна была находиться их родная планета, и лишь немногим из них улыбнулось призрачное счастье в последний раз увидеть далекое теплое дыхание Земли. Всматриваясь в бесконечную пустоту, они знали, что где-то за черной ледящей стеной космоса, в утренних лучах звезды, пробуждаются ото сна вековые сосны, под дуновением ветра разгоняя своими лапами клубы предутреннего тумана, позволив первым, робким лучам солнца купаться в синеве зеркальных озер. Знали ли они, что о каждом из них скорбит Родина? Конечно же знали! И неважно, что безжалостное время не всегда доносило их имена для потомков, запутав коконом буковки и цифры – все, что осталось от людей, – в паутину отчетов, рапортов, донесений бюрократической системы, осевших затем пыльными, многотомными томами в хранилищах банка информации. За каждой из таких официальных, сухих строк скрывалась чья-то боль, отчаянье или последние слова прощания, звучащие как эпитафия. Первые экспедиции летали почти вслепую, эмпирически нащупывая путь. Сталкиваясь в глубоком космосе с доселе неизвестными, порой непреодолимыми явлениями, первопроходцы, в последние дни, часы или минуты своей жизни успевшие передать сведения, позволили

сохранить жизни многим в последующих экспедициях, не могли даже рассчитывать на почести, возданные их останкам. Но все они - обреченные на смерть - знали, чувствовали связь с Родиной. Выполняя общее дело, они несли идею-форму за невообразимые горизонты, прославляя Землю, человечество, с надеждой глядя в будущее. Но с чем теперь себя отождествлять им – оставшимся в живых на «Новой Заре»? Куда им устремлять свои взоры в минуты душевной слабости? Лишившись своей Родины, смогут ли колонисты перенести эту потерю? Или, надломленным и растерянным, им суждено раствориться в галактике, смиренно ожидая своего смертного часа, придав забвению славные дела многих тысяч поколений, на протяжении всей истории человечества стремящихся ввысь, к звездам? Неужели все эти смерти, все высокие устремления человечества были зряшными? Ну уж нет! Никитский с такой силой сжал кулаки, что ногти впились в ладони. Пока он жив, пока в его подчинении находится этот маленький мирок, чудом оставшийся живым, он сделает все, зависящее от него, чтобы спасти его. Это право для оставшихся в живых землян отстаивали миллиарды и миллиарды людей, сначала на туманной заре человечества, борясь за существование в пещерах, противопоставив свою волю и любовь к жизни – холоду и диким зверям, а затем через многие миллионы лет – на холодных, безжизненных планетах и бескрайних просторах космоса, неся триумф человеческой мысли. И все же Никитского мучили сомнения: а как же остальные люди? Хватит ли им мужества справиться с невосполнимой потерей, с той раной, которая всегда будет кровоточить?

Земля... Теперь миллиарды ее песчинок неслись в сокрушительном потоке газового облака, последним стремлением которого было задушить в своих смертельных

объятиях последний оплот человечества.

Никитский горько усмехнулся от внезапной мысли, что, возможно, он последний, кто наблюдает за гибелью человечества. И все же по счастливой случайности «Новая Заря» была еще жива. О произошедшей трагедии люди узнали два дня назад. По иронии судьбы в этот день колонисты отмечали третий месяц своего плавания. Еще были свежи воспоминания людей о прощании с Землей. В атмосфере корабля, казалось, до сих пор витало радостное возбуждение, царившее в день отлета. Это была первая экспедиция покинувших пределы солнечной системы землян в поисках подходящей для жизни планеты. Понимая это, люди старались так проводить колонистов, чтобы тепло благодарной Земли смогло согреть звездоплавателей вдалеке от Родины в бескрайних просторах Вселенной. «Новая Заря» был венцом человеческой мысли, эталоном надежности и комфорта. «Новая Заря» везла с собой все знания, накопленные человечеством. Все, что когда-либо было изобретено, увидено или изучено, как на Земле, так и за ее пределами, вся жизнедеятельность человеческой расы на протяжении многих миллионов лет: история, религия, искусство, наука, – весь этот бесценный груз знаний был записан и аккуратно размещен в бесчисленных контейнерах хранилищ корабля. На борту «Новой Зари» были также богатейшие собрания флоры и фауны Земли, был даже антропологический музей, приводивший в неописуемый восторг детишек, летевших вместе с родителями. В тренажерных залах, на теннисных кортах или в бассейне можно было всегда поддерживать свою спортивную форму. А в сосновом бору или на берегу искусственного моря можно было наблюдать за заходом искусственного солнца, с окончанием земных суток погружавшего в темноту весь корабль. Словом, Земля

позаботилась о своих детях. Никитскому вспомнился бал, устроенный в честь их отлета. Среди огромного количества людей, родственников просто знакомых, провожающих звездоплавателей, можно было легко отыскать колонистов в костюмах небесного цвета с эмблемой экспедиции и в повоенному строгой, черной форме членов экипажа корабля.

Смутная тревога неприятно засосала у Никитского под ложечкой – смог ли оправиться экипаж от потери Земли? Капитан «Новой Зари», будто очнувшись от кошмарного сна, вдруг понял, что он не имеет ни малейшего представления о психологическом состоянии членов его команды. Никитский вдруг отчетливо осознал, что за последнее время он даже с экипажем толком не общался, не говоря о других колонистах. Он просто-напросто избегал их, даже в глаза заглянуть боялся. Ну, ничего, он все исправит, все будет как раньше – на Земле.

И опять память вернула его к событиям трехмесячной давности. Отчего-то ему вспомнился тот жадный, полный зависти взгляд юнца, выпускника Космической академии. Он успел тогда подумать, что вот у этого молодого лейтенанта все еще впереди. Кто знает, за какие неведомые горизонты будет направлять свои звездолеты этот юноша, а вот у Никитского все просто – это его последний полет, так сказать списание на околоорбитную службу. Помнится, он даже подошел к этому молодому лейтенанту и, уже захмелевший, слегка заплетающимся языком стал с жаром о чем-то ему рассказывать. Как же звали этого паренька? Жаль, что Никитский так и не смог вспомнить его имени, ведь все, что осталось у людей «Новой Зари», – это память. Ни роскошной залы, где проходил бал, ни этого лейтенанта, ни прекрасных голубых озер, окутанных предрассветным туманом, ни зеленых бескрайних лесов, ни космических станций – ничего этого теперь уже не было. Империю Девяти Миров поглотило

это газовое облако, неумолимо приближающееся к его – Никитского – кораблю.

–Капитан? – неожиданно прозвучал голос первого помощника.

Никитский вздрогнул:

–Да, слушаю, что там, у тебя?

–Энергия в норме, капитан. Эффект Бензиля достиг нулевого порога – мы готовы к прыжку.

Никитский молчал. Наушники в шлемофоне капитана озадаченно шуршали. Он почти физически ощутил то звенящее напряжение, царившее по ту сторону связи.

–На какое максимальное расстояние мы можем прыгнуть? – наконец разорвал тишину Никитский.

–На 2,7 парсека, капитан, – и снова гнетущее молчание, тянущееся, казалось, целую вечность.

–Штурман. Есть для обитания подходящая звездная система на этом удалении? – Никитский попытался как можно тверже произнести эти слова, сдерживая волнующую дрожь в голосе.

–В созвездии Стрельца, двойная звездная система MNG– VI, кажется, там есть планеты, пригодные для жизни. Удаление 3 парсека. – Хрипловатый, словно простуженный голос штурмана казался беспристрастным.

«Кажется», – про себя передразнил его Никитский, с облегчением вздохнув. Времени на раздумья, а тем более на углубленный анализ у них фактически не оставалось, а это был хоть какой-то, но шанс. Прыгнув на 2,7 парсека, через каких-нибудь тридцать лет «Новая Заря» достигнет своей новой Родины. Никитский уже навряд ли сможет дожить до этой минуты, но разве теперь это главное?

Капитан решительно тряхнул головой:

–Курс – звездная система MNG – VI в созвездии

Стрельца. Начать трансформацию корабля. Объявить пятиминутную готовность к прыжку!

–Есть, капитан! – ответил Тах, и уже неофициально добавил: – Вы скоро, Сергей Львович?

Впервые за всю более чем двадцатилетнюю совместную службу он нарушил устав вахтенного офицера, обратившись к командиру корабля по имени. С секунду Никитский размышлял, как ему следует отреагировать на это нарушение.

–За меня не беспокойся, Артур, я скоро буду.

«К черту этот устав, – ругнулся про себя Никитский, – сейчас важнее всего люди, их чувства, и если экипаж переживает за него, то почему, черт возьми, он должен за это кого-то наказывать, ведь он действительно уже должен поторапливаться?». Никитский в последний раз бросил взгляд на стекло экрана, и тут же нестерпимый белый свет, исходящий от газового облака, уже успевшего закрыть две трети экрана, полоснул по глазам, раскаленной стальной стрелой вонзился в мозг. Никитский охнул. Потеряв на время способность видеть, он протянул вперед руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь, и покинул смотровую площадку. Сделав несколько шагов, капитан почувствовал легкую вибрацию, значит, началась трансформация и, следовательно, смотровая площадка стала медленно заползать внутрь корабля. Мысленно Никитский представил заволаживающую своим действием фантастическую картину. Он неоднократно наблюдал за трансформацией корабля, и каждый раз его переполняло чувство гордости за народ, создавший чудо инженерной мысли – он, словно распустившийся бутон розы, который, прощаясь с последними лучами заходящего солнца, один за другим сворачивает вовнутрь свои лепестки. Эта метаморфоза, длящаяся всего несколько минут, как будто по мановению волшебной палочки заключает очертания

звездолета в строгую, бескомпромиссную форму пирамиды, надменно поблескивающую серебром своих граней. Нашупав дверь, Никитский вошел в лифт. Перед глазами капитана плыли радужные круги, по памяти он нашел необходимую кнопку, и лифт стремительно перебросил его на ярус, где располагался капитанский мостик. Его зрение восстановилось, и когда несколькими мгновениями позже он остановился у двери, ведущей к пульта управления кораблем, он практически уже видел. Многие годы работы в космосе, в условиях колоссального нервного напряжения, ответственности за жизни многих сотен людей, выработали в Никитском чувство железной внутренней дисциплины и нестигаемой силы воли – словом, те качества, которые и сделали его первоклассным пилотом. Именно эти качества плюс умелое руководство позволили сохранить многие другие вверенные ему жизни и во время так называемой «Стодневной бури» в кратере «Крахачевского» на Марсе, и во время печально известной экспедиции на Плутон, когда из-за метеоритного дождя погибли четыре из пяти кораблей, посланных империей для колонизации этой планеты. Постоянная готовность к экстренным ситуациям, умение анализировать с точностью до минуты события или действия, провоцирующие аварийную ситуацию, толкающую к принятию единственно верного решения, – вот тот не полный перечень задач, к которым всегда должен быть готов капитан корабля. И сейчас, перед тем как войти в эту дверь, Никитский уже знал, что он сделал все для спасения своего корабля, для спасения людей. И все же на этот раз он не мог избавиться от внутреннего страха перед неизвестностью, преследовавшего его со дня гибели империи Девяти Миров. Внутренние биочасы капитана сообщали ему, что до полной трансформации корабля осталось не больше трех минут. Ему

следовало торопиться. Еще тридцать секунд, и, сделав два глубоких вдоха, Никитский открыл своей индивидуальной пластиковой карточкой дверь и взошел на капитанский мостик. Четыре звездоплателя моментально повернулись в своих креслах в его сторону. Четыре пары глаз неотступно следили за своим капитаном. Никитский одним взглядом окинул присутствующих. Еще тридцать секунд – и общая картина, царившая в рубке, ему была ясна.

В самом дальнем углу, около большого экрана, выдающего трехмерную звездную карту, сидел штурман с хмурым, встревоженным лицом. На Никитского цепко смотрели разного цвета глаза – желтый и зеленый – и словно догадывались о душевных переживаниях капитана. Они внимательно следили за каждым движением Никитского, улавливали каждую мимику лица. «Этот в норме, – про себя отметил капитан, – дай ему волю, он раскопает любую звездную систему с пригодной для жизни планетой».

Следующим был техник. Он расположился возле голографического шара, отображавшего рабочее состояние двигателей. На его поверхности иногда выскакивали протуберанцы, запуская целую серию тоненьких струек-молний, казалось, в беспорядочном движении блуждающих внутри шара. Это был единственный прибор на корабле, в наивысшей степени не поддающийся его, Никитского, пониманию. Техник был еще совсем юнцом. Он ловко, будто какой-нибудь древний факир, проводил ладонями по огненной короне шара, тут же запускал одну из рук внутрь и ловил одну струйку-молнию, словно пробуя что-то сдоить с нее. С появлением капитана он прекратил свои «волшебные» пассы. Его бледное, одутловатое лицо выражало растерянность. Он испуганно смотрел на Никитского, часто моргая своими махровыми ресницами. Но даже несмотря

на эту его сиюминутную слабость, что-то было такое в этом лице, что убеждало в его уверенности. За ним сидела доктор, Анне Ягужински. Никитский почти не взглянул на нее. И не потому, что был на все «сто» уверен в твердости ее духа, не потому, что в который раз боялся выдать себя взглядом, полным симпатии, которую уже давно питал к этой красивой женщине, просто, если сравнивать таинственную непредсказуемость женской души, с не менее таинственным поведением шара техника, то Никитский, не раздумывая, сказал бы, что природа огненных протуберанцев шара ему полностью понятна.

И наконец, в правом, противоположном от места штурмана углу сидел Артур Тах – первый помощник капитана. Его застывшее круглое лицо, с твердыми, даже немного жесткими, неподвижными карими глазами, достойно могло занять место в одной из древних восковых композициях мадам Тюссо. «Вот это выдержка! Молодец Тах, моя школа, – с отеческой гордостью подумал Никитский, (похоже, что только ты сдрейфил, капитан, – обратившись к себе, ухмыльнулся он.) – Техник-юнец не в счет, он еще слишком молод, и даже если он уже успел отдать отчет в случившемся, с такой командой, как наша, он быстро оправится от неминуемого шока. Да и вообще он твердый малый, что-то в нем есть такое...».

Никитский понял, что именно неуверенность в своей команде порождала в нем все страхи. Теперь, зная их природу, он с легкостью отделался от них. Лихорадочное напряжение схлынуло, уступая место чувству душевного равновесия, словно сбросил он с себя тяжкий груз, освободившись от липкого страха, недоверия и сомнений, уступившего место уверенности. Уверенности в своих силах, в этих ребятах, что сейчас с жадностью ждут каждого его слова, в каждом

из пятисот колонистов на борту его звездолета. Уверенности в завтрашнем дне. В тот Первый День, когда история человечества начнется с чистого листа, на одной из планет в двойной звездной системе пока называющейся MNG – VI, где-то в глубинах созвездия Стрельца.

–Ну, что, орлы, – в ровном голосе капитана звучали торжественные нотки. – Полетели? Даже Ной позавидовал бы такой поддержке, как наша!

Техник-юнец нервно хихикнул.

–Нас ждет новое солнце, – продолжил капитан, удобно усаживаясь в своем кресле перед пультом управления, – тот, кто первым обнаружит подходящую планету, получит право назвать ее, – закончил он, проверив ремни безопасности.

–Кто бы это ни был, бьюсь об заклад, я знаю, как ее назовут, – улыбнулся штурман, поворачиваясь к своей карте.

–Капитан, а как будут называть женщин на этой новой планете? – Анне Ягужински лукаво взглянула на Никитского.

–Скво, – коротко ответил он.

–А почему скво? – ее брови-стрелки удивленно взметнулись вверх.

–Я слышал, что в системах с двойной звездой красный загар, – пошутил Никитский.

Посмеявшись над шуткой капитана, экипаж стал готовиться к предстоящим перегрузкам.

Пятнадцать секунд – отметили биочасы Никитского.

–Внимание, старт! – Никитский повернул ключ зажигания на панели управления.

В то же мгновение он ощутил, будто кто-то могучей рукой вдавил его в кресло. В глазах помутнело. Никитский не любил эти первые проявления перегрузки, когда неприятно покалывающие глазные яблоки вдавливались в орбиты, а кожа на лице растягивалась настолько, что, казалось, могла вот-вот

лопнуть. И всегда это сопровождалось ломотой в костях и ощущением связанных в морской узел внутренностей. Когда, наконец, перегрузка закончилась, Никитский открыл глаза. На огромном экране капитанского мостика, выходящего в космос с вершины пирамиды корабля, словно гигантский стеклянный глаз, уже не были видны очертания созвездий. Свет от их звезд слился в единые, бесконечные линии, словно очерчивая путь каждой отдельно летящей звезды. Линии этого света сливались в одной точке где-то далеко впереди, создавая эффект подсвечиваемого ночного тоннеля, по которому теперь неслась «Новая Заря». «Эффект Кеплера» всегда представлялся Никитскому как какое-то необъяснимое, чуждое, пугающее, и все же наряду с этим манящее и очаровывающее своей неземной красотой явление.

Никитский сомкнул отяжелевшие веки. Скоро исчезнет и эта картина, биочасы отсчитывали последние секунды, после чего корабль, набрав запредельную скорость, нырнет в гиперпространство, отмеряя новую веху в истории человечества.

Сны рассказ

По осеннему обыкновению, моросил мелкий колючий дождик. Серое, затянутое похоронной дымкой небо не сулило ничего хорошего. Геннадий Николаевич Хилько, кутаясь в зябкое пальто, в ожидании ненавистного ему троллейбуса вот уже добрых полчаса стоял в промокшей, кашляющей и чихающей утренней очереди. Хотя очередь, в своем привычном значении, наблюдалась лишь в самом ее конце – струясь неровной, обрывающейся нитью незадачливых граждан, припозднившихся этим осенним ранним утром в своих квартирах, ближе к парапету она вдруг набирала солидности, широко растекалась, занимая все околоостановочное пространство, напоминая своими неровными очертаниями только что выдутую неопытной рукой ученика стеклодува винную бутылку. Геннадий Николаевич занимал бесперспективную позицию как бы в конце ее горлышка, как раз перед самым уплотнением.

Он с тоской посмотрел на небо, столь щедро посыпающее его мокрой крупой, на тяжелые свинцовые облака. «К вечеру

наверняка пойдет снег», – подумал он и взглянул на свой зонтик, бесполезно растянувший над его головой половину своего купола, тогда как вторая, если ее можно так назвать, беспомощно протянула лишь костлявые прутья своего скелета. Тяжело вздохнув, сложил его.

– Да-а, все льет и льет, – позади Хилько расплывалось чье-то чесночное дыхание.

– Да уж, – обернувшись, рассеянно поддержал реплику Геннадий Николаевич. За ним стояла, нет, пожалуй, даже занимала оборону солидных размеров дамочка, затмевавшая своими габаритами каменные глыбы Стоун Хенджа. С ее маленькой головки, поддерживаемой мощным сальным затылком, вяло сползал уже изрядно впитавший в себя небесной влаги ядовито-малинового цвета берет.

– Я говорю, когда это безобразие кончится? – дамочка улыбнулась, обнажив редкие очень крупные зубы.

Геннадий Николаевич рассеянно посмотрел на ее толстые щеки, напирющие на узкую амбразуру свиных глазок.

– Простите, вы о чем? – Геннадий Николаевич все еще находился под впечатлением своего сегодняшнего сновидения и не понимал, какое именно безобразие имела в виду его соседка по «винному горлышку».

– Я про троллейбус, – изумленно ответила дамочка, и ее нижние веки, надавив на розовые, рыхлые щеки, через мгновение вновь захлопнулись, спрятав недобро блеснувшие глаза. – Господи, – недовольно буркнула дамочка. – Наберут по объявлению, – и отвернулась в сторону, презрительно скривив пухлые губы, обильно намалеванные уже разлезшейся, ядовито-малинового цвета губной помадой, единственно, что составляло полную гармонию с «ядовитыми» контурами «экстравагантного» вязаного берета.

– Извините, – пролепетал Геннадий Николаевич, тупо соображая, по какому же это объявлению его набрали.

– Ну что ж ты стоишь как вкопанный?! – заглушая сирену проезжающей мимо «Скорой помощи», вдруг взорвалась все тем же тяжелым дыханием дамочка, тряхнув головой и одновременно напирая пудовыми грудями на ссутуленную фигуру Хилько. – Наберут по объявлению! – вновь пророкотала толстая головка под по-боевому востепенувшимся малиновым беретом.

Набирая обороты, дамочка буквально вдавливала Геннадия Николаевича в обезумевшую в одночасье очередь, чудесным образом знавшую, кто следующий. Стиснутый грудями этого «локомотива», в извинительном жесте приподняв шляпу, Хилько неуклонно приближался к распахнутой пасти дверей троллейбуса номер 3/15. Дрогнувшая под этим натиском толпа негодовала. Словно разлетающийся под ледоколом арктический лед, перед Хилько мелькали разъяренные лица граждан, на разные лады перебирающих всех родственников Геннадия Николаевича. Эти же перекошенные гневом лица посылали куда подальше и самого Хилько. Справедливости ради надо заметить, что доставалось и дамочке, но та в ответ щедро осыпала всех «достойными» эпитетами и уверенным курсом продвигалась вперед. «Эта семейная парочка совсем совесть потеряла!» – были самые безобидные, но тем не менее справедливые негодования «слабых мира сего», раздаваемые где-то позади Геннадия Николаевича. Наконец под стон вошедших и крики оставшихся обвенчанная очередью парочка втиснулась в переполненный троллейбус.

– Уф, наберут по объявлению, – устало выдохнула «молодая». Ее берет снова повис, источая на весь троллейбус зловоние намокшей крашеной шерсти. – Со мной не

пропадешь. – Она подмигнула Геннадию, дружелюбно шевельнув «цилиндром» своего тела.

– Да, да, конечно, – испугавшись, что ему придется поддерживать разговор, поспешно отозвался Хилько, в тисках ее бюста погружаясь воспоминаниями в свой давешний сон.

Сны – те, прежние, с их нелогичностью и фантазмагорией, – давно уже не приходили к нему. Теперь они больше напоминали научные симпозиумы и заседания полуподпольных КБ неизвестных изобретателей. В какие дали унес свои волшебные сны тот мальчик, которого так любил Геннадий Николаевич? Чувствуя, что вот-вот его настигнет кровавая тень чудовища, живущего в подвале их дома, маленький Гена мог просто взмыть ввысь, наслаждаясь непередаваемым ощущением полета, или, подхваченный нежными материнскими руками, молниеносно переносился в свою кровать, под толстое, теплое, пуховое одеяло, надежное, словно щит древнего рыцаря. С возрастом менялись и его сны. В пятом классе Гена, ловко обставив хулигана Колю Федякина, всегда выходил победителем в их драке, гордо косясь на первую красавицу школы Лену Иванову. Но наступало утро, и Гена, с тщательно затушеванным под глазом бланшем, поставленным ему накануне Федякиным, уныло брел в школу.

В институте ему вообще ничего не снилось. Напряженное учебное расписание и нередкие ночные заработки на разгрузке вагонов мелькомбината напрочь лишили его сновидений. Вновь они вернулись к нему уже в зрелом возрасте. Сначала это были обрывки каких-то формул, незаконченных чертежей, расплывающиеся с предрассветными лучами солнца, словно попавшие в воду чернила. Просыпаясь каждое утро с чувством неудовлетворенности оттого, что он вновь не помнит что-то очень значительное, что привиделось ему ночью, Хилько

остаток времени, положенного ему на дорогу до места работы, сетовал самому себе на свою короткую память. Если бы Геннадий Николаевич только знал, сколько неудобств и насмешек избегал он тогда, так и не вспомнив туманные образы своих ночных видений. Все изменилось после одного сна. Его – теперь уже тридцатипятилетний специалист в области судостроения Геннадий Николаевич Хилько – в отличие от предыдущих снов запомнил до мелочей. В эту памятную ночь ему привиделся пожилой человек в густо напудренном парике. Немного гнусавым, простуженным голосом он пытался что-то сообщить Хилько на непонятном ему языке. Да это меньше всего и интересовало Гену – его занимало другое: зачем этому старику столько пудры, которая при каждом интенсивном взмахе головы обильно сыпалась на его лицо. Старик уже заметно нервничал, как вдруг куда-то исчез – будто отлучился. Через мгновение он появился вновь, вернувшись в фокус призрачной видеокамеры.

– Сейшас вы меня понимаете, молотой шеловьек? – с ужасным саксонским акцентом поинтересовался он. Где-то на подсознательном уровне Геннадий знал, что все это ему только снится, но с возвращением старика его сон стал мало чем отличаться от яви. Хилько даже во сне показалось, что у него от удивления округлились глаза, настолько эфемерной оказалась та нить, разделяющая реальный мир от вымысла.

– Вишу, понимаете, – кивнул старик, – путу краток; для тофо, чтопы полушить белий китайский фарфор, нушно всять шыстую пелую клину у Мейссенского замка, найти шыстый пелый писок, хорошую слюду или полефой шпат. У вас есть шыстый пелый писок? – осведомился специалист по фарфору у Гены.

Но Хилько не успел ему ответить – его место заняла какая-то бабка, вытеснив старого саксонца. В руках она

держала пол-литровую банку с консервированными огурцами. Этикетка на банке гласила: «Томаты в собственном соку». Гена сразу же узнал ее. В таких банках еще совсем недавно из дружеской Болгарии присылали в бывший СССР помидоры в собственном соку, которые он так сильно любил.

–Внучок, хиба в Нюрки огирки? Вот в мене усим огиркам огирки! – затараторила бабка. – Над цийим складом я процювала пятнадцать рокив! – и бабка с гордостью потрясла в воздухе банкой. С этими словами она, видимо под натиском антикварного старика, отлетела в сторону, так как именно он немедленно занял ее место.

–Швайне! – крикнул он в сторону исчезнувшей старухи, что-то стряхивая со своего парчового камзола. – Ешо ни хто не опрашался таким опрасом с феликим Бётгером, – добавил он, приняв гордую осанку. На что из-за «кулис» старушечий голос, набираясь бывалым в девичестве звоном, сообщил «господину хорошему», что он фашист недобитый, и, пользуясь нетрадиционными в Саксонии XVI века базарными приемами середины XX, бабка вновь заняла его место. Они еще долго между собой спорили, мол, кто из них дольше ждал, когда, наконец, откроется «канал» и чье сообщение из них важнее. Наконец, уже изрядно надоев Хилько своей перебранкой и устав от споров, старик и бабка пришли к компромиссу, по очереди рассказав в «канал», что у них наболело.

Проснулся Гена с больной головой, но зато с двумя рецептами: как приготовить китайский фарфор и как приготовить огурцы от бабы Клавы. Вечером того же дня, когда уставший и разбитый после выполнения очередного рабочего плана Геннадий Николаевич Хилько, наконец, коснулся подушки, то первое, что он увидел, едва погрузившись в сладкую дрему, это рассерженное лицо бабы Клавы. Она

долго и пространно сетовала на свою соседку по месту на рынке тетку Нюрку. Мол, и огурцы-то у нее покупные, не то что у нее, бабой Клавой выращенные на ее собственных грядках, и удобрение у соседки – химия сплошная. На этом самом месте бабкиного рассказа Хилько открыл глаза. Сев на край кровати, он отсутствующим взглядом окинул пустую и темную однокомнатную квартиру, еще некоторое время размышлял, при чем вообще здесь «сплошная химия» соседки, если огурцы у нее покупные? В конце концов, не найдя ответа и выпив стакан холодного молока, он лег спать. Вторую половину ночи его досаждал старый алхимик Бётгер, требуя, чтобы Хилько немедленно рассказал своему знатному вельможному князю или графу, у которого он состоит на службе, секрет изготовления фарфора.

–И путь осторошен, малшик мой. Са свой снаний я всю шизнь провел в солотой клетка.

Так продолжалось каждую ночь в течение недели.

На седьмой день таких невероятно–странных сновидений Геннадия Николаевича Хилько рано утром в воскресенье Татьяна Федоровна Гильцен проснулась от настойчивого звонка в дверь. Не дождавшись ответа, назойливый визитер затарабанил по филенке двери, рискуя разбудить всех соседей. Набросив на плечи халатик, в полной уверенности, что половина их города во власти пожара, в то время как вторая лежит в руинах, девушка непослушными руками открыла замок. На пороге стоял ее сосед Гена. Хилько поселился в этом доме не так давно, и, кроме того, что Гена жил один и вел уединенный скромный образ жизни, начинающий преподаватель иностранных языков Татьяна Федоровна ничего о новом жильце не знала.

–Татьяна Федоровна, умоляю, попробуйте огурчики, – прямо с порога обрушился на нее Хилько.

–Вы знаете, сколько времени, молодой человек?! – нравоучительно спросила она его, стараясь не выдать скрытого за ней раздражения.

–Но уж больно они хороши! – извиняющимся голосом произнес Геннадий. – Они приготовлены по рецепту одной моей знакомой бабы Клавы, – «бабы Клавы» он произнес как-то очень громко, задрав свою голову вверх, будто пытаясь рассмотреть сердобольную старушку на потолке Татьяны Федоровны. Разгадав на утомленном, с большими синими разводами под глазами, исхудавшем лице Гены душевные муки, Татьяна Федоровна, пожалев соседа, молча приняла миску, на которой, среди листьев смородины, вишни и еще каких-то трав и кореньев, аппетитно поблескивали капельками рассола маленькие пупырчатые огурчики.

–Правда, им надо еще немного настояться, – пробубнил он, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу.

–До, свидания, молодой человек, – сухо сказала Татьяна Федоровна, давая понять, что разговор окончен.

–Спасибо Вам большое, – с чувством поблагодарил соседку Гена и, облегченно вздохнув, направился к себе в квартиру с твердым намерением завтра же принести начальнику его отдела подробную инструкцию по изготовлению мейссенского фарфора.

Еще два дня Хилько слышал, как за спиной посмеивались сотрудники НИИ, но он, выспавшийся и бодрый, лишь довольно улыбался, полагая, что его ночным мучениям пришел конец. Кто знал, что это только начало его кошмаров.

* * *

–Ну что, как он там? – выглядывая через плечо своего соседа, поинтересовался рыжеволосый лет тридцати трех мужчина, в клетчатых, плотно прилегающих к полным ногам брюках. Дополняла портрет белая рубашка с большим воротом и длинными, почти полностью прикрывающими пухлые пальцы манжетами. Поверх рубашки на мужчине была надета жилетка того же песочного цвета, что и брюки.

–Пока держится, – чуть повернув голову, вздохнул интеллигентной внешности старик в аккуратно наглаженном стареньком костюмчике. – Главное то, чтобы не пил. А то до нас точно очередь не дойдет.

–Да, мы еще далековато, – сказал рыжеволосый, приподнявшись на цыпочки и оценивая длину очереди до «канала». Он достал из-за спины трость с позолоченным набалдашником и стал нервно начищать его носовым платком.

Кого только не было в этой очереди, длинной кишкой упиравшейся в лазурный луч света, бьющий откуда-то снизу, из полузатянутой вязкой коричневой жижей «попыньи». В одном ряду стояли рыцари, с ног до головы закованные в доспехи, алхимики с какими-то дымящими склянками, инженеры со свертками чертежей, медсестры, шаманы и лекари, музыканты, артисты, дикари с неведомых островов, тут были и важно подбоченившиеся испанские конкискадоры, и разбитные гусары времен Наполеона, банкиры, брокеры, поэты и писатели, в общем, представители всех профессий, времен и народов.

–Ну что они такого важного могут ему сообщить? – нервничал рыжеволосый, глядя на пеструю очередь. – Вон тот дикарь, например, видите, с барабанами вокруг «канала» скачет?

* * *

–Ну, не смешите вы меня, Геннадий Николаевич! Вы взрослый человек, специалист классный. Вот и на Доске почета у нас висите. Ну-те, хватит Вам уже людей смешить!– нервно расхаживал по своему кабинету директор НИИ. – Может, Вам в отпуск, голубчик, а? – деланно улыбнулся он, садясь за дубовый стол. – В Ессентуки, а? Воздух там... – мечтательно протянул он, – путевку, конечно, от профсоюза. Сейчас и приказ напишу, – он торопливо достал лист бумаги и вытащил из огромной аметистовой чернильницы, сроду не выдавшей чернил, шариковую ручку.

–Да поймите Вы, Борис Моисеевич! Не от меня это зависит, – взмолился Хилько, глядя набухшими от слез глазами на листок, который сулил вождеденный отдых в санатории.

–А от кого это зависит, голубчик? – взревел Борис Моисеевич, с каким-то глубинным смыслом смакуя «голубчик». – Вы в своем уме? Что я скажу в министерстве? – грохотал он. – Мол, передайте в посольство Папуа Новой Гвинеи конструкцию принципиально новой лодки для рыбаков, а то мой лучший сотрудник не может работать, потому что к нему во сне приходят их предки с требованием передачи таковой подданным Папуа Новой Гвинеи?

–И всю ночь бьют в барабаны, – робко вставил Хилько.

–Хватит! – от крика Бориса Моисеевича, казалось, могла расколоться пополам аметистовая чернильница. Швырнув ручку на лист бумаги с только что написанной им заглавной буквой «П», Борис Моисеевич выскочил из-за стола. Гневно заложив руки за спину, он бросил испепеляющий взгляд на скрюченную в кожаном кресле фигуру Хилько, и в ту же секунду, увидев сомкнутые вместе острые коленки, с пученически сложенными на них руками, остыл:

–Хватит этих чудачеств. Не спорю, некоторые Ваши

новаторские идеи намного улучшили производительность труда. А эта, с надувной подушкой на судне... просто гениальна! Минобороны в восторге, – Борис Моисеевич довольно улыбнулся, глядя на новенький компьютер на его столе.

Хилько хотел было возразить, но Борис Моисеевич своим пылающим взглядом охладил его.

–Знаю, будешь сейчас «предки... голоса... предки»... – передразнил он его, – вроде бы не еврей, как я, чего скромничать, и времена сейчас другие, – бубнил Борис Моисеевич. Он подошел к секретеру, вмонтированному в стену позади его стола.

–А что бы подумали там, – и он показал пальцем вверх,– если бы я весь этот твой бред про голоса рассказал. Вот и пришлось стать твоим соавтором, так сказать перестраховаться... что бы ты там комиссии выдал, не приведи Господи! – Открыв дверцу секретера, он ловко вынул из его зеркальной утробы пузатую бутылку и, прихватив с собой две хрустальные рюмки, направился мимо стола заседаний к небольшому столику из красного дерева с резными ножками, за которым и сидел в качестве почетного гостя Геннадий Николаевич. Выставив свой груз на столик, Борис Моисеевич устроился напротив своего робкого гостя.

–Ты меня точно в могилу сведешь, – по-свойски начал он. – Чего одна эта твоя медсестра стоит, – он усмехнулся. – Видел бы ты глаза Федора Пантелеймоновича, когда на его даче в бане я ему сообщил, какой в его медицинском ведомстве надо использовать прибор для лечения ожогов, да еще и чертежи предоставил. « Откуда, – говорит, – это у тебя. Мне еще лет двадцать назад, когда еще был главврачом, одна медсестра показала. Тогда не до того было, да и время было другое. В общем, затерялись где - то чертежи эти. А она вскоре

погибла. Авария была страшная на железной дороге...» А прибор, говорит, ему еще тогда понравился.

–Вот видите, – осторожно вставил Хилько.

–«Видите», – передразнил его Борис Моисеевич. – А на хрена, скажи, мне нужны заточки самурайских мечей, молочные или огненные часы, сокровища затонувших испанских галеонов или где погибли охотники, отправившиеся за слонами пятьдесят тысяч лет назад?

–За мамонтами, – позволил себе поправить Геннадий Николаевич.

–А-а! – махнул рукой Борис Моисеевич. – Один хрен, я уж не говорю о плане побега с американской тюрьмы Шоушенка! В мире итак, понимаешь, бардак, а ты еще с Америкой этой... В общем, Гена, ты давай, завязывай с этой самодеятельностью. За работу хвалю, молодец! А все эти сокровища инков, философские камни подождут. Вот выйдешь на пенсию, а там хоть гваделупские копья изобретай. Давай лучше мы с тобой коньячку тяпнем! – И, открыв уже початую бутылку, хранившуюся именно для таких случаев, наполнил рюмки.

–Видите ли, Борис Моисеевич, я не пью, ну не то, чтобы не пью... вообще мне нельзя.

–У меня тоже язва, замучила, зараза. Но ничего, съездишь в Эссентуки, подлечишься. А от рюмочки французского хуже не будет, – не привыкший к отказам своих подчиненных, Борис Моисеевич поднял рюмку.

–Да нет же, мне вообще нельзя, а то «канал» может закрыться, – вид у Хилько был такой, словно он был готов провалиться сквозь землю. Борис Моисеевич не понял:

–Говорю тебе, подлечим, ничего у тебя не закроется.

–Мне запретили пить, – еле слышно пролепетал Хилько.

–Кто? – недоумевал Борис Моисеевич.

–Они, – и Хилько указал пальцем вверх.

Борис Моисеевич, тяжело вздохнув и приложив к сердцу левую руку, одним махом опустошил рюмку. Его лицо залила багровая краска.

–Вон! – прорычал он, указывая рукой на дверь своего кабинета.

В тот же миг Геннадий Николаевич испарился, а вслед ему неслось тонкое хихиканье молодой секретарши:

–Опять, наверное, предлагал конную артиллерию против Наполеона послать.

Чувствуя себя вконец раздавленным, Геннадий Николаевич поплелся домой. Тяжелые мысли одна за другой лезли в голову. Что же теперь ему делать, как жить дальше? Может, действительно, взять да напиться, сбросить, наконец, с себя лишний груз, стать, как все? Не нужно будет заниматься карьерой своего патрона Бориса Моисеевича, люди смеяться перестанут. «Ну, посмеются по инерции пару месяцев, да и перестанут», – подумал Хилько. В конце концов и семьей ему пора обзаводиться. Кто же за него за такого, юродивого, пойдет? Ну, а что если ему, действительно, сообщение придет, то, единственное, ради которого он и терпел весь этот год насмешки, ради которого он, может, и живет-то на свете белом? Что, если сообщение это действительно будет важным и он сможет помочь стране, а может быть – чем черт не шутит – и всему миру? Ведь были же сообщения, которые помогли людям, возьмем хотя бы этот прибор для лечения ожогов. Конечно, были и другие, уже кем-то открытые, устаревшие изобретения. Дух захватывало, если вспомнить, сколько он прочел научной литературы, чтобы понять, что все эти открытия, душевные переживания, боль утраты, отчаянные предупреждения своих близких, с которыми может произойти

что то ужасное, да мало ли что еще, – все они когда-то имели на земле своих вдохновителей, и все они не дают покоя своим вдохновителям даже после их смерти. Это сначала Геннадий Николаевич не знал, что ему делать со всем этим ворохом переживших себя изобретений, убийств, пропаж, скрытых сокровищах. Но вскоре он выяснил, что отделаться от надоедливых жалоб, признаний и сплетен, донесенных ему во сне, гораздо проще, чем внушить начальству о необходимости какого-нибудь простенького новаторства, не говоря уже о серьезных инженерных решениях. Где-то в очереди обмолвишься о якобы существующей заметке во вчерашней газете: «Как, разве вы не читали об этом изобретении?», и вчерашний, навязчивый сон с горе-изобретателем уже не тревожил, или, скажем, посетуешь сослуживцу на легкомысленную кокетливость жены своего «приятеля»– и сон с мужем-ревнивцем никогда больше не приходил к Хилько. Правда, иногда Геннадий Николаевич чувствовал себя мусорной корзиной, переполненной, словно грязными бумажками, неудачными мыслями и случайно кем-то выкинутыми идеями. В такие минуты на него обрушивалась нестерпимая тоска, и тогда он, ненавидя весь мир, который только что хотел спасти, запирался у себя в комнатухе, предварительно отключив телефон, телевизор, радио и даже дверной звонок, – в общем, все, что могло связать его с этим самым миром.

Пребывая во власти своих гнетущих мыслей, Геннадий Николаевич машинально сел в троллейбус. Вернувшись в действительность, он с полминуты пытался сообразить, как он попал в него и что же могло прервать ход его размышлений, пока до Хилько не долетел шум, какой-то склоки. К своему ужасу в голосе одного из скандаливших на задней площадке, Хилько узнал знакомые нотки. Сомнений быть не могло: голос

принадлежал утренней дамочке, соседке по троллейбусной очереди.

– Вот уж не везет, так не везет, – буркнул он. И плохое настроение Хилько стало просто отвратительным.

– У тебя что, мужика в постели не было? – возвышаясь над пассажирами, толпившимися на задней площадке, гневно обрушилась знакомая головка на неосторожно вступившую с ней в разговор женщину.

– Да после тебя, небоскреб, от мужика одна пижама останется в постели, если, конечно, такой экстремал найдется, – заступился за честь женщины мужчина, как раз и оказавшийся мужем униженной.

– Что-то я не вижу, кто это там пропищал? – задорно приняла вызов дамочка. – А, это ты, глиста в скафандре, – нашлась она.

Неизвестно, чем бы это все закончилось, но, к удовольствию пассажиров, семейная чета сошла на ближайшей остановке. «Интересно, – вдруг подумал Хилько, глядя на выходящего из троллейбуса дородного мужчину. – Если он в «скафандре», то кто тогда я по ее определению? Наверняка без скафандра». – И, опасаясь встречи с этой особой, сошел, так и не доехав до своей остановки. Продрогший до косточек, Геннадий Николаевич, наконец, открыл дверь в свою квартиру. Вопреки его ожиданиям, вечерняя прогулка так и не принесла душевного равновесия. Непрерывающаяся снежная крупа превращалась под ногами в грязную жижу, обернув приятную прогулку в нескончаемый марафон.

Настроение у Хилько было хуже некуда. Стряхнув со своего пальто остатки снега, он, предвкушая ужасы предстоящей ночи, поплелся в сиротливые чертоги своей комнаты. У гостинной его остановил продолжительный звонок. С минуту поколебавшись – а стоит ли ему открывать, Геннадий

Николаевич, вздохнув на требовательное дребезжание звонка, повернул замок. На пороге стояла его соседка Татьяна Гельцен.

– Добрый вечер, Геннадий, – приветливо сказала она. – Вы как-то приносили мне огурчики от вашей бабушки, – только сейчас Хилько заметил в руках Татьяны Федоровны тарелку с огурцами. – Знаете, они действительно хороши. Я воспользовалась рецептом, что вы оставили, и вот... – она протянула Хилько тарелку с огурцами. – Пришла вас угостить.

– Не моя это бабка! – неожиданно рявкнул Хилько. На него вдруг что-то накатило, и, не справившись с охватившим его гневом, он с силой захлопнул перед самым носом соседки входную дверь. «Что же я делаю? – опомнился через минуту он. – При чем же здесь Татьяна? – и, вспомнив ее испуганное лицо, накинул на себя пальто. – А гори оно все синим пламенем! То же мне Дон Кихот нашелся!» – ругнул он себя, выходя из квартиры.

Через час комната Татьяны Федоровной заливалась веселый смехом. На столе стояла ваза с цветами, бутылка французского коньяка, разломанная плитка шоколада на блюде, тонко нарезанный лимон и конечно же огурчики от бабы Клавды. «Славная девушка, – думал Хилько, глядя захмелевшими глазами на раскрасневшуюся Татьяну. – Надо будет ее завтра пригласить куда-нибудь».

– Предлагаю выпить еще раз за наше с вами знакомство! – сказал Хилько, по-молодецки подняв свою рюмку.

– С удовольствием, – чуть смутившись, ответила Татьяна, протягивая к его рюмке свою.

* * *

–Чего же он все спать-то не ложится, – нервничал в очереди рыжеволосый. – Время уже позднее.

–Может, задержался где-то, – передались переживания соседа старику в костюме.

–Быстрее бы уже он лег спать, глядишь, сегодня и мы успеем, если, конечно, этот «милый» грек в тунике не будет зачитывать ему какую-нибудь «Одиссею» собственного сочинения, – хихикнул рыжеволосый, глядя на тучного мужчину с увесистым свертком в руках, стоящим первым у черного окна «полыньи». Рыжеволосый нервно переминал толстыми ногами. – А вы, пардон, случайно, не поэт или, скажем, писатель? – обратился он к своему соседу в костюме.

–Нет, я ученый, – откликнулся он.

–И, конечно, вы хотите поделиться с нашим, так сказать, «другом», каким-нибудь открытием или изобретением? – коротая минуты ожидания, поинтересовался рыжеволосый.

–Разумеется, мое изобретение откроет невиданные доселе горизонты для всего человечества, – взволнованно ответил старик, повернувшись всем корпусом к своему соседу.

–Осмелюсь спросить, а что именно вы изобрели? – оставив в покое свою трость, поинтересовался рыжеволосый, уже с неподдельным любопытством глядя на старика.

–Парус.

–Вас, наверное, смутит то обстоятельство, что с помощью этого изобретения Колумб давно покорил все горизонты, открыв Америку. А Вы, как я вижу, родились гораздо позже этого открытия, – рыжеволосый критически осмотрел костюм старика.

–Я изобрел совсем другой парус. С его помощью можно

будет улавливать мельчайшие частицы, исходящие от звезд. Их поток, так называемый космический ветер, пронизывает всю Вселенную. Не затрачивая больших энергоресурсов, подгоняемые лишь космическим ветром, корабли людей смогут на немыслимой скорости преодолевать гигантские расстояния и даже посещать другие галактики.

–Да, у вас действительно дельное сообщение, – рыжеволосый с уважением посмотрел на старика.

Вздыбленная барашками облаков равнина, по которой тянулась очередь, стала озаряться лазурными лучами света, пробивающимися откуда-то снизу. Озарились и пришли в движение другие, похожие друг на друга очереди, выстроенные у каждого луча. Кое-где, словно шрамы от старых язв, были видны затянутые потрескавшейся коричневой коркой и уже не воскресшие «застывшие полыньи». Вот и их «полынья», вопреки ожиданиям, стала медленно затягиваться коричневой жижей. С болью в сердце старик смотрел на еще один «канал», отмеченный уродливым ликом смерти.

–Ладно, чего уж там, он больше не выйдет, пошли зайдем другую очередь, – вздохнул рыжеволосый, направляясь к ближайшему лучу, следом за своими товарищами по неудаче. – Уж можете мне поверить, – повернулся он к старику, – будут и другие «каналы». На наш век хватит.

Призрак из прошлого

рассказ

Огромный звездолет неподвижно висел над мертвой планетой. Многие миллионы лет ее поверхность подвергалась атакам метеоритов, этих вечных скитальцев Вселенной, и теперь, в свете беспристрастных лучей желтого карлика, можно было воочию убедиться в губительных последствиях этих полных слепой ярости бомбардировок. Пожалуй, это было все, чем могла бы «похвастаться» окутанная холодным мраком космоса планета. Ее изрытое кратерами тело даже в светлое время суток не смогло бы привлечь внимания исполинского межпланетного корабля. Слишком много во Вселенной повидала гигантская космическая птица подобных мертвых небесных тел, имеющих всего лишь около четырехсот тальцеров по экватору, и никогда не прервать бы ей своего стремительного полета, если бы мертвая планета не являлась спутником другой! В отличие от первой эта была необыкновенно красива – настоящая жемчужина на черном полотне космоса! Ее глубокий голубой свет пленял, завораживал, околдовывал. Вообще, не так часто встретишь

живой мир на расстоянии многих десятков, а то и сотен световых лет, а чтобы отыскать такую красавицу, как эта, нужно было иметь необыкновенно развитую интуицию, опыт межзвездного плавания, изрядное терпение, и, конечно же, немного удачи. На отсутствие таких факторов Ирзо Мак, капитана «Странника», пожаловаться не мог. «Странник» был флагманом поисковой флотилии новозелян. Вот уже почти столетие под командованием этого опытного звездоплывателя корабль блуждал во Вселенной в поисках планеты, которая смогла бы стать новым домом для его соотечественников. Капитан выбрал очень удачную позицию для наблюдения за вновь открытым аквамариновым миром, остановив свой корабль за его естественным спутником. Скорость вращения вокруг своей оси у него была равна скорости вращения вокруг пленившей его своим тяготением бирюзовой красавицы. Иными словами, спутник всегда готов был повернут только одной своей стороной к голубой планете. Таким образом, находясь в тени второй стороны спутника, можно было не рисковать быть замеченными разумными существами, населяя они вновь открытую планету.

Стоя на капитанском мостике, Ирзо Мак молча наблюдал за тем, как первые лучи неизвестной звезды врываются в околопланетарное пространство спутника, обнажая его обезображенный кратерами мертвый ландшафт.

«С поверхности голубой планеты этот спутник, наверное, выглядит намного привлекательнее, быть может даже романтично, – мечтательно подумал Ирзо Мак. – Будет очень жаль, если на планете окажется разумная жизнь», – вздохнул он про себя.

Капитан на счастье сжал кулаки. Как и все звездоплыватели, он был немного суеверен и с самого открытия этой планеты всячески избегал, как, впрочем, и весь экипаж «Странника»,

как-то назвать новый мир. Сегодня наступило последнее утро, когда должна решиться судьба этой планеты, а может быть, даже и всех новозелян. Весь экипаж с нетерпением ждал возвращения группы разведчиков. От результатов их визита зависело главное: останется здесь «Странник» навсегда или в очередной раз, с тяжелым сердцем, звездоплаватели покинут уже кем-то занятый мир.

Неожиданно мертвую тишину эфира разрезал веселый голос из капитанской рубки:

–Капитан, мы возвращаемся на корабль. Скоро будем в зоне видимости.

–Почему действуете не по уставу, лейтенант?! – взорвался Ирзо Мак. Нарушителем спокойствия был Ирек Амбо, старший разведгруппы. – Если вы забыли, то я напомню вам, что выходить в эфир в непосредственной близости от «Живого Мира» категорически воспрещается, за редким исключением в случае экстренной ситуации!

–Капитан, – казалось, не слушал его Ирек, – на этой планете эфир девственен! Слышите меня! Мы первые разумные существа, кто, возможно, за миллионы лет побывал здесь! – ликовал Ирек.

–Вы ведете себя, как мальчишка, Ирек. Вспомните Фуину в созвездии Геруб: у микроскопических фуинитян отсутствует хоть какая-нибудь дыхательная система и они плавают в космосе, удерживаемые притяжением своей планеты. Внешне Фуина кажется необитаемой и миролюбивой, но стоит прийти незваным гостям, как планета преображается и превращается в гиблое место для неосторожных исследователей.

–Но, капитан...

–Никаких «но», по прибытии на борт «Странника» получите взыскание.

–Слушаюсь, – неохотно подчинились в эфире.

В тот момент, когда из-за спутника вынырнула серебряная точка челнока разведчиков, дверь, ведущая на капитанский мостик, медленно поползла вверх. Ирзо Мак обернулся. В проеме стоял его сын – молодой человек с еле заметным пушком над верхней губой. Он был заметно возбужден.

–Извини, отец, – взволнованно заговорил он, – я знаю, что поступил неверно, воспользовавшись твоим кодом, но весть от Ирека Амбо облетела весь «Странник», кое-кто уже даже придумывает имя для нового мира... – Зная о суевериях отца, молодой человек не решился назвать его.

Капитан нахмурился.

–Не рановато ли? – то ли съязвил, то ли сам себе задал вопрос капитан – на сердце опытного звездоплавателя было тревожно, нехорошие предчувствия не давали ему покоя.

Сын уловил настроение своего отца и решил переменить тему.

–Я слышал, как ты предупреждал Ирека, напомнив ему о Фуине. Ты никогда не рассказывал мне об этой планете.

Отец помолчал, внимательно посмотрел на сына и начал рассказ.

–Тогда еще была жива твоя мать, а тебе был всего лишь год, когда «Странник» вышел на орбиту Фуины, – начал свой рассказ капитан. – Сначала мы не обнаружили никаких признаков разумной жизни на этой планете, и многим как, и сейчас уже не терпелось назвать найденный мир своим. По правде говоря, я и сам уже начал верить, что нам улыбнулась удача. На фоне всеобщего ликования мы немного утратили бдительность, и только благодаря счастливой случайности нам удалось избежать гибели. Как выяснилось позже, живя на орбите своей планеты, фуинитяне полностью контролировали все жизненно важные процессы на Фуине. От их вмешательства зависело не только быть или не быть

биологическим формам жизни на планете, но даже то, каким будет климат и образование материков. Фуина была энергетической фермой для несчетного числа ее разумного населения. И любое вмешательство в их сбалансированный мир грозило катастрофическими последствиями для самих фуинитян.

–Вы смогли договориться с фуинитянами?

–Как ты себе представляешь переговоры с микробами, которые и видны только в микроскоп? – иронично спросил у сына капитан.

–Тогда чем они могли навредить вам?

–А чем могут навредить микробы, попав к нам в организм? Да и, кроме того, могло случиться все, что угодно. Сильный ураган, или, скажем, твердая почва под ногами могла вдруг стать зыбким песком, под нами в считанные минуты мог образоваться вулкан, ядовитые растения, дикие твари, все способы хороши для того, чтобы избавиться от непрошенных гостей.

–Как же вы выбрались?

–В последний момент вместо того, чтобы посадить на планету «Странника», я решил еще раз хорошенько проверить данные разведки. Во главе небольшой группы я высадился на Фуину в «невидимке». На некоторое время мы стали такими же невидимыми для фуинитян, как и они для нас. К тому времени, когда мы осознали свою ошибку, нам уже ничто не угрожало. С тех самых пор мы гораздо осторожней и тщательней подходим к предварительным исследованиям...

Из шлюзовой камеры поступило сообщение, что экипаж катера «невидимки» во главе с Иреком Амбо прошел карантин и ожидает дальнейших указаний. Весь экипаж «Странника» был приглашен в главный конференц-зал для ознакомления с результатами разведгруппы. К тому времени, когда в зал

вошел капитан, все было готово к проведению конференции. В помещении стоял возбужденный гул. Ирзо Мак занял место капитана и поднял вверх правую руку. В зале воцарилась гробовая тишина.

–Новозеляне! С момента открытия голубой планеты все мы с нетерпением ждали приближения этого дня. Завтра мы узнаем, полетят ли армады наших кораблей в эту звездную систему или нам самим придется покинуть ее навсегда.

–Капитан, мне кажется, будет правильнее сказать, что все жители Новой Зели ждали этого дня, – выкрикнул кто-то из зала. Со всех сторон послышались одобрительные восклицания, – Ирек Амбо опытный исследователь, он не мог ошибиться, эта планета не заселена разумными существами! – категорично возразил все тот же голос, ободренный выкриками своих товарищей, – нам кажется, что надо как можно быстрее занять эту планету, пока кто-нибудь другой не сделал этого вместо нас.

–Я всегда считал, что только капитан вправе решать, чье мнение ошибочно, а к какому из них нужно прислушаться, – в голосе Ирзо Мака зазвучали металлические нотки.

Зал пристыженно затих. Звездоплаватели понимали, о чем говорил их капитан. Сколько раз за время странствования «Странника» исследователей спасала железная дисциплина, установленная на корабле, поразительная интуиция и непреклонная воля Ирзо Мака.

–Я понимаю, все мы устали от бесконечных поисков Зели обетованной, – голос капитана смягчился, – и тем более в такие минуты, как эта, когда, казалось бы, наше странствие закончилось, но мы не вправе забывать об осторожности и выдавать желаемое за действительное. Вот уже целый век мы странствуем в открытом космосе. Перед нашими глазами проходили десятки «Живых Миров», среди них

были и такие, которые казались нам готовыми раскрыть для нас свои объятия. Скольких наших товарищей мы потеряли, прежде чем ценою их жизней смогли понять, что эти объятия могут быть не только гостеприимными, но и смертельными. У некоторых наших друзей нет даже могилы. Я хочу, чтобы все вы помнили о том, что покорители горных вершин, как правило, погибают на пути, ведущему вниз, когда, казалось, миссия их уже выполнена. А теперь я попрошу всех предельно внимательно, без лишних эмоций изучить данные, привезенные группой Ирека Амбо. – Капитан повернулся к лейтенанту, жестом приглашая его взять слово. Все это время неприметно стоящий в стороне Ирек, вдруг преобразился. Он словно на голову вырос, подтянулся, расправил плечи и чеканным шагом направился к триобразователю, находящемуся в центре зала. Из своего нагрудного кармана он достал капсулу, извлек из нее перламутровый шарик, и осторожно положил его на узкое горлышко прибора. Шарик провалился внутрь прозрачной колбы, и, достигнув ее дна, разлетелся на мельчайшие частички. Перламутровая пыль, образовавшаяся после распада шарика, устремилась вверх, собираясь над головами звездоплывателей в трехмерное изображение голубой планеты. Речь Ирека Амбо была пламенна, амбициозна и артистична. Он всячески пытался убедить своих товарищей в том, что полномасштабная высадка на планету неизбежна и чем раньше она произойдет, тем лучше будет для ее новых обитателей, то есть для новозелян. На этой планете есть все для мирной жизни и счастливого созидания его соотечественников: мягкий климат, кристально чистые озера, длинные рукава полноводных рек, величаво несущих свои воды, девственные леса, исполинские горы, казалось, подпирающие само небо своими белыми шапками ледников на вершинах, и, конечно же, океаны. В них было

столько воды, что можно было затопить две Новые Зелы, а на изучение диковинной фауны и флоры могло уйти не одно столетие! Ирек так увлекся, что незаметно для самого себя переступил невидимую черту «табу», негласное правило, которого придерживался весь экипаж «Странника» – он сравнил новую планету с легендарной Зелей.

– Да, она похожа на Зелю, планета наших пращуров не могла быть другой! – звенел его голос. – Почему мы боимся говорить об этом вслух. Каждый из нас знает с детства, что по преданию около пяти тысяч лет назад наши предки после постигшей их планету катастрофы покинули Зелю. В поисках новой Родины они прошли много испытаний, и судьба, наконец, предоставила им шанс начать все сначала. Так наши прародители обрели Новую Зелю. Каждый из нас мечтает найти Родину предков, но все боятся признаться об этом вслух! Мы были на этой планете, и каждого из нас охватило неведомое доселе чувство. Мне трудно передать его, но все мы вдруг почувствовали, что наш путь окончен, – мы дома!

После его выступления зал снова пришел в оживление. Некоторые из звездоплывателей были готовы хоть сейчас отправиться на планету. Страсти накалялись. Наконец, требуя тишины, вперед вышел Ирзо Мак. Во время доклада и вызванных им в зале споров он не проронил ни слова. Все внимание капитана было обращено к изучению добытого материала группой Ирека Амбо. Дождавшись, пока успокоится самый последний член его экипажа, капитан сказал:

– Вы все были так увлечены красноречивым рассказом Ирека и его знанием древних мифов, что не заметили одну деталь, – он выдержал небольшую паузу, окинув своих подчиненных суровым взглядом. – Исследована была только часть планеты, – Ирзо Мак вел себя так, словно не слышал

всего того, о чем только что с таким жаром рассказывал лейтенант. Он подошел к голографии и указал на гряды маленьких и больших островов, тянущихся на триста тальцеров и пересекающих почти всю планету по вертикали, – этой гряде не было уделено хоть какого-нибудь крохотного внимания.

– Но, капитан, эта гряда находится на значительном удалении от основных надводных масс. Девяносто процентов суши на планете сконцентрированы в противоположной от островов своей части. На этой планете нам ничего не может угрожать!

– Я не узнаю тебя, Ирек. Видимо, воздух этого Мира действительно вскружил тебе голову и ты перестал видеть главного. Кроме опасностей мы сможем столкнуться и с разумными существами, а это будет означать, что нам не место на этой планете. Мне уже сто тридцать пять, – сказал капитан, обращаясь ко всем собравшимся. – Сто из них я отдал звездоплаванию, и поверьте мне на слово, я как никто другой из вас хотел бы остаться здесь, так как большую часть своей жизни я провел на этом корабле. Но если на планете существуют хоть какие-нибудь формы разумной жизни, пусть даже стоящие на самой низкой ступени своей эволюции, я и тогда не предам ни своей присяги, данной Конгрессу, ни наших товарищей, выполнявших свой долг и погибших в далеких мирах, даже если ценой этому будет провести остаток своей жизни в космосе! А теперь слушайте мою команду. Завтра расширенная группа ученых с двумя отрядами прикрытия на трех кораблях «невидимках» совершит еще один визит на планету, и – Космос свидетель – я молюсь вместе с вами, чтобы он был не последним. Я буду во главе этой группы, на корабле остаются вахтенные офицеры и разведгруппа Ирека Амбо.

– Капитан, вы не сделаете этого! – возмутился Амбо, подходя к Ирзо Маку.

– Интересно, это почему же?

– Я превосходно знаю местность, – и ...

– Все это есть в вашем отчете, – перебил его капитан, – тем более, мы не собираемся посещать местность, исследованную вашей группой. Нашей целью будет гряда этих островов. И потом, лейтенант, – Ирзо Мак понизил голос, чтобы их никто не мог услышать, – вы и так наделали много глупостей, эмоции не к лицу разведчику. Теперь, чтобы избежать волнений на корабле, мне придется большую часть экипажа брать с собой на эту планету, рискуя, что и они преждевременно «заразятся» этим вашим «незнакомым чувством». Вы не вправе были дарить людям надежду. Что если их чаяния не оправдаются?

С этими словами Ирзо Мак вышел из конференц-зала.

Весь день и следующее утро на «Страннике» царило оживление. Казалось, экипаж корабля готовился к «великому» переселению. Химики и физики, этнологи и антропологи, биологи и зоологи, ихтиологи и даже математики суетились возле грузовых контейнеров «невидимок», собирая свою хитроумную поклажу. Военные деловито приводили свое оружие в надлежащий порядок и собирали амуницию. Техники проверяли аппаратуру, а навигаторы снова и снова сверяли показания своих приборов. За многие годы странствий в космосе у людей вновь появилась надежда приобрести новую Родину. Новая Зея была пожилой планетой, ее ядро быстро остывало, и совсем скоро она могла превратиться в безжизненный кусок льда. Планета, когда-то спасшая и заботливо принявшая беглецов с далеких звезд, теперь умирала сама. Собираясь посетить открытый ими мир, звездоплывателей будоражил один-единственный вопрос:

неужели перед ними, на расстоянии всего в нескольких цехей полета, находится самая заветная мечта любого новозелянина – Зея! Конечно же, придерживаясь старого табу, никто не спрашивал об этом друг друга, но на каждом лице своих товарищей исследователи читали именно этот вопрос.

Наутро нагруженные до «краев» челноки были готовы к отплытию. Желających посетить голубую красавицу набралось столько, что Ирзо Мак, несмотря на отданный им приказ снарядить три «невидимки», был вынужден капитулировать перед натиском звездоплавателей, не попавших в число исследовательской группы и засидевшихся на борту «Странника», и отдать в распоряжение счастличиков четвертый, резервный челнок. Последний инструктаж – и исследователи стали занимать свои места. На пути к своему челноку Ирзо Мак остановился, с секунду он еще что-то обдумывал, после чего решительно направился к стоящим в стороне разведчикам.

–Если у вас и вашей группы еще не пропало желание посетить планету, – сказал он мрачному, словно грозовая туча, Иреку Амбо, – то можете снаряжать свою «невидимку», но перед тем, как вы к нам присоединитесь, я попрошу вас в память о планете Фуина обследовать обратную сторону спутника.

–Есть обследовать обратную сторону спутника! – Хмурое лицо лейтенанта озарилось счастливой улыбкой. Он с благодарностью посмотрел на капитана.

–Разрешите выполнять?

–Выполняйте.

Лейтенант и его команда вмиг исчезли, будто испарились, а капитан, чему-то улыбаясь в пышные седые усы, взошел на борт капсулы.

–Отец, ты и вправду считаешь, что нам на этой планете может что-то угрожать?

–Нет, Зрак, просто... в общем надо все проверить, – Ирзо Мак чего-то не договаривал. Старый капитан не разделял всеобщего возбуждения. Сегодня, как никогда, он был задумчив и молчалив, словно его не радовала долгожданная встреча с голубой планетой, с каждым цхеем приближающейся к первооткрывателям.

Наконец «невидимки» вошли в плотные слои атмосферы. От колоссального по своей мощи трения с бортом капсулы ее частички возгорелись, плотно окружая корабль огненным коконом. Звездоплаватели, казалось, находились не на борту «невидимки», а внутри зажженной неоновой лампы. Несколько неприятных минут, являющихся неотъемлемой частью их работы, и вот четыре челнока, пробив густую завесу облаков, уже плывут над раскинувшимся перед ними до самого горизонта океаном. Он был настолько велик, настолько грандиозен, что казался нереальным. Прильнув к иллюминаторам, звездоплаватели увидели гигантских рыб, их большие полосатые спины не спеша выплывали из темных вод океана, купаясь в первых розовых лучах восходящей звезды, чтобы затем снова уйти в пучину. Между гигантов сновали другие, более мелкие водные обитатели, и то и дело перепрыгивали через их спины. Все говорило о царившей внизу гармонии. Вскоре показались острова. Выбрав наиболее подходящий из них, группа прикрытия стала наблюдать за высадкой первой партии исследователей. Тот, кто еще не был свидетелем скрытого десанта, не без любопытства наблюдал, как в предрассветных сумерках, словно по мановению волшебной палочки, один за другим вдруг появлялись и сходили на твердую почву призрачные тени звездоплавателей. Убедившись в том,

что никакой скрытой угрозы на острове нет, капитан дал распоряжение снять маскировку с «невидимок». Четыре огромные серебристые «сигары» лежали у подножия холма, окруженного со всех сторон вековым лесом. После того, как солдаты рассыпались по периметру опушки и углубились в лес, Ирзо Мак, приказав разбить временный лагерь, поднялся на вершину холма. Впервые за время высадки он позволил себе немного расслабиться и погрузиться в атмосферу звуков этой чудесной планеты. С холма открывался изумительный по своей красоте вид. Это была самая высокая точка на острове, и капитан мог видеть самые удаленные его уголки. Ирзо Мак настроил свой ручной навигатор. Остров располагался строго с севера на юг и своим видом напоминал натянутую струну. На севере он почти упирался в маленький пустынный островок, с которого, в сущности, и начиналась вся гряда. Оканчивался остров большой отмелью на юге, тянувшейся до следующего островка. Еще на борту «Странника» капитан обратил внимание на то, как расположены острова, образующие гряду. Почти все они имели одну и ту же форму. Можно было подумать, что по некогда существующему материка кто-то «прошелся» гигантским плугом и после выполненной работы затопил свою пашню. Теперь, вблизи них, это сравнение Ирзо Маку показалось еще более правдоподобным.

«Что же здесь произошло? – думал капитан, – без, всякого сомнения, на планете случился катаклизм, но кто или что виной этому?» Эти «расчесанные» гребенкой острова напоминали ему какую-то картину, но какую именно, он никак не мог вспомнить. Погруженный в свои мысли, капитан не заметил, как его окружила стайка любопытных птиц. Они не боялись пришельца и, нагло впоглядывая ему в глаза, как и требуется таким плутовкам, осторожно пощипывали яркие бусинки на шкуре странного существа,

без приглашения вторгшегося в их мир. Их бесстыжие домогательства прервало другое, точно такое же существо, спугнув полноправных хозяек острова резкими и громкими звуками.

– Отец, они сейчас испортят твой маскировочный костюм! – рассмеялся Зрак, видя, как его отца облепили назойливые пернатые, – каково будет туземцам увидеть только твои ноги?

– Ты думаешь, мы встретим здесь кого-нибудь? – серьезно спросил его Ирзо Мак.

– До сих пор только ты считал, что на планете есть какой-то разум, – серьезность отца озадачила Зрака, – но пока, кроме этих милых плутовок да еще нескольких зверушек, мы ничего не обнаружили.

– Сын, ты случайно не обратил внимания на то, какой формы и каким образом здесь расположены острова?

Зрак внимательно посмотрел на своего отца. Тот о чем-то напряженно и сосредоточенно думал.

– Ты считаешь, это тектонические разломы?

– Слишком правильно по отношению друг к другу расположены острова. Знаешь, на Новой Зелле я был свидетелем того, как взрывали дамбу на реке, чтобы вода смогла занять подготовленное для нее искусственное хранилище. Тогда для взрыва использовали «РИЧ-7».

– Но ведь он запрещен!

– Да, но требовалось срочное вмешательство, приближался тайфун, и Конгресс вынес решение применить именно «РИЧ-7». На моей памяти это единственный случай применения этой взрывчатки, и я был одним из десяти наблюдателей, кого допустили Конгресс к этим взрывным работам. Ты, конечно, знаешь, что достаточно десяти капель этого вещества, чтобы уничтожить небольшую планету.

Так вот, после взрыва, прежде чем вода заняла котлован, я увидел то, что стало с самой дамбой. На ее месте образовался тектонический разлом. Такие же разломы остались и на месте других построек. Теперь ты понимаешь, о чем я хочу тебе сказать?

–Кажется, да, «РИЧ-7» действует таким образом, что разломы образуются только под искусственными постройками, что-то вроде направленного новозелетрясения.

–Именно так! Никто из членов «Странника» не мог видеть последствий применения «РИЧ-7», так как, ты правильно заметил, он запрещен Конгрессом и поэтому никто не обратил внимания на то, каким странным образом расположены острова.

–Неужели здесь кто-то тоже применил «РИЧ-7»? Но для чего?

–Чтобы все выяснить, я попрошу тебя обследовать дно возле островов.

Отец и сын быстро спустились с холма в уже выстроенный исследовательский городок.

–Возьми одну из «невидимок», возможно, тебе придется спускаться на большую глубину, с которой не справится даже ихтидабр.

Уже залезая в капсулу на место пилота, Зрак услышал, как Ирзо Мак отдавал распоряжения одной из групп пролететь на расстояние в один тальцер на юг, чтобы ученые смогли бы охватить более широкую территорию для изучения фауны и флоры.

–Не забудьте, что один наш цхей на этой планете равен двум. Сутки здесь короче, а до наступления темноты мы должны управиться со всем объемом работ, - отдавал своим подчинённым последние перед вылетом распоряжения капитан.

Оставив позади базу, «невидимка» уносила Зрака далеко на юг. Он решил осмотреть острова, находящиеся южнее той местности, что будет исследовать самая передовая группа, резонно предполагая увидеть то, до чего не смогут добраться его товарищи. День уже набирал свои обороты, заливая ярким светом раскинувшуюся внизу гряду островов. Зрак включил передатчик.

–Капитан, говорит «невидимый борт-1».

–Слушаю тебя, «борт-1», – почти сразу же откликнулся приемник.

–Похоже, ты был прав, я нахожусь на расстоянии в полтора тальцера от базового лагеря, и все время наблюдаю характерные тектонические разломы. Приборы показывают, что я пролетаю над самой широкой частью архипелага. Приступаю к погружению.

–Будь осторожен, «борт-1», – последовал ответ.

Зрак направил машину вниз, и вскоре волны океана сомкнулись над его головой.

Это была по счету шестая впадина, которую он исследовал. Предыдущие пять были примерно одной глубины. Зрак уже привык, что на погружение у него уходит достаточно много времени, и он мог, хотя бы бегло, ознакомиться с представителями животного мира, открывающегося ему на пути следования «невидимки». Самой любопытной, на его взгляд, были особи, встречающиеся на большой глубине, куда не проникал ни один луч света, кроме мощного прожектора его «невидимки». В непроглядной тьме загадочные силуэты этих существ излучали мягкий фосфоресцирующий свет. Зрак уже знал, что прожектор отпугивал их, и поэтому спускался в полной темноте. Его погружение скорее походило на полет в космосе, когда звездолёт, окруженный безмолвной пустотой «седой» Вечности, словно скользит между прошлым и

будущем в поисках, в конечном счёте, извечного вопроса о сотворении Мира, и только приглушенные огоньки странных маленьких существ, медленно круживших в лишь для них понятном танце, напоминали Зраку о его пребывании под водой. Бортовой навигатор сообщил, что скоро корабль достигнет дна. Зрак включил освещение в кабине пилота и, максимально приглушив его, стал изучать данные приборов. В отличие от предыдущих погружений, дно здесь было неровным и имело явно выраженные перепады. Зрак уже хотел было включить прожектор, как вдруг увидел что-то стремительно надвигающееся на него, похожее на ожерелье из светящихся бус. Он слишком поздно понял, что это пасть какой-то огромной твари, решившей, что светящаяся изнутри кабина его капсулы – удачная мишень для трапезы. Через мгновение ее зубы сошлись на корпусе «невидимки», причём с такой силой, что сквозь суперсплав ее обшивки был слышен скрежет зубов. Корабль стало с силой кидать из стороны в сторону. Зрака выкинуло из кресла пилота и он кубарем пролетев через всю кабину, плюхнулся на пол. Прежде чем корабль снова хорошенько тряхануло, Зрак добежал до панели управления и включил на полную мощность свет фар. Видимо, это было единственное, что остановило чудовище, так как в следующее мгновение потерявший управление челнок заскользил вниз. Это падение Зраку показалось целой вечностью. Челнок ещё долго носило из стороны в сторону, кувыркало, переворачивало, прежде чем машина наконец-то гулко ударилась и замерла. Зрак, потирая ушибленный лоб, выглянул из кабины «невидимки» и обомлел. В свете фар он увидел коробки гигантских домов, смотревших на него мертвыми проемами окон. Еще некоторое время Зрак не мог прийти в себя. Непонятное чувство охватило его, словно он прикоснулся к чему-то, что не должен был видеть, что

хранилось под семью замками и не предназначалось для пришельца с далеких звезд. Неприятный холодок пробежал по его спине, Зрак почти физически ощутил ту атмосферу хаоса, боли и страданий, что господствовала в этом городе многие тысячи лет назад, когда какой-то катаклизм сверг его в пучину. Придя в себя, Зрак сел за штурвал и повел машину вдоль когда-то оживленных, а теперь мертвых улиц города. Даже то, что осталось от города после постигшей его катастрофы, ошеломляло своей величиной и грандиозностью. Дома, каменными гигантскими башнями тянувшиеся вверх, словно желая еще раз увидеть дневной свет, паутины мостов, раскинувшиеся над улицами города, – всё говорило о том, что это был мегаполис, в котором одновременно могли проживать миллионы и миллионы разумных существ. Кем они были? Что любили и во что верили? Почему город оказался под водой? Зрак вспомнил рассказ своего отца. «Неужели на этой планете тоже было известно вещество, подобное нашему «РИЧ-7»?» – подумал Зрак.

Он попытался выйти на связь с базой наверху, но, видимо, при столкновении с подводным чудовищем приемник вышел из строя. Он знал, что в таких случаях автоматически включается аварийный маячок и к нему на помощь уже устремились спасатели. Зрак хотел было начать всплытие, как его внимание привлек мост, вернее то, что от него осталось. Этот мост отличался от тех, что он видел раньше. Судя по его конструкции, он пролегал над каким-то большим водным препятствием. У подножия моста Зрак увидел какие-то надписи. Подойдя поближе к каменной плите с надписью, он направил на нее водяную струю, так чтобы отчистить от ила буквы. Зрак знал, что бортовой самописец фиксирует в своей памяти каждый его шаг, и, задержавшись еще немного над плитой, он начал подъем на поверхность. Почти перед самым

всплытием он встретил спешивший к нему на выручку челнок со спасателями на борту. Убедившись в том, что челнок Зрака сильно не пострадал, обе «невидимки» направились на базовый лагерь. Первое, что бросилось Зраку в глаза, – это подавленное настроение у всех членов экипажа.

– Отец, что случилось? – спросил он сразу же, как только переступил порог временного командного пункта.

Ирзо Мак сидел с тяжелым лицом.

– Сначала – что у тебя? Почему вышел из строя передатчик? – мрачно бросил он.

Зрак в двух словах рассказал о нападении чудовища на его челнок.

– Я вижу, у тебя есть что-то еще.

Зрак пристально посмотрел на капитана – иногда ему было трудно определить, спрашивает или утверждает его отец.

– Да, отец, ты прав, это я увидел сразу после того, как та тварь убедилась, что «невидимка» ей не по зубам, – с этими словами он достал из капсулы перламутровый шарик и опустил его в узкое горлышко триобразователя. То, что увидел капитан, привело его в шок.

– Это должны увидеть все, – наконец сказал он, – я думаю, этот материал многих убедит покинуть планету как можно скорей.

– О чем ты говоришь, отец, какая бы цивилизация ни построила этот город, она уже давно мертва. Ты был прав, всему виной был «РИЧ-7» или что-то похожее на него, но кроме всего была еще и безответственность этих существ перед своими потомками, похоже, именно они и уничтожили свою планету, так почему мы должны ее покинуть?

– Пока тебя здесь не было, кое-что произошло, – Ирзо Мак в свою очередь достал перламутровый шарик. – Отчасти

в этой трагедии виноваты и мы, вот, посмотри, это сообщение Ирека Амбо.

– Капитан, – Зрак узнал голос Ирека, хотя темное стекло фотоэлемента на скафандре скрывало его лицо, – это мы обнаружили в одном из песчаных морей на другой стороне спутника.

В следующее мгновение появилось изображение купола, наполовину занесенного песком.

– Купол сильно пострадал, и нам удалось проникнуть внутрь. Вот что мы там увидели.

Следующая объемная картинка перенесла зрителей внутрь сооружения. Над тем, что сильно напоминало шлюзовую камеру, красовалась еще не утратившая своих красок вывеска, похожая на ту, что Зрак видел на плите. Камера скользнула по стенам внутренних комнат. Опрокинутые столы, сломанные стулья и битая посуда создавали неопишуемый беспорядок.

– Они укрепляли купол вот здесь, – и камера показала грубые латки, которые должны были держать прохудившуюся конструкцию купола, – и здесь, тоже, – камера пошла дальше. – В этом помещении они уже ничего не смогли сделать и, заблокировав его, перешли в следующее, – голос Ирека дрогнул, – они боролись до последнего, капитан, оставляя все новые и новые помещения. У них не было материалов, чтобы укреплять приходящий со временем в негодность купол. Одно время они еще пытались снимать уцелевшие блоки купола в оставленных помещениях, чтобы заменять ими непригодные в жилых комнатах, но вскоре в купол попал метеорит и он обрушился. Все, кто здесь находился, погибли. Мы нашли их в последней комнате. Взгляните на них, капитан.

Камера проплыла мимо шкафов с аккуратными рядами посуды и, развернувшись, остановилась на трех креслах,

в которых в предсмертных муках замерли три мумии. Это были люди!

–Зеля?! – только и смог вымолвить Зрак.

–Да, – коротко ответил капитан, – только не Зеля, а Земля. Так случилось, что по прошествии веков одна буква исчезла. Бывает, что подхваченное кем-то неправильно сказанное слово через века, набирая вес, приобретает силу и вот оно уже заменяет прежнее.

–Что будет теперь, отец?

–Я не знаю, Зрак, но, по моему глубокому убеждению, мы, потомки наших далеких предков, что бездумно уничтожили этот Мир и обрекли нас на скитания во Вселенной, не имеем морального права оставаться на этой планете.

–Отец, мне кажется, что ты не прав. Наоборот, у нас есть шанс исправить те ошибки, что допустили наши пращурь. Тем более, что в нашем сознании уже давно произошло переосмысление человеческих ценностей. Вспомни, в нашем обществе уже более тысячи лет не было войн.

–И все эти тысячу лет мы в поисках новой Родины.

–Что ты этим хочешь сказать?

–На этот раз, перед лицом смерти, у человечества хватило мудрости сплотиться, но что ожидает его в будущем, когда вопрос о его гибели отойдет до неопределенного грядущего времени?

–Мы многому научились за это время, отец, – не сдавался Зрак, – а то, что мы нашли на Земле, остудит многие горячие головы, если такие найдутся.

–Может, ты и прав, но оставаться на планете мы сейчас не можем. Вопрос слишком тонкий, и его решение может взять на себя только Конгресс. – Капитан, наклонив голову, о чем-то задумался. После короткой паузы он продолжил: – Впервые за все время моего командования «Странником» я

почувствовал, что экипаж со мной не согласен и может не подчиниться моему приказу, – Ирзо Мак поднял голову и твердо посмотрел перед собой: – Что же, если «Страннику» суждено пережить бунт, то ...

–Капитан, – в комнату ворвался Труги. Это был опытный пилот, возглавлявший одну из исследовательских групп. – В самом центре архипелага мы обнаружили разумную жизнь. Аборигены тем только и отличаются от нас, что по своему развитию находятся в каменном веке.

–Вот все и образовалось, – облегченно вздохнул капитан, поднимаясь из-за стола.

Через три часа лагерь был свернут, а к заходу Солнца экспедиция покинула Землю и, отдав последние почести погибшей станции Землян, вернулась на борт «Странника». Их встретили радостным оживлением. За время отсутствия основного состава экипажа пришло сообщение со звездолета «Пилигрим», им удалось найти чудесную планету, куда уже устремились армады кораблей новозелян. Эта новость как никогда была вовремя. С приподнятым настроением экипаж «Странника» готовился к старту на новую звезду. Оставались считанные цхеи до того момента, когда звездолет покинет солнечную систему.

В каюту Зрака вошел капитан. Он видел, что на измученном бессонницей лице молодого человека лежит печать тягостных сомнений. Присев рядом с сыном, Ирзо Мак заглянул ему в глаза:

–Последнее время, Зрак, ты сам не свой. Мне кажется, ты не рад, что мы скоро увидим нашу новую планету.

–Нет, отец, конечно же, я рад этому, но все, что я увидел на Земле... Неужели мы сюда больше не вернемся? А эти люди, что остались на планете, неужели они никогда так и не узнают о нас и о том, что случилось на Земле? Что было

на этих надписях, там, в городе, и на базе погибших Землян? Почему они не покинули ее вместе со всеми?

–Ты был так занят всеми этими вопросами, что пропустил на них ответы, – улыбнулся ИрзоМак, – перевести все эти надписи не составило особого труда. Это язык наших пращуров, и всем известно, что надпись у того моста означает: «Бруклинский мост», видимо, этот город назывался Бруклином. А что касается базы, то там было написано: «Добро пожаловать на первую лунную базу объединенных сил Земли». Этот спутник наши предки называли Луной. Видимо, в суматохе и панике, люди забыли про своих товарищей на Луне, а может, они сами выбрали свою участь, не желая расставаться с Родиной, хотя бы издалека наблюдая за ней? Сейчас никто на этот вопрос не даст ответа, так же как и на то, что стало причиной катастрофы, интервенция или чьё-то халатное обращение с «РИЧ-7»? Что касается остальной части вопросов, то в настоящий момент Ирек восстанавливает на месте погибших Землян памятный маяк, в котором будут храниться все данные, собранные нами на Земле, включая и твою подводную съемку, так что, достигнув Луны, земляне смогут извлечь уроки из прошлого Земли. – Он подошел к иллюминатору, голубая планета приветливо светила покидающим ее звездоплавателям.

–Мы обязательно вернемся!

Содержание

Ожидание в 2000 лет <i>Повесть</i>	5
Письмо <i>Рассказ</i>	228
Приговор <i>Рассказ</i>	235

Безымянная высотка <i>Рассказ</i>	243
Послание, или последние двенадцать дней из жизни <i>Крымского</i>	255
Преестественность миров <i>Рассказ</i>	264
Преобразователь <i>Рассказ</i>	294
Сверхновая <i>Рассказ</i>	322
Сны <i>Рассказ</i>	341
Призрак из прошлого <i>Рассказ</i>	360

Владимир Геннадьевич Софиенко

Ожидание в 2000 лет

Повесть, рассказы

Редактор Э.Г. Растатурина

Верстка И.Ю. Растатурин

Подписано в печать.....Формат 60х84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печ. л.24, 0 (в т.ч.ил.)
Тираж.....Зак.....

С11 Ожидание в 2000 лет/ Повесть, рассказы.– Художник
О.Растатурин.– Петрозаводск ,2008.– 384с.: с ил.

Первая книга автора. Читатель погружается в мир фантастики и вместе с героями переживает необычайные приключения.

В повести рассказывается о захватывающих перипетиях молодого летчика ВВС США Джона Мирроу, в которые он попадает после катастрофы на своем боевом вертолете. Используя легенды и эпос народов Перу, Эквадора и Мексики, автор показывает особенности самобытной культуры инков, предлагает версию разгадки таинственного предназначения древних пирамид.

Рассказы, представленные в сборнике, разноплановы, фантастический сюжет переплетается с реалиями сегодняшней жизни, подчеркивая связь прошлого с настоящим.